

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Шекспир Уильям Поэмы и стихотворения.

Венера и Адонис

ВЕНЕРА И АДОНИС

Его Милости Генриху Райотсли,

Герцогу Саутгемптонскому

и барону Тичфильдскому.

Ваша Милость!

Я сознаю, что поступаю очень дерзновенно, посвящая мои слабые строки Вашей Милости. Свет меня осудит за соискание столь сильной опоры, когда моя ноша столь легковесна, но если Ваша Милость подарит мне свое благоволение, я буду считать это высочайшей наградой и даю обет пользоваться всеми моими свободными часами и неустанно работать до тех пор, пока не создам в честь Вашей Милости какого-нибудь более серьезного творения. Но если этот первенец моей фантазии окажется уродом, я буду сокрушаться о том, что у него такой благородный крестный отец, и никогда более не буду возделывать столь неплодотворную почву для того, чтобы снова не собрать столь плохой жатвы. Я предоставляю это мое детище на рассмотрение Вашей Милости и желаю Вашей Милости исполнения всех Ваших желаний на благо мира, возлагающего на Вас свои надежды.

Покорный слуга Вашей Милости

Вильям Шекспир

Vilia miretur vulgus; mihi flavus

Apollo pocula

Castalia plena ministret aqua.

(Ovid., I. Am., XV) [2 - Прошлое – черни удел; а мне Аполлон
златокудрийПусть Касталийской воды полные кубки нальет!(Овидий, I, XV)]

Едва лишь с утром плачущим простился
В последний раз багряный солнца лик,
Уж Адонис к охоте снарядился.
Любя ее, он страсть клеймить привык.
Венера вслед задумчиво стремится,
Чтоб обольстить и страстью насладиться.

"О цвет полей! Ты алых роз румяней, –
Она твердит. – Прекраснее трикрат
Меня, и нимф, и всех земных созданий!
В тебя излив красу и аромат,
Сама природа выдала без лести
Что ты умрешь – и мир погибнет вместе.

Природы перл, смири коня! Уздою
К луке седла склони его главу.
За эту Милость я тебе открою
Блаженство тайн сладчайших наяву.
Здесь нет змеи. Сойди в траву густую.
Сядь здесь, со мной... Тебя я зацелую..

Но уст твоих пресытить я не в силах.
Среди даров их голод истомит,
Кровь то к губам прильнет, то вспыхнет в жилах.
В одном лобзаньи вечность пролетит,
И в миг один сольется их десяток.
Весь летний день для игр подобных краток".

Его слегка увлажненную руку –
И мужества и силы образец –
Она берет, лелея страсти муку,
Зовет росой, бальзамом.. Наконец
Молчанье так в ней силу распалило,
Что с лошади она его стащила.

В одной руке держа узду коня,
Она другой красавца привлекала.
Не чувствуя любовного огня,
Смущенный, он досадовал немало.
Она пылала страстью. От стыда
Он красен был, но холоднее льда.

Уж дикий сук обвит уздой наборной –
О, как любовь проворна и ловка! –
На месте конь. И с силою упорной
Роняет навзничь юношу рука;
Так ей самой хотелось быть склоненной,
Подвластен он, хотя и не влюбленный.

Она ложится рядом с ним небрежно,
И пышность бедр и локти их оплот.
Она ему ланиты треплет нежно.
Бранится он, – она смыкает рот
И говорит, волнуясь и целуя:
"Молчи, иль уст тебе не разомкну я!"

Он от стыда горит. Она слезами
Невинный жар стремится потушить,
Обвеять золотыми волосами,
Как веером, и – влагу осушить.
Бесстыдной он зовет ее с укором,
Но поцелуй враждует с разговором.

Как голодом томимая орлица
Терзает клювом перья, мясо, кость
И бьет крылом, пока трепещет птица,
Пока в груди и голод есть, и злость, –
Так целовать она его готова.
Окончила и начинает снова.

Он принужден терпеть. Но, непреклонный,
Лежит, в лицо ей тягостно дыша.
Его дыханье струйкой благовонной
Она зовет и пьет его спеша,
Жалеет, что лицо не сад цветочный,
Чтоб освежиться влагой непорочной.

И Адонис, как голубь в крепкой сети,
В ее объятьях пламенных лежит.
Но этот гнев и все упреки эти
Его лицо лишь красят, как и стыд.
Дождь, над рекой пролившись, часто топит
Прибрежие и волны вдаль торопит.

Она все молит, вкрадчиво и дивно,
И повесть уху дивному поет.
То он краснеет, хмурясь непрерывно,
То в бешенстве бледнеет в свой черед.
И так и сяк он по сердцу ей равно:
Краснеет – мил; бледнеет – и подавно.

Как ни взгляни, он все любим сердечно.
Она своей бессмертной рукой
Клянется быть грудь с грудью с ним хоть вечно,
Пока он сам не тронется мольбой,
Ее слезам и ласкам не уступит
И поцелуем долг свой не окупит.

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Он после этой клятвы поднимает
Свой подбородок. Ну точь-в-точь – нырок.
Лишь взгляд чужой, – и вновь он вглубь ныряет.
Так Адонис от страсти недалек,
Но лишь уплату взять она желает,
Моргает он и губы отдаляет.

Никто еще от зноя нестерпимо
Не жаждал так, как жаждала она.
Спасенье тут – и все ж недостижимо.
Средь полных вод пылать она должна.
Она кричит: "О, сжался! Ведь прошу я,
Кремень упорный, только поцелуя.

Как я теперь, моей любви когда-то
Молил сам бог войны! А он вовек
Не гнул упругой выи, супостата
Казня везде и обращая в бег.
Но, пленник мой, мой раб, он, умоляя,
Искал того, что взять молю тебя я.

У алтарей моих свои доспехи
Повесил он: копье, и шлем, и щит.
Он научился для моей утехи
Петь, танцевать, смеяться без обид.
Он с знаменем расстался, с барабаном.
Я стала полем битв, а ложе – станом.

Так всепобедного я победила –
Он был в плену среди розовых цепей.
Пусть твердой воле сталь его служила,
Он сам служил веселости моей.
Не будь же горд и не кичися силой,
Сразивши ту, кто бога битв сразила.

К губам моим прильни губами. Знаю,
Мои не так прекрасны, но горят.
Мой поцелуй в твоём я потеряю.
О, подними чело свое и взгляд!
В моих зрачках твоя краса. Два взгляда
Слились в один – так слить и губы надо.

Закрой глаза, коль целоваться стыдно.
Закрою я. День будет ночь для нас.
Давай играть: нас никому не видно.
Любовь пирует только глаз на глаз.
Фиалки, что вокруг благоухают,
Не выдадут – они не понимают.

Пух на твоей губе прелестной – знамя
Незрелости, но все ж заманчив ты.
Лови мгновенье; случай – это пламя.
Не жги в себе цветущей красоты.
Цветы, когда их в блеске не срывают,
Гниют одни и быстро увядают.

Будь я стара, морщиниста, слезлива,
Вся скрючена, горбата и слаба,
Костлява, неотесана, визглива,
Суша, больна, презренна иль груба, –
Тогда тебе я не чета. Но видишь –
Я совершенна... Нет, ты не обидишь!

Мое чело морщин совсем не знает.
Глаза блестящи, серы... говорят!
Моя краса с весною расцветает,
Я так пышна, и соки так горят!
Коснись руки, – она в твоей послушно
Растаять может: так нежна, воздушна.

Вели болтать, я слух твой очарую.

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Как фея, я ношуся налегке,
И, распустивши волосы, танцую,
Не оставляя след свой на песке.
Дух пламенный, любовь, она стремится
Не вниз, а вверх, паденья не боится.

Здесь первоцветы – ложе для богини;
Склонясь на них, я все же их не мну.
Два голубя меня способны ныне
Умчать хотя б в надзвездную страну.
Но если так легка любовь-царица,
О юноша, тебе ль ей тяготиться?

Ужель твой лик ты любишь только сам!
Ужель рука одной другой любима!
Так дай отказ любви своей мольбам,
Свою свободу спрячь неуловимо.
Так сам себя в ручье Нарцисс сгубил:
Он тень свою, увидев, полюбил.

Для света факел, жемчуг для ношенья,
Краса для неги, сласти для еды.
Жизнь для себя лишь – злоупотребленье.
У трав – цветы, а у дерев – плоды.
Краса с красотой, посев с посевом связан.
Ты был рожден и сам рождать обязан.

Ее закон – чтоб ты плодился въяве,
В потомстве жил, когда уж станешь тлен.
Плодов земли касаться ты не вправе,
Коль не дал сам земле плодов взамен.
Ее закон – любить и размножаться,
В потомстве жить, когда ты станешь тлен.

Твоим подобьем в мире будут дети.
В могиле – прах, а дух бессмертный – в свете".
Пот оросил усталую царицу.
От них ушла приветливая тень.
Горящим взором, правя колесницу,
Смотрел Титан на сладостную сень.
О, если б на его полдневном месте
Был Адонис, а он с Венерой вместе!

И Адонис в слепом негодованьи,
Насупив бровь, наморщивши чело, –
Как будто мгла затмила все сиянье,
Вскричал в ответ досадливо и зло:
"Фи, о любви довольно уж покуда!
Мне солнце жжет лицо. Бегу отсюда!" –

"О горе мне! Так юн и беспощаден!
Какой предлог ничтожный, чтоб уйти!
От влажных вздохов станет зной прохладен,
А чтоб лицо от жарких стрел спасти,
Я тень создам своими волосами;
А загорятся, потушу слезами.

Сияя с неба, солнце жжет победно.
Я меж тобой и им покоюсь тут.
Но мне лучей сияние не вредно.
Твои глаза сильнее солнца жгут.
Не будь бессмертна я, так, несомненно,
Меж двух светил сгорела бы мгновенно.

Ты тверд как сталь и как кремень – упорен.
Нет, что кремень! Его хоть дождь дробит.
Сын женщины – ты чувству непокорен,
Но как тебя отказ не тяготит?
Будь мать твоя, как ты, о неприветный!
Она бы умерла совсем бездетной.

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org

Кто я, что мной ты так пренебрегаешь?
Какой бедой грозит тебе любовь?
Иль в поцелуе губы ты теряешь?
Ответь нежнее иль не прекословь.
дай поцелуй один мне. Я не спрячу,
Верну его и дам хоть два в придачу.

фи, мертвая картина! Камень сущий!
Обманчивый раскрашенный кумир!
О, монумент, лишь взор к себе влекущий!
Не женщиной ты вызван в этот мир.
Ты не мужчина, вид один, не боле:
Целуют те всегда по доброй воле".

И высказав все это, в нетерпении
Она молчит: сковала страсть язык.
Ланиты, взор – все выдает смятенье.
Судья любви, она не клеветник.
И приговор не смея вынести, снова
То говорить, то зарыдать готова.

Она качает головой и страстно
Его хватает за руку, глядит
То на него, то на землю, – напрасно,
Хотя рукой, как лентой он обвит.
Когда ж совсем он вырваться желает, –
Она кольцом объятья замыкает.

И говорит: "Тебя я за оградой
Слоновой кости здесь уберегу.
Ты – мой олень, я – роща, так обрадуй,
Пасись везде, на холмах и лугу,
И на устах, коль мало пастбищ в чаще.
И дальше, где источники есть слаще.

Ты все найдешь для неги и для счастья –
Пушистый мох, равнины, цветники,
Покатые холмы и от ненастья
В убежище кудрявом – уголки.
Коль роща я, будь мой олень горячий,
Тебя там не встревожит лай собачий".

Едва с насмешкой он взглянул, – явила
Две ямочки улыбка на щеках.
Когда любовь умрет, ее могила
должна быть в них; но лежа как в цветах –
Там, где сияет прелесть ее вечно,
любовь не может умереть, конечно.

Те ямочки, те нежные пещеры
Раскрыли пасть, любви ее грозя.
Все тяжелее искус для Венеры,
Убитого убить еще нельзя.
Закон любви любви царицу губит;
Венера презирающего любит.

что ей сказать? что делать? убежденья
Истощены, а скорбь сильней гнетет:
Он требует из рук освобожденья.
Часы ушли, и Адонис уйдет.
Она кричит: "О, сжался! Ты обязан!"
Он прочь бежит – туда, где конь привязан.

Вдруг из соседней рощи кобылица,
Почуявши красавца жеребца,
К нему, сильна и молода, стремится
И ржет, и вся трепещет до крестца.
И крепковейный конь метнулся с силой,
Порвал узду и гордо мчится к милой.

Он шею гнет. То скачет, то вдруг станет;

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org

И рвет подпругу тканую, шутя.
Он грудь земли копытом звонко ранит,
И прах ее взвивается, блестя.
Зубами он дробит мундштук из стали,
То одолев, чем мощь одолевали.

Прядя ушми и гриву распуская
На гордой шее пышным бунчуком,
Ноздрями воздух пьет он, выпуская
Его назад дымящимся клубком,
И взор его огнем мятежным блещет,
И дико страсть с отвагой в нем трепещет.

То он идет, как будто рысь считая,
Так гордо сдержан, величаво тих,
То вдруг взовьется, спину выгибая,
Как бы сказать желая: "Как я лих!
И это все единственно творится,
Чтоб видела вот эта кобылица".

Что для него гнев всадника, укоры
И льстивое "ну-ну" и "Стой! Куда!"
Что удила и колющие шпоры,
Цветной чепрак, и седла, и узда!
Он лишь одной возлюбленной занят,
Ничто другое гордый взор не манит.

Стараясь коня изображение
Прекрасного и сильного создать,
Зовет на помощь мастер вдохновенье,
Но мертвым ли живое поучать!
Так этот конь отвагой, силой, статью
И быстротой – превосходил всю братью.

Круглокопытый, плотный и пригожий,
Был он глазасть, грудаст и тонконог;
Широкий круп, шерсть – шелк на нежной коже;
Малоголов, короткоуш и строг.
Таких коней и нет, и не бывало.
Лишь всадника ему недоставало.

Зашевелится ль перышко, – пугливо, –
Он встанет... Миг – и мчится по черте.
Бежит ли он, летит ли горделиво;
Свист ветра слышен в гриве и в хвосте;
Он волосы вздымает без усилья,
Как легкие и перистые крылья.

Взирая на возлюбленную с страстью,
Он ржет; она ему ответно ржет.
Как женщина, гордясь своею властью,
Она его любовью небрежет,
Сторонится с насмешкою холодной
И избегает ласки благородной.

Печально несчастливец опускает
Свой пышный хвост на жаркий круп крылом
И тем его немного освежает...
Докучных мух он злобно ловит ртом.
А кобылица, видя, как он бешен,
Ласкается – и скоро конь утешен.

Рассерженный хозяин хочет снова
Его схватить. Но кобылица вдруг
Пугается намеренья лихого,
Бежит сама, и вслед за нею – друг.
Оставлен Адонис. Они несутся
Быстрее ворон, что вслед за ними вьются.

И Адонис, надувшись темной тучей,
Сел, проклиная буйного коня,

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
К ее услуге вновь счастливый случай,
Хотя она устала от огня.
Влюбленные твердят, что сердце втрое
Несчастнее, тая страданье злое.

Печь горячей, когда она закрыта.
Река сильней, плотиной заперта.
Не то ли грусть, когда в безмолвьи скрыта!
Любовь смиренней, когда у ней уста!
Но чуть защитник сердца онемееет –
Разбитое, теряется, хиреет.

Он близостью ее воспламенился:
Так пламеннее уголь на ветру.
Нахмурился, надвинул шлем, смутился
И на землю глядит, как поутру,
Вниманья на нее не обращая
И все ж невольно сбоку замечая.

О, что за диво подглядеть, как с лаской
Подкрадывалась к юноше любовь!
Как на лице сменялась краска краской,
Как в ней играла и боролась кровь!
То вдруг бледна, а то румянец хлынет
Зарницею... Осветит и покинет.

Вот на колени пламенно и немо
Пред юношей склоняется она,
Одной рукой его касаясь шлема,
Другой – щеки, которая нежна
Так, что на ней след пальцев остается,
Как на снегу, когда рука коснется.

О, поединок взглядов! Не обидеть
Ее глаза должны – молить его.
Его глаза ее хотят не видеть,
Ее глаза все молят одного..
Роль хора дивно слезы исполняли
И пантомиму всю истолковали.

Его рука в руке богини нежной:
Лилейный пленник в замке снеговом,
Холодный мрамор в пене белоснежной.
Друг белизной равняется с врагом.
О, поединок силы и желанья,
Пленительный, как горлиц воркованье!

И вновь язык, глашатай дум призывный,
Твердит: "Венец земли и бытия,
Будь мною ты, а я – мужчина дивный,
Ты – ранен в сердце, а здорова я,
За взгляд один тебя б я исцелила,
За нежный взгляд, хотя б затем – могила".

"Не щупай руку! – он кричит. – Довольно!"
"Верни мне сердце. Я боюсь, оно
К словам любви утратит слух невольно,
Твоим глухим навек закалено.
Оно любовных вздохов не услышит
Все по вине того, кем нежно дышит".

"Пусти! Оставь! – кричит он. – Как не стыдно!
Я потерял охоту... Нет коня,
Из-за тебя все это, очевидно!
Уйди, оставь здесь одного меня.
Все мысли к одному летят, как птицы, –
Как увести коня от кобылицы".

Она в ответ: "Твой конь и кобылица
Внимают страсти: так и суждено.
Желание в любви должно излиться,

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Иначе сердце будет сожжено.
Предел есть морю, страсти нет предела,
Так мудрено ль, что конь умчался смело?

Он, к дереву привязанный уздою,
Стоял, как кляча. Увидал ее –
И разорвал с презреньем и враждою
Ничтожное препятствие свое,
Все сбросил он, как гнусную личину,
Освободив свой рот, и грудь, и спину.

Кто, милую увидев обнаженной,
Белей простынь, так будет слаб душой,
Что, жадно взор насытивши влюбленный,
Не усладит все органы красой?
Слаб до того, что даже не посмеет
Стать у огня, когда похолодеет.

Позволь коня, красавец, пред тобою
Мне оправдать: учися у коня
Ловить восторг. Будь я совсем немой,
Он действием научит за меня.
Учись любить. Ученье так несложно;
Раз изучив, забыть уж невозможно".

"любви не знаю я и не желаю!
Будь вепрь любовь – за ней бы гнался я.
При ней – долги, – я в долг не принимаю.
Презренье – вот любовь к любви моя.
Жизнь в смерти – в этом все ее призванье.
В ней смех и плач слились в одно дыханье.

Кто сметанное платье надевает?
Кто почку рвет, не выждав лепесток?
Знай, кто расти незрелому мешает,
Наверное погубит весь росток.
Кто кобылицу обрабатывает рано,
Погубит в ней красу и крепость стана.

Расстанемся! Не жми мне руку: больно.
Брось праздную, пустую болтовню.
Оставь атаку! Сердце своевольное,
В нем места нет любовному огню.
Брось клятвы, лесть и слезы: все притворно.
Брешь не пробить, коль сердце так упорно".

"как! У тебя язык! О, лучше б было
Его не знать иль слух утратить мне!
Мне грудь сирена – речь твоя пронзила.
И было тяжело, а теперь – вдвойне.
О, диссонанс блаженный! Резкость рая!
Для уха песнь, для сердца рана злая!

Будь я без глаз, – имея уши, все же
Любила б я, красу твою ценя.
Будь я глуха, твой внешний облик тоже
Затронул бы все чувства у меня.
Будь лишена я слуха, даже зренья, –
Есть для любви еще прикосновение.

Но будь я лишена и осязанья,
Без этих чувств осталось бы одно:
Моей любви довольно обонянья,
Чтоб было ей все существо полно.
Твое лицо – источник ароматный,
Поит любовью запах благодатный.

Какое б вкусу дал ты наслаждение,
Кормилец чувств других! Как не желать,
Чтоб вечно длился пир, чтоб подозренье
Дверь ревности не смело открывать

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
И появленье гостыи нежеланной
Не нарушало праздник их венчанный!"

Открылась дверь рубиновая, снова
Давая путь пленительным речам.
Так пурпур зорь пророчески сурово
Вещает вихрь – несчастье пастухам,
Смерть моряку, погибель птице, зверю,
Стадам, полям – ужасную потерю.

Тревожный знак замечен ею: строже
Тишь перед грозой. Желая зарычать,
Волк скалит зубы. Лопается кожа
На ягоде пред тем, как запятнать.
Ей мысль его раскрылась прежде речи:
Звук выстрела стремительней картечи.

Она в бессильи падает от взгляда:
Взгляд оживляет и мертвит любовь.
Для жгучих ран в улыбке есть услада,
Благословен, кто ей излечен вновь.
Жива ль она? Доверчивый трепещет.
Ей треплет щеку, и румянец блещет.

Растерянный, забыл он все, что было;
Забыл укор и выговоры он:
Любви уловка все предотвратила.
Хвала ему, что так вооружен!
В траве она покоилась без слова.
Его дыханье жизнь дарит ей снова.

Ее он за нос тянет, губы греет,
То схватит пульс, то пальцы ей согнет,
То щеки треплет. Словом, как умеет
Беду отвлечь старается... И вот –
Ее целует. Все Венера слышит,
Но, чтоб продлить блаженство, еле дышит.

Два голубых окна она раскрыла:
Ночь скорби снова стала ясным днем.
Так всей природе радуется сила,
И лишь солнце встанет в блеске золотом,
И, как лазурь освещена лучами,
Ее лицо освещено очами.

В его лице лучи их утопали,
Как будто в нем свой свет она нашла.
Четыре света ярче не сияли,
Но их смущал суровый гнев чела,
А взор ее сквозь блеск слезы, влюбленный,
Светил, как месяц, влагой отраженный.

"Где я? на небе? на земле? Не знаю.
В огонь иль океан погружена?
Который час? День, вечер ли встречаю?
Желанна ль смерть, иль жизни я полна?
Жила я – жизнь, как смерть, меня томила,
А умерла – меня живит могила.

Ведь ты убил меня, убей же снова.
Свои глаза и сердце научил
Ты презирать любовь мою сурово
И тем бездушно сердце умертвил.
Мои глаза покрыл бы сумрак ночи,
Не будь уста твои добрей, чем очи.

О, пусть они целуются за это!
Пусть пурпур их не блекнет никогда,
И сохранит всю свежесть их расцвета,
Чтоб отгонять заразные года,
И пусть включит астролог в предсказанье,

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Что прогнало чуму твое дыханье.

Твои уста моим – печать святая.
Какой контракт для них изобрести?
Себя продать готова для тебя я,
Но будь купцом и щедро заплати.
Чтобы скрепить покупку без изъятия,
Жду на мои уста твою печать я.

Я поцелуев тысячу вручаю.
Ты оплати один по одному.
Подобный счет пустяк тебе... я знаю –
Уплатишь их, тогда конец всему.
Будь неуплатой долг удвоен, – право,
И двести сот тебе одна забава".

"Царица, если любишь хоть немного, –
Незрелостью строптивость объясни.
Я раньше сам себя проверю строго.
Рыбак не станет трогать мелкотни.
Созревши, слива падает; до срока
Она кисла, приятна лишь для ока.

Смотри, живитель мира, утомленный,
На западе кончает день труда.
Кричит сова. Уж поздно. Отдых сонный
Спешат вкусить и птицы, и стада,
И облака, скрыв свод небесный тьмою,
Зовут и нас к разлуке и покою.

Спокойной ночи. Этим же приветом
Откликнись ты, – я поцелуй свой дам".
"Спокойной ночи". – Он с ее ответом
Свои уста прижал к ее устам.
Она берет его в объятия смело.
Лицо с лицом слилось, с телом – тело.

Он, задыхаясь, быстро отнимает
Росу небес – коралловый свой рот.
Бесценный вкус уста ее ласкает,
Но жажда их тем более гнетет.
Они на землю падают, целуясь.
Она – желая, он лишь повинуюсь.

Тогда она берет добычу страстно,
Но жадности не может утолить.
Ее уста в его впились властно.
Свой выкуп он обязан уплатить.
Но ненасытней коршуна желанье:
Всю влагу пьет из уст ее лобзанье.

Почувяв прелесть грабежа, готова
Она добычу обобратить дотла.
Горит лицо, покрыто влагой снова.
Вся кровь кипит, и страсть ее смела.
В забвении, с стыдом румяным вместе,
Она не помнит разума и чести.

В ее объятиях слабый, распаленный,
Как птица, прирученная вполне,
Дикарь-олень, погоней утомленный,
Иль – как дитя в невольном полусне,
Он ей покорен, а она хватает
Все то, что может, но не что желает.

И твердый воск смягчает пальцев нежность,
Чуть-чуть коснись, на нем оставишь след.
Отвага побеждает безнадежность.
Где есть любовь – границ свободе нет.
Любовь не трус, у цели не бледнеет,
В ней от преград настойчивость смелеет.

Уйди она от гнева и укоров,
Ей нектар пить из уст бы не пришлось,
Любви ль бежать от злобных слов и взоров?
Из-за шипов не рвать ли пышных роз?
Будь красота хоть под семью замками,
Любовь сорвет их сильными руками.

Она его удерживать не может
Из жалости. Он просит отпустить.
Венера Адониса не тревожит,
Прощаясь, молит сердце лишь хранить.
Клянется луком Купидона свято,
Что сердце он уносит без возврата.

"Красавец мой, я проведу уныло
Всю эту ночь. Любовь не даст мне спать.
Увидимся ли завтра мы, мой милый?
Увидимся ль? Даешь свою печать?"
"О нет. С друзьями связан я обетом –
На веоря в лес отправиться с рассветом".

"На веоря?" Бледность щеки ей покрыла,
Как розу – полотно, она дрожит,
Руками шею обхватила;
Сковав его, она на нем висит
И на спину с ним вместе упадает –
Он прямо на живот ей угождает.

Теперь любви – заветная арена.
Для жаркой схватки рыцарь на коне.
Ей грезится уж пламенная сцена;
Он хоть на ней, но с нею не вполне.
Ее страданье хуже мук Тантала:
Элизиум обняв, иметь так мало!

На виноград рисованный слетаясь,
Бедняжки птицы только тешат глаз,
Измучатся, вполне не наслаждаясь, –
Так и она вотще к любви рвалась,
Не видя в нем желаемого пыла,
Лобзаньями она его налила.

Напрасно все. Не сбудутся желанья.
Все ухищренья слабы для препон.
Ее мольбы достойны воздаянья,
Она – вся страсть, и все ж бесстрастен он.
"Ой, – он кричит, – ты давишь точно лава,
зачем? Пусти! Ты не имеешь права!"

"О мальчик мой, тебя бы отпустила
уж я давно... Но этот веоря... Поверь,
Нужна совсем окрепнувшая сила,
чтобы копьем пронзен был страшный зверь.
Свои клыки огромные он точит,
Как нож мясник, когда зарезать хочет.

На выгнутой спине его, как пики,
Щетина игл – защита в злой беде.
Его глаза блестящи, страшны, дики,
Могилы роет рылом он везде.
Он в ярости преграды не выносит:
что ни удар, врага клыками косит.

Его бока щетинисты, упруги.
Ты не пронзишь их тоненьким копьем,
И грудь его, и шея, как в кольчуге,
Он в бешенстве поспорит силой с львом.
Тернистые кустарники, как слуги,
Пред ним тогда сторонятся в испуге.

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Он ни во что твой дивный лик не ставит,
Твой дивный лик, любви живой кумир,
Глаза, и рот, и руки – все, что славит
За красоту и совершенство мир.
Вепрь, одолев тебя, – о, вид ужасный! –
Все разорвет, сомнет, как луг прекрасный.

Пусть он в своей берлоге остается:
У злобы с красотой счетов нет.
Зачем искать опасности? живется
Тем хорошо, кто чтит друзей совет.
Ты назвал вепря. Я затрепетала
За жизнь твою, и сердце горе сжало.

Ведь ты заметил, как я побледнела!
Ведь ты прочел в глазах невольный страх?
Я на землю упала, помертвела,
Ты на груди лежал в моих руках
И чувствовал в груди моей биенье.
Не мнилось ли тебе землетрясение?

Там, где любовь, – на страже ревность злая,
И в мирный час коварно, то и знай,
Тревогу и мятеж подозревая,
Она кричит: "Измена! Убивай!"
Покой любви она безумно рушит:
Так сильный дождь и ветер пламя тушит.

Разведчик злой, шпион, доносчик ярый,
Противный червь, грызущий вешний цвет,
О сплетница, о ревность, знамя свары,
Предвиденье, а чаще – злой навет, –
Она стучит мне в сердце и пророчит,
Что смерть отнять возлюбленного хочет.

Перед глазами – страшная картина:
Взбешенный вепрь... Поверженный клыком,
Ты на спине, в крови... Близка кончина,
И на цветы струится кровь ручьем,
И, чувствуя, кого они теряют,
Цветы головки грустно опускают.

Что случилось бы в подобный миг со мною,
Когда боюсь намека одного!
Кровь сердца бьет горячею волною,
И ужас вещим делает его;
И, если завтра ты пойдешь на зверя,
Мне скорбь твердит, что ждет меня потеря.

Но если так охота неизбежна,
Гонись за робким зайцем, за лисой
Пронырливой, косулей быстробежной;
Преследуй их в обрызганной росой
Густой траве. На лошади горячей
Несись им вслед со сворою собачьей.

Когда тобою вспугнут вдруг зайчишка,
Заметь, как он, скрываясь от беды,
Быстрее ветра мчится прочь, трусишка,
Скрывается и путает следы,
Бросается в проломы стен, проходит
По лабиринтам и врага изводит.

В стада овец вбегает он порою,
Чтоб обмануть их запахом собак,
Иль к кролику метнется землею,
И тут молчит запыхавшийся враг;
А то бежит к оленям он в кочевки!
Страх будит ум, опасность – все сноровки.

Там, где смешал он запах свой с другими,
Страница 12

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Сбит с толку нюх разгоряченных псов;
Смолкает лай. Но вот открыто ими,
Что спутан след. На сотни голосов
Тогда они взывают. Вторит эхо,
Как будто там еще одна потеха.

Тем временем зайчишка на пригорке,
На задних лапах. Слух настрожен:
Оплошны ли враги его иль зорки?
Вот громкий шум опять услышал он.
Ах, с чем тогда сравнится дух печальный?
Так звон больной внимает погребальный.

Как жалок он в беспомощной тревоге!
Как он бежит, зигзагами кружа!
Терновник злой до крови ранит ноги.
Чуть шорох, тень – и замер он, дрожа.
Беду сдавить тот может, кто несчастен,
Но раздавить совсем никто не властен.

лежи спокойно, слушай продолженье
И не борись. Теперь тебе не встать.
Чтоб отвратить от вепря, поученье –
Хоть не к лицу мне, – я должна читать,
И так и сяк сравнения подбирая:
В любви печаль угадана любая.

Ах да! На чем же я остановилась?" –
"Не все ль равно... Пусти, и вот весь сказ,
Минула ночь". – "Так что же?" – "Все затмилось;
Меня друзья ждут дома. Поздний час.
Я упаду". Она в ответ: "Напрасно:
Любовь во тьме все видит очень ясно.

А упадешь – земля, влюбившись, значит,
Твой поцелуй старается украсть.
Сокровище и честных озадачит
И к воровству у них пробудит страсть.
И в облаках Дианы лик волнуем:
Ну, как обет нарушит поцелуем?

Причину тьмы луна мне объяснила:
То Цинтия стыдится за мечты.
Предательство природа совершила,
Украив с небес все формы красоты;
В них отлила тебя она беспечно,
Чтоб затмевать луну и солнце вечно.

И даже Парки получили взятки,
Чтобы природы труд затормозить,
Чтоб красоту смешать и недостатки,
Уродством совершенство исказить,
И красоту подвергнуть злобной власти
Безумия и губительной напасти.

Горячка, немочь, злые лихорадки,
Слепое помешательство, чума,
Болезнь в костях, чьи злобные припадки
Бунтуют кровь, а мозг скрывает тьма,
Пресыщенность, отчаянье, печали
За образ твой природе "смерть" сказали.

из недугов малейший побеждает
В борении минутном красоту,
Благоуханье, краски прелесть ту,
которая и чуждый взор ласкает.
Лишь заблестит горячий луч победно,
Она растает быстро и бесследно.

Назло бесплодной девственности, бледным
Весталкам, чуждым страсти огневой,

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Монахиням себялюбивым – вредным,
Желающим уменьшить род людской,
Будь светочем, расходующим масло,
Чтоб в сумраке лампада не погасла.

Что это тело? Жадная могила,
Потомство хоронящая в себе.
Его судьба на жизнь благословила,
А ты идешь наперекор судьбе.
Мир презирать тебя за это в праве:
Твое упорство – гибель светлой славе.

В самом себе погибнешь ты бесцельно:
Несчастье злей, чем братская война.
Страшней самоубийства беспредельно
Детоубийства мрачная вина.
Есть ржавчина сокровище бесплодно,
А золото в ходу растет свободно".

Но Адонис в ответ: "С напрасным жаром
Ты воскресила прежний разговор.
Свой поцелуй я, видно, отдал даром.
Теченью ты идешь наперекор.
Клянусь я тьмой, кормилицей порока,
Возненавижу я тебя глубоко!

Имей ты двадцать тысяч языков,
Один красноречивее другого,
Хотя б нежней сирены пело слово –
Мне все равно, я глух для этих слов.
На страже уха сердце крепче стали,
Чтоб лживые слова не обольщали,

Чтоб в тайники души моей кристальной
Пленительный напев их не проник,
Чтоб не погибло сердце в тот же миг,
Утративши покой, в опочивальне.
Нет-нет, царица, сердце спит глубоко
Здоровым сном, покуда одиноко.

Все, что сказала ты, опровержимо.
Проторена к опасности тропа.
Я не любовь клянусь неумолимо,
А то, что так любовь твоя слепа.
"Все для потомства". Это ль оправданье!
Рассудок – сводня, похоть – приказанье.

Лишь сладострастье потное явилось,
Любовь с земли исчезла с этих пор.
Под обликом любви оно сокрылось
И красоту пятнает, как позор.
О, злой тиран! Она все губит в неге,
Как гусеница свежие побеги.

Как солнце за дождем – любовь желанна,
Но сладострастье после солнца – мгла.
Весна любви всегда благоуханна,
А сладострастье – холод в дни тепла.
Любовь неутомима и правдива,
А то – грешно, прожорливо и лживо.

Еще б я мог прибавить, да не смею:
Оратор зелен, проповедь ветха.
С моим стыдом, с досадою моею
Я ухожу подальше от греха.
От слов твоих, исполненных разврата,
Так и пылают уши виновато".

Тут из объятий выскользнул он живо,
Из дивных рук, державших на груди,
Чрез темный луг бежит нетерпеливо,

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Любовь лежать оставив позади.
Вот метеор, блеснув, исчез в просторе:
И от Венеры милый скрылся вскоре.

И взор ее следит за ним безмолвно:
Так с берега следят за кораблем,
Пока его не скроют, пенясь, волны,
Навстречу туч бегущие гуртом.
И наконец все то, что взору мило,
Черна, как смоль, глухая ночь покрыла.

Поражена утратой сердца нежной,
Сокровище сронившая в поток,
Она одна, как путник безнадежный,
В глухом лесу сгубивший огонек.
Так горестно во тьме она лежала,
Утратив то, что ей в пути сияло.

Она себя бьет в сердце: сердце стонет,
И все пещеры повторяют стон,
И страсть вдвойне одна другую гонит,
Взволнованно звуча со всех сторон.
И двадцать раз кричит она: "О, горе!"
И двадцать раз рыдает эхо, вторя.

Она в ответ тоскливо песнь слагает.
Любовь безумна в мудрости, – умней
В безумии, она преобразает
Юнца в раба, а стариков – в детей.
Кончает песнь она стенаньем горя,
И хором ей рыдает эхо, вторя.

И песнь ее всю ночь звучала внятно.
Часы влюбленных кратки и длинны:
Им весело, так, верно, всем приятно.
Среди таких забав повторены
Их рассказы, и в грезах беспримерных
Кончаются без слушателей верных.

С кем эту ночь бедняжка скоротает?
Живет одно лишь только эхо там,
Как половой крикливый, отвечает,
Потворствуя капризным острякам.
Она промолвит: "Так!" – "Так!" – эхо вторит,
А если "нет" – и с "нет" оно не спорит.

Проснувшись, жаворонок голосистый
Несется ввысь, омывшись в росе,
И будит день. С его груди серебристой
Восходит солнце в пламенной красе
И так холмы и рощи озаряет,
Что зелень их, как золото, сияет.

Венера шлет ему привет прекрасный:
"О, покровитель света, божество!
Звезда горит твоею силой ясной,
Ты ей даришь свой блеск, как волшебство.
Но в мире смертный есть; он обаяньем
Затмит тебя, как ты других – сияньем".

И в рощу мирт она спешит от света,
Дивясь тому, что день уже высок,
А от него ни вести, ни привета.
Не слышны ли хоть псы его иль рог?
Вот лай собак она внимает вскоре,
На крик бежит с надеждою во взоре.

Но на пути хотят кусты и травы
Обнять ее, лицо поцеловать.
Вкруг бедр они свиваются лукаво,
Приходится объятья разрывать.

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Так лань спешит с набухшими сосцами
Детенка накормить между кустами.

Тревожный лай: в опасности собаки.
Как путник, перепуганный змеей,
Свернувшейся спиралью в полумраке,
Стоит, дрожит, от страха сам не свой, –
Так вой собак все сердце ей тревожит,
Пугает ум и дух тоскою гложет.

Сомненья нет, уж это не потеха:
Там грозный вепрь, медведь иль дерзкий лев.
Собачий лай все ближе, ближе эхо.
Одна другой трусливей, присмирив,
Перед врагом, поднявшим эту гонку,
Они от страха пятятся в сторонку.

В ее устах звучит уж крик зловещий;
Он через слух и в сердце ей проник.
И бледный страх – холодный, злой и вещей –
Сковал ей вдруг все чувства и язык.
Так, потеряв полковника, солдаты
Бегут позорно, ужасом объята.

Вся трепеща, стоит она в волненьи.
Но робких чувств рассеявши туман,
Твердит себе, что то – воображенье,
Что весь испуг – пустой самообман:
Что нечего напрасно бить тревогу.
Вепрь в этот миг выходит на дорогу.

В пурпурных пятнах рот его вспененный,
Как будто кровь смешалась с молоком.
Вновь страх ее терзает исступленный,
Влечет вперед неведомым путем;
То вдруг назад она рванется снова
И вепря умертвить сама готова.

На тысячи путей она стремится;
Возьмет один и тотчас – на другой.
Волнуется, спешит и суетится.
Мозг озянул от страха, как шальной,
Он мыслей полн, но мысль не избирает,
Хватается за все и все бросает.

Вот пес один сокрылся в глушь с поляны.
Она кричит: "Что твой хозяин? Где?"
Другой себе вылизывает раны –
Единственное средство при беде;
И к третьему стремится с восклицаньем, –
Тот отвечает жалобным стенаньем.

Когда ужасный этот стон смолкает, –
С отвислыми губами, черный, злой,
Его товарищ к небу завывает,
А этому отвечает другой.
Поджав хвосты, они трясут ушами,
С которых кровь на землю льет ручьями.

Как смертные страшатся, замирая,
Всех знамений, видений и чудес,
Явленья их с испугом наблюдая
И видя в них пророчество небес,
Так и она от страха замирает,
Взывает к смерти, стонет и рыдает.

"Урод-тиран, кашей, червь гнусно-мерзкий,
Она ругает смерть, – разлучник злой!
Зачем ты отнял, скаля зубы зверски,
Того красу, дыханье, кто живой
Красою розу наделял, дыханьем

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
фиалку наливал благоуханьем.

Он умер. О, какое преступленье
Сразить красу такую, аромат!
Но для того, чтоб видеть, надо зренье,
А тыразишь безумно наугад.
Ты в старость метишь, а стрела некстати
Летит и глядь – уж в сердце у дитяти.

Предупреди ты юношу, и вскоре
Он голосом тебя бы превозмог.
Проклятьем встретят Парки это горе,
Ты вместо плевел вырвала цветов.
Он целью был стрелы любви блаженной,
Не черной смерти, мрачной и презренной.

Ты слезы льешь... Иначе – что же это!
Зачем тебе смертельный этот стон?
Зачем глаза, для всех источник света,
Ты ввергнула в ненарушимый сон?
Теперь к тебе природа равнодушна:
Ты лучший цвет похитила бездушно".

И тут с глухим отчаянием веки
Она сомкнула: две преграды слез,
Стекающих, как горестные реки,
К ее груди каналами из роз.
Но через них пробился дождь сребристый
И раскрывает снова взгляд лучистый.

О, как глаза ее дружны с слезами:
Они в слезах видны, а слезы – в них.
Два хрусталя меняются лучами,
И сохнет скорбь от вздохов неземных.
Но, как в грозу, за ветром дождь несется, –
Осушит скорбь, а дождь уж снова льется.

У ней для скорби образов обильно:
Все спорят, кто скорее подойдет;
Все близки ей, и каждое так сильно,
Что и беду сильнейшею зовет.
Но все равны. Тогда они толпою
Собираются, как тучи пред грозою.

Вдруг слышен клик охотничий – так звонко!
О, этот звук! Он для нее милей,
Чем песня доброй няни для ребенка:
Надеждою он гонит тьму страстей;
То голос Адониса. Радость веет
Ей в душу вновь, надежду вновь лелеет.

И капли слез назад бегут потоком,
Блестят внутри, как жемчуг в хрустале.
Порой одна сорвется ненароком,
Но чтоб не дать ей сгибнуть на земле,
В слезах не потонувшей, а лишь пьяной, –
Она щекой впивается румяной.

Любовь так недоверчива и, странно, –
Так легковерна: все в ней сплетено,
Все крайности – то ярко, то туманно.
Отчаянье, надежды – все смешно.
Одно ей льстит несбыточно-отрадно,
Другое убивает беспощадно.

Теперь она рвет пряжу, что соткала.
Жив Адонис, упреков смерти нет...
А не она ли смерть так порицала!
Теперь же ей и почесть, и привет.
Царем могил зовет ее, могилой
Царей земных, венцом, верховной силой!

"Нет, – говорит она, – о призрак милый,
Я пошутила; страх виной всему.
Вепрь так жесток, так страшно зол... помилуй!
Он не дает пощады никому.
Но, дорогая, я тебя бранила:
Возлюбленного смерть меня страшила.

Ты вепрю мсти, незримый повелитель.
Не я, а зверь проклятый виноват.
Он оскорбил, а я лишь исполнитель.
Он, злая тварь, тебя обидеть рад.
Два языка у горя – я несчастна –
За десять женщин я хитрить не властна".

Так хочется ей сгладить впечатленье,
Надеясь, что милый невредим.
Холодной смерти льстит она в смиреньи,
Чтоб та подольше сжалилась над ним,
И говорит о славе, о трофеях,
О торжестве, победе, мавзолеях.

"Юпитер! О, как я была безумна!
Я поддалась слабости своей.
Живого смерть оплакивала шумно,
А он умрет не раньше всех людей.
Погибни он – и красота с ним сгинет,
И черный хаос землю не покинет.

Любовь, ты вся объята опасеньем, –
Так окружен ворами, кто несет
Сокровища. Пугает подозреньем
Все, что ни слух, ни глаз не обоймет"...
И в этот миг ей слышен отзвук рога.
Она встает, и прочь летит тревога.

Она бежит, – под ней не мнутся травы –
Как на добычу сокол. И пришла.
О, горе! Вепрь, проклятый зверь кровавый,
Сразил того, кем вся душа жила.
И от картины страшной меркнут очи,
Как две звезды в исходе темной ночи.

Коснись улитки рожек, и от боли
Вся в раковину спрячется она
И долго там таится, как в неволе,
Боясь на свет податься из окна.
От зрелища кровавого сокрыты,
Глаза ее уходят под орбиты.

Больному мозгу там они вручили
Свой дивный свет, и тот велел им быть
Покорными в уродливой могиле
И жгучих ран сердцам не наносить.
А сердце, как король, страшась на троне,
Свое страданье выражает вestone.

И все трепещет, что ему подвластно,
Как будто ветер, скрытый под землей,
Наружу рвется, буйствуя опасно,
И стонами пугает род людской:
Так вопль ее все члены потрясает,
И пара глаз постель свою бросает.

В его боку зияющая рана
Неволью светом их озарена;
Обагрена волной кровавой стана
Лилейная литая белизна.
И, истекая кровью, цветик каждый
Пьет кровь его с томительною жадой.

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
И, видя их сочувствие, Венера
Молчит, к плечу головку наклонив.
О, где предел! О, где страданью мера?
Он умереть не мог! Он жив! Он жив!
Но голос замер. Члены омертвели.
Позор глазам, что раньше плакать смели!

Она глядит так пристально на рану,
Что не одну уж видит грустный глаз.
О, жалкий глаз! Он поддался обману:
Где раны нет – он видит три зараз,
И два лица, и каждый член удвоен,
Обманут глаз, коль скоро мозг расстроен.

"И об одном печаль невыразима, –
Твердит она, – а здесь два мертвеца.
Иссякли слезы горькие незримо.
Глаза – огонь, а сердце из свинца.
О, растопись в огне, свинец, на части, –
Тогда умру, впивая капли страсти.

О, бедный мир! Бесценная утрата!
Теперь кто взор достоин твой привлечь?
Чем ты еще гордиться можешь свято?
Чья музыке подобна будет речь?
Цветы нарядны; роза ароматна,
Но красота с ним вместе невозвратна.

Теперь излишни шляпы и вуали:
Не станет вас ни солнце целовать,
Ни ветер. Вам ведь нечего терять.
Что солнцу вы! А ветры вам свистали.
Но Адониса ждали вору эти,
Чтоб красоту в свои похитить сети.

От них он шляпу надевал; глядело
Под шляпу солнце; ветер-озорник
Ее срывал, играл кудрями смело,
А мальчик плакал. Оба в тот же миг
Из состраданья к юности стихали
И вперевод слезинки осушали.

Лев прятался за пышною оградой,
Чтобы взглянуть на образ неземной.
Когда он пел, под эту усладой
Смирался тигр и слушал, как ручной.
Он говорил – и волк не крался к стаду,
Испуганной овце давал пощаду.

Глядел ли он в ручей на отраженье, –
Скрывали рыбки жабрами его.
Он был для птиц такое наслажденье,
Что пели те; другие для него
Несли румяных вишен, шелковицы.
Он ел плоды, красой питались птицы.

Но этот вепрь с дикообразным рылом
Поникшим взором ищет лишь могил,
Иначе бы пред этим ликом милым
Склонился он, его не умертвил,
А если видел, он желал с любовью
Поцеловать и обагриться кровью.

Да, верно, так убит он, без сомненья.
Когда к нему он бросился с копьём,
Вепрь для него хотел успокоенья
И не желал клыков точить на нем.
Но в нежный бок впиваясь беззаветно,
Свой клык в него вонзил он незаметно.

Будь я с губами вепря, я б убила,

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Быть может, даже ранее его.
Но умер он! Любовь не подарила
Моей весне сиянья своего.
Несчастлива я!" Она к нему припала
И теплой кровью лик свой запятнала.

Она глядит в уста его – бескровны.
Хватает руку – холодна рука;
Ее слова печальны и любовны,
Но слух его не тронет их тоска.
С закрытых глаз она подымлет веки:
Два светоча угасли там навеки.

Два зеркала, в которых отражалась
Она не раз. Как тускло их стекло!
Погибло все, в чем сила заключалась
И красота, к которой так влекло.
Все горе в том... О, чудеса природы!
Что умер ты, а день ласкает своды.

Так, умер ты! да будет порицанье:
Любви отныне спутницею – грусть,
А свитой – ревность. Сладость – начинанье,
А скорбь – конец. Средь равных в мире пусть
Ее союз отныне невозможен,
И счастья миг пред горестью ничтожен.

Да будет лживой, сотканной из фальши,
Предательской! Дыхание одно –
Расцвет и смерть. Поверхность – мед, а дальше
Смертельный яд и тинистое дно,
Желаньем тело крепкое измучит,
Сковавши мудрость, глупого научит.

То щедрая без меры, то скупая,
Пусть танцевать заставит старика,
Обезоружит наглость негодяя,
Ограбит богача для бедняка.
Неистова, наивна, непонятна,
Заманит старость в детство и обратно.

Подозревать невинность злостно будет,
А злостную вину не замечать.
То пожалеет, то вконец осудит,
Заставит друга другу изменять,
Обманывать, являясь с виду правой,
И делать храбрых трусости забавой.

И явится виною войн кровавых,
Между отцом и сыном распрей злой,
Посредницей, работою дел неправых,
Для пламени – соломою сухой.
Сразила смерть любовь мою в начале,
С любовью пусть растут ее печали!"

И юноша, лежавший с ней, убитый,
Исчез из глаз, как легкий пар весной.
Из теплой крови, на землю пролитой,
Расцвел цветок пурпурный с белизной:
То Адониса бледные ланиты
Казались кровью алою облиты.

Она склоняет голову, внимая
Дыханье Адониса – аромат.
Он будет жить в груди ее, сияя,
Но смерть его уж не отдаст назад.
Она срывает стебель: сок зеленый –
То капли слез души неоскверненной.

"О бедный цвет, таков тебя создавший!
Ты нежный сын – отец нежней тебя,

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Он, в слабой грусти слезы проливавший,
Желал, как ты, цвести лишь для себя.
В его крови тебе отрадно кануть,
Но на груди моей милее вянуть,

Тут, как в отцовской ласковой постели,
От крови – кровь, по праву всем владей,
Покойся, как в цветущей колыбели,
А сердце будет нянею твоей,
И каждый миг, цветок любви, тоскуя.
Тебя лелеять буду я, целуя".

Так мир она бросает утомленно.
Вот пара серебристых голубей
Запряжены, и в вышине бездонной
Летит она все дальше и быстрее,
Полет свой правя в Патмос: там царица
От смертных глаз спешит навек сокрыться.

1593

ВЕНЕРА И АДОНИСЬ

Перевод П. А. Каншина (1893) [3 – ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В. ШЕКСПИРА ВЪ ПРОЗѢ И СТИХАХЪ ПЕРЕВЕЛЪ П. А. КАНШИНЪ. Томъ седьмой. 1) Король Генрихъ VI (I, II и III часть). 2) Венера и Адонисъ. БЕЗПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ ЖУРНАЛУ "ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРЕНИЕ" за 1893 ГОДЪ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ. ИЗДАНИЕ С. ДОБРОДЕЕВА. 1893.]

Villa miretur vulgus; mihi flavus Apollo pocula Castalia plena
ministretaqua.

Ovid., I. Am. XV, 35J.

I.

Лишь только солнце съ пурпуровымъ ликомъ сказало послѣднее прощанье
плачущему утру, румяный Адонисъ снарядился на охоту. Онъ любилъ охотиться,
но издѣвался надъ любовью. Грустная Венера поспѣшила за нимъ и,
какъ дерзкій ухаживатель, стала прельщать его.

II.

"Втрое красивѣйшей меня, такъ начала она, лучшей цвѣтущей полей,
прелестный выше всякихъ сравненій, затмѣвающей всѣхъ нимфъ,
болѣе обольстительный, чѣмъ челюкъ, болѣе бѣлый и румяный,
нежели голуби и розы! Природа, которая тебя создала,
превзойдя самое себя, изрекла, что съ твоею жизнью наступитъ и конецъ міру.

III.

"Соизволь, о чудо, сойти съ коня и привяжи его гордую голову къ
сѣдельной лукѣ; если ты удостоишь этой милости, то въ награду
за то ты узнаешь тысячу сладостныхъ тайнъ. Приди, сядь сюда, гдѣ
никогда не шипятъ змѣи; когда сядешь ты, я смягчу тебя
поцѣлуями.

IV.

"Не смыкай усть съ противнымъ мнѣ; пресыщеніемъ; пусть они испытываютъ голодь вопреки изобилію, то краснѣ; я, то блѣднѣ; я, въ свѣжѣ; жемъ разнообразіи. Десять поцѣлуевъ краткихъ, какъ одинъ, и продолжительныхъ, какъ двадцать! И лѣтній день покажется мимолетнымъ часомъ, если будетъ потраченъ на такую поглощающую время забаву".

V.

Она видитъ въ его потной рукѣ; свидѣтельство его мужественныхъ занятій; вся трепеща отъ страсти, она зоветъ ее бальзамомъ, земнымъ высшимъ средствомъ, пригоднымъ для исцѣленія богинь. Она такъ возбуждена, что желаніе придаетъ ей силу снять его съ коня.

VI.

На одну ея руку накинуть поводъ рьянаго коня, подъ другую нѣжный юноша, который краснѣетъ и сердится въ смутной досадѣ; и совершенно нерасположенный къ затѣ; она красна и раскалена, какъ пылающій уголь; онъ красенъ отъ стыда, но холоденъ желаньемъ.

VII.

Она быстро прикрѣпляетъ кованый поводъ къ сухому суку (о, какъ любовь проворна!); конь уставленъ, она старается теперь привязать и всадника: она толкаетъ его назадъ какъ желала-бы сама бить толкнутой, и заставляетъ его уступить силѣ; , если не вождѣ; нію.

VIII.

Лишь только онъ упалъ, она лежитъ уже возлѣ; него; оба опираются на бедра и на локти; она любовно поглаживаетъ его щеку, онъ хмурится и начинаетъ браниться, но она скоро смыкаетъ ему уста и произноситъ прерывистымъ, сладострастнымъ говоромъ: "Если ты будешь сердиться, уста твоя не разверзнутся никогда".

IX.

Онъ сгораетъ отъ цѣ; ломудреннаго стыда, она старается погасить слезами дѣ; вственный жаръ его ланить, потомъ, своимъ легкимъ дыханіемъ и вѣ; я своими золотистыми волосами, осушиваетъ ихъ снова. Онъ говоритъ, что она нескромна, осуждаетъ ея неприличіе; дальнѣ; йшую рѣ; чь она душитъ своимъ поцѣ; луемъ.

X.

Какъ отошавшая орлица, ожесточенная голодомъ, рветъ клювомъ перья, кости и мясо, потрясая крыльями и торопливо пожирая все, пока не набьетъ себѣ; зобъ или не ускользнетъ ея добыча, такъ лобзаетъ она ему лобъ, щеки, подбородокъ; покончить – и начинаетъ снова.

XI.

Вынужденный уступать, хотя и не покоряясь, онъ лежать изнемогая и дыша ей въ лицо, она вдыхала этотъ паръ, какъ добычу, называла его небесною влагой, вѣ; яніемъ благодатнымъ, и желала, чтобы ея щеки были цвѣ; тущимъ садомъ, который орошался-бы такимъ живительнымъ дождемъ.

XII.

Подобно птицѣ, лежащей запутанною въ сѣтяхъ, лежалъ Адонисъ въ ея объятіяхъ; стыдливость и пугливое сопротивленіе сообщали ему волненіе, причѣмъ становились еще красивѣе его гнѣвные глаза. Дождь, падающій въ полную уже рѣку, заставляетъ ее насильно выступать изъ береговъ.

XIII.

Она все умоляетъ, и умоляетъ прекрасно, напоивъ свою рѣчку въ прекрасное ушко; онъ все остается угрюмымъ, все хмурится и взволнованъ, то вспыхивая румянцемъ отъ стыда, то блѣднѣя мертвенно отъ гнѣва. Когда онъ румянъ, онъ нравится ей еще болѣе; поблѣднѣвъ – и она любитъся. имъ еще съ большимъ восторгомъ.

XIV.

Какимъ бы онъ ни казался, она не можетъ его не любить. И она клянется своей прелестной бессмертной рукою, что не поднимется никогда съ его прекрасной груди, пока онъ не помирится съ сражающимися противъ него ея слезами: онѣ лились такъ долго, что увлажили совсѣмъ ея щеки, но одинъ его поцѣлуй выкупить весь этотъ неоплатный долгъ.

XV.

При этомъ обѣщаніи, онъ поднимаетъ свой подбородокъ, подобно ныряющему пловцу, который выглядываетъ изъ волны и, потомъ, увидя, что на него смотрять, погружается быстро опять; такъ и онъ предлагаетъ дать ей то, чего она жаждетъ, но когда ея губы уже готовятся получить свою дань, онъ зажмуривается и отворачиваетъ свои уста.

XVI.

Ни одинъ странникъ въ лѣтній зной не жаждаль такъ напиться, какъ она жаждала этого блага. Она видитъ свою отраду, но не можетъ ее получить; погруженная въ воду, она должна горѣть пламенемъ. "О, сжался"; восклицаетъ она, "жестокосердый юноша! Я прошу только поцѣлуя; зачѣмъ ты такъ несговорчивъ?"

XVII.

"Меня молили, какъ я умоляю теперь тебя, молилъ даже суровый и грозный богъ войны, который не склоняетъ своей жилистой шеи ни въ какой битвѣ, побѣждаетъ всюду, гдѣ появляется, въ каждой схваткѣ; и онъ былъ моимъ плѣнникомъ, моимъ рабомъ, и вымаливалъ то, что ты можешь получить и безъ просьбы.

XVIII.

"Онъ повѣсилъ свой мечъ надъ моимъ алтаремъ и свой избитый щитъ, и свой побѣдный шлемъ, и ради меня обучился играмъ и пляскамъ, забавамъ, дурачествамъ, смѣху и шуткамъ; онъ презрѣлъ грубый барабанъ и красное знамя, избравъ мои объятія своимъ полемъ битвы, своимъ шатромъ – мое ложе.

XIX.

"Такъ я поработила того, который господствовалъ, и вела его, какъ пл#123;ника, на ц#123;пи изъ алыхъ розъ. Кр#123;пко закаленная сталь подчинялась его сил#123;, какъ бол#123;е могучей, и онъ рабол#123;пствовалъ передъ моею презрительной неуступчивостью. О, не будь же гордъ, не кичись своимъ могуществомъ, одол#123;вая ту, которая склонила передъ собою самого бога битвъ.

XX.

"Коснись лишь моихъ устъ своими прелестными устами (хотя мои не такъ прекрасны, но они все же румяны); поц#123;луй будетъ принадлежать столько же теб#123;, какъ и мн#123;. Что ты смотришь въ землю? Подними голову, взгляни въ мои глаза, въ которыхъ отражается твоя красота. И почему не прильнуть устами въ уста, когда впиваешься глазами въ глаза?

XXI.

"Или ты стыдишься поц#123;ловать? Такъ зажмурься снова; я зажмурюсь тоже, и день покажется тогда ночью; любовь требуетъ для своихъ ут#123;хъ только двоихъ, будь см#123;л#123;е въ игр#123;, никто насъ не видитъ; эти испещренныя синевою ф#123;ялки, на которыхъ мы возлежимъ, не болтливы да и не могутъ он#123; понимать насъ.

XXII.

"Н#123;жная весна твоихъ соблазнительныхъ устъ доказываетъ твою незр#123;лость, но ты можешь желать искуса; пользуйся временемъ, не упускай случая; красота не должна довольствоваться только сама собой; красивые цв#123;ты, не сорванные въ пору, блекнуть и быстро погибаютъ.

XXIII.

"Будь я плохо одарена, дурна, покрыта старческими морщинами, плохо упитана, сгорблена, угрюма, съ хриплымъ голосомъ, истощена, презр#123;нна, бол#123;зненна, холодна, подсл#123;повата, костлява, лишена соковъ, – ты могъ бы отстраняться, потому что я была-бы недостойна тебя; но если у меня н#123;тъ недостатковъ, за что ты ненавидишь меня?

XXIV.

"Ты не найдешь ни одной морщины на моемъ чел#123;; мои глаза темны и ясны, подвижны; моя красота расцв#123;таетъ ежегодно, подобно весн#123;, т#123;ло мое мягко и пухло, мозгъ костей моихъ пылокъ, моя мягкая, влажная рука, касаясь твоей, растаетъ въ ней или покажется растаявшей.

XXV.

"Повели мн#123; говорить, и я очарую твой слухъ, или, подобно волшебниц#123;, понесусь по трав#123;, или, какъ нимфа съ распущенными волосами, стану плясать на песк#123;, не оставляя сл#123;довъ отъ моихъ ногъ: любовь – это духъ, сплоченный изъ огня, не падающ#123;й отъ тяжести, но возносящ#123;йся высоко.

XXVI.

"Взгляни на грядущую скороспелость; локоть, на которой я покоюсь: эти слабые цветы; ты поддерживаешь меня, как плотные деревья; два лишённые силы голубка носят меня по поднебесью, с утра и до ночи, куда мне; вздумается. Если любовь так легка, милый юноша, то почему-же ты считаешь её такую тяжкую для себя?"

XXVII.

"Или твоё сердце пленилось твоей-же наружностью? Твоя правая рука может уловить любовь в твоей-же ладони; вой рука? Тогда ухаживай за собою, сама отвергай себя, похити собственную свою свободу и жалуйся сама на это похищение. Нарцисс впал в такое самозабвение и умер, чтобы облобызать свой призрак в ручьи;."

XXVIII.

"Факелы сданы для того чтобы свести; драгоценности для их носки: лакомства для вкушения; свеча; жая красота для пользования ею; травы ради их аромата; сочные растения для приплода; предметы, растущие лишь для себя одного, только злоупотребление растительной силой; семена происходят от семян и красота порождает красоту; ты была зачать, твой долг зачать."

XXIX.

"Как можешь ты питаться земным приростом, если сама не питаешь его приростом от себя. Естественный закон обязывает тебя плодить, для того, чтобы твоё могло жить, когда ты будешь уже мёртв; вопреки смерти, ты будешь существовать, и так сохранится навсегда твоя личность".

XXX.

Томимая любовью, царица уже в испаринах; ты покинула уже то место, где они лежали, и Титан, в своём наряде; из полуденного зноя, смотрит на них своими палящими очами. Он желал бы передать Адонису управление своей колесницей, а самому походить на него и быть возлюбленным Венеры.

XXXI.

Адонис, потянувшись к ниву и с тяжёлым, мрачным, недовольным взглядом, хмуря брови, осматривая его прекрасные глаза, подобно влажным парам, клубящимся в небе; сморщился и воскликнул: "Ну, будет о любви! Солнце съест мне; лицо, я должен удалиться".

XXXII.

"О, сказала Венера, так юн и так немилостив! Что за жалкое извинение приводишь ты, чтобы только уйти? Я повсюду на тебя небесным дыханием, нежное дуновение которого охладит зной нисходящего солнца; я устрою тебе; сень из моих волос, а если загорятся они, я погашу их моими слезами."

XXXIII.

"Солнце, свѣтъ; палитъ, но я нахожусь между тобою и солнцемъ; жаръ, исходящій отъ него, мало беспокоитъ меня, а твои глаза испускаютъ огонь, который меня сжигаетъ; не будь я безсмертной, я уже простилась бы съ жизнью, находясь между небеснымъ и земнымъ свѣтомъ.

XXXIV.

"Неужели ты непреклоненъ, твердъ какъ камень или сталь, нѣтъ, хуже кремня, потому что и камень мягчится отъ дождя? Сынъ-ли ты женщины, или не можешь понять, что такое любовь и на сколько мучительна жажда любви? О, если-бы твоя мать обладала столь жесткой душой, она не родила-бы тебя и умерла-бы неласковой.

XXXV.

"Но кто-же я, если ты меня такъ презираешь? Или что за великая опасность грозить тебѣ; отъ моей просьбы? Чѣмъ хуже стануть твои уста отъ одного жалкаго поцѣлуя? Говоря милый; но говори хорошія слова или же оставайся нѣмъ. Подари мнѣ; одинъ поцѣлуй, и я отдамъ его тебѣ; тотчасъ-же, и еще одинъ за процентъ, если хочешь получить пару.

XXXVI.

"Стыдись, безжизненное изображеніе, холодный и безчувственный камень, красиво раскрашенный идолъ, тупой и мертвый, статуя, удовлетворяющая только глазамъ, предметъ подобный человѣку, но рожденный не женщиной; ты не мужчина, хотя имѣешь подобіе мужчины, потому что мужчина цѣлуетъ и по собственному почину".

XXXVII.

Выговоривъ это, молящій языкъ ея останавливается отъ досады; возрастающій гнѣвъ вызываетъ молчаніе; но ея пылающія щеки и яростный взглядъ пышатъ обидой. Она, судья въ любви, не можетъ выиграть своего дѣла, и она то плачетъ, то пытается говорить, но рыданія прерываютъ ея намѣреніе.

XXXVIII.

Она то качаетъ своей головой, то его рукою, то смотритъ на него, то въ землю; порою руки ея обвиваютъ его, какъ лентою; она желала-бы связать его своими объятіями, онъ того не хочетъ; но когда онъ старается освободиться, она сплетаетъ одинъ съ другимъ свои лилейные пальцы.

XXXIX.

"Любимецъ мой, говоритъ она, если я заключила тебя сюда, въ эту бѣлу, какъ слоновою костью, ограду, я буду твоимъ паркомъ, а ты моей дичью. Питайся, гдѣ; вздумаешь, на горахъ и въ долинахъ, питайся на моихъ устахъ, и если возвышенности покажутъ тебѣ; безводными, спустись ниже туда, гдѣ; лежатъ привѣтливые ручьи. "

XL.

"Въ сихъ предѣлахъ достаточно прибѣжишь: нѣжныя травяныя низменности, высокія прелестныя равнины, округленныя вздымающіеся холмы,

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosofff.org
темныя и дикія куци для укрытія тебѣ; отъ бурь и дождя. Будь же моей дичью, если я такой паркѣ; ни одна собака не спугнетъ тебя, хоть бы тысячи ихъ залаяли".

ХLI.

Адонисъ усмѣхается на это презрительно; но на обѣихъ щекахъ его появляются красивыя ямки; Амуръ сотворилъ эти углубленія: если-бы его хотѣли убить, онъ далъ бы схоронить себя въ такихъ могилахъ, зная, — что лежатъ тамъ, гдѣ обитаетъ сама любовь, онъ умереть не можетъ.

ХLII.

Эти прелестныя пещеры, эти очаровательныя провалы, отверзлись для поглощенія влеченія Венеры. Она обезумѣла уже прежде, какъ было ей сохранить разумъ теперь? Кто пораженъ уже на смерть, зачѣмъ тому второй ударъ? Бѣдная царица любви, обреченная, въ силу своего-же закона, любить ланиты, усмѣхающіяся тебѣ; только изъ презрѣнія!

ХLIII.

Къ чему ей приступить теперь? Что говорить? Ея слова истощились, желанія возрасли, а время проходить, и ея предметъ рвется прочь, стараясь освободиться изъ ея сплетенныхъ рукъ. "Сжался"! восклицаетъ она. "Хотя какую-нибудь ласку... какое-нибудь раскаяніе..." Но онъ вскакиваетъ и спѣшитъ къ своему коню.

ХLIV.

Но за соседними кустами паслась молодая и горячая, горделивая кобылица, подсмотрѣвшая Адонисова коня. Она выскочила, захрапѣла, заржала громко, и крикомъ коня, на привязи у дерева, обрываетъ поводъ и несется прямо къ ней.

ХLV.

Онъ мчится неистово, ржетъ, прыгаетъ, разрываетъ на себѣ плетеную подпругу, наноситъ твердымъ копытомъ раны сносливой землѣ; пустыя нѣдра которой гудятъ, какъ громъ небесный. Онъ разгрызаетъ желѣзное удило, одолевая то, что его одолевало.

ХLVI.

Онъ насторожилъ уши; его заплетенная висячая грива встала дыбомъ теперь; ноздри втягиваютъ воздухъ и пышатъ имъ обратно, какъ паромъ изъ горнила; глаза, сердито сверкая огнемъ, говорятъ о его горячей мощи и напряженности желанія.

ХLVII.

Онъ то бѣжитъ рысью, какъ-бы отсчитывая шаги съ милымъ величіемъ и скромною гордостью, то взвивается на дыбы, подпрыгиваетъ, дѣлаетъ скачки, какъ бы говоря: "Это я чтобы выказать мою силу, а это — чтобы прельстить взоръ красивой кобылицы, находящейся близъ меня".

XLVIII.

Что ему до сердитыхъ возгласовъ хозяина, до его "Тпру!" и "Стой, я тебѣ говорю!" что ему до мундштука и острыхъ шпоръ, до богатаго чепрака и до блестящей сбруи? Онъ видитъ возлюбленную и болѣе не видитъ ничего, ничего, что тѣшило-бы болѣе его гордый взоръ.

XLIX.

Пусть живописецъ тщится превзойти самую жизнь и рисуетъ хорошо сложенныхъ коней, соперничая своимъ мастерствомъ съ творчествомъ природы; но ничто мертвое не превзойдетъ живого! Такъ этотъ конь превосходилъ обыкновенныхъ коней своими статьями, отвагой, мастью, походкой, костями.

L.

Копыта у него закруглены, связки тонкія, щетки длинныя и косматыя, грудь широкая, глаза выпуклыя, голова маленькая съ открытыми ноздрями, высокая чолка, короткія уши, крупкія ноги, необыкновенно короткія, тонкая грива, густой хвостъ, широкой крупъ, нежная кожа. Чего не требовалось-бы отъ коня, все у него было, за исключеніемъ такого-же гордаго всадника на такомъ гордомъ скакунѣ.

LI.

Онъ мчится вдаль и смотреть оттуда; потомъ кидается вновь, несясь, какъ перо, и предлагая вѣтру игру въ перегонку, и никто не угадываетъ, куда онъ побѣжитъ, полетитъ; вѣтеръ свищетъ сквозь его гриву и хвостъ, раздувая волосы, которые развѣваются подобно перистымъ крыльямъ.

LII.

Онъ смотритъ на свою возлюбленную и ржетъ около нея; она отвѣчаетъ ему, какъ будто угадывая его мысли; гордясь, какъ весь ея полъ, его ухаживаніемъ, она выражаетъ ему наружно свое нерасположеніе, кажется неласковой, отвергаетъ его любовь, издается надъ его пыломъ, отталкиваетъ его нежные объятія своими копытами.

LIII.

Тогда, подобно грустному неудачнику, онъ опускаетъ хвостъ, и тотъ, какъ ниспадающее перо, осѣняетъ прохладой его разгоряченный крупъ; бьетъ ногой, проглатываетъ бѣдныхъ мухъ въ своей досадѣ. Его возлюбленная, видя его ярость, становится добрее и его бѣшенство стихаетъ.

LIV.

Разсерженный хозяинъ подходитъ, чтобы взять его, но кобылица, еще незнакомая съ дѣломъ, пугается, боится быть пойманной и быстро мчится прочь; конь за нею, оставляя Адониса на мѣстѣ. Какъ обезумѣвъ, они скрываются въ чащу, обгоняя воронь, желавшихъ пролетѣть раньше ихъ.

LV.

Запахавшись отъ погони, Адонись садится, кляня своенравное, непокорное животное, но этотъ случай благопріятень тому, что жаждущая любви любовь можетъ снова молить. Любовники говорятъ, что любовь страдаетъ втройнѣ; , если лишена помощи языка.

LVI.

Печь, которую заткнуть, рѣка, которую запрудять, раскаляется сильнѣе и вздымается бурливѣе; такъ и съ скрытымъ горемъ: свободный истокъ словъ утишаетъ любовный пламень, но когда адвокатъ сердца нѣтъ; мѣ, тогда кліентъ падаетъ духомъ, отчаяваясь въ успѣхѣ; тяжбы.

LVII.

Видя ея приближеніе, онъ начинаетъ краснѣть (такъ потухавшій уголь оживляется отъ вѣтра), закрываетъ шапкой свое гнѣвное лицо и потупляется съ досадой къ темной землѣ; , какъ бы не обращая вниманія на то, что она уже близко, но искоса поглядываетъ на нее.

LVIII.

О что это былъ за видъ, стоило его посмотреть; , когда она подкрадывалась къ упрямому юношѣ; ! Какъ боролись краски на ея лицѣ; , когда одолѣвала, то блѣлая, то розовая! Щеки ея были порою блѣдны, порою вдругъ вспыхивали огнемъ, подобно молніи въ небесахъ.

LIX.

Наконецъ, она передъ сидящимъ и опускается на колѣни, какъ униженный любовникъ; одну прекрасною рукою она поднимаетъ его шапку, другою, нѣжно, касается его прелестной ланиты, на которой, еще нѣтъ; жнѣйшей, оставляетъ свой слѣдъ; такъ вновь выпавшій снѣгъ; гъ принимаетъ всякій отпечатокъ.

LX.

О, что за битва взглядами происходитъ тогда между ними! Ея глаза, моляще, обращаютъ просьбу къ его глазамъ; смотреть, какъ будто видитъ ихъ впервые; ея глаза продолжаютъ ласкать, его взоръ отталкиваетъ эту ласку, и вся эта нѣмая игра поясняется, какъ хоромъ, слезами, текущими ручьемъ изъ ея глазъ.

LXI.

Крайне нѣжно беретъ она его за руку: это лилія, заключенная въ снѣжную темницу, слоновая кость въ алебастровой оправѣ; ; столь блѣлый другъ обхватываетъ столь блѣлаго недруга! Изящная борьба между настойчивостью и отпоромъ, точно ссора двухъ серебристыхъ голубковъ.

LXII.

Снова начало такъ орудіе ея мыслей: "о, красивѣйшій изъ ходящихъ по этому брэнному шару, если-бы ты былъ мною, а я мужчиной, и мое сердце здоровымъ, какъ твое, а твое уязвленнымъ; я пожертвовала-бы тебѣ; въ

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
помощь одинъ нѣжный взглядъ, хотя вылечить тебя могъ-бы только ядъ
моихъ тѣлесъ".

LXIII.

"Отпусти мою руку, сказалъ онъ, зачѣмъ ты ее жмешь"? "Отдай мнѣ мое сердце, возразила она", и тогда получишь ее. О, оставь ее мнѣ, пока не закалило и ее твое жестокое сердце; когда она закалится, на ней не оттиснутся уже нѣжные вздохи, тогда и я не буду внимать глубокимъ стонамъ любви, потому что сердце Адониса окаменитъ сердце и мнѣ".

LXIV.

"Стыдись! воскликнулъ онъ. Оставь это ипусти меня. Моя дневная забава пропала, мой конь убѣжалъ, и я лишень его по твоей винѣ; я снова прошу тебя, дай мнѣ остаться здѣсь одному; все мое дѣло теперь, моя мысль, моя забота, только о томъ, чтобы достать моего коня отъ этой кобылицы".

LXV.

Она возражаетъ на это: "Твой конь, какъ и слѣдуетъ, привѣтствуетъ горячую близость нѣжнаго вожделя; любовь, какъ уголь, должна быть охлаждена, иначе, предоставленная себѣ, она испепелитъ сердце. У моря есть предѣлы, нѣтъ ихъ у страстнаго желанія; вотъ почему ушелъ твой конь".

LXVI.

"Подобно клячѣ, стоялъ онъ на привязи у дерева, рабски покорный кожаному поводу; но лишь только увидѣлъ возлюбленную, какъ прекрасный даръ ему въ юности, онъ презрѣлъ столь слабыя узы, сбросилъ унижительное удило со склоненной гривы, освободилъ свою морду, спину и грудь".

LXVII.

"Если кто, увидя свою возлюбленную, обнаженною на ложѣ, гдѣ ея бѣлизна оказывается бѣлѣе простынь, насытитъ тѣмъ свои жадные взоры, то развѣ и другія его чувства не пожелаютъ тоже своего наслажденія? Кто слабъ до того, что не дерзнетъ коснуться огня въ холодную погоду?"

LXVIII.

"Позволь мнѣ заступиться за твоего коня, милый юноша; я прошу тебя, поучись у него, какъ слѣдуетъ пользоваться предлагаемымъ удовольствіемъ; если я останусь нѣмой, его поведеніе должно наставить тебя. О, научись любить; наука эта проста и, понятая однажды вполнѣ, не забывается уже никогда".

LXIX.

"Я не знаю любви, сказалъ онъ, и не хочу ее знать, развѣ что это вепрь; тогда я стану за нимъ охотиться. Слишкомъ великъ заемъ; я не желаю быть должникомъ. Моя любовь будетъ для любви только гнушеніемъ ею, и я слыхаль, что не исчезла еще жизнь въ той смерти, которая и смѣется, и

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoffo.org
плачешь заразы.

LXX.

"Кто облачается въ безформенную, не довершенную одежду? Кто срываетъ почку, прежде чѣмъ она развернется къ листу? Если разцвѣтающее лишится малѣйшей части, оно увянетъ уже вначалѣ; не будетъ годиться никуда; жеребенокъ на котораго сядутъ или котораго навьючатъ слишкомъ рано, утратитъ свою бодрость и выростетъ безсильнымъ.

LXXI.

"Ты помяла мнѣ руку своимъ пожатіемъ; разойдемся, оставимъ этотъ праздный предметъ, эту безцѣльную болтовню, прекрати осаду моего несдающагося сердца: оно не откроетъ воротъ своихъ для любовной тревоги; откажись отъ своихъ клятвъ, притворныхъ слезъ, своей лести; если сердце твердо, оно не прострѣлять".

LXXII.

"Какъ! Ты способенъ говорить?" – сказала она. "У тебя есть языкъ? О, лучше бы его не было или я была лишена слуха! Твой голосъ, подобный голосу сирени, причинилъ мнѣ двойной вредъ: я несла свое бремя, теперь отягчилась моя ноша: мелодическое разнозвучіе, небесный гимнъ и зкое бряцанье, усладительная музыка для слуха и глубоко-скорбное уязвленіе сердца!

LXXIII.

"Не будь у меня зрѣнія, одинъ только слухъ, ухо мое полюбило бы въ тебѣ внутреннюю, незримую прелесть; будь я глуха, твоя вѣжливость затронула бы во мнѣ все, что способно возчувствовать, – хотя, не имѣя ни глазъ, ни ушей, чтобы видѣть и слышать, я все же полюбила бы тебя отъ одного прикосновенія къ тебѣ;".

LXXIV.

"Будь я лишена и осязанія, такъ что не могла бы ни видѣть, ни слышать, ни осязать, и мнѣ досталось бы въ удѣлъ одно обоняніе, – и тогда моя любовь къ тебѣ была бы не меньшею, потому что изъ реторты твоего лица, очищаясь, исходитъ ароматное дыханіе, порождающее любовь при обоняніи его.

LXXV.

"Но какую трапезою былъ бы ты для вкуса, будучи пѣстуномъ и питателемъ четырехъ прочихъ чувствъ! Они пожелали бы продолжать свой пиръ навѣки и велѣли бы Подозрѣнію затворить покрѣпче дверь, для того чтобы Ревность, эта досадливая, непріятная гостья, не успѣла испортить праздника, закравшись сюда".

LXXVI.

Снова разверзнутся рубиновые врата для пропуска его сладкой рѣчи, но подобны они и багровому мѣсяцу, вѣщающему крушеніе моряку, бурю полямъ, горе пастухамъ, гибель птицамъ, взрывы вѣтра и мятежъ

LXXVII.

Она подмѣчаетъ вовремя зловѣщій признакъ: какъ вѣтеръ стихаетъ передъ началомъ дождя, какъ волкъ рычитъ, прежде нежели залаетъ, или какъ ягода лопається, прежде чѣмъ сгнѣеть, какъ смертоносная пуля изъ ружья, такъ поразило ее его помышленіе, прежде нежели онъ его высказалъ.

LXXVIII.

При его взглядѣ, она упала навзничь: взглядъ можетъ убивать любящаго, какъ взглядъ же и живить; улыбка залечиваетъ рану, нанесенную суровостью; но счастливъ разорившійся, которому приходится потерпѣть такъ черезъ любовь! Неразумный юноша, думая, что она умираетъ, треплетъ ея блѣдныя щеки, такъ что онъ зарумяниваются.

LXXIX.

Удивительно не сбылось его намѣреніе: онъ хотѣлъ строго ее побранить, но хитрая любовь находчиво предотвратила это. Счастливое паденіе, такъ остроумно послужившее ей обороной! Лежить она на травѣ, какъ убитая, пока его дыханіе не вдохнетъ ей жизнь.

LXXX.

Онъ потираетъ ей носъ, гладитъ щеки, сгибаетъ пальцы, крѣпко нажимаетъ пульсъ, третъ и губы, старается тысячью способами загладить обиду, нанесенную его непривѣтливостью. Онъ цѣлуетъ ее, она добровольно не хочетъ подняться, и потому онъ продолжаетъ ее цѣловать.

LXXXI.

Ночь скорби превращается для нея въ день; она слабо открываетъ свои два голубые окошечка, уподобляясь красавцу-солнцу, когда оно, въ своемъ свѣтлѣ, привѣтствуетъ утро и оживляетъ весь міръ; и подобно тому какъ свѣтлое солнце озаряетъ небо, такъ ея лицо освѣщается ея взглядомъ.

LXXXII.

Эти лучи устремлены на его безбородое лицо, какъ-бы отъ него заимствуя свое сіяніе. никогда-бы еще не соединились такіе четыре свѣтильника, если-бы его взглядъ не омрачался нахмуреннымъ челомъ. Но ея глаза, свѣтящіяся сквозь слезы, сіяютъ какъ луна, которая смотрится въ воды.

LXXXIII.

"О, гдѣ я?" говоритъ она. "На землѣ или въ небесахъ? Погружена въ океанъ или въ пламень? который часъ теперь? Утро или унылый вечеръ? Стремлюсь-ли я къ смерти или желаю жить? Но я жила, и жизнь была для меня смертной тоскою; когда я умерла, смерть стала мнѣ жизненной радостью!"

LXXXIV.

"О, ты убилъ меня; убей опять. Твое суровое сердце, этотъ прозорливый наставникъ твоихъ взглядовъ, научило ихъ такому издѣвательству, такому презрѣнію, что они умертвили мое бѣдное сердце; и мои глаза, вѣрные проводники къ нему, своему властителю, никогда не прозрѣли-бы вновь, если-бы не твои сострадательныя губы.

LXXXV.

"Пусть за это исцѣленіе онѣ долго цѣлуютъ одна другую. Пусть никогда не износятся ихъ алые покровы! И пока онѣ будутъ существовать, сохраняя свою свѣжесть, зараза прогонится изъ всякой опасной години, такъ что звѣздочеты, предсказавшіе смертность, скажутъ: язва изгнана твоимъ дыханіемъ.

LXXXVI.

"Чистыя уста, наложившія сладкую печать на мои нежныя уста, что мнѣ сдѣлать, чтобы оставаться всегда запечатанной? я рада-бы продать себя и ты можешь меня купить и заплатить и пользоваться хорошимъ добромъ, а чтобы избѣжать всякой подделки, приложи свою ручную печать къ алому сургучу моихъ губъ.

LXXXVII.

"Купи тысячу поцѣлueвъ отъ меня, мое сердце, и выплачивай мнѣ ихъ по одному, исподволь. Что значать для тебя десять сотенъ поцѣлueвъ? Развѣ не скоро ихъ сосчитаешь и не скоро выдашь? Если, за неуплату, долгъ удваивается, то развѣ и двадцать сотенъ поцѣлueвъ уже такъ затруднительны?"

LXXXVIII.

"Прекрасная царица", вымолвилъ онъ, "если ты питаешь ко мнѣ какую-либо любовь, то сообрази мою дикость съ моимъ незрѣлымъ возрастомъ. Пока я не узнаю себя самъ, не старайся меня узнавать; рыбакъ щадить неразвитую молодъ; мягкая слива отпадаетъ, зеленая держится крепко или, будучи сорвана преждевременно, оказывается кислой на вкусъ.

LXXXIX.

"Взгляни: міровой утѣшитель уже докончилъ на западѣ, усталой походкою, свой дневной долгъ; овцы воротились въ загонъ, птицы въ свои гнѣзда, и черныя, какъ уголь, тучи, заслоняя небесный свѣтъ, велятъ намъ разойтись, пожелавъ доброй ночи.

XC.

"Позволь-же мнѣ сказать: доброй ночи! и ты тоже скажи; если ты скажешь это, получишь поцѣлуй". "Доброй ночи!" отвѣчаетъ она и прежде, нежели онъ произноситъ: "прощай!" ему предложенъ уже сладостный залогъ разлуки. Ея руки окружаютъ его шею нежнымъ объятіемъ; оба они теперь какъ-бы сплотились, стоя лицомъ къ лицу.

XCI.

Пока онъ, задыхаясь, не освобождается и не отстраняетъ отъ нея ту божественную росу, тѣмъ сладкія коралловыя уста, драгоцѣнный вкусъ которыхъ познали ея жаждущія губы, пересытившія себя ими и все-же страдающія жаждой. Онъ былъ отягченъ избыткомъ, она изнемогала отъ жажды (ихъ губы пылали вѣстѣ), и оба они пали на землю.

XCII.

Тогда ея быстрое вождѣніе овладѣваетъ своею добычей, питается ею обжорливо и все не можетъ насытиться; ея уста побѣждаютъ, его уста повинуются, платя ту дань, которой требуетъ оскорбительница, ястребиная похоть которой такъ высоко цѣнитъ свой захватъ, что старается изсушить вполнѣ; сокровище его губъ.

XCIII.

Ощувивъ сладость добычи, она предается грабежу съ слѣпой яростью; ея лицо пылаетъ, кровь кипитъ и необузданное желаніе вызываетъ въ ней отчаянную смѣлость, которая подвергаетъ забвенію все, прогоняетъ благоразуміе, уничтожаетъ румянецъ стыда и сокрушаетъ честь.

XCIV.

Въ жару, ослабѣвъ, измучась ея неистовыми объятіями, подобно дикой птицѣ, усмиреной долгимъ обученіемъ, или быстроногой козѣ, утомленной преслѣдованіемъ, или своенравному ребенку, убаюканному няньчиньемъ, онъ повинуется, не сопротивляется болѣе, когда она беретъ все, что можетъ, хотя и не все, чего желаетъ.

XCV.

Почему, какъ ни замороженъ воскъ, онъ смягчается нагрѣваніемъ и поддается, наконецъ, каждому легкому отпечатку? Безнадежныя вещи достигаются часто смѣлостью, особенно въ любви, льготы которой превосходятъ права. Страсть не обмираетъ, подобно блѣдному трусу, но устремляется тѣмъ бодрѣе, чѣмъ дерзче ея цѣль.

XCVI.

О, если-бы она отступилась, когда онъ нахмурился, она не вкусила-бы такого нектара съ его губъ; бранныя слова и хмурость не должны отталкивать влюбленныхъ: розу срываютъ, хотя она и съ шипами. Будь красота подъ двадцатью затворами, любовь пробивается сквозь нихъ, разрушая ихъ всѣ.

XCVII.

Она не можетъ уже изъ жалости удерживать его долбѣдливый глупецъ просить его отпустить; она рѣшилась не принуждать его снова, прощается съ нимъ и просить беречь ея сердце, которое, – она клянется въ этомъ ликомъ Купидона, – онъ уноситъ въ своей груди.

XCVIII.

"Милый юноша", говоритъ она, "я проведу эту ночь печально, потому что мое больное сердце принудитъ къ бѣдѣ мои глаза. Скажи мнѣ,

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosofff.org
властелинъ любви, встрѣтимся-ли мы завтра? Скажи, будетъ-ли это?
Будетъ? Хочешь дать мнѣ обѣщаніе?" Онъ говоритъ, что
нѣтъ; завтра онъ намъ ренъ охотиться за вепремъ съ своими
друзьями.

XCIX.

"За вепремъ!" повторяетъ она и внезапная блѣдность покрываетъ ея
щеки, какъ блѣлый батистъ, наброшенный на алѣющую розу. Она
трепещетъ при этой вѣсти, обвиняетъ крыломъ своихъ рукъ его шею и
падаетъ, все вися на ней, на спину; онъ съ нею на ея лоно.

C.

Теперь она на настоящей аренѣ любви: ея поборникъ на конѣ для
горячей стычки; конь готовъ оказать ему все возможное, но онъ не правитъ
имъ, хотя и на немъ. Муки ея хуже Танталовыхъ: вознестись въ Элизіумъ и не
достигнуть блаженства!

CI.

какъ блѣдныя птицы, обманутыя нарисованнымъ виноградомъ, насыщаютъ
только свои глаза, между тѣмъ какъ тощатъ ихъ зобъ, такъ и она
изнываетъ въ своей неудачѣ, уподобляясь этомъ жалкимъ пернатымъ,
видящимъ бесполезныя ягоды. И она старается возжечь непрерывными
поцѣлуями тотъ жаръ, котораго ему недостаетъ.

CII.

Но все это тщетно; не будетъ этого, благая царица! Она испытала уже все,
что возможно; ея мольбы заслуживали большей награды; она любить, любить, но
все же нелюбима. "фи, фи>! говоритъ онъ, ты давишь меня, пусти;
незачѣмъ тебѣ; удерживать меня такъ...

CIII.

"Ты ушелъ-бы ранѣе, милый юноша", отвѣчаетъ она, "если-бы не
сказалъ мнѣ, что хочешь охотиться за вепремъ. О, будь остороженъ! Ты
не знаешь, какво бросать копьемъ въ дикаго борова среди болотъ. Онъ
вѣчно точитъ свои, никогда не скрываемыя въ ножны, клыки, подобно
мяснику, любящему убой.

CIV.

"Его крутая спина покрыта доспѣхомъ изъ щетинистыхъ иглъ, всегда
угрожающихъ его врагамъ; его глаза горятъ, какъ свѣтящіеся червяки,
когда онъ злится; его рыло вырываетъ могилы всюду, гдѣ онъ пройдетъ.
когда онъ блѣдитъ; жить. то мнетъ все на своемъ пути, а кого сомнеть, того
убьетъ своими клыками.

CV.

"Его бурые бока, вооруженные косматою щетиной, слишкомъ тверды для того,
чтобы ихъ пробил остріе твоего копья; его короткую шею трудно поразить.
когда онъ разъярится, то осмѣливается нападать и на льва; терновые
кусты и сплетенныя чащи разступаются передъ нимъ, какъ испуганные, когда
онъ блѣдитъ; жить сквозь нихъ.

CVI.

"Увы! онъ не оцѣнитъ твоего лица, которому воздаютъ дань очи Любви, ни твоимъ жнѣмъ дланямъ, ни мягкимъ устамъ, ни хрусталу глазъ, поражающихъ весь мѣръ своимъ совершенствомъ; одолѣвъ тебя (странное опасеніе!), онъ вырветъ всѣ эти красоты, какъ вырываетъ траву.

CVII.

"О, пусть онъ остается въ своемъ отвратительномъ логовищѣ; красотѣ; нечего состязаться съ такимъ низкимъ врагомъ; не иди по доброй волѣ; на такую опасность; преуспѣваютъ тѣ, которые слушаютъ совѣтовъ своихъ друзей. Лишь только ты упомянулъ о вепрѣ; говорю тебѣ; безъ притворства, я ужаснулась и дрогнули во мнѣ; всѣ суставы мои.

CVIII.

"Не обратилъ ты вниманія на мое лицо? Развѣ; не поблѣднѣло оно? Не увидѣлъ ты въ моихъ глазахъ выраженія страха? Не обмерла-ли я? Не упала-ли я разомъ? Въ моей груди, на которой тебѣ; слѣдовало бы лежать, мое чуткое сердце замираетъ, бьется, не можетъ успокоиться и потрясаетъ тебя, какъ отъ землетрясенія, на персяхъ моихъ.

CIX.

"Гдѣ; царить любовь, тамъ угнетающая ревность зоветъ себя стражемъ привязанности; она бьетъ ложную тревогу, доносить о мятежѣ; кричитъ въ мирный часъ: "Рази! Рази!" и смущаетъ жнѣмъ любовь въ ея вождѣ;ніи, какъ вѣтеръ и вода загашиваютъ огонь.

CX.

"Этотъ горькій доносчикъ, этотъ питающій ненависть соглядатай, эта язва, разѣдающая жнѣмъ ростокъ любви, эта сплетница и смутьянка-ревность, которая вѣщаетъ то правду, то ложь, стучится въ мое сердце и шепчетъ мнѣ; на ухо, что я люблю тебя и должна страшиться твоей смерти.

CXI.

"И болѣе того, она представляетъ моему взору видъ разъяреннаго вепря, подъ острыми клыками котораго лежитъ твое подобіе, все запятнанное запекшейся кровью. Эта кровь, пролившаяся на свѣжіе цвѣты, заставила ихъ увянуть печально и поникнуть головками.

CXII.

"Что будетъ со мною, когда я увижу тебя такъ дѣйствительно, если я трепещу при одномъ этомъ представленіи? Мысль о томъ заставляетъ истекать кровью мое сердце и страхъ одаряетъ его предвидѣніемъ: мнѣ; предвѣщается твоя смерть, мое вѣчное горе, если ты встрѣтишься завтра съ вепремъ.

CXIII.

"Если ты желаешь дикой охоты, послушайся меня: спусти свору за робкимъ, бѣгущимъ зайцемъ, или за лисой, живущей лукавствомъ, или за ланью, не дерзающей бороться. Гони этихъ боязливыхъ тварей по равнинамъ и на своемъ крутомъ-грудомъ конѣ; не отставай отъ своихъ собакъ.

CXIV.

"И когда ты спугнешь близорукаго зайца, замѣть, какъ онъ бѣгнетъ, чтобы избѣжать погибели, перегоняетъ вѣтеръ и какъ старательно онъ перепутываетъ и перекрещиваетъ свой слѣдъ тысячу увертками; тѣмъ многочисленныя лазейки, которыми онъ спасается, подобны лабиринту и сбиваютъ съ толку его враговъ.

CXV.

"Онъ то пробѣгаетъ сквозь стадо овецъ, для того, чтобы отважные псы ошиблись въ чутье; то черезъ вырытыя кроликами земляныя норки, заставляя умолкнуть громкій лай своихъ преследователей. Иногда онъ вмѣстѣ съ стадо дичи: опасность изоощряетъ находчивость; нужда умъ родить.

CLXVI.

"Такимъ способомъ, его залахъ слышывается съ другими и пылкіе, вынюхивающіе слѣдъ его псы приходятъ въ недоумѣніе, прекращая свой шумный лай до тѣхъ поръ, пока не откроютъ съ большимъ трудомъ свой промахъ; тогда они опять не щадятъ гортани: эхо имъ вторить, точно другая охота происходитъ на небесахъ.

CLXVII.

"Въ это время бѣгущаго-заяцъ ужъ на далекомъ холмѣ; стоя на заднихъ лапкахъ, онъ настоживаетъ ухо, чтобы слышать, преследуютъ ли еще его враги; до него доносится ихъ новый громкій сигнальный звонъ, и теперь его тревогу можно сравнить съ тою, которую испытываетъ тяжело больной, слышавъ призывной колоколь.

CLXVIII.

"И тутъ ты увидишь, какъ несчастный, вымокшій отъ росы, вертится во всѣ стороны, придумывая себѣ дорогу. Каждый сердитый шиповникъ царапаетъ ему утомленныя ноги, каждая тѣнь заставляетъ его отскочить, каждый шелестъ его останавливаетъ; - вѣтеръ несчастіе попирается многими и въ своемъ униженіи не находитъ помощи ни отъ кого.

CLXIX.

"Лежи смирно и выслушай еще немного... Нѣтъ, не сопротивляйся, я не дамъ тебѣ встать. Съ тѣмъ, чтобы заставить тебя возненавидѣть охоту на вепря, я читаю тебѣ наставленія, вопреки моему свойству, и если я дамъ разные выводы, то потому, что любовь способна истолковывать всякія дѣянія.

CLXX.

"На чемъ я остановилась?" "Все равно на чемъ, сказалъ онъ, твой рассказъ

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosofff.org
кончился кстати; ночь проходит." "Так что же?" возражает она. "Меня ждуть, говорит он, мои друзья. Теперь темно; я могу упасть, идя". "А ночью, замечает она, желание видеть лучше всего".

CLXXI.

"И если ты упадешь, тогда представь себе, что земля, влюбленная в тебя, принудила тебя споткнуться лишь для того, чтобы сорвать с тебя пощипу. Из-за богатой добычи делятся ворами и честные люди; так твои уста виною того, что скромная Диана становится мрачной и угрюмой, боясь, что она похитит у тебя пощипу и умрет клятвopеступницей.

CLXXII.

"Я понимаю теперь причину темноты этой ночи. Пристыженная Цинтия затмила свой серебристый лик, до той поры, пока обманщица природа не будет уличена в предательстве; за кражу с неба тех божественных форм, в которые она отлила тебя, на высший вызов небу, на посрамление солнца, днем, а ее, Цинтию, ночью.

CLXXIII.

"Вот почему она подкупила Рок с тем, чтобы исказить любопытное творение природы, смывав красоту с недугами, чистое совершенство с нечистыми недостатками, и подвергая его тирании бессмысленных злоключений и всяких бед.

CLXXIV.

"Вред; горячек, бледных и ослабляющих лихорадок, отравляющей жизнь чумы, шенного бреда, недуга, иссушающего мозг в костях и порождающего разстройство от разгорячения крови. Тошноты, сыпи, уныние и проклятое отчаяние поклялись умирить природу за то, что она создала тебя таким прекрасным.

CLXXV.

"И не самый меньший вред от всех этих недугов заключается в том, что они уничтожают красоту послеминутной борьбы: весь блеск, прелесть, окраска, все достоинства, которыми еще недавно любовался безпристрастный зритель, мгновенно гибнут, тают и исчезают, как горный снег под полуденным солнцем.

CLXXVI.

"И так, вопреки бесплодному целомудрию незнающих любви весталок и любящих лишь себя монахинь, которая желали бы произвести на земле; оскудевшие и полный неурожай сынов и дочерей, будь щедр: светильник, горящий ночью, не щадит своего масла на освещение мира.

CXXVII.

"Чем стало теперь твое дело, как не пожирающей могилой, как бы хоронящей в себе; твое потомство, которое ты должен однажды иметь; ты, по закону времени, если не погубишь его в мрачной, невдомой тьме? Если так, то мир будет тебя презирать за то,

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
что ты, въ своей надменности, убилъ его прекрасныя надежды.

CXXVIII.

"Ты уничтожаешь такъ себя въ себѣ; самою; это большее преступленіе, нежели междоусобица, нежели дѣланіе тѣхъ, которые убиваютъ себя своими же отчаянными руками или поступокъ отца мясника, лишающаго жизни своего сына. Творная рука раздѣляетъ скрытое сокровище, но золото, употребленное въ дѣло, родитъ золота еще болѣе".

CXXIX.

"Ахъ, сказалъ Адонисъ, ты снова принимаешься за свои праздныя, перемолотыя уже рѣчи! Поцлуй, данный мною тебѣ; былъ подаренъ напрасно, но ты тщетно борешься противъ теченія, потому что, клянусь чернымъ ликомъ этой ночи, развратной кормилицы похоти, твои разсужденія заставляютъ меня чувствовать менѣе и менѣе расположенія къ тебѣ;".

CXXX.

"Если-бы любовь снабдила тебя двадцатью тысячами языковъ, и каждый изъ нихъ былъ бы трогательнѣе твоего и очаровательнѣе пѣнія сирены, то и тогда не достигли бы моего слуха соблазнительныя звуки, потому что, знай это, мое сердце стоитъ вооруженное въ моихъ ушахъ и не допустить туда ни одной фальшивой ноты.

CXXXI.

"Съ той цѣлью, чтобы обманчивая гармонія не проникла въ мрачную ограду моей груди; тогда пришлось бы плохо моему сердечку, лишенному покоя въ его опочивальнѣ; нѣтъ, госпожа, нѣтъ; мое сердце не желаетъ стонать и спать крѣпко, потому что спать одинокимъ.

CXXXII.

"Было-ли что изъ твоихъ доказательствъ, чего я не мотъ бы опровергнуть? Скользка та дорога, которая ведетъ къ опасности. Я ненавижу не любовь, но твою любовную повадку, дарящую объятіями всякаго встрѣчнаго. Ты поступаешь такъ ради плодородія: О, странное извиненіе, ставящее разумъ въ сводники излишествъ сладострастія!

CXXXIII.

"Не зови этого любовью: любовь унеслась въ небеса, съ тѣхъ поръ, какъ пышущее сладострастіе захватило на землѣ; ея имя; подъ его простодушной личиной оно насыщается свѣжей красотою, пятная ее позоромъ; пыль этого тирана срамитъ ее и быстро губитъ, какъ гусеница жнуетъ листву.

CXXXIV.

"Любовь радуется, какъ солнечное сіяніе послѣ дождя, а сладострастіе дѣйствуетъ, какъ буря послѣ солнца. Весна любви остается всегда свѣжею; зима сладострастія нагрянетъ прежде конца лѣта. Любовь не пресыщается, сладострастіе мретъ отъ обжорства; любовь – вся истина; сладострастіе полно придуманной лжи.

CXXXV.

"Я могъ бы сказать болѣе, но не смѣю. Текстъ старъ, ораторъ слишкомъ молодъ, – и потому я удалюсь съ грустью; мое лицо полно стыдомъ, мое сердце досадой; мои уши, слушавшія твои распутныя рѣчи, горятъ теперь отъ своего проступка".

CXXXVI.

Послѣ этого, онъ вырывается изъ жныхъ объятій прекрасныхъ рукъ, прижимавшихъ его къ груди, и бѣжитъ быстро домой черезъ темную поляну, оставя влюбленную лежащую навзничь и огорченную глубоко. Подобно свѣтлой звѣздѣ, падающей съ неба, исчезаетъ онъ въ темнотѣ; изъ глазъ Венеры.

CXXXVII.

Она смотритъ ему вслѣдъ, какъ тотъ, который съ берега провожаетъ взглядомъ только что отплывшаго друга, до тѣхъ поръ, пока бѣшенныя волны не скроютъ его, вздымаясь своими хребтами до вѣтренныхъ имъ тучъ. Такъ беспощадная и черная ночь укрыла отъ нея предметъ, услаждавшій ея взоры.

CXXXVIII.

Пораженная, какъ уронившій нечаянно въ потокъ драгоценное украшеніе, или какъ бываетъ смущенъ ночной путникъ, когда свѣточъ его погаснетъ среди непріютнаго ландшафта, такъ лежала она во мракѣ, смятенная, утративъ прекраснаго вожатаго на своемъ пути.

CXXXIX.

Она бьетъ себя по сердцу, такъ что оно стонетъ, и всѣмъ сосѣднія пещеры, какъ въ волненіи, повторяютъ буквально ея вопли. Порывъ за порывомъ усиливаются вдвойнѣ. "Увы! восклицаетъ она, горе, горе!" И двадцать эхо повторяютъ двадцать разъ этотъ крикъ.

CXL.

Замѣтивъ это, она протягиваетъ жалобный звукъ и начинаетъ неожиданно пѣть печальную пѣсню о томъ, какъ любовь покоряетъ молодыхъ людей и отнимаетъ разумъ у старыхъ, какъ любовь умна въ своемъ безуміи, какъ глупа въ разсудительности. И ея унылый гимнъ все заканчивается воплемъ, которому эхо вторитъ хоромъ.

CXLI.

Ея однообразное пѣніе переступило за ночь: часы длинны и для любящихъ, хотя кажутся имъ короткими. Когда иные довольны сами, они думаютъ, что и другіе въ восторгѣ отъ подобныхъ же обстоятельствъ, отъ такихъ же забавъ. Ихъ заботливые рассказы, начинаемые безпрестанно съизнова, кончаются безъ слушателей, но неистощимы.

CXLII.

Съ кѣмъ пришлось ей провести всю ночь, какъ не съ пустыми отзвуками, подобными чужедамъ, или зычнымъ кабатчикамъ, откликающимся на всякій зовъ и угождающимъ всякой вздорной прихоти. Она говоритъ: "Это такъ"! и всѣмъ; отвѣчаютъ: "Такъ"! и повторили бы: "Нѣтъ"! если-бы она вымолвила это.

CXLIII.

Вотъ уже милый жаворонокъ, утомясь отдыхомъ, взлетаетъ въ высь изъ своего влажнаго пріюта и будить утро, изъ серебристаго лона котораго поднимается въ своемъ величіи солнце; оно окидываетъ міръ такимъ свѣтлымъ тозарнымъ взглядомъ, что вершины кедровъ и холмы кажутся полированнымъ золотомъ.

CXLIV.

Венера встрѣчаетъ его такимъ лестнымъ привѣтомъ: "О ты, ясный богъ и господинъ всякаго свѣта, отъ котораго каждый свѣтъ; тильникъ и блестящая звѣзда должны заимствовать то прекрасное свойство, которое сообщаетъ имъ ихъ сіяніе; здѣсь существуетъ сынъ, вскормленный земной матерью, но способный ссудить тебя свѣтомъ, какъ ты имъ ссужаешь другихъ!"

CXLV.

Сказавъ это, она спѣшитъ въ миртовую кущу, раздумывая о томъ, что утро уже протекло на столько, а она не получила еще вѣстей о своемъ возлюбленномъ. Она прислушивается къ его псамъ и его рогу; вскорѣ до нея доносится ихъ веселый возгласъ, и она спѣшитъ на этотъ звукъ.

CXLVI.

Во время ея бѣга, иной изъ кустарниковъ на ея пути ухватываетъ ее за шею, другой цѣлуетъ ее въ лицо; иные обвиваются вокругъ нея такъ плотно, что останавливаютъ ее; она рѣзко вырывается изъ ихъ объятій, подобно молочной лани, которая, страдая отъ переполненныхъ сосцовъ, спѣшитъ накормить своего дѣтеныша, укрытаго въ какой-нибудь чащѣ.

CXLVII.

Вдругъ, ей слышится собачій вой; она отпрядываетъ, какъ увидавшій змѣю, свернувшуюся зловѣщими кольцами прямо на его дорогѣ; испугъ заставляетъ его содрогнуться, такъ и жалобный лай собакъ угнетаетъ ей чувства и смущаетъ ея духъ.

CXLVIII.

Она догадывается, что это не мирная охота, но что тутъ свирѣпый вепрь, грубый медвѣдь или гордый левъ, потому что звукъ доносится все съ одного мѣста, съ котораго въ испугѣ; подають громко голосъ собаки: онѣ находятъ своего врага такимъ неприступнымъ, что уступаютъ одна другой честь напасть первую на него.

CXLIX.

Этотъ отчаянный лай откликается зловѣще въ ея ухахъ, проникая сквозь нихъ, чтобы поразить ея сердце; охваченное смущеніемъ и блѣднолицымъ

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
страхомъ, оно заставляетъ нѣтъ и леденѣтъ ея
ослабѣвшіе члены. Такъ солдаты, видя отступленіе своего вождя,
бѣгутъ постыдно, не отваживаясь отстаивать свое поле.

CL.

Она стоитъ, объята страхомъ, пока не успеетъ успокоить вновь свои встревоженные чувства. Она говоритъ имъ, что ихъ испугъ вызванъ только безпричинной мечтою, ребяческимъ заблужденіемъ; она велитъ имъ не трепетать болѣе, не бояться, и при этихъ словахъ замечаетъ гонимаго вепря.

CLI.

Его взмыленное рыло, все запятнанное краснымъ, подобно молоку, смѣшанному съ кровью, прогоняетъ новый страхъ по всѣмъ ея жиламъ, заставляя ее бѣжать безумно, куда она сама того не знаетъ; она кидается въ одну сторону, потомъ не хочетъ далѣе и обращается назадъ, призывая травлю на вепря за убійство.

CLII.

Тысяча волнений увлекаетъ ее въ тысячу сторонъ; она вступаетъ на тропинку, которую вновь покидаетъ; ея суетливая торопливость обезсиливается остановками, подобно дѣйствіямъ опьяненного мозга, полного соображеній, но не соображающаго ничего, готоваго приняться за все, но ничего не приводящаго въ исполненіе.

CLIII.

Она находитъ одного пса, притаившагося въ чащѣ, и допрашиваетъ измученнаго бѣднягу, гдѣ его хозяинъ; тамъ другого, который вылизываетъ свою рану, – лучшее средство противъ отравленныхъ ранъ; далѣе встрѣчаетъ еще одного, понутившагося уныло; она обращается къ нему, онъ отвѣчаетъ ей воемъ.

CLIV.

Когда затихаетъ его раздираемый стонъ, другой вислогубый плакальщикъ, черный, угрюмый, посылаетъ къ тверди свой возгласъ; еще одинъ, и еще – вторять ему, опустя долу свои горделивые хвосты и встряхивая исцарапанными ушами, сочащими кровь на каждомъ шагу.

CLV.

Мы видимъ, какъ бѣдные жители этого міра пугаются призраковъ, знаменій и чудесъ, глядя на которые устрешенными глазами, они проникаются ужасными предвѣщаніями; такъ и она задерживаетъ дыханіе. Потомъ, испуская вздохи, взываетъ къ смерти.

CLVI.

"Грубая тиранка, безобразная, худая, сухопарая, ненавистная разлучница влюбленныхъ (такъ поноситъ она смерть), угрюмоскрежещій призракъ, червь земной, что ты замыслила, загубивъ красоту, утушивъ дыханіе того, чья красота и дыханіе, при его жизни, сообщали блескъ розѣ; и аромат фіялки?"

CLVII.

"Если онъ умеръ... О, нѣтъ, невозможно, чтобы, видя его красу, ты могла ее поразить!.. О, да, это можетъ быть; у тебя нѣтъ глазъ, чтобы видѣть, и ты разишь жестоко наудачу. Ты цѣлишься въ старый возрастъ, но твой невѣрный ударъ попадаетъ не туда и пронзаетъ сердце ребенка.

CLVIII.

"Если бы ты только сказала: "Берегись"! онъ заговорилъ бы, и, услыжавъ его, твоя власть лишилась бы своей силы. Судьбы проклянуть тебя за этотъ ударъ; онъ повелѣвалъ тебѣ; скосить траву – ты срываешь цвѣтокъ: въ него могла быть пушена лишь золотая стрѣла Амура, а не черное копье Смерти, убившее его.

CLIX.

"Или ты питаешься слезами, что вызываешь такія рыданія? Что за польза тебѣ; отъ глубокаго стона? Зачѣмъ обрекла ты на вѣчный сонъ эти глаза, которые учили видѣть всѣ, другіе глаза? Теперь природа равнодушна къ твоему смертельному могуществу, если ты уже загубила ея лучшее твореніе своею жестокостію".

CLX.

Тутъ, изнемогая, какъ подъ бременемъ отчаянія, она смыкаетъ вѣки, которыя, подобно шлюзамъ, останавливаютъ хрустальный потокъ, стремящійся съ ея прекрасныхъ ланитъ въ нѣжное русло ея груди; но серебристый дождь прорывается сквозь преграды и отверзаетъ ихъ снова въ своемъ стремительномъ теченіи.

CLXI.

О, что за обмѣнъ между ея слезами и глазами! Ея глаза видны въ слезахъ, слезы въ глазахъ! То и другое – кристаллы, отражающіе взаимную горестъ, – горестъ, которую стараются дружески осушить вздохи. Но какъ въ бурный день чередуются вѣтеръ и дождь, такъ вздохи высушиваютъ ей щеки, слезы смачиваютъ ихъ снова.

CLXII.

Разнообразныя ощущенія тѣсня въ ея постоянной скорби какъ бы споря, которое изъ нихъ болѣе приличествуетъ ея печали. Всѣ; на лицо, каждое такъ заявляетъ о себѣ, что предстоящее кажется важнѣйшимъ, но ни одно не выше другого: тогда всѣ; они смѣшиваются, подобно тучамъ, соединяющимся, чтобы произвести непогоду.

CLXIII.

Вдругъ, она слышитъ гдѣ-то вдаль; охотничій призывъ. Никогда еще не радовала такъ ребенка кормилица пѣснь! Этотъ обнадеживающій звукъ разгоняетъ питаемая ею мрачныя мысли; воскресшая радость приглашаетъ ее къ веселію и обольщаетъ тѣмъ, что это голосъ Адониса.

CLXIV.

И тотчасъ ея слезы отливають назадъ; они заточены въ ея глазахъ, какъ жемчужины въ хрусталѣ; иногда лишь скатывается блестящая капля, которую поглощаютъ въ себя ея щеки, не допуская, чтобы она слѣдовала далѣе и омыла бы собою нечистую поверхность неряшливой земли, которая лишь упоена, когда кажется затопленной.

CLXV.

О, недовѣрчивая любовь, какъ странна ты, не вѣря и будучи слишкомъ легковѣрной! У тебя крайности и въ счастья, и въ несчастья; ты смѣшна своими то отчаяніемъ, то надеждой. Одно обольщаетъ тебя несбыточными мечтами, другое быстро разить правдоподобной мыслью.

CLXVI.

Она раздѣливаетъ теперь сотканную ею же завѣсу: Адонисъ живъ и незачѣмъ укорять Смерть. Точно не она, Венера, такъ поносила ее; теперь она осыпаетъ почестями это ненавистное имя: она зоветъ ее царицею могилъ и могилой царей, невозбранной повелительницей всего смертнаго.

CLXVII.

"Нѣтъ, нѣтъ, говорить она, милая Смерть, я только пошутила. Прости меня; на меня напалъ какой-то страхъ, когда я встрѣтила вепря, это кровожадное животное, незнакомое съ жалостью, жестокое всегда. Вотъ почему, любезный призракъ, — я должна признаться въ истинѣ, — я стала поносить тебя, вообразивъ, что мой возлюбленный мертвъ.

CLXVIII.

"Я не виновата; это вепрь подзадорилъ мой языкъ; мсти ему, незримая властительница! Это онъ, какъ негодная тварь, оскорбилъ тебя; я была только его орудіемъ, онъ виновникъ твоей обиды. У печали два языка, и никогда еще женщина не могла управлять обоими ими, не имѣя разума десяти женщинъ".

CLXIX.

Такъ въ надеждѣ; на то, что Адонисъ живъ, она прогоняетъ свои быстрыя подозрѣнія; и для того, чтобы его краса могла долѣе процвѣтать, она униженно льститъ Смерти, говоритъ ей о ея трофеяхъ, статуяхъ, гробницахъ, исторіи, побѣдахъ, триумфахъ и славахъ.

CLXX.

"О, Юпитеръ! взываетъ она, какъ я была безумна! Быть на столько слабодушной и глупой, чтобы оплакивать смерть того, кто живъ и не можетъ умереть до общаго уничтоженія человѣческаго рода! Потому что, если онъ умретъ, будетъ убита съ нимъ и красота, а съ гибелью красоты наступитъ снова черный хаосъ.

CLXXI.

"Стыдись, дорогая любовь, ты так труслива, как обремененный сокровищами и окруженный ворами! Пустяки, которым даже не были свидѣтелями зрѣніе и слухъ, кажутся твоему робкому сердцу бѣдами. При этихъ самыхъ словахъ, она слышитъ веселый рогъ и вскакиваетъ, бывъ еще недавно столь унылой.

CLXXII.

Какъ соколъ на приманку, такъ мчится она, не гнетъ травы, до того легка ея поступь; и поспѣвая такъ, она видитъ, къ своему несчастью, своего возлюбленнаго во власти ужаснаго вепря. При видѣ этого, закатываются ея глаза, какъ убитые этимъ зрѣлищемъ, или какъ звѣзды, посрамленныя днемъ.

CLXIII.

Или какъ улитка, которая, когда дотронутся до ея нижнихъ рожковъ, уползаетъ болѣзненно назадъ въ свою скорлупку и тамъ, свернувшись въ тѣни, сидитъ, долго опасаясь выползти вновь; такъ ея глаза скрылись отъ кроваваго зрѣлища въ глубокія, темныя головныя убѣжища.

CLXXIV.

Они сдаютъ здѣсь свои обязанности и свой свѣтъ въ распоряженіе смущеннаго мозга, который совѣтуетъ имъ соединиться съ безобразной ночью и не уязвлять болѣе сердца черезъ посредство зрѣнія. Подобно королю, потрясенному на престолѣ, оно, при поданной имъ вѣсти, испускаетъ смертельный вопль.

CLXXV.

Отъ котораго содрогается все ему подчиненное. Но, подобно тому какъ отъ вѣтра, заключеннаго въ почвѣ, ищущаго себѣ исхода и колеблящаго земныя основы, наполняются холоднымъ ужасомъ людскія сердца, такъ потрясеніе проникаетъ ее всю и заставляетъ ея глаза взглянуть вновь изъ ихъ мрачнаго ложа.

CLXXVI.

Отверзаясь, они устремляютъ невольный взглядъ на злящую рану, прорѣзанную вепремъ въ нѣжномъ боку Адониса; его лилейная бѣлизна орошена алыми слезами, катившимися изъ этой раны; не было цвѣтка, травки, листка, растенія, не впитавшихъ его крови и какъ бы не сочившихъ ея вѣстѣ; съ нимъ.

CLXXVII.

Бѣдная Венера видѣтъ это торжественное сочувствіе она склоняетъ свою голову на плечо, она то страдаетъ молча, то безумно бредитъ, думаетъ, онъ не умеръ, не мотъ умереть. Голосъ ея замираетъ, колѣна забываютъ преклониться, глаза въ гнѣвѣ; на то, что плакали преждевременно.

CLXXVIII.

Она смотритъ такъ пристально на его рану, что она представляется тройною ея помутившемуся взору. Тогда она упрекаетъ свои умножающіе глаза, которые плодятъ удары, гдѣ ихъ нѣтъ; лицо его двоится, каждый членъ

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosofff.org
кажется вдвойнѣ; зрѣніе часто вводится въ обманъ, когда разумъ
въ затменіи.

CLXXIX.

"Мои уста не находятъ выраженія для моего горя объ одномъ, произносить она,
а вотъ два мертвыхъ Адониса! Мои вздохи истощились, мои соленыя слезы
изсыкли, мои глаза въ огнѣ;, мое сердце обратилось въ свинець. Тяжкій
свинець моего сердца, растопись на красномъ огнѣ; моихъ глазъ! Такъ я
умру, расплавленная въ страстномъ желаніи.

CLXXX.

"Увы, бѣдный міръ, что за сокровище ты утратилъ! Остается ли въ
живыхъ чье либо лицо, достойное взглядовъ? Чей голосъ будетъ музыкой?
чѣмъ можешь ты теперь похвалиться изъ бывшаго или грядущаго?
цвѣты благоуханны, ихъ окраска свѣжа и мила, но истинная краса
жила и умерла съ нимъ.

CLXXXI.

"Пусть ни одно твореніе не носить болѣе головного убора или
покрывала! Ни солнце, ни вѣтеръ не будутъ стремиться облобызать васъ:
вамъ нечего прелестнаго терять, вамъ нечего и бояться; солнце презираетъ
васъ, вѣтеръ васъ освящаетъ. Но когда былъ живъ Адонисъ, то солнце и
вѣтеръ рыскали, какъ два вора, чтобы похитить его красу.

CLXXXII.

"Онъ накрывался поэтому шапкою, но яркое солнце заглядывало и подъ ея поля,
а вѣтеръ сдувалъ ее и, когда она падала, игралъ его кудрями. Адонисъ
начиналъ плакать, и тотчасъ же они, сжалась надъ его нѣжнымъ
возрастомъ, соперничали въ томъ, кому осушить его слезы.

CLXXXIII.

"Чтобы взглянуть на его лицо, левъ крался за какой-нибудь изгородью, не
желая его испугать; чтобы насладиться его пѣніемъ, тигръ
дѣлался ручнымъ и смиренно внималъ ему; стоило ему заговорить, и волкъ
оставлялъ свою добычу и не трогалъ глупой овцы въ этотъ день.

CLXXXIV.

"Когда онъ любовался на свое изображеніе въ ручьѣ;, рыбы расправляли
свои золотистыя жабры. Когда онъ приближался, птицы такъ восхищались, что
нѣкоторыя изъ нихъ начинали пѣть, другія приносили ему въ
клювѣ тутовую ягоду и румяныя – спѣлыя вишни. Онъ питалъ ихъ
своимъ видомъ, онѣ его – плодами.

CLXXXV.

"Но этотъ отвратительный, страшный, съ щетинистымъ пыломъ вепрь, котораго
глаза, вѣчно обращенные внизъ, изыскиваютъ могилу, не видалъ никогда
красоты, облекавшей Адониса; о томъ свидѣтельствуется самое его
дѣяніе. Если же онъ видѣлъ его лицо, то, я убѣждена, онъ
захотѣлъ его поцѣловать, – и тѣмъ убить его".

CLXXXVI.

"Это вѣрно, вѣрно; такъ былъ убить Адонисъ: онъ мчался на вепря съ своимъ острымъ копьемъ; тотъ не точилъ на него своихъ клыковъ, но захотѣль усмирить его ласкою и, оперевъ голову въ его бокъ, влюбленный боровъ нечаянно вонзилъ клыкъ въ его пахъ.

CLXXXVII.

"Будь у меня такіе зубы, я должна сознаться, убила бы его еще прежде, цѣлуя его. Но онъ умеръ, не уладивъ моей юности своєю.. Тѣмъ большія проклятія на мнѣ!".. Она надааетъ съ этимъ гдѣ стояла, запятнавъ себѣ лицо его запекшейся кровью".

CLXXXVIII.

Она смотритъ на его губы, онѣ блѣдны; беретъ за руку, она холодна; шепчетъ ему на ухо скорбныя рѣчи, какъ будто онъ можетъ слышать произносимыя ею печальныя слова; поднимаетъ вѣки, закрывающія его глаза: подъ ними, увы! два свѣточа, выгорѣвъ, лежатъ во тьмѣ.

CLXXXIX.

Два зеркала, въ которыхъ она глядѣлась на себя тысячу разъ, и которыя не отражаютъ болѣе ничего; утрачено ими свойство, составлявшее недавно ихъ совершенство, и вся красота ихъ лишена своего блеска.. "Чудо вѣка! говорить она, больно мнѣ, что, хотя ты мертвъ, день остается свѣтлымъ по прежнему.

CLXL.

"Если уже ты умеръ, увы, то предвѣщаю здѣсь: любви отнынѣ будетъ сопутствовать горе и провожатымъ ея станетъ ревность. Начала ея будутъ сладостныя, но конецъ горекъ; никогда не будетъ она уравновѣшена, но то возвышенна, то низка, такъ что всѣ радости любви не загладятъ ея печалей.

CLXLI.

"Она будетъ измѣнчива, притворна, полна лукавства; едва расцвѣвъ, уничтожена однимъ дуновеніемъ. Храня отраву на днѣ, она будетъ прикрыта на поверхности сластями, которыя обмануть самый вѣрный взглядъ. Она ослабитъ самое могучее тѣло, поразитъ нѣмотою мудреца и научитъ глупца говорить.

CLXLII.

"Она будетъ скаредною и готовою на мотовство, научитъ старцевъ пляскѣ, заставитъ присмирѣтъ изумленного грубіяна, разоритъ богача, осыплетъ сокровищами бѣдняка, будетъ безумно-неистойвой и глупо-кроткой, состаритъ молодого, превратитъ стараго въ младенца.

CLXLIII.

"Она будетъ подозрѣвать, безъ причинъ къ опасенію; не будетъ бояться, когда слѣдовало бы наиболѣе не довѣрять; будетъ милосердною и вѣстною; суровою, и тѣмъ болѣе обаячивою, чѣмъ болѣе покажется правдивою. Она будетъ предательскою, когда заявитъ наиболѣе преданности, станетъ предавать трусости храброму и отваги трусу.

CLXLIV.

"Она будетъ поводомъ къ война́мъ и пагубнымъ событіямъ, послѣдетъ раздоръ между отцами и сыновьями, будетъ рабой и слугою всѣхъ недовольствъ, подобно тому, какъ сухое топливо даетъ пищу огню. За то, что Смерть уничтожила мою любовь въ ея расцвѣтѣ, тѣ, которые будутъ наилучше любить, не насладятся своею любовью!"

CLXLV.

Въ это мгновеніе, распростертый возлѣ нея убитый юноша разсѣялся, какъ паръ на ея глазахъ, а изъ крови его, пролитой по землѣ, выросъ алый цвѣтокъ, испещренный бѣлымъ; онъ уподоблялся бѣлому лику Адониса и той крови, которая лежала круглыми каплями на его бѣлизнѣ.

CLXLVI.

Венера клонитъ голову, чтобы понюхать вновь выросшій цвѣтокъ, сравнивая его съ дыханіемъ Адониса. Она говоритъ, что этотъ цвѣтокъ долженъ покоиться на ея груди, если уже Адонисъ похищенъ у нея Смертью. Она обрываетъ стебли, на изломъ его выступаетъ зеленоватый сокъ, который она сравниваетъ съ его слезами.

CLXLVII.

"Бѣдный цвѣтокъ! произносить она, таковъ былъ обычай твоего родителя, о благоуханный отпрыскъ благоуханнаго отца! Его глаза увлажались при малѣйшемъ огорченіи; онъ хотѣлъ расти только для себя, но знай, что поблекнуть на моей груди не хуже, чѣмъ въ его крови.

CLXLVIII.

"Здѣсь было ложе твоего отца, здѣсь, на моей груди, ты его ближайшій преемникъ по крови, за тобою право покориться въ этой пустой колыбели, мое содроганное сердце будетъ указывать тебѣ; день и ночь, не будетъ въ часъ ни одной минуты, въ которую я не цѣловала бы мой цвѣтокъ любви!"

CLXLIX.

Она спѣшитъ съ опостылаго ей свѣта и впрягаетъ своихъ серебристыхъ голубковъ. Подъятая ихъ быстрой помощью, она возносится и мчится по пустымъ небесамъ въ своей легкой колесницѣ, направляясь къ Пандосу: тамъ хочетъ скрыться царица и оставаться невидимой.

КОНЕЦЪ.

"ВЕНЕРА и АДОНИСЬ".

Эта поэма Шекспира появилась въ 1593 году. Ей предшествовало слѣдующее посвященіе;

Высокодостопочтенному

Генри Райотесли

Графу Соутгэмптону барону Тильфильду.

Высокоуважаемый лордъ!

Не знаю, не оскорблю-ли Ваше Лордство посвященіемъ моихъ неотдѣланныхъ стиховъ; не знаю также, что скажетъ свѣтъ о томъ, что я избираю столь сильную опору для столь ничтожной ноши. Но, еслибъ Ваша свѣтлость выказала удовольствіе я почувствовалъ-бы себя въ высшей степени вознагражденнымъ и даль-бы обѣщаніе пользоваться всѣми сами досуга, чтобы засвидѣтельствовать мое уваженіе къ Вамъ болѣе важнымъ трудомъ. Если-же первенецъ моего вымысла окажется дурно сложеннымъ, мнѣ останется только сожалѣть и томъ что я далъ ему столь благороднаго воспріемника, и не воздѣлывать болѣе неблагодарной почвы изъ опасенія, чтобы она снова не дала мнѣ такой-же плохой жатвы. Это я поручаю Вашему разсмотрѣнію, а Вашу свѣтлость – сердечному довольству, и пусть оно всегда отвѣчаетъ какъ Вашему собственному желанію, такъ и исполненнымъ надежды ожиданіямъ свѣта!

Вашей свѣтлости всепокорнѣйшій слуга

Вильямъ Шекспиръ.

Основываясь на этомъ посвященіи, заключаютъ, что эта поэма есть первое произведеніе поэта въ этомъ родѣ; – его "первенецъ".

LI. "Бѣгаль въ перегонку". – "Base", по объясненію Джонсона, народная игра – "бѣгаль въ перегонку".

CLXVII. "Сигнальный звонъ", въ подлинникѣ "alarum", т. е. будильникъ. "Призывный кодоколь" – "passiny bell", т. е., колокольный звонъ для призыва всѣхъ молиться за отходящаго въ чуждость.

1593

ВЕНЕРА И АДОНИС

(Пер. А.И. Куршовой) (1949) [4 – Уильям Шекспир. Полное собрание сочинений. В восьми томах. Т. VII, М., Гослитиздат, 1949] [OCR Бычков М.Н.]

Его милости Генри Райотсли,

герцогу Соутемптону,

барону Тичфильду.

Ваша милость,

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org

Я сознаю, что поступаю очень дерзновенно, посвящая мои слабые строки вашей милости, и что свет меня осудит за соискание столь сильной опоры, когда моя ноша столь легковесна; но если ваша милость подарит мне свое благоволение, я буду считать это высочайшей наградой и даю обет употребить все мое свободное время и неустанно работать до тех пор, пока не создам в честь вашей милости какое-нибудь более серьезное творение. Но если этот первенец моей фантазии окажется уродом, я буду сокрушаться о том, что у него такой благородный крестный отец, и никогда более не буду возделывать столь неплодovitую почву, для того чтобы снова не собрать столь плохой жатвы. Я предоставляю это мое детище на рассмотрение вашей милости и желаю вашей милости исполнения всех ваших желаний на благо мира, возлагающего на вас свои надежды.

Покорный слуга вашей милости

Вильям Шекспир.

Едва лишь солнце, лик явив багряный,
С зарею плачущей простилось вновь,
Охотиться Адонис стал румяный:
Любил он травлю, презирал любовь.
Его, спеша, Венера настигает,
Как волокита дерзкий, обольщает

И говорит: "О, лучший цвет полей,
Меня прекрасней втрое, несравненный,
Румяней роз, белее голубей,
Укор для нимф, прелестней плоти тленной;
Природа предрекла, создав тебя:
лишь ты умрешь, погибнет мир, любя.

"Не откажи мне спешиться, о диво,
И привяжи к луке узду коня;
За то в награду ты узнаешь живо
Сладчайшие все тайны от меня.
Здесь сядь, где змей шипенье незнакомо:
Тебя, целуя, задушу истомой.

Но не пресыщу губ твоих, – верней
Средь изобилья сытость позабудут;
Ста поцелуев будет мой длинней,
А сто их одного короче будут;
Нам летний день покажется за час,
В такой утехе пролетев для нас".

Тут, влажной завладев его рукою,
Сил воплощеньем жизненных, она
Целебной для богинь росой земною
Ее зовет, дрожа, возбуждена.
Желанье множит силы опьянелой:
Его с коня она срывает смело.

В одной руке ее была узда,
И привлекала юношу другая;
Краснеет он с досады и стыда,
К такой игре охоты не питая.
Она, как уголь пламенный, красна,
Он красен от стыда, но кровь хладна.

На сук обломанный вмиг намотала
Венера повод (как любовь спешит!);
Привязан конь; она стараться стала
Связать и всадника, что с ног уж сбит,
Как бы сама хотела быть им сбитой;
Он – силы раб, не страсти, век несытой.

Лишь он упал, простерлась и она;
Им были локти, бедра их опорой;
Вот треплет по щеке его, нежна;
Он хмурится, браниться стал, но скоро

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Ему смыкает поцелуй уста:
"Браниться будешь, не откроешь рта".

Он от стыда горит; она слезами
Жар гасит девственный его ланит;
И после золотыми волосами
И ветром вздохов осушить спешит.
Бесстыдницы дает он ей название;
Дальнейшему кладет предел лобзание.

Как перья птицы, мясо клювом рвет
Терзаемая голодом орлица
И, поглощая все, крылами бьет,
Пока не стихнет голод или птица, –
Так лоб она целует, щеки, бровь,
И, только кончит, начинается вновь.

Он, не сдаваясь, силе уступая,
Лежит, дыша в лицо ей, недвижим;
Она же пар зовет, его впивая,
Небесной влагой, веяньем благим;
Ей жаль, что не цветник ее ланиты,
Столь освежающим дождем омытый.

Как птица в сеть попав и присмирив,
Адонис стих в объятиях Венеры;
Сопротивление, стыд, в нем вызвав гнев,
Глазам придали красоты без меры;
Так полная река, когда ей вод
Прибавит ливень, берега зальет.

Она все молит, молит, напевая
В прелестное ушко прелестный вздор;
А он все сердится, стыдом пылая,
Иль, побледнев от гнева, хмурит взор.
Еще милей он кажется, краснея,
Ее в восторг приводит он, бледнея.

Ей люб Адонис, как он ни гляди;
Своей рукой она клянется дивной
Не оторваться от его груди,
Пока он слез, что льются непрерывно
Из глаз ее, не примирит с собой,
Долг уплатив тем поцелуем свой.

Тут он лицо свое приподнимает;
Так выгланет подчас нырок из струй
И, встретив взгляд чужой, опять ныряет;
Готов Адонис дать ей поцелуй;
Но, лишь к устам ее близка пожива,
Свои, зажмурясь, он отводит живо.

Так в зной не жаждал путник свежих вод,
Как жаждала она своей уследы:
Спасенье видит, но его неймет;
Пылает вся среди речной прохлады.
"О, сжался, – восклицает, – мальчик злой!
Прошу лишь ласки: страх откуда твой?"

"Как я тебя, так и меня молили,
И сам суровый, грозный бог войны,
Чьей мощной выи битвы не склонили,
Которым все враги побеждены,
И он, мой пленник, раб мой, домогался
Того, что взять ты ныне отказался.

"У алтарей моих свой крепкий шлем
Повесил он, копье и щит чеканный;
Он научился танцам, играм всем,
Забавам, шуткам, – стяг презрев свой бранный,
Мои объятья полем битв избрав,

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Из ложа моего шатер создав.

"Так властелина я поработила
И на цепи из алых роз вела;
Булат слугою сделавшая сила
Рабой презренья моего была.
О, не гордись, не похваляйся властью
Над той, что бога битв смирила страстью.

"Губами прикоснись к губам моим
(Мои красны, хотя не так прекрасны),
Тот поцелуй ведь будет и твоим.
Что смотришь в землю? Взор впери свой ясный
В мои зрочки: твоя в них красота.
Слились два взора, что же не уста?

"Иль стыдно целовать? Зажмурься снова,
И я зажмурюсь, – станет ночь тотчас:
Двоих лишь усладить любовь готова;
Играй же смело, – не увидят нас;
Фиалки, заменившие нам ложе,
Болтать не могут и понять нас – тоже.

"Пушок, покрывший нежные уста,
Незрелость выдает, но все ж ты – милый.
Не упускай же время: красота
Быть не должна сама себе могилой.
Так во-время не сорванный цветок,
Себя снедая, вянет в краткий срок.

"Будь я дурна, морщинами изрыта,
Подслеповата, сгорблена, худа,
Истощена, недугами разбита,
Суша, груба и холоднее льда, –
Ты мог бы отстраниться от презренной;
Но как гнушаться мной, столь совершенной?

"Нет ни морщинки на моих висках;
Глаза подвижные блестящи, серы;
Прелестно тело, мозг горяч в костях;
Растет с весною красота Венеры;
И, мнится, влажная моя рука
В твоей растаять бы могла, легка.

"Лишь повели, речами очарую
Иль понесусь по лугу легче фей;
Не оставляя следа, затанцую,
Как нимфа, пряди распустив кудрей.
Любовь – подобье духа огневого
И не упасть, но вознестись готова.

"Докажут это слабые цветы!
На них лежу, но их не приминаю;
Два голубка с утра до темноты
Меня по небу носят, где желаю.
Когда любовь, мой мальчик, так легка,
Как может быть лишь для тебя тяжка?

"Иль ты в себя влюбился, полагая
Снискать любовь одной руки другой?
Так обольщай себя, вновь отвергая;
Кляни пленившего, пленен собой.
Вот так Нарцис погиб в самозабвенье,
В ручье свое целуя отраженье.

"Уборы созданы, чтоб их носить,
И красота, чтоб чувствам быть в угоду;
Трава, чтоб пахнуть; факел, чтоб светить;
Жить для себя – обманывать природу.
Зерно дает зерно, цветок – цветы;
Твой долг родить, как был рожден и ты.

"Как можешь ты вкушать плоды земные,
Не дав земле своих плодов вкусить?
Должны рождать все существа живые;
Ты сам умрешь, потомство будет жить.
Так ты себя переживешь нелживо,
Пока твое подобье будет живо".

Тут пот царице тело увлажнил:
Тень отступила от четы лежащей,
И облаченный в зной Титан вперил
В них ока пламенного взор палящий;
Желал бы он, став этим вот юнцом,
С ним поменяться местом и лицом.

Адонис, потянувшийся лениво,
Из-под нахмуренных бровей своих
Угрюмо глядя, сумрачно, гневливо,
Как смотрит небо из паров густых,
Воскликнул, морщась: "Брось любви упреки!
Я уйду: печет мне солнце щеки".

Она в ответ: "Так юн и так жесток!
Чтоб убежать, предлог ты выбрал слабый:
Небесных вздохов выдыхая ток,
Светила жар я охладить могла бы;
Тебя под сень моих волос укрыть;
Слезам, если вспыхнут, погасить.

"Сияя с неба, солнце жжет сияньем;
А я лежу меж солнцем и тобой.
Но не опасно мне оно пыланьем:
Меня сжигает взор палящий твой;
И будь я смертной, тут бы умерла я,
Меж вышним солнцем и земным пылая.

"Ты каменный, ты твердый, как булат?
Нет, тверже камня, – дождь его смягчает.
Любви не знал ты, женщиной зачат?
Не знал, как страсть несытая терзает?
О, если б мать твоя такой была,
Она тебя родить бы не могла.

"Чем заслужила я твое презренье?
Мои мольбы тебе опасны чем?
Иль поцелуй для губ твоих – растленье?
Скажи, но нежно, а не то будь нем.
Дай поцелуй, его с лихвой верну я,
Два, если хочешь, дам я поцелуя.

"Стыдись, холодный камень неживой,
Раскрашенное дивно изваянье,
Кумир, лишь взоры тешащий собой,
Не человек, подобье только, званье;
Нет, ты не муж, хоть мужествен на вид:
Муж и без просьбы ласками дарит".

Ее язык сковало нетерпенье,
Порывом страсти удержав его;
Лицо, пылая, выдает смятенье:
Не выиграть ей дела своего,
Судье в делах любви: она рыдает;
Молила бы, – рыданье ей мешает.

То головой, потупив взор, тряхнет,
То, глядя на него, руки коснется;
Руками, словно лентой, обовьет;
Связала бы, да он не поддается;
Но попытайся он порвать их круг,
Она сплетет персты лилейных рук.

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org

"Любимый, – говорит, – в кольце ограда
Слоновой кости заключен ты мной.
Я – парк, ты – мой олень; ищи улады
Где хочешь, – на горе и под горой.
Когда ж холмы тебя не утоляют,
Спустись туда, где родники пленяют.

"В пределах этих мало ли улад?
Прелестный дол, высокая равнина,
Холмы округлые, а в дождь и в град
Тебя укроет в зарослях ложбина.
Оленем будь, когда я парк такой;
Лай тысяч псов твой не смутит покой".

Адонис усмехнулся, полн презренья,
Две чудных ямки подарив щекам;
Амур их создал, – в эти углубленья
Он лег бы, если б он убит был сам;
Заранее он знает непреложно:
Где жил Амур, быть мертвым невозможно.

Раскрылись, чтоб вместить ее любовь,
Две милых, дивных ямки на ланитах.
Безумной, ей ли обезуметь вновь?
Второй удар что значит для убитых?
Любви царица, ты любить должна
Улыбку, что презрения полна.

Что делать ей? что ей сказать, постылой?
Слова иссякли, муки все растет;
Уходит время, прочь стремится милый,
Из рук ее он рвется, как из пут.
"О, сжался! Приласкай!" – она взывает;
Но, вырвавшись, к коню он убегает.

Но тут, в кустах недалеко пасясь,
Кобыла сильная и молодая
Коня завидела и понеслась;
Она храпит и громко ржет, взывая;
И конь, привязанный среди ветвей,
Порвал узду и мчится прямо к ней.

Он вскачь несется к ней со ржаньем гордым,
Плетеную подпругу в клочья рвет;
Он, землю рая, бьет копытом твердым,
И в недрах гром гремит, как бы с высот.
Конь удила стальные разгрызает:
Чем был смиряем, сам он то смиряет.

Насторожились уши; поднялась
Его всегда свисающая грива;
Впивают воздух ноздри, распалась,
Пар, как из горна, выдыхая живо;
Глаза сверкают, как огонь, и жгут, –
Отваги пыл, желанье выдают.

То рысью пустится он мерной, ровной,
В величье кротком, скромно горделив;
То на дыбы взовьется, скачет, словно
Сказать желая: это сил прилив;
А этим взоры я прельщаю страстно
Кобылы, что вот там стоит, прекрасной.

Чт_о_ гневный окрик всадника ему,
И "полно" льстивое, и "стой, куда ты"?
Чт_о_ шпоры острые, узда? К чему
Чепрак нарядный и убор богатый?
Пред ним она, и лишь она пред ним;
Не привлечен гордец ничем иным.

Как ни старался бы, коня рисуя,

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Художник жизнь искусством заменить,
С природой спорить в мастерстве риска, –
Живого мертвому нельзя затмить;
Так этот конь всех превосходит рвением,
Повадкой, мастью, костью и сложением.

Коротки бабки стройных, крепких ног;
Копыта круглы; густы, длинны щетки;
Глаз полон, грудь могуча, круп широк,
Мала головка, ушки же коротки.
Коню лихому нужно одного:
Лихого всадника в седло его.

Вот, в даль умчавшись, стал он и воззрился;
Вот прынул, лишь волос взметнулась прядь;
Вот вперегонки с ветром он пустился;
Бежит ли он, летит ли, – не понять.
В хвосте и в гриве свищет вихрь, играя,
Как два крыла пернатых, их взвевая.

Смотря на милую, он ржет; она,
Как будто понимая, ржет ответно;
Как женщина, вниманьем польщена,
По виду же капризно-неприветна;
С презрением отвергает пыл коня,
Копытом от себя его гоня.

Тут, приуныв, он хвост свой опускает,
Которым, как опущенным крылом,
Разгоряченный круп свой освежает;
Он бьет копытом; мух он ловит ртом.
И милая, заметив, как он взбешен,
Смягчилась вдруг, и конь был вмиг утешен.

Хозяин пробует коня поймать;
Но тут кобыла дикая в испуге,
Чтоб не попасться, понеслась опять;
За нею – конь, стремясь к своей подруге.
Как бешеные, мчатся в лес стремглав,
Ворон, их обгонявших, перегнав.

Адонис сел, погоней раздраженный,
Кляня строптивый норв скакуна;
И вновь Любви, любовью истомленной,
Возможность счастье вымолить дана.
Ведь говорят, – втройне любовник страждет,
Чье сердце тщетно высказаться жаждет.

Закрытая пылает жарче печь,
Запружена, река бурлит, вздымаясь;
Так с затаенной скорбью: только речь
Огонь любви смиряет, изливаясь.
Но если сердца адвокат молчит,
Клиент совсем отчаяньем убит.

Он покраснел, ее приметив близко,
Как уголек, что ветром разожжен;
На гневный лоб надвинул шляпу низко
И в землю взор потупил он, смущен,
Как будто бы ее не замечая,
Исподтишка ж за нею наблюдая.

О, стоило за нею наблюдать,
Как приближалась, крадучись, к упряму!
Как цвет лица менялся, чтобы дать
То бледности победу, то румянцу!
Вот только что была совсем бледна,
И вдруг зарницей вспыхнула она.

Вот подошла, колени преклонила,
Как бы любовник, перед ним с мольбой;

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Одной рукою лоб ему открыла,
К его лицу притронулась другой.
И на щеке, нежней ладони нежной,
Остался след, как бы на глади снежной.

Что за борьбу ведет со взглядом взгляд!
К его глазам ее глаза зывают;
Те, глаз ее не видя, в них глядят;
Мольбу одних другие отвергают;
И токи слез, ее затмивших взор,
Немой игре сопутствуют, как хор!

Вот руку юноши приподнимает:
В темнице снежной – лилия; вокруг
Слоновой кости – алебастр; сжимает
Столь белого врага столь белый друг.
Желанье спорит с нежеланьем, словно
Клюют друг друга голубки любовно.

Так инструмент души ее[5 – язык.] звучит:
"О, лучший в смертном хороводе зримом,
Будь я тобой, ты мною, – говорит, –
Ты с сердцем раненым, я с невредимым, –
Тебе б помог один мой нежный взгляд,
Хоть исцелил бы только плоти яд".

"Не тронь мне руку, дай", – он молвит живо.
"Дай сердце мне мое, – она в ответ, –
Иль, закаленному тобой на диво,
Не сохранить ему от вздохов след;
Любовным стонам не внимать глубокоим
Ожесточенному тобой, жестоким".

"Стыдись, – воскликнул он. – Пусти меня;
Не удалось потешиться мне ныне;
Из-за тебя лишился я коня.
Уйди, оставь меня в моей кручине:
Вся мысль моя, забота вся о том,
Как завладеть опять моим конем".

Она в ответ: "Как должно, приближенью
Желанья пылкому внимал твой конь:
Страсть подлежит, как уголь, охлажденью,
Иначе сердце подожжет огонь.
Пределы есть у моря, не у страсти:
Твой конь бежал, ее покороен власти.

"Подобно кляче, он стоял, смирен,
Привязан к дереву уздой ременной,
Но лишь любимую завидел он,
Как, сбросив с головы ремень презренный,
Он узы жалкие неволи рвет,
Освобождая спину, грудь и рот.

"Кто, милою любуясь обнаженной,
Белее простынь, мог бы не желать,
Взор насыщая, ею упоенный,
Другим всем чувствам наслажденье дать?
Кто, малодушный, в стужу коченеет,
А все к огню приблизиться не смеет?"

"Позволь вступиться, милый, за коня;
И пользоваться сладостным мгновеньем
Учись у скакуна: скорей меня
Научит он не словом – поведением.
Учись любить; наука не сложна:
Раз навсегда усвоится она".

"Любви, – он молвит, – не желаю знать я.
Будь это вепрь, – за ней погнался б я;
Велик заем, и не хочу должать я;

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Любви не жалуется любовь моя;
Жизнь в смерти, – это знаю по рассказам, –
Она и плачет и смеется разом.

"кто нераскрытой станет почку рвать?
И кто носить несшитым платьем станет?
Когда росток хотя немножко смять,
Бесплодно, не расцветши, он завянет.
Конь, если рано он оседлан был,
Навек лишится резвости и сил.

"Ты так мне сжала руку, что мне больно;
Расстанемся; и брось, не пустословь.
Не осаждай мне сердце: добровольно
Оно не впустит за стены любовь.
Ни льстивым клятвам, ни слезам притворным
Не сделать бреши в сердце столь упорном".

"Как! Говорить умеет твой язык?
О, лучше б ты был нем или я – глухая!
Сиренный голос твой в меня проник,
Мне бремя этим вдвое отягчая:
Небесный диссонанс, исполнен звук
Для слуха музыки, для сердца – мук.

"Слепая, через слух бы я любила
Твой мир незримый, внутренний, живой;
Глухую внешность бы твоя пленила,
Все чувства мне затронув красотой.
А если б слух мне изменил и зренье,
Любовь питало бы прикосновенье.

"Пусть прикоснуться я бы не могла,
Утратив зренье, слух и осязание,
Не меньше бы любовь моя была,
Когда б осталось мне лишь обоняние:
Ведь аромат дыхания твоего
Несет любовь впивающим его.

"Для вкуса что за пир ты б мог представить,
Кормилец чувств других! Ужель они
Не пожелали б вечно пир свой править,
Напомнив Подозрению: дверь замкни,
Чтоб не нарушен праздник был отрадней
Незваной гостью, Ревностью досадной!"

Раскрылись снова алые врата,
Чтоб послужить его речам исходом,
Как алость зорь, хотя вещает та
Грозу полям, крушение мореходам,
Беду пернатым, горе пастухам,
Вихрь и ненастье людям и стадам.

Она зловещий признак замечает:
Так стихнет вихрь пред тем, как дождь польет,
Оскалит зубы волк, потом залает,
И слива лопнет, прежде чем сгниет.
Так мысль его, как пуля из мушкета,
Ее сразила до его ответа.

Лишь он взглянул, упала вдруг она:
Убит и оживлен любовник взглядом;
Боль от обид улыбкой смягчена;
Блажен банкрот, вдруг овладевший кладом.
Сочтя Венеру мертвой, щеку ей
Бьет глупый мальчик; стала та красней.

Намеренье он бросил, пораженный,
Ей отповедь суровую прочесть,
Любовью в том хитро предупрежденный:
Уловка делает упавшей честь!

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Она в траве лежит, как бы убита,
Пока в нее любимым жизнь не влита.

Он теревит ей щеки, губы, нос,
Сгибает пальцы, пульс ей крепко давит;
Так зло, которое он ей нанес,
Он думает, хоть чем-нибудь исправит,
И вот целует; век бы ей лежать,
Лишь продолжал бы милый целовать.

В день превратилась ночь ее страданья.
Двух дивных окон показался свет;
Так солнце в свежей прелести сиянья,
Мир оживляя, утру шлет привет;
И как светило небо озаряет,
Так взор очей лицо ей освещает:

Лучи их на него устремлены,
Как если б свет оттуда почерпали.
Не будь его глаза омрачены,
Четыре светоча все б осияли;
Ее глаза, сквозь слезы бросив взгляд,
Как месяц, видный в водах, свет струят.

"О, где я? На земле ли, – вопрошает, –
Иль в небе? В океане иль в огне?
Который час? День, ночь ли наступает?
Сладка мне смерть иль жизнь желанна мне?
Вот я жила, – и смертно жизнь томила,
Вот умерла, – и жизнью смерть пленила.

"О, ты убил меня; убей опять:
Твоим жестоким сердцем взгляды были
Научены так дерзко презирать,
Что сердце бедное мое убили.
Не наступил бы день для глаз моих,
Когда б не жалость нежных губ твоих.

"Друг друга пусть за это врачеванье
Целуют век они! Пусть навсегда
Изгонит прочь их свежее дыханье
Заразы дух в тревожные года!
Чтоб звездочет, предрекший смерть, прибавил:
Дыханьем мир ты от чумы избавил.

"Чтоб чистых губ вновь сладкую печать
Мои познали губы, что устрою
За сделку я? Могу себя продать,
Чтоб ты купил и пользовался мною,
Для верности печаткою ручной
Отметив рот сургучно-красный мой.

"Дай поцелуев тысячу в уплату
За сердце мне, по одному платя.
Что десять сотен создают за трату?
Их долго ль дать, мгновенно их сочтя?
А если неоплата долг удвоит,
И двадцать сотен дать тебе что стоит?"

"Царица, – говорит он, – не спеши
Меня узнать, – я сам себя не знаю.
Моим летам причуды припиши:
Рыбак щадит рыбешек мелких стаю;
На ветке держится зеленый плод, –
Невкусен он; созрев, он упадет.

"Вот утешитель мировой устало,
Придя на запад, завершил свой труд.
Вещает ночь сова, уж поздно стало;
Стада и птицы свой нашли приют.
Нам тучи, неба затмевая очи,

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Велят расстаться, молвив "доброй ночи".

"Сказать и внять мне "доброй ночи" дай,
И поцелуй твои излечит муки".
Он слышит "доброй ночи", но "прощай"
Еще не молвил, как, в залог разлуки,
Она его за шею обняла,
Слив лица их, как бы сплотив тела.

Он, задыхаясь, рвется, отнимая
живую влагу алых губ своих,
Чей дивный вкус, уста ей пресыщая,
Все ж утолить не может жажду их.
Она, слабея, он, поддавшись силе,
Они упали (губы слиты были).

любовь спешит добычу захватить
И поглощает, все не насыщаясь;
Его уста должны ей дань платить,
Устам победоносным покоряясь,
Чья хищность цену дани подняла
И влагу уст его всю испила.

Вкусив добычи, с яростью несытой
Спешит Венера на нее напасть;
Ее лицо испариной покрыто,
В ней кровь кипит, и дерзостная страсть,
В ней пробуждая смелость, гонит разом
Стыда румянец чистый, честь и разум.

измучен, ослабев, разгорячен,
Он, как ребенок, лаской усмиренный,
Иль как олень, что травлей изнурен,
Подобно дикой птице прирученной,
Покорен ей, она ж спешит все брать,
что может, но не все, что хочет взять.

Как воск ни заморозь – при нагреванье
Давленьям легким не поддастся ль он?
Превозмогает трудности дерзанье,
В любви особенно, и кто влюблен,
Как бледнолицый трус не ослабеет:
Чем цель трудней, тем больше страсть смелеет.

Лишь отступись от хмурого она,
Не опьяняться б ей его летами;
Любовь бежать от гнева не должна:
Срывают розу, хоть она с шипами;
Сорвет запоры страсть, будь красота
И за семью замками заперта.

Удерживать глупца, который молит
Пустить его, ей жалость не велит;
Она его уж больше не неволит,
Но просит, – сердце ей пусть он хранит,
Которое, как в том она клянется
Амура луком, в нем отныне бьется.

"Мой мальчик, – молвит, – в эту ночь глазам
Больное сердце бдеть велит до света.
Удастся ль завтра повстречаться нам?
Удастся, да? Ты обещаешь это?"
Он отвечает: нет, друзьями он
Охотиться на вепря приглашен.

"На вепря!" – молвит, бледностью покрыта,
Венера, словно роза полотном;
И вот уж шея отрока обвита
Дрожащих в страхе рук ее ярмом;
И падает, держа его за шею,
Он – к ней на сердце, увлеченный ею.

Любви арена ей теперь дана,
А он – верхом, как перед жаркой схваткой;
Но что бы ни придумала она,
Не хочет править он своей лошадкой.
Танталу мук таких, как ей, не знать:
Попав в Элизий, счастья не вкушать!

Как бедных птиц обманутая стая,
На виноград рисованный слетясь,
Взор пресыщает, зоб не набивая,
Томилась так она, не наслаждаясь;
И поцелуями его покрыла,
Разжечь стараясь в нем хоть искру пыла.

Но тщетно: к ней безжалостна судьба;
Испробовано все, что выполнимо;
Достойна лучшего ее мольба;
Она Любовь – и любит, нелюбима!
Он говорит: "Ты жмешь меня; пусти;
Напрасно мне ты не даешь уйти".

"Ушел бы раньше ты, когда б о звере
Не помянул ты, – молвила она. –
О, берегись! Опасность в полной мере
Не сознаешь ты, целясь в кабана:
Как бы мясник какой-то кровожадный,
Клыки он вечно точит, беспощадный.

"Как боевой доспех, на страх врагам,
Щетина выгнутый хребет покрыла;
Глаза горят, подобно светлякам;
Могилы всюду вырывает рыло.
Все сокрушая на пути своем,
Кого толкнет он, тот убит клыком.

"Бокам мускулистым, в щетине щеткой,
Своим копьём не нанесешь ты ран;
Ты толстой шеи не пронзишь, короткой;
Рассержен, бросится на льва кабан.
Пред ним, когда он мчится разъяренный,
Терновник расступается, смятенный.

"Ах, он лица не ценит твоего,
Чью красоту Венеры взор ласкает;
Ни нежных рук, ни губ, ни глаз, – всего,
Что совершенством мир весь изумляет.
Тебя сразив (что вздумалось мне вдруг!),
Он взроет красоту твою, как луг.

"О, не тревожь его в берлоге дикой!
Не красоте со зверем враждовать;
Ты ищешь сам опасности великой;
Внимай речам друзей, чтоб не страдать.
Лишь вепря ты назвал, я ужаснулась,
Все существо мое вдруг содрогнулось.

"Заметил ты, как стала я бледна?
Как, страх внезапный взором выдавая,
Я, помертвев, упала, сражена?
В моей груди, тебя на ней качая,
Как бы землетрясения волной,
Трепещет, бьется сердце пред бедой.

"Там, где царит любовь, – по доброй воле
Смутьянка Ревность стражем состоит;
Бьет ложную тревогу о крамоле
И в мирный час "рази, рази!" кричит.
Убита Ревностью Любви утеха:
Так ветер и вода – огню помеха.

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org

"Червь, пожирающий любви росток,
Доносчица, шпионка роковая,
Источник распрей, сплетен и тревог,
То лжи, то правды вестница дурная,
Стучась мне в сердце, Ревность мне твердит,
Что смерть тебе, любимому, грозит.

"И представляет мне она картину:
Клыками взбешенного кабана
Твое подобье брошено на спину,
Все в пятнах крови спекшейся; она
Пролилась на цветы, и те в печали
Головками поникли и завяли.

"Будь это явь, что стала б делать я,
Когда намек приводит в содроганье?
При этой мысли стынет кровь моя,
И страх внушает сердцу прорицанье:
Случись лишь с ведром встретиться тебе,
Пророчу смерть твою и скорбь себе.

"А если так охотничьей забавой
Ты увлечен, – гонись, – вот мой совет, –
За робким зайцем, за лисой лукавой,
За ланью, – у нее отваги нет;
Преследуй, от собак не отставая,
Пугливых тварей, на коне летая.

"Когда косога ты вспугнешь, заметь,
Как он, бедняга, ветер обгоняет,
Опасность думая преодолеть,
Кружит, на тысячу ладов петляет, –
Чтоб множеством запутанных ходов,
Как в лабиринте, с толку сбить врагов.

"То в стадо он овечье устремится,
Чтоб обмануть собачий тонкий нюх,
То в норках кроличьих он притаится,
Чтоб лай затих, ему терзавший слух;
То в стадо замешается оленью;
Опасность ум внушает, страх – уменью.

"Так заяц, запах свой смешав с чужим,
Сбивает с толку псов, им сбавив пыла;
Открыв ошибку хоть с трудом большим,
Те глоток не щадят, затихших было;
Им эхо вторит, словно голоса
Другой охоты полнят небеса.

"Меж тем вдали бедняга на горушке,
Тревожно напрягая слух, стоит
На задних лапках, наостривши ушки;
И вот он слышит – громкий лай звучит.
Теперь больным подобен он, смятенный,
Что звон вдруг услышали похоронный.

"Несчастный, весь промоченный росой,
Туда, сюда кидается в тревоге;
От шороха, от тени – сам не свой;
Ему царапает терновник ноги:
Несчастных многие топтать непрочь;
Никто не хочет павшему помочь.

"Лежи и выслушай еще немного;
Нет, не противься, встать тебе не дам.
Хоть не к лицу мне, поучаю строго,
Чтоб вепря гнать ты расхотел бы сам.
И так и эдак, всячески толкую:
Любовь обдумает беду любую.

"На чем прервала речь я?" – "ни на чем!

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Пусти меня! – он молвит. – Вот все речи:
Проходит ночь". Она ему: "Что в том?" –
"Друзья, – он молвит, – ждут со мною встречи;
Во тьме легко упасть". Она в ответ:
"Чтоб видеть, нужен ли желанью свет?"

"А если упадешь, так, несомненно,
Земля заставила тебя упасть,
Чтоб поцелуй сорвать: добычей ценной
Научены и честные украсть;
Диану губ твоих соблазн тревожит:
Поцеловав, обет нарушить может.

затмилась,
"Понятно, почему так ночь темна:
То Цинтия, [6 – Одно из наименований Дианы.] пристыжена,

Пока природа не осуждена
За то, что, формы с неба скрав, потщилась
Тебя создать, как вызов небесам,
К стыду луне, и солнцу, и звездам.

"Подкуплены с тем Парки ею были,
Чтоб, дивный труд природы исказив,
Пороком совершенство осквернили,
Болезни с красотой совместив,
Ее подвергнув беспощадной власти
Безумных мук, бессмысленных несчастий.

"Горячки, лихорадки, буйный бред,
Отрава жизни, язва моровая,
Мозг иссушающий недуг, что вред
Приносит тяжкий, кровь разгорячая,
Отчаянье и скорбь природе мстят
За то, что так прекрасен ты на взгляд.

"Малейшая болезнь в борьбе неравной
Одолевает красоту тотчас;
И цвет и свет, все, чем еще недавно
Мог восхищаться беспристрастный глаз,
Мгновенно меркнет, гибнет, исчезает,
Как горный снег под знойным солнцем, тает.

"Наперекор Невинности скупой,
Монахини бесстрастью и весталки,
Желающим уменьшить род людской
И утвердить закон бесплодья жалкий, –
Ты щедрым будь: маяк в ночи горит,
И, в мир светя, он масла не щадит.

"Что плоть твоя? Не алчная ль могила,
Потомство поглотившая твое?
Оно бы рождено, конечно, было,
Не ввергни ты его в небытие.
Мир станет презирать тебя отныне:
Его надежду ты убил в гордыне.

"Так губишь ты себя в себе самом,
Зло – хуже всех междоусобных браней,
Убийства сына извергом-отцом,
Самоубийств и прочих злодеяний.
Ржа разъедает скрытый клад; дает
Деньгам расти свободный оборот".

Адонис молвил: "Ты опять к злосчастной
Вернулась теме, праздной и пустой!
Напрасно дан мой поцелуй; напрасно
С теченьем борешься; клянусь я тьмой,
Кормилицей желанья черноликой,
Ты опостылела мне речью дикой.

"Будь у тебя сто тысяч языков

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
И каждый превзойди язык твой льстивый,
Прельстительных не слышал бы я слов,
Чарующих, как песнь сирены лживой;
Знай, сердце чутко слух мне сторожит:
Фальшивый звук в него не залетит.

"Оно не даст гармонии обманной
Проникнуть в грудь мою, в мой мир смутив,
Отнять покой у сердца невозбранно,
Его в опочивальне истомив.
Оно не хочет, нет, стонать глубоко,
Но крепко спит, пока спит одиноко.

"В твоих речах чт_о_ не отверг бы я?
Порой мы к злу идем стезею гладкой;
Нет, не любовь, повадка лишь твоя
Всем раскрывать объятья – вот что гадко.
Иль это, чтоб потомство порождать?
Не странно ль в сводню разум обращать!

"любовь на небо землю променяла,
лишь сладострастье насыщать себя,
Под именем ее и видом, стало
Румяной красотой, ее губя,
им опороченную, беспощадно,
как зелень губят гусеницы жадно.

"любовь – что солнце за дождем вослед;
что буря вслед за солнцем – сладострастье.
Весна любви всегда свежа; расцвет
погубит сластолюбия ненастье.
любовь вся – правда; сладострастье – лжет;
воздержна та; объевшись, это мрет. [7 – Сладострастие
умирает от собственного избытка, от пресыщения.]

"Сказать бы больше мог я, но не смею:
Оратор молод, тема же стара.
С досадой в сердце, со стыдом немею
И ухожу в печали я, – пора.
Твоим речам распушенным внимая,
пылают уши, грех мой выдавая".

Тут из прекрасных вырвался он рук,
К ее груди его прижавших нежно,
И устремился через темный луг,
Венеру бросив грустной безнадежно;
как светлая звезда, упав с небес,
Так он в ночи из глаз ее исчез.

Она следит за ним, как с суши взоры
За другом уплывающим следят,
Пока валы, встающие, как горы,
до низких туч, его не поглотят.
Так беспощадно скрыла ночь глухая
Того, кто взор ей тешил, насыщая.

Потеряна, как если бы в поток
Вещь уронила ценности великой,
как путник, – лишь погаснет огонек,
ему светивший ночью в чаще дикой, –
она лежала в темноте ночной,
утратив светоч путеводный свой.

себя по сердцу стала бить Венера,
и, стонами ее потрясена,
окрест им вторит каждая пещера.
"Увы", – простонет двадцать раз она,
и эхо двадцать раз ответит стоном
на двадцать голосов и разным тоном.

Она, заметив это, начала

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Песнь заунывную о том, как чудно
Любовь всех рабству, бреду предала, –
умна в безумье, мудро-безрассудна.
Напев унылый переходит в стон,
И вторят отзвуки на разный тон.

Она поет всю ночь. Влюбленным мнится –
Часы бегут, хоть тянутся для них;
Что им приятно, то должно явиться –
Им кажется – утехой для других.
Неистошимо их повествованья;
Никто не слушает их окончанья.

Так ночь прошла среди праздных голосов,
Как паразиты, как в харчевне слуги,
Спешащих отклик дать на каждый зов,
Поддакивать и тешить всем досуги:
Лишь скажет "так" она, ей – "так" в ответ,
И повторили бы за нею "нет".

Покоем утомлен, с земли росистой
Вот жаворонок взвился и поет
И будит утро, с чьей груди сребристой
Во всем величье солнце восстает
И так на мир блистательно взирает,
Что кедры как бы золотом венчает.

Венера шлет ему такой привет:
"О, лучезарный бог той силы ясной,
В которой звезды почерпают свет,
Чтоб изливать сиянье так прекрасно,
Знай, сын здесь есть у матери земной:
Свет одолжить тебе он мог бы свой".

И в миртовую рощу поспешает,
Дивясь, что неизвестно ничего
О милом ей; и слух свой напрягает,
Чтоб звуки рога уловить его;
Вдруг, рога звучное заслышав пенье,
Она спешит на звуки в нетерпенье.

Кустарники целуют ей лицо,
За шею, на бегу ее, цепляясь;
Вкруг бедер обвивают, как кольцо;
Она ломает ветки, вырываясь.
Так лань с набухшим выменем спешит
К детенышу, что в чаще ею скрыт.

Вдруг, слыша визг собак, дрожит в тревоге
Венера так, как тот, кто б, увидав
Змею, свернувшуюся на дороге,
Отпрянул в ужасе, затрепетав.
Так визг испуганный собак в смятенье
Приводит чувства, дух ее в смущенье.

Теперь ей ясно: то не слабый враг,
Но грозный лев, медведь иль вепрь ужасный;
Ведь голоса встревоженных собак
Звучат все там же, словно в бой опасный
Страшась вступить, удар врагу нанести, –
Друг другу псы ту уступают честь.

Зловещий звук, звеня в ушах уныло,
В нее проник, ей сердце поразив;
Оно в смятенье, в ужасе застыло,
Все тело слабостью оледенив;
Лишь в плен начальники бывают взяты,
Бегут позорно от врага солдаты.

Она стояла так, потрясена,
Пока не успокоила немного

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Смятенных чувств, решив, что внушена
Воображеньем ложная тревога;
Им дрожь и страх унять она велит;
И видит вдруг – пред нею вебрь стоит.

Все в алых пятнах вспененное рыло, –
Как если б с молоком смешалась кровь, –
Вторично страх по жилам ей разлило
И обезумевшую гонит вновь:
Она бросается вперед и снова
Назад, чтоб вепря отчитать сурово.

И тысячей тревог увлечена
И тысячу меняя направлений,
Стремительна, медлительна она,
Как тот, кто пьян и, полн соображений,
Не может ничего сообразить;
За все хватается, чтоб все забыть.

Вот, видит, пес в кустах лежит; Венера
Его спросила, где хозяин их;
Другой зализывает рану, – мера
Действительней от яда всех других;
А третий, что понурился уныло,
Ответил воем, лишь она спросила.

Когда же смолк зловещий вопль, – второй,
Весь черный, плакальщик взывает хмуро;
За ним другие поднимают вой,
Столь гордые хвосты поджав понуро
И тяжело встряхивая вновь и вновь
Ушами, расцарапанными в кровь.

Как смертные смущаются, взирая
На знаменья, виденья, чудеса,
Со страхом в их зловещий смысл вникая,
Так и она, лишь вой раздался пса,
Смутилась, внемля мрачным предвещаньям,
И к Смерти так воззвала со стенаньем:

"Тиранка безобразная, скелет,
Разлучница (так Смерть она хулила),
Оскалившийся призрак, – в том расцвет
И красоты и жизни ты сгубила,
Чья прелесть розе образцом была,
С чьих уст фиалка аромат пила.

"Он умер, – нет, ты не могла, такими
любуйась прелестями, их сгубить;
Да, ты могла: глазницами пустыми
Не видишь ты, куда тебе разить:
Ты целишь в старика, но по ошибке
Стрела пронзает грудь младенца в зыбке.

"Предупрежденный о беде тобой,
Заговори он, – где твоя вся сила!
За свой удар ты проклята судьбой:
Ты вместо плевела цветов скосила.
Стрелой Любви он должен быть пронзен,
Не Смерти черною стрелой сражен.

"Зачем тебе, чтоб все мы слезы лили, –
ты пьешь их? Тяжкий стон тебе к чему?
Зачем глаза, что видеть всех учили,
Ты, Смерть, закрыла в вечном сне ему?
Сгубив Природы лучшее творенье,
Не страх ты ей внушаешь, но презренье".

Не одолев отчаянье свое,
Она сомкнула веки; и сдержали
Они, как шлюзы, струи слез ее,

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Что в русло нежное груди стекали;
Но серебристый дождь сквозь них проник,
Стремительным ручьем раскрыл их вмиг.

Как слезы и глаза обмен свершают!
В тех эти видны, в этих те блестят;
Они взаимно горесть отражают,
А горесть вздохи осушить спешат;
Как в бурю сменяют вихрь дождя потоки, –
Ей вздох осушит, слезы смочат щеки.

Ей множат скорбь немало мук иных,
На первенство оспаривая право,
И так терзает каждая из них,
Что кажется, в ней – главная отрава.
Но все равны; и вот они толпой
Собрались все, как тучи пред грозой.

Вдруг слышит клич Венера отдаленный;
Нет, никогда не радовала так
Ребенка песнь кормилицы бессонной:
Надежды звук рассеет мыслей мрак.
В ней оживает радость, оживляя
И голосом любимым обольщая.

И отливают слезы вспять тотчас,
В глазах, как жемчуг в хрустале, блистая;
А ту, что скатится порой из глаз,
Щека вберет, омыть ей не давая
Нечистый лик земли, что лишь пьяна,
Хоть кажется затопленной она.

Так недоверчива, так легковерна,
Как странно ты, Любовь, сотворена!
Печаль и радость, все в тебе чрезмерно;
В отчаянье, в надежде ты смешна:
Мечтою лживой эта обольщает,
Правдоподобной мыслью то сражает.

Чт_о_ ткала, распустить она спешит:
Адонис жив, и Смерть пред ней безвинна.
Венера Смерти ненавистной льстит:
То не она дерзила ей бесчинно;
Зовет ее царицею могил,
Цариц могилой, высшею из сил.

"Нет, нет, – богиня молвит, – это шутка;
Смерть милая, прости меня, поверь, –
Лишь появился вепрь, мне стало жутко:
Не знает жалости свирепый зверь.
И, признаюсь, я стала, призрак чтимый
Тебя бранить, страшась, что мертв любимый.

"Но это вепрь мне подстрекнул язык;
Отмсти ему, невидимая сила:
Негодный, он – твой главный клеветник,
Я лишь орудием ему служила:
Чтоб править скорби языком двойным,
Нам мало обладать умом одним".

Так гонит прочь Венера подозренье
В надежде, что Адонис невредим,
И к Смерти подольщается в смиренье,
Чтоб красота расцвеств успела с ним;
О статуях толкует, мавзолеях,
Ее победах, славе и трофеях

И говорит: "Юпитер! Затужив,
Как малодушно я, как безрассудно
Оплакивала смерть того, кто жив
И должен жить, пока земля безлюдной

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Не станет вновь: с ним красота умрет,
А смерть ее ночь хаоса вернет.

"Стыдись, Любовь: ворами окруженный
И ценный груз несущий трусит так;
Твоими чувствами не подтвержденный
Тебя смутить какой-то мог пустяк".
Тут слышит звук она веселый рога
У вот уж мчится, – где ее тревога!

Как сокол на приманку, так она
Летит, легка, травы не приминая;
И видит – диким ведрем сражена
Ее отрада, столь ей дорогая.
Глаза Венеры, смертных полны мук.
Как звезды к утру, закатились вдруг;

Иль как улитки, тронь лишь рожки, живо
В отверстие раковин вползают вспять
И долго прячутся там боязливо.
Страшась наружу выползти опять, –
Так скрылись в темных впадинах глубоко
Глаза, картиной тронуты жестокой.

Там предоставили они свой свет
Ее уму, смущенному виденьем;
Укрыться в ночь он им дает совет,
Чтоб сердце ей не уязвляли зреньем.
Оно, как царь, чей пошатнулся трон:
Их донесенья в нем рождают стон.

И все трепещет вокруг, ему внимая;
Как вихрь, что в недрах заключен земных,
Наружу рвется, землю сотрясая,
И поражает ужасом живых,
Все тело ей смятенье охватило,
Глаза на мрачном ложе пробудило.

Они, раскрывшись, проливают свет
На бок Адониса, что взрыт клыками;
Окрашен в пурпур снежный тела цвет
Из раны источенными слезами;
И каждый листик и цветок их пьет
И как бы кровь свою по капле льет.

Венера видит скорби проявленье
И, голову свою к плечу склонив,
Безмолвно страждет, бредит в исступленье:
Он умереть не может, нет, он жив.
Ей голос изменил, глаза сердиты
На то, что слезы ими все излиты.

На рану пристально она глядит
И видит три, как кажется ей, раны;
Свой помраченный взор она бранит
За то, что множит, где их нет, изъяны.
Черты двоятся на лице двойном:
Обманут глаз расстроеным умом.

"И об одном не выразить печали, –
Скорбит Венера, – здесь же вечным сном
Спят два Адониса. Нет слез, и стали
Огнями очи, сердце же свинцом;
В огне очей расплавься, сердце, тая!
Так я умру, плоть в страсти растворяя.

"О бедный мир, ты все утратил в нем!
Отныне чье лицо достойно взгляда?
Чей голос музыка? Чем ты в былом,
Чем в будущем гордиться б мог с отрадой?
Цветы свежи, окраска их мила;

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Но красота с ним вместе умерла.

"Не нужно шляп вам, смертные созданья!
Ни ветер, ни солнце не страшны сейчас:
Что вам терять? В вас нет очарованья;
Вас ветер освищет, солнце презрит вас.
Они Адониса подстерегали
И красоту его отнять желали.

"И потому носил все шляпу тот.
Бывало, солнце под поля заглянет,
А ветер, вмиг сорвав ее, начнет
Играть кудрями; мальчик плакать станет;
И оба, сжалившись, спешат тотчас
Слезинки осушить прекрасных глаз.

"Чтоб не пугать его, из-за ограды
Лев любовался, крадучися, им;
Чтоб пеня его вкусить отрады,
Тигр становился кротким и ручным;
Бросал добычу волк, ему внимая,
В тот день ягненку страха не внушая.

"Вкруг отражения его толпясь,
Златые жабры рыбки раскрывали;
И птицы пели, на него дивясь,
Другие в клювах вишни предлагали;
Так красотой насыщал он птиц,
Они его – плодами шелковиц.

"Но этот гнусный вепрь, чьи взоры вечно
Уперты в землю в поисках могил,
Не видел красоты его, конечно,
Иначе бы его не умертвил;
А если видел, захотелось зверю
Поцеловать Адониса, – я верю.

"Да, да, вот так Адонис был убит:
На вепря он, копьем нацелясь, мчался;
Тот думал – поцелуем убедит,
Что он его убить не собирался;
И вепрь, любовью к юноше влеком,
Нечаянно пронзил его клыком.

"Будь так зубаста я, в моем объятье
Адонис прежде бы уж был убит.
Но умер он; и вот на мне проклятие:
Его весна моей не усладит".
Она упала на землю, стелая,
В его крови лицо свое пятная.

Венера взглянет – бледен милый рот;
Руки коснется – та похолодела;
И на ухо шептать ему начнет,
Как будто внемлет скорбной речи тело;
Она поднимет веки милых глаз:
Там – две звезды, чей свет, увы, погас!

Два зеркала, в которые Венере
Глядеться приводилось столько раз,
Утратив дар, им сродный в высшей мере,
Не отражают ничего сейчас!
"О диво! – молвит. – Этот мир ужасен;
Ты умер в нем, а день, как прежде, ясен.

"Так, умер ты, и я хочу предречь:
Скорбь будет спутницей Любви отныне,
А Ревность, ей служа, ее стеречь;
Начнется сладко, кончится в кручине;
То ввысь взлетит она, то упадет,
И все улады скорбь в ней превзойдет.

"Она коварна будет и лукава;
Буто́н – и вмиг уж отцвела она;
Обманчиво подслащена, отрава
В ней будет горькая затаена.
Мощь сломит силача она; дар слова
Отняв у мудрых, взыщет им тупого.

"Она мотовкой будет и скупой;
Заманит дряхлых в пляс; смирит нахала;
Богатых пустит по миру с сумой,
А бедняков насытит до отвала;
Юнца состарит, – яростна, кротка, –
И обратит в младенца старика.

"Подозревать там станет, где не надо,
Там верить, где не должно доверять;
Жестокость совместив в себе с пощадой,
Правдивой притворяясь, будет лгать;
Чем кротче с виду, тем строптивей будет;
Отвагу в трусе, в смелом страх пробудит.

"Она причиной станет войн и бед;
Меж сыном и отцом раздор посеет;
Как без горячего горенья нет,
Все недовольства так она взлелеет.
Моя любовь убита; пусть же тот,
Кто крепче любит, счастья не найдет".

Тут отрок, что пред ней лежал убитый,
Как легкий пар, растаял и пропал;
Из капель крови, на землю пролитой,
Возник цветок, лилейно бел и ал,
Ланиты бледные напоминая,
Чью белизну кропила кровь, пятная.

Она к цветку нагнулась, аромат
Адониса дыханьем называя;
Пусть, если сам любимый Смертью взят,
Цветок живет, на грудь к ней припадая.
Она сломила стебель; сок на нем,
Как слезы, выступил, смочив излом.

"Бедняжка, весь в него, – она сказала. –
О, сладкий сын сладчайшего отца!
Тому глаза безделка увлажняла;
Цвезть для себя хотел он до конца.
Таков и ты; но на груди укрытым
Увянуть лучше, чем в крови омытым.

"Как твой отец, здесь, на груди моей,
Покойся, словно в зыбке, безмятежно,
Биеньем сердца моего на ней
И днем и ночью убаюкан нежно.
И каждый миг мне новый даст предлог,
Чтоб целовать любви моей цветок".

Она, спеша покинуть мир постылый,
Впрягает в колесницу голубков;
Вознесена их парой быстроекрылой,
Летит Венера выше облаков,
Полет свой в Пафос [8 – Город на Кипре, неподалеку от
которого будто бы родилась Венера.] направляя чтимый,
Чтоб там замкнуться, став для всех незримой.

Примечания

Поэма "Венера и Адонис" была в первый раз издана в 1593 г.

Безупречность этого текста позволяет думать, что издание было осуществлено

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
под непосредственным наблюдением Шекспира. Поэма имела огромный успех: об этом свидетельствует как то обстоятельство, что до 1636 г. она была переиздана по меньшей мере двенадцать раз, так и многочисленные хвалебные упоминания о ней критиков того времени. В 1598 г. Ричард Барнфильд в своем "Воспоминании о некоторых английских поэтах" восхваляет "медовую струю автора Венеры и Лукреции". В том же году вышло в свет "Сравнение наших английских поэтов с греческими, латинскими и итальянскими" Мереса, в котором автор утверждает, что Овидий возродился в "сладостном и медвяно-язычном" Шекспире, ссылаясь на две упомянутые его поэмы и сонеты.

Из того, что Шекспир в посвящении поэмы Соутемптону называет ее "первенцем своей фантазии", некоторые критики готовы были сделать вывод, что поэма эта была написана раньше всех драм Шекспира, быть может, еще в юношеские годы, в Стретфорде. Однако во времена Шекспира драматургия не считалась "высокой" поэзией (*invention*), к которой причислялись только лирические, эпические или дидактические произведения. Кроме того, слово "первенец" могло иметь в виду момент не написания, а опубликования произведения; а мы знаем, что до 1593 г. ни одна из пьес Шекспира еще не была напечатана. Принимая во внимание значительное мастерство этой поэмы, делающее мало вероятным возникновение ее до переезда Шекспира в Лондон, а также то обстоятельство, что поэтические произведения в то время обычно не залеживались, а печатались сразу после их написания, мы должны заключить, что поэма возникла в 1593 г. или незадолго до того. С этим хорошо согласуется тот факт, что с лета 1592 г. лондонские театры должны были закрыться на два года из-за чумы. По всей вероятности, Шекспир воспользовался вынужденным досугом для написания этой поэмы.

Основным источником Шекспиру послужил рассказ о любви Венеры и Адониса в "Метаморфозах" Овидия (кн. 10), который он мог прочесть в подлиннике или в английском переводе Гольдинга (изд. 1567 г.). При этом Шекспир допускает мелкие сюжетные отклонения, непосредственные источники которых установить невозможно, так как сюжет этот был необычайно широко распространен в ту эпоху и в письменной и в устной традиции.

"Венера и Адонис" принадлежит к весьма популярному во времена Шекспира жанру мифологических любовных поэм. Стилистически шекспировская поэма особенно тесно связана с "Главком и Скиллой" Лоджа (1589) и "Геро и Леандром" Марло (1593). Зависимость от поэмы Лоджа несомненна, что же касается неоконченной поэмы Марло, то ввиду одновременности обоих произведений трудно решить, испытал ли Шекспир влияние Марло или, наоборот, Марло в какой-то мере подражал ему.

ПРИМЕЧАНИЯ К ТЕКСТУ ПОЭМЫ

23. Тут, влажной завладев его рукою... Влажность руки, по понятиям того времени, знаменовала обилие жизненных сил.

506–508. Пусть навсегда изгонит прочь их свежее дыханье заразы дух в тревожные года. Существовало обыкновение, когда раздражалась какая-нибудь эпидемия, ставить в жилых комнатах ароматные растения, благоухание которых будто бы прогоняло заразу.

601–602. Как бедных птиц обманутая стая, на виноград рисованный слетясь... О древнегреческом живописце Зевксисе рассказывали, что однажды он нарисовал виноград с такой правдивостью, что на картину слетелись птицы, пытавшиеся клевать этот виноград.

4046–4047. Как вихрь, что в недрах заключен земных, наружу рвется, землю сотрясая... Распространенное во времена Шекспира объяснение происхождения землетрясений.

ВЕНЕРА И АДОНИС

Перевод с английского В. Ладогина

Vilia miretur vulgus; mihi flavus Apollo

Posula Castalia plena ministret aqua.

Ovidius. "De Amore"

Дешевка изумляет толпу; пусть Аполлон
рыжеволосый мне доставит чаши,
полные Кастальской воды.

Овидий. "О любви"

Достопочтенному Генри Райзли,
графу Саутгемптон и барону Тичфилду

ВАША СВЕТЛОСТЬ,

Не знаю сам, как я осмелился посветить Вам, милорд, мои корявые строки, не знаю, простит ли мне свет выбор столь мощной опоры при столь легком бремени, но если мой дар не оскорбит Вашего достоинства, то я почту это высшею наградой, и поклянусь не знать отдыха, пока не напишу в Вашу честь труд более весомый. Если же первое дитя моих фантазий окажется недостойным Вас, я мне будет стыдно за то, что я выбрал для него такого благородного крестного отца, и я с тех пор уже не осмелюсь возделывать столь бесплодную почву, чтобы не получить вновь такого плохого урожая. Я оставляю это произведение на Ваш достопочтенный суд, суд чести и сердца; и желаю исполнения всех Ваших желаний и всех надежд, которые возлагает на Вас мир.

Остаюсь покорным слугой Вашей чести,

Уильям ШЕКСПИР

По месту мокрому в глазах зари
С надутых солнца щек ударил луч.
Адонис вскачь. Вон там, верхом – смотри,
Как краснощек! Борзые лают с круч,
Сама Венера мальчику смешна,
Как нищенка, визжит сквозь песий лай она!

"Самой себя мне ты милей трикрат!
Царь-цветик полевой, мой несравненно сладкий!
По мненью нимф, всех краше ты подряд
Краснее да белее голубка у розы в грядке.
Тебя природа в муках родила,
Боясь, как бы с тобой не умерла.

Эй, прелесть, не сошел бы ты с коня,
Да к ветке повод бы не подвязал,
Седло оставив! Спрыгни, вся твоя
Здесь сладких тайн Венерина казна!
Сюда садись, где нет шипенья змей,
И жарким поцелуем кровь согрей!

Не вороти пресыщенного рта,
Но полный меда, раскрывай для меда!
То бледна, то кровава ласк черта,
Сто чмоков мигом и взасос, как в воду!
День лета красного умчится часом,
Мы вкусно сгубим сутки первым классом!"

И хватъ ладонь, и жадно лижет пот,
Мча рядом с поводом, и запах крепыша,
Дрожа, сквозь ноздри тянет, точно пьет,
Хрипя: "Мне сладко!" Екнула душа
У Зевса аж. Придал он дочке сил.

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Пал отрок в прах, чтоб возвенчать злой пыл.

Одной рукой смиряя скакуна,
Касается до цветика другой.
Он ал, он бел, свинец, как с бодуна,
Пульсирует под потною шлеей,
Она красней угля и жарче плит.
Он – лед, лишь на щеках сверкает стыд.

Нашедши ветку для узды кривую,
Мастачит привязь – расторопна страсть.
"С конем порядок. Дай-ка обмозгую,
Как спутать всадника". Мгновенно – шась!
Толк парня навзничь, как бы вся в испуге.
Скок на него! да в чреслах нет натуги...

Хотя его в паденье догнала,
Оперся он о локоть, и она
Да сбоку по щеке! Он: "Как могла?!"
Лишь рот открыл – уж там ее слюна.
И речь ее, сквозь трудное дыханье:
"чур – не ругаться – придушу губами!"

Позорно красен он. Она же плачет...
Моля, слезами тушит жар щеки,
Ветр с губ летит, золотая грива машет,
Мокрит юнца, трет локоном сухим –
"Оставьте эту гадость, госпожа!" –
Но давит на язык язык, дрожа.

Так клюв трясется у орлицы жрущей,
Рвя яро жир, из плоти кость трясся,
С рывками страшных крыл, в прах, в пух, все, вся!
Дотла, или до сытости гнетущей,
Так лоб, ланиты, бороду сосет,
И как покончит – сизнова начнет.

Притиснутый, он терпит не любя.
Вспотел, и выдыхает ей в лицо.
Она ж впивает этот дух в себя,
Брызг слюнь, соль пота мнится ей росой.
"Ах, пусть бы щеки заросли цветами,
Таковыми орошаемы струями!.."

Ну прям как пташка в путах сетевых,
Расхристан отрок в бешеных руках.
Отпор, позор и стыд в глазах сухих,
И лаком гнев ей в яростных очах!
Так вешний ливень, реку оросив,
Из берегов крутых родит разлив.

Мольба из нежных уст ее, мольба!
Приникнуть ушком к звону волшебства,
Но он угрюм и зол. "При чем слова?"
Как стыд, багров, и бледен, как судьба,
Как ей румянец нравится лихой,
Да и когда он бледненький такой!

Есть выбор у него, не у нее,
Бессмертная ручается, стеная,
Не слезть с него, покуда... В том дает
Любую клятву, все припоминая,
Что погасить пыланье слезных струй,
Что выпутаться даст лишь поцелуй.

На обещанье клюнув подбородком,
Как на крючок, как из волны в лучи,
Как рыба, как нырок, напуган, кроток,
Явил он рот, мол, плату получи,
Но лишь коснулся женский рот залога.
Отдернул вбок закуску недотрога.

Росинки в засуху не жаждет путник,
Как женщина, чтоб он вернул ей рот,
И плюх бы в грязь! Ан чист, ан не распутник...
Горят глаза, дымятся.. Зуб неймет.
"Да что же ты за каменный юнец?
Ну дай хоть поцелуйчик, наконец!

Прошу о том, зачем ко мне вживую
Буйнолюбивый бегал Битвобог,
Не гнувший сроду жилистую выю;
Тьмы вражьи попирали его сапог,
Но стал моим рабом, мне подчинялся,
Возьми ж то, для чего он унижался!

Он положил свой дрот на мой алтарь,
Ужасный щит и оперенный шлем,
И в честь мою пажом явился царь,
Все антраша сплясал, был мягок, что твой крем,
Альков мой выбрал полевым шатром,
За крови гром в висках отдал и кровь, и гром.

Я посадила гордого царя
На цепь из миллиарда алых роз,
Сталь сжав рукой, плевком огонь смиря,
Рекла: "Нет, не люблю я Вас, герой-с",
Так не кичился б властью ты, салага,
Над сердцем, презиравшем аж варяга [9 - Вариант:Так не
кичился б властью ты, ей-богу,Над сердцем, презиравшем аж Сварога!].

Ну же, тронь губы мне, рот неземной,
Куда не кинь, мой тоже рот хорош,
Ведь общий поцелуй-то, мой, но твой.
Что в землю ткнулся, что в земле найдешь?
В мои глаза взгляни-ка, милый фетиш,
Что ж губ не слить, уж раз в глазах так светишь?

Стесняешься? Зажмурься, дорогой,
И я зажмурюсь. Хочешь в ночь сыграть?
Друг, в теле жить нельзя душе одной,
Побалуйся, никто не будет знать,
Фиалки не расскажут лепестками,
Что нашими раздавлены боками!

Пусть нет усов покуда над губой,
Один апрель! А все же, дай на пробу,
Давай их пустим в ход, и Зевс с тобой,
Сидеть в себе, как жить под крышкой гроба,
Когда цветка волшебного не снять
Скорей с куста, он может ведь увянуть!

Будь в чирьях я, или кругом в морщинах,
Горбатой, дряхлой, лысой и больной,
Корявой и фригидной дурачиной,
Визжала б вся в соплях, так фиг со мной!
Сказал бы ты: "Мне эта дрянь не пара!"
Но выгляжу я ладно и не старо!

Что ж дуться? Лоб покуда без морщин,
Сер яркий глаз и весело стреляет,
И возраст бесконечных именован,
Мне сносу нет, плоть с каждым днем свежает,
Возьми хоть руку, и в твоей, влажна,
Утопнет и расплавится она!

Вели, я слух твой пенем очарую.
Иль быстры ножки в воздух оторву,
И в злате влас, не всколыхнув траву,
Промчусь, следа в песках не прорисую!
Любовь есть дух, из пламени отлитый,
Следов не оставляют афродиты!

В шиповником заросший склон речной
Вдруг прыгну и на лепестках прилягу,
Два вяхиря возносят образ мой –
Так легко то, что на тебя, беднягу,
Так давит; пляска игр моих быстра,
Как миг границы ночи и утра!

Что ж любишь ты? Не самое себя ли?
Что ж, друг, любите самого себя.
Всю жизнь десницу шуйцей беребя!
В безумии, свободе и печали.
Знай, к отраженью губы все тянул "
Нарцисс, да чмокнул пруд, и потонул...

Наденься, бриллиант, сверкай, свеча,
Лекарство – пейся! и ласкай, краса!
И дух в ноздрю, и шубу на плеча,
А сам с усам быть вещь в себе нельзя!
Краса родит красу, трава – траву,
Рожденный должен мне! И я зову!

Не можешь ты, земных вкушая благ,
Не дать себя другим на вкус и цвет,
Пришел нагим, и мир покинешь наг!
Прикройся, и оставь живым свой след!
И несмотря на смерть, ты длишься в тех,
Кого оставил жить твой легкий грех!"

С отвергнутой богини льется пот...
Лесная тень на солнце растворилась,
Титан в полдневный жар, устав, как черт,
Гладь вниз, и в зраке похоть воцарилась:
"Вот бы вернуть Адонису свободу,
Да подменить красавца мне, уроду!"

Адонис, с заторможенной душою
Валяется. Неприязнь тяжела,
Глаз зло, звенящих под бровей дугою,
Как (свет) небес вдруг туча пресекла:
"Пошли, – кричит, – тьфу! О любви хорош!
Я щеки сжег на солнце! Стоп, не трожь!"

"Так юн, а уж настолько хамоват! –
Ответом было. – Нет тебе пощады!
Сейчас вздохну, так свежий аромат
Рта охладит тебе ланиты, чадо,
Примолкни в золотых кудрей тени.
Как вспыхнут кудри, слез поток – сверкни.

Сияют, но не жгутся небеса,
Глянь, я теперь меж солнцем и тобой,
Меж двух огней, но солнце – лишь оса,
Огнем змеиным зрак сочится твой,
Ох, кабы я бессмертной не была,
Меж жарких твердей вспыхнуть – и дотла!

Ты, парень, что? Кремень иль железняк?
Не камень ты, ведь капля камень точит.
Вообще, сын женщины ты, или как?
Как? Женский сын – и женщины не хочет!
А если ты похож на мать твою,
Кому с ней удалось создать семью?!

Да за кого же ты меня считаешь,
Что весь дрожишь, как под ножом баран?
Несчастный поцелуишко скрываешь
В губенках! Ну, хоть слово! Цыц, пацан!
Молчи и дай, а я верну обратно,
Чмок мне и два тебе, и нам приятно!

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Тьфу, кукла пучеглазая, утес!
дурацкий идол, черствый истукан!
Бульжник, поцелованный взасос,
Мужик, какой ты матерью был сран?!
Нет, не мужик, от мужика ты фантик!
Мужик целует сам; ты, мальчик – сбоку бантик!"

И вдруг ее язык молчанием окован,
И пауза гудящая в губах.
Ей душно, дурно, страстный жар в ней, словом,
Себя не чувствует, сок горит в грудях,
И слезы горькие у ней безмолвны
Льют, как ручей. В мозгу же – звуки домбры.

Тряхнет кудрями, схватит мальцу руку,
То в землю вперится, то в милое лицо,
Обнимет и прильнет, или даст волю другу,
Чтоб приласкал. То борется с юнцом,
Когда он рвется, рык издав дурной,
Персты замком слагает за его спиной.

И говорит: "Раз я тебя поймала,
В свой розовый, в свой бледный плен грудной,
Войди в мой сад олешком годовалым,
Пей с губ, пасись в кудрях, лижи, родной,
Соленые холмы грудей сухие,
А то спускайся в дол, где гейзеры золотые!"

Я – сад земной, во мне всего найдешь:
Мошок зеленый, хрусткий белый ягель,
Холмов и чащ моих прекрасна дрожь!
Олень, твой след здесь не сыскать собаке,
Войди в мой бурелом, как в родной дом,
И даже майской бури смолкнет гром!"

Презрительно Адонис осклаблялся,
Венере ямочки на щечках показал.
Ах, что за ямочек владельцем он являлся,
Сама любовь их повертела, егоза!
Отлично зная, хоть умри хозяин,
А жить вовек любви воспоминаньям!

Ах ямочки, ах раковины зла!
Душа богини рухнула в их гробы,
Что зло любви, когда уж любишь ты козла?
Сведет с ума, но ты уже с ума сошла...
Что ямочки? Вся грудь полна сердечной злобы.
Своим оружием Венера сражена,
Свихнула, в ямочки попав, мозги она.

Что скажешь на холодную ухмылку?
Нет слов, рыданья сотрясают бюст,
Дал деру он. Вслед быстрому затылку
Она кричит о состоянии чувств:
"Побудь, не уходи, лобзай меня!.."
Но видит он лишь своего коня...

Но вдруг кобыла, из соседственных кустов
Выскакивая, крутит гордым крупом
И нежно ржет. И все. И конь готов.
Валежник разметав в усердьи глупом,
Он рвется с привязи, и сук хрустит.
Звук лопнувшей узды и стук копыт.

О корни древ, о мшистые каменья
Подковы бьют; храп, звон, подпруги треск;
Терзает землю гвоздь без сожаленья;
И почва стонет, оглушая лес;
Мундштук железный хрустнул на зубах –
кто был рабом, вдруг скачет, как монарх!

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org

Ушами прядая, он мечет огонь
Златистой гривы на спину крутую,
И пышут двое замшевых берлог,
Как мехи, на поверхность огневую.
Взор жарок, как клинок на наковальне,
И молот сердца бьется в такт желанья.

Он конь-танцор, он что, учен балету?
Как мягко величав, как гордо скромн,
Копытом бьет копыто, хвост, как лента,
Вот-вот и скажет: "Правда, сильный номер?
Он предназначен маленькой кобылке,
Я к ней имею чувств букетик пылкий".

И что коню хозяйские приказы:
"Эй, ты, назад, кому я говорю!",
Что шпор удар, что плетка за проказы?..
Злата попона, гроздь янтарю
На чепраке – конь слеп от обожанья.
Вкруг образа любви слепое век дрожанье,

А сам хорош; смотри-ка, живописец
Надумал в холст природу заключить
И дать ей красоту, пропорций видимость,
Но гладко мертвое, а жизнь (ах-ах) торчить!
И только конь, хоть жив, но соразмерен:
Стать, форма, штрих и цвет, и абрис верен.

Круглокопытый, бабки – точно бабочки,
В груди широк, глазаст, с ноздрей дыхучею,
Не вислозад, короткоух, все как по справочке,
И с иноходью мягкой и могучею.
Такая лошадь гожа для того,
Чтобы носить героя моего.

Увы и ах... Вдруг конь, бывало, прынет,
Услыша звук крутящегося пуха
И прядает на легкий ветер ухо
И вдруг, как будто взмахом крыльев канет
Летуч как воздух, гриву, хвост пуша,
Как будто скачет с крыльями душа.

К зазнобушке соседясь, смотрит жарко.
Умильно ждет ответа ухажер,
Ей виден он насквозь. Как страстно ржет его товарка,
Все девки любят вздохи на позор.
Пусть сердце жеребячье ей открыто,
Лягает, как каблук, так вот копыто.

И конь меланхоличным чудаком,
Хвостом мотая кисло, как плюмажем,
Свой плавающий круп спасает ветерком,
В тень отступив, и липких мух давя же.
Узрев сие, становится кокетка
Приветливей. И что ж? Растаял, детка..

Хозяин строгий хочет влезть в седло.
Ну ты смотри, мерзавка угадала,
От ревности как дернет прочь (назло) –
И вновь седло от конника сбежало.
Как психи, мчатся по лесу стремглав,
Ворон орущих крепко напугав.

Адонис опустил на песок.
И жеребца ругает на чем свет.
И вновь горит надежды уголек
В груди Венеры, почему бы нет.
Влюбленный верит, что болтливый рот
Грудь от разрыва сердца упасет.

Когда закрыта печь, когда запружен ток,

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
То яростней вода и жарче пыл огня.
Так и напор страстей, груб да жесток,
Развеять помогает болтовня.
Язык – хороший сердцу адвокат,
А кто молчал – у всех стал виноват.

Венеру видя, он рассвирепел,
Как будто на угли она подула,
Надвинув глубже шляпу, засопел.
И смотрит в землю, черную, как дуло,
Рецептов вовсе там не находя.
Следя за ней и душу бередея.

Занятен вид богини молодой,
Ползущей по-пластунски к сорванцу.
Занятен лиц румянец наливной,
Вид краски, прыгающей по лицу.
Белый налив ланит, и вдруг – не тронь! –
Бьет молнией антоновский огонь.

Ну вот. Подкралась исподволь к пеньку,
Волшебною змеею у колен,
И поправляет шляпу пареньку.
Другой рукой коснувшись шейных вен,
И выше, где пощечина (Бог мой),
Алело прошлое, как след в снегу зимой.

И сшиблись взоры их, как два клинка:
Ее – молящие, его – гнетущие
Глаза, и разминулись два лица.
Ах, к пущей жалобе презренье пущее!
Так выглядел спектакль, и в пантомиме
Порхали слезы птицами седыми.

Руки не отнимает он у ней,
Как лилия торчит (тире) среди снега.
Кисть мрамора ты в алебастр вклей,
Враждебен белый белизне набега,
Война красот, насилия клубок,
И горлинку клюющий голубок.

Души почтовый голубь – дамский язычок –
Проворковал: "Кумир мой в смертном мире,
Будь ты девица, будь я мужичок,
Тобой спроста поранен, будь я в тире
Любовном – то уж я б нашел бальзам,
Хотя бы заплатил собою сам".

"Отдай мне, дура, руку, что пристала?"
"Нет, – говорит, – сначала дай мне руку
И сердце, чтоб чугунным не казалось,
Слепое скучно не брело по кругу,
Не то и я сама очугунюю,
Наполнившись чугунией твоею".

"Позорница! – орет он. – Убирайся!
Весь день коню под хвост, что в лес удрал,
Все – фокусы твои! Сжег щеки, красный,
Без лошади! Нет, мать, тебе пора!
Не до тебя мне, если хочешь знать.
Коняку б от кобылы оторвать".

На что она: "Ах, значит, жеребца!
И между тем, влюбленного душевно,
А трудно, даже если ты в сердцах,
Холодным сделать пламя страсти гневно,
Безбрежней моря жар сердец-углей,
Так без толку – орать на лошадей.

Покорственный смотрелся конь на "ять",
Его держала легкая узда,

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Но стоило кобылу увидеть,
Все лопнуло, теперь одна звезда.
Подпруги разлетелись, и мундштук,
Зубами сломанный, издал печальный звук.

А кто бы, видя голую подружку
На белозимнеснежной простыне,
Изящно капнувшую слюной на подушку,
Хоть после ужина, не вспыхнет, весь в огне.
Когда мороз хоть зубьями стучи,
Кто ленится разжечь огонь в печи?

Дружочек, извиним-ка мы с тобой
Коня. Тебе бы след с них брать пример,
Раз мне не удалось привить тебе любовь,
Тебя обучит ржущий кавалер.
Смотри, урок любви, ее наука –
Простая и приятственная штука".

"Знать не хочу отнюдь всю эту дрянь,
Куда скакать, ведь девка не кабанчик,
Скучища это все, и ты – отстань.
Любовь, любовью, люб, люби, о мальчик,
Жизнь после смерти в детях, слезы, смех...
Да лучше в гроб, чем сей воздушный грех!

Кто ходит в брюках, где мотня не вшита?
Кто ломит ветку вербы до весны?
Кто топчет чуть проклюнувшее жито –
Тому не светят хлебушки вкусны!
Впряги-ка в плуг малого жеребенка,
И вырастет не лошадь, а клячонка!

Хорош крутить мне пальцы, изломаешь,
Прости, прощай, пустая болтовня.
Напрасно мой корабль ты абордажишь.
Что греческого пламя мне огня?
Утри же сопли, вопли, лесть и враки.
Орех не по зубам твоей атаке!"

"Что слышу я? Немой заговорил!
Но лучше бы ты, милый мой, молчал!
Мальчишка, что в душе ты натворил,
Твой сладкий голос дегтем в сердце стал,
Где мало сладкого и так-то было!
Мой слух твоя кантата отравила!

Знай – и ослепши, полюблю на слух
Движений скрипку, флейту нежных вздохов,
Оглохну я – вся плоть, как чуткий дух,
Восчувствует касанье сладких токов!
И что мне в том, что глаз, ушей лишусь?
Я лишь касаньем в жизни удержусь!

А если чувства все меня покинут
И не смогу я кожу осязать,
Что в том?! Покуда ноздри не остынут,
Страсть не уступит смерти ни на пядь!
Уловят ноздри щек благоуханье,
И напичкает страсть твое дыханье!

И вкус! Ты б только знал, какой ты пир!
На что четыре чувства остальные?
Вкус небывалый, как фруктовый жир,
Любовь имеет. Двери на замок входные,
Прочь ревность, желчь – пронырливых гостей,
Вовеки полон будь, о стол страстей!"

Открыл рот отрок – рот алей рубина,
Дабы из уст реке медовой течь,
Реке из пчел кусачих, пилигриму

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Рот красный Эос предвещает смерть.
Заря такая топит шхуны, бриги,
Лес валит на овец, рвет счастье птиц, как варвар –
листья книги.

И в рот ему смотря, она трепещет,
Ей пауза душна перед грозой,
Волк в феврале так скалит пасть зловеще
На жертву. Как под поднятой ногой
Черничина, как грудь за шаг до пули,
Она мертва – лишь зубы проблеснули.

И ахнула, и завалилась в дрок.
Под взглядом – блещущим любвеубийцей,
Ударившим из-под бровей ядром,
В грудь. "Ах!" (Но чтоб поближе так свалиться,
уметила.) Он верит, дурачок.
Ей щеки трет, и где та бледность щек?

дурак забыл все верные слова,
Которыми хотел отбросить приставалу.
Лисица чертова, ну ты и голова!
Хоть смерть изобразишь, чтоб только не попало.
В траве застывши, как паралитичка,
Ждет запаха из милых губ лисичка.

Он нос ей трет, он лупит по щекам,
И, пальцы выкрутив, считает пульс запястья,
Он дует в губы ей. "Какой я хам, –
Он думает, – угробил, вот несчастье!"
Раскаявшись, балбес ее целует.
(Конечно же, она мертва и не кайфует.)

И вот – о, счастье! – туча пронеслась!
Две форточки очей проветривают душу,
Он, словно солнце, налил светом грязь,
Влив жизнь, как океан, в бесформенную лужу.
В ночную серость – океан небес.
Отверзлась твердь очес в сапфирах сладких слез.

Зрачки сквозь слезы взгляд его нашли,
Как будто пили из него свое сиянье,
С луною солнце вместе ввысь взошли,
И вот уж взор его укрыт за облаками,
Ее же взгляд в пруду слез, днем нагретом.
Горит, как месяц, отраженным Светом.

"Ой, гдей-то я? – богиня вопрошала, –
Вокруг Олимп, земля, волна или огонь?
Который час? Конец или начало?
Я умерла иль родилась? И где твой конь?
О, помню вкус смертельный жизни жуткой,
И смерть казалась мне живейшей шуткой.

И ты убил меня! Убил! Убил!
Убей же вновь, о, изверг бессердечный!
Глаза сочиться ядом научил
И отравлять мне жизнь, твой нрав нечеловечный.
Когда бы губ ты не облобызал,
Увидели бы смерть пажи мои – глаза.

Целуй же во спасенье оба ока,
Чтоб синим их не выцвествь, как плащам,
Зрачкам, пока горят они глубоко,
Земную плоть не жрать чумным годам.
Астролог, что творит мирописанье,
Речет, что мир живет твоё дыханье

Сургуч слюны печатью губ накрой,
О, сколько заплачу я за посланье!
Я заплачу, пожалуйста, душой,

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Купи ее, она – очарованье;
За весточку готова я отдать
Себя. Вот уст сургуч, вдави печать!

Ценю я сердце в тыщу целовней,
Слабо по одному их отсчитать?
Сто раз про десять, не найдешь смешней
Цены. Смешные деньги грех не дать,
А то на счетчик попадешь, просрочив,
Но что две тыщи, так, промежду прочим?"

"Послушай, фея, если вправду любишь,
Спиши на возраст все мои финты,
Себя не знающего пригубив – загубишь,
Дай стать щуренку шукой, слышишь, ты?
Ты ж сливу ешь-то зрелую, как мед,
А не зеленую, чтоб заболел живот?"

Смотри, закрыло солнышко калитку
На западе, трудом утомлено.
Заухала сова, читая тьмы открытку,
Стада в хлевах, и птицы в гнездах спят давно.
И угольные тучи неба свет
Застлали... Нам бы уж проститься след.

давай друг другу скажем "Добру ночь",
И будет поцелуй тебе тогда".
"Да! Доброй ночи", – крикнула звезда
Венера. Только он ответить хочет,
Она вокруг шеи страстно обвилась,
И в губы приоткрытые впилась.

Теперь, покуда губ не отберет
Коралловых мой пленник от лобзанья,
Она слюны впивает сладкий мед,
И поцелуй нарушил расставанье.
Он задохнулся, фея жаждет ласк,
И, слившись, падают в десятый раз.

Так страсть впивает жадно жертвы дрожь,
Так рысь жрет зайку, попостясь неделю,
Рот – рэкетир, деньгу сосущий нож,
Раздел до нитки за плохое поведение,
Как Игорь-князь так обложил древлян,
Так на иссохшем рту страсть-сокол кровью пьян.

Разбой в ней будит злое сладострастье,
И крутится в неистовстве она,
Дымясь лицом, в парах хмельного безобразья,
В бесчестном глуме допьяна пьяна,
Мозги кидая в пламенную тьму,
И стыд, и душу растеряв в дыму.

А он, раздавленный коварными тисками,
Как скворушка спроста ребячьими руками,
Иль загнанный олень пред песьим рыком,
Или дитя пред материнским ликом,
Он ей ни в чем уж больше не перечит,
Вот без преград она икру-то мечет.

Воск тверд. Но так мягчает от нагрева,
Что тронешь – отпечаток налицо.
Надежду заменяет пыл душевный,
Не пахнувший ни мерой, ни концом,
Любовь отнюдь не родственница страха,
Прет на рожон, дурна, что росомаха.

Нахмурь он бровь, и выльется обратно
Нектар слюны из жадных женских уст,
Любая колкость гонит безвозвратно
Страсть, шип обороняет алый куст.

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Но страсть и двадцать обойдет замков.
Рвя все цветы, всех избежав шипов.

Жаль, до утра не удержать болвана,
Что ноет, умоляя отпустить,
И ей приходится рот оторвать от крана,
Сказав: "Прощай же, да не смей забыть!
Как гадко унести во рту с собою
Чужое сердце с воткнутой стрелой!

Ах, сладенький, я до утра проплачу!
Тебя глаза больному сердцу не покажут,
Как насчет завтра смотришь? А? А, зайчик?
А, как ты завтра? Что, мой бог, ведь да же?"
"Нет, извини, – ответила стена, –
Собрался кое с кем на кабана".

"На кабана?" Вот тут она бледнеет.
Как полотно над толькочтошной розой,
От слова "вепрь" в лицо ей стужа веет.
На шее виснет, перепугана угрозой.
И, вроде ненарочно, вниз влечет.
И – на спину под ним, ловка, как черт!

Неужто дождалась? Уж он на ней!
Верхом соколик жаркий, все готово!
О, сок мечты – обильней всех слюней!
Прижмурилась... Ан нет толчка живого...
И сух возле воды Тантала рот,
Зашла, вишь, баба в рай, да сразу ж от ворот...

Как бедные обманутые птички
Рисованные ягоды клюют,
Так машут ее ноги по привычке,
А ягод нет в желудках птиц, и тут...
Жар наверстать, упущенный под животом,
Старается целующимся ртом.
Все без толку, царица, зря махала,

Все средства хороши, да толку в них...
Ты, расстаравшись, здорово попала,
Любовь ты. Ты влюбилась. Извини...
"тьфу на тебя, – орет, –пусти, достала!
С чего б опять ты так меня захомутала?"

"О, ты б ушел, мой сладкий, уходя,
Но страшен мне рассказ твой об охоте,
Предупреждаю я тебя, дитя,
Вам кабана не взять за здорово живете,
И как мясник скотинушке – штыком,
Ужасен недобитый вепрь клыком!

Щетинистая морда кабана,
Вся в пене, угрожающе-ужасна,
И над глазами алыми спина
Горбата, почву жрет он ежечасно,
Могилы роя всем, кто попадет
На клык его. Он хрюкает, ревет.

Его бока щетинисто черствы,
Поди-ка проколи их, мальчик, пикой,
До толстой шеи не достать, увы!
Во гневе бьется он со львом-владыкой,
Колючие кусты – и те, пасуя,
Когда он прет, сигают врассыпную.

Он не увидит красоты твоей
И не замрет от блеска сих очей,
Прекрасных рук, губ нежных не оценит,
Как мир весь оценил, а только морду вспенит.
И если доберется, чур! чур! Ах!

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Изроет грудь, как роется в корнях.

Не тронь ты лежища его свиного,
Красавцу ни к чему опасный монстр.
Риск добровольный пуст, малыш, верь слову,
Удачлив тот, чей слух к совету друга остр.
Мои коленки стукнулись, как камни
Судьбы, едва назвал ты кабана мне.

Заметил ты, как стала я бледна?
А ужаса во взгляде не увидел?
Кольцом рук, ног своих от кабана
Влеку тебя к груди. О, вниди, вниди!
Грудь взволновалась, сплошь сердцебиенье,
Тебя качнувши, как землетрясенье.

Ведь я ревную, так всегда в любви
Есть ревность – ложный сторож наслажденья,
"Враг, враг! – кричит. – Вор, лови, дави!
Бей насмерть!" А вокруг – ни дуновенья.
Так сердцу недалеко до беды,
Как факелу от ветра да воды.

Наушник лжив. Лжив пакостный шпион!
Червь, пожирающий весну любовную,
Лжет языком правдивой сказки он,
И вдруг соврет вею правду безусловную.
Мне голос был, вещует сердце мне,
Кошмар, закат твоих мне видеть дней,

Мне больно, мне представилось сейчас,
Как будто здесь взбешенный был кабан,
На чьих спинных шипах лежал как раз
Тебе подобный некто, в дырах ран,
С болтающейся мертвой головой,
И кровь текла в цветочек голубой.

Что делать мне с видением больным?
Оно привиделось и скрылось,
Но мысль о нем не скрылась с ним,
Молю, прошу, ну сделай милость,
Тебе – смерть, горе мне! – Я чую в токах ветра,
Когда назавтра ты догонишь вепря.

Тебе подай охоту? Что ж, изволь,
Гоняй себе по рошицам зайчишку,
Лису удрать из норки приневольт,
Оленя, длиннорогого не слишком,
Гоняйся за трусливыми зверями,
Скачи, трави их злыми кобелями!

Поднимут псы в кустах косоного труса,
А он – петлять, хитрить, судьбы спасаться,
За ним, за ветром вскачь, – как хочешь, дело вкуса, –
Туда, сюда, он не начнет кусаться,
Он из ложбинки в норку да в ложбинку,
Задаст задачку, умоляет псинку.

Проскачет меж овец густой отары,
Запахнет жирным запахом овцы,
Заскочит в гости к кролику на шару –
И вдруг замолкнут, потерявшись, псы.
А то в оленьих катышках потрется...
У трусов – ну откуда что берется?

Смешает запахи, поди его унюхай,
Надует ополчившуюся свору,
Лай смолкнет, зазвенит комарик в ухо,
Но снова жарким гончим запах впору,
И с облаков раздастся эха звон,
Как будто на небе такой же гон.

А заяц издадека, на холме
На лапы задние приподнимаясь.
Ушами лай лова, окаменел.
И скачет сердце в нем, не унимаясь,
В томленьи смертном слыша, как сквозь сон,
Лай, как болящий похоронный звон.

Узришь его дорожки ты в росе,
Петляющий его увидишь путь,
Как лапки обегали камни все,
Все тени, все. Все наводило жуть.
Все, вся, опасно было отовсюду.
Ни дружбе не случиться с ним, ни чуду.

Лежи, лежи, не прыгай, мальчик мой,
Меня послушай, никуда не рвись,
И дурь кабанью от себя долой,
Хоть не люби меня, да подчинись,
Будь я хоть кто, а дело говорю.
Любовь все знает! Верь, я в корень зрю!

Так что я говорила?" – "Наплевать!
Пусти, пойду, и сказочке конец,
Ночь на дворе!" – "Ну, ночь." – "Я ж так проспять
Рискую встречу! – заорал юнец. –
А счас пойду да шлепнусь в темноте!"
Она в ответ: "Тьма – светоч красоте.

И упадешь – знать, за ноги земля
Тебя схватила, чтоб тобой владеть,
Чтобы насильно целовать тебя,
Стать вдруг воровкой: как от денег, обалдеть
От губ! Диана прячется сама
Средь туч, боясь сойти с тобой с ума!

Я, кстати, понимаю, что за мрак –
Богиня взгляд серебряный отводит,
Вот до чего прекрасен ты, дурак,
Что небо от сравнения уходит!
Боясь, что блеском солнце ты затмишь,
А месяц станет сереньким, как мышь!"

Взывает к року бледная богиня,
Чтоб с нею не могла земля равняться:
"Рок, изуродуй красоты святыни,
Суди ее чертам в тенях теряться,
Предметом сделав злобных тираний
И низостей, да и вообще, убий!"

И рок насрал, послушав, бледный жар.
Яд в кровь проник – чумою кровь согрелась,
Гниющих нервов одеревенелость...
"Впитали кости плавающий пожар,
За блеск твой мстит безумием уныний
Свод горний черный, свод горний синий!

И нет границы прокаженных дней,
Чей миг с лихвою приведет к победе,
Над зыбкой красотой высоких чувств, страстей,
И ты последний видел их на свете.
Высокий хлад их, снег гранитных гор,
Кипит, растоплен солнцем, крутит сор!

Так что ж невинность без толку хранишь?
Ты что, весталка? – чист, как три монашки?!
С них брать пример – так ни один малыш
Не проорет, что он рожден в рубашке!
Будь проще, траться, в лампу масло лей!
Чтоб не стемнела прелесть наших дней!

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosofff.org
Что плоть твоя такое, как не гроб?
Детей под крышкой душаций твоих,
Которых не родил ты – жмот ты, жлоб!
В сокрытой темноте ты душишь их,
И что ж, что ты умен да не распутник?
Когда всем видно, кто ты есть – преступник!

В тебе война. Гражданская война!
Война с тобою будущих детей,
Самоубийца, ты хоть покрасней!
Детоубийце совесть не страшна!
Глуп в землю зарывающий талант.
Трать деньги, иль ты жизни дилетант!"

"Опять ты начала свою волюнку?
Да я ее уж слушать не могу,
Зачем я в губы целовал кретинку,
Что в лоб, что по лбу! Дитяtko, "агу" –
Ночные похотливые потуги,
Мне что-то мерзко от такой подруги.

Имей ты двадцать тысяч языков,
Чушь мелющих сердечно, как листочки,
Звучащих, как сирен запретный зов, –
Врешь! уши воском залиты, как бочки.
Привязан к мачте крепкою струной,
Я равнодушен к пагубе морской!

От уха прочь, вокальное искусство!
С моим дыханьем песня эта не слилась.
Бей, сердце, не узнавшее ни чувства,
Бей ровно, никуда не торопясь!
Нет, фея, нет, не рань его жестоко,
Пусть дышит грудь легко и одиноко!

Беспорных слов на свете нет, лиса,
Путь неуклонный до беды доводит!
Любовь чиста – но если не грязна
И жрет не все, что по пути находит
А жрет – так словно опухоль растет,
Все врет, все извиняет тем, что жрет!

Так не зови любовью аппетит!
Хоть заменил собой он горний хлад страстей,
Любви, под маской, жадный рот смердит,
Спалил цветы зловонный суховец,
Всей нежностью природы завладев,
Бор жрет огромной гусеницы зев.

Как дождь грибной, любовь блестит в траве,
А блуд – как буря в полдень золотой!
Любовь – капель небес на синеве,
Блуд – заморозки майскою зарей!
Любовь – бессмертна! Похоть – истлевает!
Любви все ведомо, блуд – все позабывает!

Еще бы я сказал тебе, да хватит!
Без ус оратор, с бородою речь,
Пошел я. Что с тоской здесь время тратить?
Тут стыд, тут гнев всю душу могут сжечь...
Глянь, уши загорелись и пылают,
Жжет слух твой пьяный бред и оглушает".

Он разрывает сладкое кольцо
Объятий, у груди его державших,
И удирает в ночь, закрыв лицо.
И на спине лежит, не солоно хлебавши,
Венера. С неба падает звезда...
И на щеке ее горит слеза.

Следит за ним – звездой своей упавшей,

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Так, как порой отплывший дружный челн
Следим, давно исчезнувший меж волн,
Уж с облаками паруса смешавший.
Так волны ночью унесли с собой
Того, кем взор питался голубой.

Растерянна, как девушка, в реке
Случайно утопившая драгое
Кольцо, иль путник, факел в чьей руке
Погас негаданно порой ночью;
Кромешной темнотой удручена,
Тихонько лежа плакала она

И по груди рукой себя стучала.
Ей эхо вторило кружных пещер
И стоны бедной девы повторяло,
И возвещало боль ее потерь...
Раз двадцать повторило слово "горе" –
Звук отражений слов в ночном миноре.

И, слыша звук, унылая, она
Пещерам вторить песней принялася.
Преданий в ней открылась старина,
Пыл старческий, юнцов безусых страсти,
И мудрость глуповатую стихов
Поет она под хор пещерных ртов.

Всю ночь продлились скучные напевы,
Но ночь короткою казалась ей,
Важны влюбленным маленькие темы,
которые чем дальше, тем скучней;
Они с восторгом все несут тот бред,
Которому конца и слушателя нет.

С кем ночь ей провести, кому открыться?
Лишь эхо-приживалка все возьмет,
Чтоб, как служанка, тут же согласиться,
Хоть и незнамо, что она несет.
Но спросит: "да?" – и эхо "да!" ответит;
"Нет" скажет – и служанка с нею в "нет".

Но утро уж, и взвился жаворонок,
Скучая сном, из комнатки своей,
Рассветный вздох серебрян и так тонок...
Подсолнух отделился от корней,
Взошел на небо – землю рисовать,
Златить холмы и кроны штриховать.

Венера бога солнца привечает:
"Эй, здравствуй, светозарный царь лучей!
Свечой и звездами твой жезл повелевает,
Ты держишь связку к красоте ключей,
Так знай: рожденный матерью земной
Адонис свет затмил высокий твой!"

И, прихвастнув, мчит в миртовую рощу,
Волнуясь, что уж утро-то, давно ль
Ты пробудился, друг, от мрака ночи?
Не слышно псов. Молчит рожок. Тишь. Зной.
Но вот в лесной глуши рожково пенье.
Крик, шум, – туда! Дрожа от нетерпенья,

Бежит она, и лес ей цепкий вдруг,
Ласкаясь, то сандалию снимает
С босой ноги, то веткой вырывает
Серьгу, то платье ей цепляет сук.
Она, как лань лесная, боязлива,
Теленка мчит кормить. Вот брызнет молозиво!

Но – ах! Вдруг изменился песий лай.
И дева на мгновенье каменеет,

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Как если бы всползла на тропки край
Змея и зашипела перед нею.
Так визг собачий грудь ее тревожит,
Смущая ум, змеею сердце гложет.

Не заяц там! Не заяц! Нет! Медведь!
Нет, хуже! Лев! Ах, нет! Кабан проклятый!
Все там же песий визг, а он – реветь,
Скулят псы, будто малые щенята,
Противник страшен тут наверняка,
Пооди-ка, преврати ты пса в щенка!

Звенит в ушах унылый визг собак
И жалким страхом в сердце проникает,
Кровь в тот же миг от сердца отливает,
Хладеют руки и темно в глазах!
И члены каменеют, как солдаты –
Без знамени и ждущие расплаты.

И вот стоит трепещущей овечкой
И чувства унимает, торопясь,
Себе твердя: мол, чудятся мне вечно
Какие-нибудь страхи, не спросясь!
Да перестать бы глупостей страшиться!
Вдруг – вебрь в крови! Он прыгает, он мчится,

Дымятся кровь и пена на клыках,
Кровь с молоком, как говорят порою;
Поджилки ей трясет повторный страх,
И – ах! – бежит, не властвуя собою!
И встала. Нет, уж бросилась обратно,
И мысль одна: "Убит, убит нещадно!"

Уже кругом все тропы обежала,
Лесок, тропинку к озеру, лесок,
Кусты несчастные переломала,
Так пьяный, бестолковый мужичок
Кругом избы своей, качаясь, бродит
И все пути теряет, что находит.

Вот в буреломе видит пса она:
Он лает так стыдливо, и не в стае.
Другой пес лижет раны, и слюна
В крови и, не дай бог, конечно, в яде...
К избитой суке робко обратила
Слова, и та в ответ протяжно взвыла;

И долго в небо тек сей скорбный вой.
Вдруг пес явился, угольный, как траур,
Скуля поникшей низко головой.
Еще, еще... И воют всей оравой.
Дрожа, поджавши гордые хвосты,
Прижаты уши их, хватают воздух рты.

Весь мир людской печально суеверен
И верует (обычай старины)
В духов и ведьм, таинственные сны
И видит смысл, что где-то в них затерян.
Так страшным псам поверила она
И Смерть зовет – на ней лежит вина!

"О, Смерть, о тощий и костлявый враг!
За что ты так любовь возненавидел?
Гробовый призрак, земляной червяк!
Прочь из красоты похищенной, изыди!
Кому нанес обиду бренный прах,
Что розой цвел, и как фиалка пах?!

Скажи, он мертв? О нет, не может статься!
Нет! Ты красой его побеждена!
Нет! Ты слепа! Не розам удивляться,

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoffoff.org
Рвать с ненавистью – вот твои дела!
Ты в старость метишь, но незрячий глаз
Ребенка в сердце поразил в злой час.

Как знать, лишь слово он произнеси,
То ты бы, смерть, сдалась, ты б отступила!
Рок повелел тебе в ад душу унести,
Но не сорняк с землей ты разлучила,
Амура лук не властен был над ним, –
Твой черный лук его развеял в дым!

Ты шла горячих слез моих напиться?
Зачем тебе мой сиротливый плач?
Зачем ему теперь так сладко спится?
Ему, при ком был всякий слишком зряч.
С тобой теперь весь мир пребудет в ссоре,
Ты лучшее украла в нем! О, горе!"

И обмерла в молчании тоскливом.
Упали кудри на прикрытые глаза,
Закрывши путь слезам, как морю шлюз перед отливом,
На перси чтоб не капнула слеза.
Но веки не удержат. Слез ручей,
Серебрян, у Венеры из очей.

Как отличишь глаза ее от слез в них?
Раз слезы на глазах – глаза в слезах!
Двойной сапфир в двойной печали в воздух
Свой точит блеск, чуть сухо на щеках,
Как в день двоящийся – то ветреный, то грозный,
Вздых высушит лицо, да дождь намочит слезный.

Ее стенанья разным полны чувством,
Как волны в море, кто из них быстрее?
Вал каждый говорит, что от него ей грустно,
Но всех соседних не избегнуть ей.
Нет лучшей между многими волнами;
Так небо, затянувшись облаками...

"Что? Парус? Здесь?" – кричит охотник молодой.
Как колыбельная сквозь детский страх ночной,
И холст навязчивый воображенья
Надежды звук палит без сожаленья.
Огонь надежды радостью пылает,
Знакомый голос... Сердце, екнув, тает.

О, чудо! Ужли слезы мчатся вспять?
И точно, в чашки жемчуга катятся.
Одна сорвалась на щеку опять
И начинает в каплю расплавляться,
Чтоб в грязный рот попасть праматери-земле,
Всегда которая от слез навеселе.

Любовь хитра (в том смысле, что сложна).
Не верит. Верит тут же безоглядно,
Страданиям, счастья всем – цена одна!
Ложь – свет! Ложь – мрак! Не стыдно? Ну и ладно..
Мрак врет, что он на вас сегодня злой,
Свет тут же врет, что любит всей душой,

И Пенелопа распускает ткань..
Адонис жив! Чего на Смерть ругаться?
Не унесла, так значит, и не дрянь!
Минутный враг уже любим, признаться.
Уж Смерть – Царица гробов, Гроб царей,
И даже – разрешение всех цепей.

"Нет, нет, ты. Смерть, не думай, я не злюсь,
Я так... Немного просто напугалась,
Я кабанов в крови, вообще, боюсь,
Такие звери... И, прости, сорвалось..."

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Не гневайся, тень милая моя,
За друга милого боялась сдуру я.

Я не хотела, все кабан дурацкий,
О, светлая, скажи, чтоб он издох!
Все он, свинья, ему бы все ругаться,
Его, его безнравственный подвох".
Раздвоен горем женский язычок,
С двумя не справится дам самых умных полк...

Надеясь, что Адонис-то живой,
Она должна повсюду извиниться,
Чтоб цвел красавчик, и – ни боже мой!
Перед курносой егозит девица,
Все вспомнив: траурные крепы,
Триумфы, слепки, гипсовые склепы...

"Набитая любовью дура! стыдно!
Умом куриным, бабьим, не догнать,
Могла ль такую прелесть смерть отнять,
Пока хоть что-то живо? очевидно,
С ним красота бы умерла сама,
А без нее бел свет сойдет с ума!

Тьфу на любовь, тьфу на меня, трусиху!"
Так схваченный разбойником купец,
Все не смекнет, откуда взяться лиху,
Но в каждом звуке слышит свой конец.
Вдруг речь прервал охотничий рожок,
И превратилась девица в прыжок!

Как сокол на свисток, маша кудрями,
Как и всегда, не приминая трав,
Мчит, легкая, но вдруг, перед ногами,
Он оказался – ноги раскидав.
Лежит недвижно, сбитый кабаном.
Взор сразу гаснет, блекнут звезды в нем.

Улитка прячет рожки, только тронь,
Болезненно уйдя в свою известку,
Уютной слизью, точно струйкой воску,
Туша горячий ужаса огонь;
Так пред кровавым телом женский взгляд
В глазнице рожки спрятал, что торчат.

И, скрывшись в череп, факельщик дрожит,
О виденном твердя больным мозгам,
Мозг тушит факел зренья и брюзжит:
"Куда с огнем? Ты подпалишь мой храм!"
Гудит царь-сердца погребальный звон,
Горит алтарь и перевернут трон...

И все дрожат у города внутри.
Так газ, в земле сидящий, вдруг трясет
Тюрьмы своей ворота. Треск и хрип,
Ломают кладку, что возвел расчет.
Весь организм так страшно содрогнулся,
Что беглый взгляд нутра зрачков коснулся

И, против воли, вылился на свет
Сверх широченной и глубокой раны.
В боку лилейном – бивня страшный след,
Как слезы – сок из прорези багряный,
Траву, цветы кругом кровь заливают,
Трава как будто кровью истекает,

И уронив головку на плечо,
Богиня на поляне скорби встала,
Но все еще не верит, все еще
Не верит в то, что смертного не стало.
Перехватило горло и движенье,

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Глаза сошли с ума от пап ряженья.

И так упорно в трещину глядит,
Что видит три дрожащими зрачками,
И ненавидит взор свой, и дрожит:
"Что ужас ран устроили, вы пьяны?" –
Она шипит им. Стало тела два.
А меньше не вмещает голова.

"Что ж нынче мне не высказать тоски?
К тому же у меня двоится труп,
Слез больше нет, и легкие сухи,
Горят. Плошной огонь свинцовых труб,
Я жаждала его, и не придется...
Свинец, наверно, из зрачков польется.

Мир, я скажу тебе, что ты утратил!
Ты радость глаз утратил, мир проклятый,
И музыки тебе не услышать!
Мир стал теперь хромой, кривой, горбатый,
Свежи твои цветы, да и пестры,
Но кто ты без умершей красоты?

Начнись, простоволосых женщин эра,
Бесчарных, не целованных лучом
И воздухом, чья красота – химера,
Вас луч сожжет, вам станет ветер – бичом!
А как они к Адонису летели!
Щепотку чар уворовать хотели!

И шляпу надвигал на брови он,
Чтоб солнце под поля не проникало,
Срывая шляпу, ветер мчался вон,
Под плач Адониса, лохматил кудри шало,
И упиваясь видом слез младых,
Ругались боги, кто осушит их!

Как пожирал его очами лев! –
Но спрятавшись, чтоб не пугать ребенка, –
А тот вдруг запоем, как флейта, звонко –
И тигр сомлел, осклабя страшный зев.
Заговорит – и волк, томясь от глада,
Не нападает на баранье стадо.

Когда его тень падала в ручей,
То рыбки в ней сияли чистым златом,
А птицы пели на свету очей,
Слетались и кормили виноградом,
Слив, вишен сыпали, всего подряд,
Чтоб только мальчик подарил им взгляд.

А злобный вепрь с ужасными клыками,
Глядевший лишь сквозь землю на гробы,
И он не избежал своей судьбы:
Но, ослепленный красоты лучами,
Уверена, что взялся целовать,
А получилось только жизнь отнять...

Я в правде этих слов убеждена.
Адонис подбежал ударить пикой,
И вспыхнуло тут сердце кабана,
Не гневом, но любовью превеликой.
Он целоваться к мальчику полез,
А получился на боку надрез...

Я думаю, будь у меня клыки,
Я б первая его тогда убила,
Доне просто оказалось не с руки,
Он умер... Он ушел. Недолюбила..."
И, падая на жигу с мертвецом,
В крови чуть теплой мажется лицом.

На губы взглянет, но уж бледен рот,
За руку схватит – кожа ледяная,
И на ухо скабрзность вдруг шепнет,
Как будто он лежит все понимая,
Но, наконец-то, веки подняла –
Из мертвых светочей сочилась мгла.

Венера часто отражалась в них,
Но вот сегодня зеркала пусты,
Куда исчезла яркость их, живых?
Туда же, в след мгновенной красоты...
Она шепнула: "Есть один вопрос,
Ты мертв, а день как день... Что ж с ним стряслось?"

Итак, ты мертв... Пророчество мое:
Теперь любовь изведает печаль!
Повсюду ревность влезет в ткань ее.
О! Горя вкус у сладостных начал,
И никогда не поровну, но так,
Чтоб тонкий луч окутал страшный мрак!

Страсть скоротечной будет, будет лживой,
Ее задушит жизни суховей;
Скрываясь под начинкою красивой,
Измены яд погубит тьму людей
Износит тело, мозг любовник всяк,
И станет лишь болтающий дурак...

Пусть жадничает, пусть бросает деньги,
Пусть меру потеряет в ней старик,
Бандиты будут от любви – что дети,
Чтоб гол богач, чтоб нищий был велик,
Рождает идиотов и буянов,
Ребят состарит, ореблячит стариканов!

Пусть сеет страх, где страхи не при чем,
Пусть на ужасное ведет без дрожи,
Пусть будет благородным палачом,
Обманывая там, где "Святой боже!"
Коварство носит в маске прямоты,
Герой от труса бросится в кусты.

Пусть станет основанием войны,
Отца и сына пусть поднимет в бой,
Соломинкой, рождающей огонь,
Неся знак непрощаемой вины!
Раз сокрушила смерть всю страсть мою,
Любить другим я права не даю!"

И тут валявшееся рядом тело
Внезапно превратилось в легкий пар –
Кровь собралась и в стебель загустела.
И вот цветок – похожий на тюльпан...
Так был он бел, и вместе с тем багров,
Напоминая плоть, и вместе кровь.

К цветку сейчас же прижимая нос,
Искать знакомый запах рта взялася...
И запах в сердце, как цветок, пророс...
Хоть паром плоть по ветру унеслася.
Сорвав, к груди бессильно прижимает,
Из стебля сок слезою выступает.

"Бедняжечка! – шепнуло божество. –
Отец твой, цветик, так же плакал сладко,
Все слезы исторгало у него,
Все, что не он – ему бывало гадко.
Рос для себя, а ты увянь на мне,
А не в крови отцовской, так вернее.

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Здесь, на груди, была его постель,
Наследовал ты право спать на ней,
В ложбинке этой будь с тобою лель
И сердца стук вдоль вереницы дней;
Чтоб я цветка не целовала – в сутки
Без этого не минет и минутки".

Мир ей постыл. Пора из мира ей!
Двух вяхирей зовет с пустых небес,
И в колесницу диких голубей
Впрягает. Миг – и экипаж исчез...
Свой путь держа на островок Пафос.
И все... Вернуться ей не довелось.

ВЕНЕРА И АДОНИС

Перевод Григорий Кружков

Vilia miretur vulgus: mihi flavus Apollo

Pocula Castalia plena ministret aqua.

В тот час, когда в последний раз прощался
Рассвет печальный с плачущей землей
Младой Адонис на охоту мчался:
Любовь презрел охотник удалой.
Но путь ему Венера преграждает
И таковою речью убеждает:

«О трижды милый для моих очей,
Прекраснейший из всех цветов долины,
Ты, что атласной розы розовой,
Белей и мягче шейки голубиной!
Создав тебя, природа превзошла
Все, что доселе сотворить могла.

Сойди с коня, охотник горделивый,
Доверься мне! – и тысячи услад,
Какие могут лишь в мечте счастливой
Пригрезиться, тебя вознаградят.
Сойди, присядь на мураву густую:
Тебя я заласкаю, зацелую.

Знай, пресыщенье не грозит устам
От преизбытка поцелуев жгучих,
Я им разнообразье преподам
Лобзаний – кратких, беглых и тягучих.
Пусть летний день, сияющий для нас,
В забавах этих пролетит, как час!»

Сказав, за влажную ладонь хватает
Адониса – и юношеский пот,
Дрожа от страсти, с жадностью вдыхает
И сладостной амброзией зовет.
И вдруг – желанье ей придало силы –
Рывком с коня предмет свергает милый!

Одной рукой – поводья скакуна,
Другой держа строптивца молодого,
Как уголь, жаром отдает она;
А он глядит брезгливо и сурово,
К ее посулам холоднее льда,
Весь тоже красный – только от стыда.

На сук она проворно намотала
Уздечку – такова любви прыть!
Привязан конь: недурно для начала,
Наездника осталось укротить.

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Верх в этот раз ее; в короткой схватке
Она его бросает на лопатки.

И быстро опустившись рядом с ним,
Ласкает, млея, волосы и щеки;
Он злится, но лобзанием своим
Она внезапно гасит все упреки
И шепчет, прилепясь к его устам,
«Ну нет, браниться я тебе не дам!»

Он пышет гневом, а она слезами
Пожары тушит вспльчивых ланит
И сушит их своими волосами,
И ветер вздохов на него струит...
Он ищет отрезвляющее слово –
Но поцелуй все заглушает снова!

Как алчущий орел, крылом тряся
И вздрагивая зобом плотоядно,
Пока добыча не исчезнет вся,
Ее с костями пожирает жадно,
Так юношу прекрасного взхлеб
Она лобзала – в шею, в щеки, в лоб.

От ласк неукротимых задыхаясь,
Он морщится с досады, сам не свой;
Она, его дыханьем упиваясь,
Сей дар зовет небесною росой,
Мечтая стать навек цветочной грядкой,
Поимой щедро этой влагой сладкой.

Точь-в-точь как в сеть попавший голубок,
Адонис наш – в объятиях Венеры;
Разгорячен борьбой, розовощек,
В ее глазах прекрасен он без меры:
Так, переполняясь ливнями, река
Бурлит и затопляет берега.

Но утоленья нет; мольбы и стоны,
Поток признаний страстных и похвал –
Все отвергает пленник раздраженный,
От гнева бледен, от смущенья ал.
Ах, как он мил, по-девичьи краснея!
Но в гневе он еще, еще милее.

Что делать в этакой беде? И вот
Богиня собственной рукой клянется,
Что слез, катящих градом, не уймёт
И от груди его не оторвется,
Покуда он, в уплату всех обид,
Один ей поцелуй не возвратит.

Услышав это, он насторожился,
Как боязливый селезень-нырок,
Скосил глаза – и было согласился
Ей заплатить желаемый оброк,
Но близкий жар у губ своих почуя,
Вильнул и ускользнул от поцелуя.

В пустыне путник так не ждал глотка,
Как жаждала она сей дани страстной;
Он рядом – но подмога далека,
Кругом вода – но пламя неугасно.
«О мой желанный, пощади меня!
Иль вправду ты бесчувственной кремня?»

Как я тебя сейчас, меня когда-то
Молил войны неукротимый бог;
Набыча шею грубую солдата,
Рабом склонялся он у этих ног,
Униженно прося о том, что ныне

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Без просьбы ты получишь у богини.

На мой алтарь он шлем свой воздевал,
Швырял свой шит и пику боевую –
И мне в угоду пел и танцевал,
Шутил, дурачился напропалую,
Смирив любовью свой свирепый нрав
И полем брани грудь мою избрав.

Так триумфатор прежде необорный
Был красотой надменной покорен;
В цепях из роз, безвольный и покорный,
Побрел за победительницей он.
Но, милый мой, не стань еще надменной,
Сразив ту, кем сражен был бог сражений.

дай губы мне! Зачем поник твой взор?
Что он в траве так рьяно созерцает?
Вскинь голову и погляди в упор
В мои зрачки: ты видишь, как мерцает
Прекрасный образ, отраженный там?
Глаза в глаза – так и уста к устам!

Боишься целоваться ты при свете?
Зажмуримся, чтоб яркий день погас,
И ночь, скрывающая все на свете, –
Блаженной темнотой укроет нас.
Фиалки ничего не понимают,
А если и поймут, не разболтают.

Пушок незрелый над твоей губой
Как будто просит сам: прильни, отведай!
Лови же миг, отпущенный судьбой,
Не будь ни гордецом, ни привередой:
Цветы, когда весной их не сорвут,
Перестояв, увянут и сгниют.

Будь я черна, уродлива, горбата,
Как лошадь старая, изнурена,
Хриплоголоса и подслеповата,
Груба, занудлива и холодна, –
Такая бы любого отвратила.
Но чем же я тебе не угодила?

Взгляни: мой взор искрится, как слюда,
Нет ни морщинки на челе высоком;
Я, как весна, бессмертно молода,
Свежа, кругла, полна сладчайшим соком,
Моя ладошка влажная, лишь тронь,
Растает, ощутив твою ладонь.

Велишь – твой слух обворожу мечтами,
Как фея, по лужайке пробегу,
Или с распущенными волосами
Как нимфа, закружусь на берегу,
Едва касаясь муравы несмятой:
Любовь – огонь высокий и крылатый.

Смотри: головки хрупкие цветов
Мой нежный стан покоят, как подпоры,
И без усилия пара голубков
Влечет меня в небесные просторы;
Любовь легка, когда ей путь открыт:
Так что тебя, мой милый, тяготит?

иль собственной пленен ты красотой,
Всем жертвуешь, одну ее любя?
Ну что ж! Ухаживай сам за собою,
Чаруй себя и отвергай себя;
Умри от страсти, как Нарцисс несчастный,
Увидевший в ручье свой лик прекрасный.

Богатства существуют для даров,
Деревя сада для плодоношенья,
Изысканные яства для пиров,
Самовлюбленность – это поношенье
любви; ты факел – так изволь светить,
Ты был зачат – продли зачатий нить!

Как смеешь ты вкушать дары природы,
Коль сам не хочешь приносить плодов?
Погибнет семя, но родятся всходы –
Закон всеобщий бытия таков.
Пусть красоту твою замкнет надгробье:
Ты предаешь векам свое подобье».

Меж тем Венеру прошибает пот:
Исчезла тень, и воздух раскалился,
Титана взор с пылающих высот
На прелести богини обратился;
Он бы прилег охотно рядом с ней,
Адонису отдав своих коней.

А что же наш охотник? Туча тучей,
Он темную насупливает бровь
И, рот кривя усмешкою колючей,
Цедит с досадой: «Хватит про любовь!
Пусти, – мне зноем обжигает щеки;
Невмоготу лежать на солнцепеке».

«О горе мне! Так юн и так жесток!
Меня покинуть ищешь ты предлога.
Я вздохами навею ветерок
На этот лоб – о не гляди так строго! –
И осенью шатром своих волос,
И окроплю прохладой свежих слез.

Я тенью собственной тебя укрою,
Преградой стану между двух огней;
Не так небесный луч томит жарюю,
Как близкий жар твоих земных очей.
Меня б спалил, будь я простою смертной,
Двух этих солнц огонь немилосердный!

Зачем ты неподатлив, как металл,
Как мрамор, горд бездушной белизною?
Ужель ты мук любви не испытал?
Да женщиной ли ты рожден земною?
Когда бы так она была тверда,
Ты вовсе не родился б никогда.

Молю, не дли невыносимых пыток,
Одно лобзанье, милый, мне даруй.
Какой от губ моих – твоим убыток?
Ответь мне – или сразу поцелуй:
С лихвой я возвращу тебе подарок,
И каждый поцелуй мой будет жарок!

Не хочешь? Ах ты, каменный болван!
Безжизненная, хладная статуя!
Раскрашенный, но мертвый истукан!
Ты не мужчина, раз от поцелуя
Бежишь, – в тебе мужского только вид:
Мужчина от объятий не бежит!»

Излила гнев – и будто онемела,
Грудь стеснена, окостенел язык;
Она других любовь судить умела,
Но в тяжбе собственной зашла в тупик:
И плачет от бессилия, и стонет,
И речь невнятная в рыданьях тонет.

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org

То льнет к нему умильно, как дитя,
То сердится, то за руку хватает,
И пальцы с пальцами переплетя,
Удерживает и не отпускает;
То взор отводит, то глядит в глаза –
И шепчет, обвивая как лоза:

«Любимый мой! в урочище весеннем,
За крепкою оградой этих рук
Броди где хочешь, будь моим оленем,
Я буду лесом, шепчущим вокруг;
Питайся губ моих прохладной мятой,
Пресытишься – есть ниже край богатый:

Там родинки на всхолмиях крутых
И влажные ложбины между всхолмий,
Там ты в чащобах темных и глухих
Укроешься от всех штормов и молний;
Нигде не встретишь хищного следа,
Пусть лают псы – им входа нет сюда!»

Адонис рассмеялся – и тотчас
Две ямки на ланитах проступили:
Их вырыл Купидон, чтоб в смертный час
В сей нежной упокоиться могиле;
Хитрец предвидел: не погибнет он,
Но будет вновь любовью воскрешен.

Две этих ямки пропастью бездонной
Разверзлись пред Венерой. Мрак и тьма!
Как ей хватило духу, оскорбленной,
Снести удар и не сойти с ума?
О, как могла она, любви царица,
В спесивца бессердечного влюбиться?

Но что теперь ей делать, чем помочь?
Слов больше нет, и ожиданья тщетны.
Из плена рук ее он рвется прочь,
Моления остаются безответны.
«О, смилуйся, не покидай меня!» –
Но он уж мчится отвязать коня.

Но что это? Испанская кобылка
Из ближней рощи, празднуя весну,
С призывным ржаньем, всхрапывая пылко,
К Адонисову мчится скакуну;
И конь могучий, зову не противясь,
Спешит навстречу, обрывая привязь.

Плечами он поводит, властно ржет –
И прочь летят пеньковые подпруги,
Копытом острым землю бьет в живот,
Рождая гулкий гром по всей округе;
Зубами удила сминает он,
Смирняя то, чем сам бывал смирен.

Над чуткой холкой дыбом встала грива,
Раздуты ноздри, пар из них валит,
И уши прядают нетерпеливо,
А взгляд, что кровью яростной налит
И жарок, словно уголь, огнем палимый,
О страсти говорит неодолимой.

То плавной он рысцой пройдетя вдруг
Пред незнакомкой, изгибая шею,
А то взбрыкнет, запрыгает вокруг:
Вот, дескать, погляди, как я умею!
Как я силен! Как на дыбы встаю,
Чтоб только ласку заслужить твою!

И что ему хозяин разозленный!

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Что хлыст его и крики: «Эй! Постой!»
Теперь его ни бархатной попоной
Не залучить, ни сбруей золотой!
За милую следит он жадным взглядом,
К наезднику поворотившись задом.

Когда у живописца верный глаз,
То может он своим изображеньем
Саму Природу превзойти подчас:
Так этот конь и мастью, и сложеньем,
И силою, и резвостью своей
Превосходил обычных лошадей.

Копыта круглые, густые щетки,
Нога прямая с выпуклым плечом,
Крутая холка, шаг широкий, четкий,
И рост, и пышный хвост – все было в нем,
Что доброму коню иметь пристало;
Вот только всадника недоставало!

Хозяйской больше не страшась руки,
То вдруг затеет танец он игривый,
То мчится с ветром наперегонки,
Волнистую размахивая гривой,
В которой струи воздуха свистят;
И кажется, что этот конь крылат.

Он зрит свою любовь и к ней стремится,
Призывным ржаньем оглашая дол;
Она же пылких ласк его дичится,
Лукавая, как весь прекрасный пол,
Отбрыкиваясь от его объятий:
Ей, дескать, эти нежности некстати!

Тогда, уныньем тягостным объят,
Повеся хвост, что, возвышаясь гордо,
Обвеивал его горячий зад,
Он бьет копытом и мотает мордой...
Тут, бедного страдальца пожалев,
Она на милость свой меняет гнев.

Меж тем хозяин в злости и в обиде
Уже спешит коню наперерез.
Не тут-то было! Ловчего завидя,
Кобылка прынула и мчится в лес;
За нею жеребец летит в запале.
Вороны вслед метнулись – но отстали.

Что делать! На траву охотник сел,
Браня своей коняги подлый нором.
Благоприятный случай подоспел
Венере для дальнейших уговоров.
Несчастной, как терпеть ей немоту?
Тем, кто влюблен, молчать невмоготу.

Огонь сильнее, когда закрыта дверца,
Запруженная яростней река;
Когда безмолвствует ходатай сердца,
Клиент его погиб наверняка.
Невыносима боль печалей скрытых,
Лишь излиянье умиротворит их.

Он надвигает на глаза берет,
Почувствовав богини приближенье,
И, новую досадой подогрет,
Насилу сдерживает раздраженье
И равнодушный напускает вид;
Но сам за нею искоса следит.

О, сколь она прелестна в ту минуту,
Тревогой нежною поглощена!

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org

Ланиты отражают мыслей смуту,
В них алой розы с белою война:
То бледностью они покрыты снежной,
То вспыхивают молнией мятежной.

Какая у нее в глазах мольба!
Встав на колени, с нежностью какую
Она, его берет подняв со лба,
Любимых щек касается рукою:
Подобно снегу свежему – мягка,
Прохладна и нежна его щека.

Глаза глядят в глаза, зрачки сверкают
На поединке взоров роковых:
Те жалуются, эти отвергают,
В одних любовь, презрение в других.
И слез бегущих ток неудержимый –
Как хор над этой древней пантомимой.

Его рука уже у ней в плену –
Лилейный узник в мраморной темнице;
Она слоновой кости белизну
В оправу серебра замкнуть стремится;
Так голубица белая тайком
Милуется с упрямым голубком.

И снова, сладостной томясь кручиной,
Она взывает: «О, звезда моя!
Когда бы я была, как ты, женщиной,
А ты был в сердце ранен так, как я,
Я жизни бы своей не пощадила,
Чтоб исцелить тебя, мучитель милый!»

«Отдай мне руку!» – негодует он.
«Нет, сердце мне мое отдай сначала,
Чтоб, взято сердцем каменным в полон,
Оно таким же каменным не стало,
Бесчувственным и черствым, как ты сам,
Глухим к любовным стонам и слезам!»

«Уймись, – вскричал Адонис, – как не стыдно!
Из-за тебя я упустил коня;
Потерян день нелепо и обидно.
Прошу тебя, уйди, оставь меня!
В душе одна забота – как бы снова
Мне заарканить жеребца шального».

В ответ Венера: «Прав твой пылкий конь,
Он оказался у любви во власти;
Порою должно остужать огонь,
Чтоб не спалил нам сердца уголь страсти.
Желание – горючий материал;
Так мудрено ли, что скакун удрал?»

Привязанный к стволу уздой твоею,
Стоял он, как наказанный холоп,
Но, увидав подругу, выгнул шею,
Махнул хвостом и бросился в галоп,
Ременный повод обрывая с ходу,
Почуя вожделенную свободу.

Кто, милую узрев перед собой
На посрамленной белизне постели,
Не возжелает, взор насытя свой,
Насытить и уста? О, неужели
Столь робок он, что и в холодный год
Замерзнет, но к огню не подойдет?

Так не вини же скакуна напрасно,
Строптивый мальчик, но усвой урок,
Как пользоваться юностью прекрасной;

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org

Его пример тебе да будет впрок.
Учись любви! Познать ее несложно;
Познав же, разучиться невозможно.

«Не ведаю и ведать не хочу! –
Он отвечал. – Куда милей охота
На кабана; мне это по плечу.
Любовь же – непомерная забота,
Смерть заживо, как люди говорят,
Восторг и горе, небеса и ад.

Кто ходит в неотделанном кафтане?
Срывает впопыхах зеленый плод?
Когда растенье теребить заране,
Оно увянет, а не расцветет.
Коль жеребенка оседлать до срока,
Не выйдет из коня большого прока.

Ты штурмом не добьешься ничего;
Не надо жать ладонь – что за нелепость!
Сними осаду с сердца моего.
Для страсти неприступна эта крепость.
Слабо твое искусство в этот раз –
Подкопы лесты и бомбарды глаз».

«Как? Ты умеешь быть красноречивым? –
Воскликнула она. – О горе мне!
Твой голос, вопреки словам бранчливым,
Как зов сирен, томит меня вдвойне:
Укор певучий, распря слов и звука,
для слуха музыка, для сердца мука.

Будь я слепа, один бы голос твой
Меня влюбил в невидимое тело;
Будь я глуха, – узрев тебя впервой,
Я б на других смотреть не захотела;
Будь мой удел – и тишина, и мгла,
Я кожей бы любить тебя могла.

А если бы исчезло осязанье,
И слух, и зренье (так вообразим!)
И мне осталось только обонянье,
Ты не был бы прохладнее любим:
Я бы дышала аурой пьянящей,
Из этих уст желанных исходящей.

О, что за пир устроить мог бы Вкус,
Когда бы он, как пестун и питатель
Всех прочих чувств, призвал бы их в союз
И повелел, веселья председатель,
Изгнать Печаль и запереть замок,
Чтоб Ревность не проникла за порог!»

И вновь раскрылись пурпурные створы,
Готовя выход взвихренным речам, –
Как рдяно-облачный восход, который
Крушение предвещает кораблям,
Урон посевам, пахарю досаду,
Грозу и бурю – пастуху и стаду.

Волк скалится пред тем, как зарычать,
Стихает ветер перед ливнем ярым;
Еще он речи не успел начать,
Но как внезапной молнии ударом
Или как пулей гибельной, она
Предчувствием дурным поражена

И, слабо вскрикнув, навзничь упадет!..
Такую силу взгляд в себе несет:
Он и казнит любовь, и воскрешает,
И богатеет заново банкрот.

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Как быть юнцу? Он с видом ошалелым
Захлопотал над неподвижным телом.

Забыта вмиг суровая хула,
Что с уст его чуть было не слетела.
Любовь беднягу славно провела,
Уловку тонкую пустивши в дело;
Не дрогнут веки, не встрепещет грудь –
Лишь он сумеет жизнь в нее вдохнуть!

То по щекам ее немилосердно
Он шлепает, то зажимает нос,
То пульса ищет, пробуя усердно
Поправить вред, что сам же и нанес;
К устам недвижным льнут его лобзанья –
О, век бы ей не приходиться в сознание!

Но вот, как день идет на смену мгле,
Ее очей лазурные оконца
Раскрылись; как на сумрачной земле
Жизнь воскресает с появлением солнца,
Так осветился лик ее тотчас
Живительным сиянием этих глаз.

Обласкан их рассветными лучами,
Он мог удвоить сей чудесный свет,
Но злая хмуришь над юными очами
Нависла, как предвестник новых бед.
Ее же взор, слезами преломленный,
Блестел, как пруд, луною озаренный.

Она вздохнула: «Где я? Что со мной?
Тону ли в бездне или в огне сгораю?
Что ныне – полдень или мрак ночной?
Живу ли я еще или умираю?
Коль это жизнь – за что такая боль?
Коль смерть – зачем она отрадна столь?»

О, воскресив, меня ты губишь снова!
Твой взгляд надменный в грудь мою проник
По наущенью сердца ледяного –
И насмерть поразил в тот самый миг,
Как взор мой, поводырь души незрячей,
К твоим устам припал с мольбой горячей.

О дивные, целебные уста,
Вы милосердней глаз! Да не увянет
Сей дружной пары пыл и красота
В сближеньях сладостных! Когда ж нагрянет
Чума, что звездочеты нам сулят, –
Ваш аромат развеет смертный яд.

чистейшие уста! Свой оттиск милый
Оставьте на устах моих опять.
О, я любую сделку бы скрепила
Такой печатью! Всю себя продать
Тебе готова; дело лишь за малым:
Поставь клеймо на этом воске алом!

За тысячу лобзаний хоть сейчас
Отдам я душу – что мне дорожиться?
Скупец! Каких-то десять сотен раз
К моим устам всего и приложиться!
И двадцать сотен – невеликий труд!
Плати, пока недорого берут!»

«Царица! Коль тебе считать охота,
Мои лета незрелые сочти.
Детеньша, попавшего в тенета,
Пускают прочь: ступай, мол, подрасти!
Коль вправду любишь, будь же терпелива:

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Поспев, сама спадает с ветки слива.

Взгляни: светильник мира скрылся прочь,
Покоем и прохладой веет воздух,
Сова из чащи возвещает ночь,
Стада уже в загонах, птицы в гнездах.
Густые тени тянутся к теням..
Пора проститься и расстаться нам.

Скажи: спокойной ночи! – и за это
Я поцелуй тебе прощальный дам».
«Спокойной ночи, милый!» – и, ответа
Не дожидаясь, к сладостным устам
Она, как бешеная, приникает
И юношу в объятья замыкает!

Он – словно пташка у ловца в горсти;
Насилу, оторвавшись, удастся
Ему дыхание перевести;
Она как будто пьет и не напьется..
И оба валятся, не устояв,
На ложе из цветов и пышных трав.

Тут жертва покоряется напору,
Тут губы алчные творят разбой,
А губы-пленники без уговору
Уже готовы выкуп дать любой –
Единственно в надежде на пощаду;
Но нет с воительницей страстной сладу!

Войдя во вкус лихого грабежа,
Она добычи требует свирепо –
И льнет к нему, пылая и дрожа,
Желанью сердце предавая слепо.
Вся кровь ее бунтует и кипит:
Рассудок оттеснен и стыд забыт.

Разгоряченный от ее усилий,
Вконец измаянный упорством их,
Как загнанная лань в чашобе – или
Малец, что накричался и утих,
Смирясь, он покорился ей устало.
Но ах! Ей этого покорства мало.

Как воску не растаять над огнем,
Будь поначалу он упорней стали?
Любовь и предприимчивость вдвоем
Каких препятствий не превозмогали?
И неудача страсти не страшна:
Чем ей трудней, тем горячее она.

любовь не испугать суровым взором;
Кто отступает слишком рано – глуп.
Смирись она тогда с его отпором,
Не пить бы ей нектара с этих губ.
Но кто дерзает, тот срывает розы
И не боится получить занозы.

И в сотый раз взмолился дурачок
И просит позволения удалиться;
Удерживать насильно – что за прок?
Она принуждена с ним согласиться:
«Прощай! прощай! и помни, милый мой,
Что жизнь мою уносишь ты с собой!

Прекрасный мальчик! Ты в своей гордыне
ужель совсем бесчувствен и незряч?
О, кинь соломинку моей кручине
Назавтра мне свидание назначь!» –
Нет, завтра он не может дать свиданья:
Охота предстоит ему кабанья.

«Кабанья?!» – Ужасом поражена,
Заиндевевшей розы став бледнее,
К нему на грудь бросается она,
Всем телом виснет у него на шее,
Дрожит – и навзничь упадает вдруг,
Не выпуская юношу из рук.

Позиция ему победу прочит:
Она – под ним, а он – над ней. И что ж?
Боец – в седле, но в бой скакать не хочет,
Ничем его упрямства не проймешь.
Как насладиться ей желанным раем?
Элизий близок, но недостижим.

Так среди влаги с пересошим ртом
Тантал страдал от жажды и от глада,
Иль пташки бедные – перед холстом,
Обманутые видом винограда.
Вотще она старается юнца
Разжечь, целуя в губы без конца –

Увы, не хочет он воспламениться!
Все перепробовано вновь и вновь,
Но проку нет, увы! – любви царица,
Любя, не может пробудить любовь.
«Ну, хватит, хватит! – молвит он устало. –
Не тискай, ты меня всего измяла».

«Зачем ты мне сказал про кабана?
Я бы тебя давно уж отпустила;
Но ты не знаешь, милый, как страшна
Лесного борова слепая сила.
Опомнись! Лезвия его клыков
Острее, чем ножи у мясников.

С ним, необузданным, шутить не стоит,
Он может льва осилить, разъярен;
Не зря он всюду рылом землю роет –
Своим врагам могилы роет он.
Встать на его пути поди попробуй!
Из пасти – пена; взгляд сверкает злобой;

Загрибок вздыблен; мощные бока
Исходят с хрипом ненавистью дикой,
Щетинистая шкура столь крепка,
Что не пробьешь ее и медной пикой.
Он ломится сквозь чащу без тропы;
И что ему колючки и шипы!

Он не оценит совершенств телесных,
В которых взгляду любящему – пир,
Ни дивных губ, ни этих глаз прелестных,
Что юным блеском озаряют мир:
Он выкорчует красоту земную
Безжалостно, как яблоньку лесную!

Так сторонись же логовищ его!
Прекрасному – что делать с безобразным?
Послушайся совета моего:
Не обольщайся гибельным соблазном.
Ты помнишь, как я сделалась бледна,
Узнав, что ты идешь на кабана?

Как вспыхнули глаза, полны тревоги,
Провидя зло и горе впереди,
И как внезапно подкосились ноги?
Мой милый! леж на моей груди,
В которой бьется страх, ища спасенья,
Ты чувствуешь толчки землетрясения?

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Как быть? Повсюду, где Любовь царит,
Бессменно Страх на страже пребывает;
Чуть что, тревогу громко он трубит,
К оружию громогласно призывает.
А для Амура эта суетня
Губительней, чем влага для огня.

Сей подлый Страх, спокойствия предатель,
Болячка, пожирающая цвет
Любви, сей ненадежный предсказатель,
Чьи вести – то ли правда, то ли нет,
Стучится в сердце мне тайком – и глухо
Про смерть твою нашептывает в ухо.

Ужасный образ мне рисует он:
Свирепый зверь с клыками наготове;
И юноша, что перед ним, сражен,
Лежит растерзанный, в потоках крови;
Померкнув, смотрит солнце с высоты,
И никнут обагренные цветы.

Могу ли я, предчувствия скрывая,
Забыть про это или страх унять?
Что делать мне, печаль моя живая?
Как мне теперь пророчицей не стать?
Смотри: в слезах оракул твой клянется:
Охота завтра смертью обернется!

Но если должен выйти ты на лов,
Зачем тебе искать тропу кабанью?
Лови лисиц или перепелов,
Скачи во весь опор за робкой ланью
Иль зайца, свору верную спустив,
Трави верхом средь пажитей и нив.

Увертлив заяц! Как он ошалело
Летит, не чуя под собою ног,
Виляя и петляя то и дело,
Чуть что, бросаясь опрометью вбок,
И хочет оторваться от облавы,
Проскакивая сквозь плетень дырявый.

Порою, чтоб со следа сбить собак,
Выносятся он к овцам на пригорок,
Иль, в два скачка перемахнув овраг,
Меж кроличьих прошмыгивает норок,
Или в оленье стадо мчит с холма:
Опасность учит, страх дает ума.

Борзые мечутся в недоуменье,
Юлят, поскуливая от стыда,
Пока в густейшем запахов смешенье
Не обнаружат старого следа –
И вновь несется лай; и вторит эхо,
Как будто в небесах идет потеха.

Меж тем косой, ушами шевеля,
Прислушивается настороженно –
И вняв летящим вдаль через поля
Раскатистым и рьяным звукам гона,
Дрожит, как старец, хворью изнурен,
В ночи заслыша погребальный звон.

Прыжок – и вновь он мчится наугад,
Спасения ища от псов матерых,
Кусты колючие его язвят,
Любая тень пугает, каждый шорох.
Все гонят оказавшихся в беде,
Увы, им нет сочувствия нигде!

Так погоди, еще послушай малость;

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org

Не вырывайся, милый, не пущу!
Прости, коль я немного заболталась,
Ведь я отговорить тебя хочу
От схватки с диким вепрем; и не диво,
Что в горести любовь красноречива.

О чем вела я речь?» – «Мне все равно;
Пусти!» – «О, снизойди к моей тревоге
И выслушай!» – «Оставь; уже темно:
Я упаду, не разобрав дороги».
Она в ответ: «Мой мальчик, не ворчи:
желанье – лучший поводырь в ночи.

А если и споткнешься ты случайно,
Знай: то земля подвох изобрела,
Чтобы к тебе прильнуть хотя бы тайно;
Сама Диана, девственно светла,
Украсть лобзанье с губ твоих мечтает:
Сокровище и честных соблазняет.

Сказать ли, отчего вдруг Феб исчез
И смерклись небеса? – От возмущенья
Природой, что похитила с небес
Огонь богов для твоего рожденья,
О юноша, затмивший красотой
И блеск луны, и солнца свет златой!

Но Цинтия, увы, возревновала:
Она, Природы замысел поправ,
С непрочностью телесною смешала
Чистойшей, горней красоты состав;
И совершенство стало хрупким дымом,
Для всех скорбей и пагуб уязвимым.

Чохотка, лихорадка и чума,
И всякая проклятая зараза,
Припадки, помрачение ума,
Нарывы, язвы, оспа и проказа –
Все это жизни противостоит
И гибель красоты в себе таит.

Малейшая из этих кар нещадных
В единый миг способна погубить
Улыбку, голос, блеск очей отрадных!
Все, что влекло влюбляться и любить,
Растает – и исчезнет незаметней,
Чем глыба льда в горячий полдень летний.

Забудь же целомудрия уклад,
Безлюбие монашек и весталок,
Что землю обезлюдить норовят;
Лишающий себя потомства жалок.
Будь щедрым! Лампа догорит в ночи,
Но кинет миру светлые лучи.

Ужель в глухом и темном склепе тела
Грядущее ты хочешь погрести,
Сгубить детей, которых повелела
Тебе судьба на свет произвести?
Презрен презревший заповеди жизни –
Он веселится на своей же тризне.

Сам на себя он мятежом идет;
Он хуже, чем тиран и кровопийца,
Который сына смерти предает;
Он безнадежней, чем самоубийца.
Зарытый клад – бесплодной глины пласт:
Ни прибыли, ни пользы он не даст».

«Оставь! Бесцельны эти сожаленья, –
Адонис отвечал. – И не толкуй

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Без толку: ты гребешь против течения.
Напрасно я потратил поцелуй.
Пусть ночь темна и льстива, точно сводня, –
Клянусь, ты не собьешь меня сегодня!

Будь у тебя сто тысяч языков
И волшебство сирен сладкоголосых,
Что обольщают песней моряков
В чужих краях, на гибельных утесах,
Меня не околдует голос твой!
Моя решимость, верный часовой,

Стоящий на посту во всеоружье,
От лживых звуков ограждает слух.
Твои слова останутся снаружи,
Пока внутри мой бестревожный дух,
Не слушая коварной песни дальней,
Спокойно спит в своей опочивальне.

Речам твоим невелика цена,
Ты зря меня прозвала бессердечным;
Нет, не любовь – распущенность гнусна,
Что нудит обниматься с первым встречным.
Ты в этом видишь размноженья прок;
Какой смешной для похоти предлог!

любовью не зови разврат бесчинный;
С тех пор, как Похоть, в раже и в поту,
Укрывшись нагло под чужой личиной,
Порочит и пятнает красоту,
Как червь, грызущий листья чистотела, –
С тех пор Любовь на небо отлетела.

Любовь, как правда, вечно молода,
А Похоть – лицемерье и притворство,
Любовь не пресыщает никогда,
А Похоть умирает от обжорства.
Любовь – рассвет, а Похоть – мрак и тьма;
Они – враги, как лето и зима.

я бы сказал еще, да проку мало:
Оратор юн, а проповедь стара;
Об очевидном спорить не пристало.
Прощай, я ухожу; давно пора.
Такого я наслушался, что чудо,
Как от стыда я не сгорел покуда».

Сказал – и из прекрасных этих рук,
Удерживавших счастье что есть мочи,
Освободясь, через росистый луг
Умчался прочь в росистый сумрак ночи:
Так исчезает с неба метеор,
В недоуменье оставляя взор.

Венера вслед ему глядит с тоской:
Так смотрят с берега в морскую тьму,
Стремясь осиротевшею душою
К уехавшему другу своему;
А там уже и точки нет в тумане –
Лишь волны с ветром в бесконечной брани.

Растерянно, как тот, кто уронил
В пучину моря перстень свой волшебный,
Как путник, чью лампаду загасил
В полночной чаще ураган враждебный,
Она осталась в безнадежной мгле,
И путь, и цель утратив на земле.

В отчаянье, не ведающем меры,
Она бьет в грудь себя – и долгий стон,
Наполняя все окрестные пещеры,

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org

Гудит, тысячекратно отражен.
«О горе, горе мне!» – и эхо, вторя,
Ей возвращает восклицанья горя.

И в песне изливается печаль;
Она поет о том, что счастье трудно,
О том, что юным ничего не жаль,
И что любовь мудра и безрассудна...
И вновь рождает скорбь наплыв скорбей,
И целый хор отзвучий вторит ей.

От этой песни заунывно-длинной
Долготерпенью ночи вышел срок;
Что слушатель наскучен их кручиной,
Влюбленным слишком часто невдомек.
Едва они доходят до финала,
Оглянутся – а публика сбежала.

Кто в этот час остался рядом с ней?
Одно лишь эхо – вроде прихлебая,
Что угождает госпоже своей,
Во всем капризам дамы потакаая;
Он верный отзвук слов ее любимых –
И чихом подтверждает каждый чих!

А в это время, радостною песней
Наполня голубеющий эфир,
Взмывает жаворонок в поднебесье
И звонкой трелью пробуждает мир.
Верхушки кедров и предгорий склоны
Под ним сияют, солнцем позлащены.

Венера шлет свой утренний привет
Светилу: «О владыка мирозданья!
Лучи созвездий ярких и планет –
Лишь слабый отблеск твоего сиянья;
Но есть рожденный матерью земной,
Что блеском превосходит образ твой».

Сказала так – и поспешила к чаще,
Тревожась, не послышится ли вдруг
Издалека – охоты лай летящий
И хриплого рожка призывный звук;
И, в самом деле, слышит звуки гона
И мчится им навстречу окрыленно.

Кусты хотят ее остановить,
Хватая платье цепкими сучками;
Но нет, не удержать богини прыть!
Так лань, томясь набухшими сосками,
Стремится, вырываясь из тенет,
Туда, где в роще олененок ждет.

Она спешит, надежде слабо веря,
Предчувствиями грозным полна,
И слышит: гончие настигли зверя –
И содрогается, поражена,
Как будто встретя на пути гадюку,
Смятенье своры угадав по звуку.

Не жертва робкая, а сильный враг
Пред ними – вепрь, или медведь страшный,
Иль гордый лев: недаром лай собак
Так злобен и труслив одновременно;
Они друг другу уступают честь,
Кому на зверя первому насесть.

Тот лай зловещий судорогой боли
Пронзил ее и до нутра проник;
Страх, в сердце утвердившись вместо воли,
Все члены поразил бессильем вмиг:

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Так войско, видя гибель полководца,
Бросается вразброд или сдаётся.

Напрасно, обомлев и трепеща,
Она унять старается тревогу,
Или, на сердце робкое ропща,
Рассудок призывает на подмогу,
Твердя, что это – бред, мираж, обман!
Но тут из чащи выскочил кабан,

С клыков роняя розовую пену, –
Пронесся мимо – и пропал в кустах,
Рождая страху старому на смену
В душе Венеры новый, худший страх;
Отчаянье, надежда, гнев и жалость –
Все в голове у ней перемешалось.

Куда бежать – вперед или назад?
Она, спеша, бесцельно суетится:
То бросится сквозь дебри наугад,
То вдруг застынет или воротится –
Как пьяный, мечущийся наобум,
Когда горячка замутняет ум.

Навстречу ей, зализывая рану
И жалобно скуля, кобель хромой
На трех ногах бежит через поляну.
Она с вопросом: «Где хозяин твой?»
И горемыка, истомленный боем,
Ей отвечает заунывным воем.

А вслед за ним другие голоса,
Объединяясь в трауре собачьем,
Согласно оглашают небеса
Своим протяжным похоронным плачем;
Струится из обвислых губ тоска,
Кровотчат помятые бока.

Есть множество примет, что поневоле
Страшат сердца и нищих, и владык;
Так мудрено ли, что она от боли
Едва не задохнулась в этот миг,
Поверя злему предзнаменованью,
И смерть осыпала нещадной бранью:

«Костлявый призрак, ненавистный всем,
Тля, гложущая мир, слепая сила,
Тиранка лютая, – скажи, зачем
Ты с жизнью и любовью разлучила
Того, кто в юной красоте своей
Был ярче розы, ландыша нежней?

О, если бы могла ты убедиться,
Как светел он, как молод и хорош!
Но нет! пусты, как ночь, твои глазницы,
Ты, метя в старость, наудачу бьешь –
И часто, попадая мимо цели,
Младенца поражаешь в колыбели.

Проклятая! кому грозила ты,
Готовясь выстрелить напропалую?
Рок повелел тебе щадить цветы,
Сбирая в мире жатву роковую.
Для стрел златых Амура он созрел,
Увы! – а не для Смерти черных стрел.

Ужели слезы всех напитков слаще?
Иль вздохи для тебя отрадны так?
Зачем ты этот взор, как день, блестящий
В кромешный, вечный погрузила мрак?
Природы наилучшее творенье

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Сгубила ты – и нет тебе прощенья!»

Она, умолкнув, силится сдержать
Сребристые ручьи, что вниз по щекам
На грудь ее, уставшую страдать,
Свергаются сверкающим потоком;
Но горьких струй неудержим разбег:
Он отворяет снова шлюзы рек.

Глаза и слезы – можно ль ближе слиться?
Они друг друга зрят, как в зеркалах,
И не понять, что за печаль творится:
Слеза в глазах или глаза в слезах?
То дождь – то ветер веет на ланитах:
Их вздохи сушат, горе вновь кропит их.

В ее беде сошлось так много бед,
Что трудно даже выбрать между ними;
И мнит любая, что ей равных нет,
И верховодить хочет над другими.
Но нет одной беды – есть тьма невзгод,
Затмившая ненастьем небосвод.

Как вдруг сквозь шелест листьев в отдаленье
Охотничий послышался ей клик;
Все страхи, все ужасные виденья
В ее душе рассеялися вмиг:
Она почти уверена, что слышит
Адониса – и вновь надеждой дышит.

Иссяк неудержимых слез ручей;
Как перлы в хрустале, насквозь мерцая,
Они застыли в глубине очей.
Лишь изредка беглянка дорогая
Скатится по щеке на луг сырой
И с пьяною смешается землей.

О страсть упрямая, как ты нелепа!
Без удержи ликуя и скорбя,
И отвергаешь ты, и веришь слепо,
Лишь крайности любезны для тебя.
То зеленю надежды ты увита,
То черной безнадежностью убита.

Она спешит скорее распустить
Ткань траурную, что сама соткала:
Адонис жив; не должно Смерть винить,
Но честь ей и хвалу воздать пристало.
«О госпожа! – она взывает к ней. –
Тень грозная, царица всех царей,

Не гневайся на выходку шальную!
Без памяти от страха я была,
Когда передо мной сквозь дебрь лесную
Промчался злобный вепрь. Такая мгла
Отчаянья рассудок мой затмила,
Что я тебя, безумная, бранила.

Моя ли в том вина, что мой язык,
Вспылив, не удержался от хулений?
Не я – кабан твой гнусный клеветник,
Он – подстрекатель ярых обвинений.
Зверь дикий виноват, ему и мсти;
А безрассудству женскому прости».

Так, дабы вновь надежды не лишиться,
Она резоны ищет на ходу,
Стремясь вернее к Смерти подольститься
И отвести от милого беду, –
И воздаст хвалу ее трофеям,
Победам, подвигам и мавзолеям.

Она стыдит себя: «Могло ли быть,
чтоб умер он? Как я могла, блажная,
Скорбеть о том, кто жив и должен жить,
Пока не сгинет красота земная:
Ведь если он умрет, умрет любовь
И черный хаос воцарится вновь.

Уймись, о сердце глупое, не прыгай!
Ты так всего пугаешься, дрожа,
Как над сокровищем своим сквалыга
Трясется, опасаясь грабежа...»
Едва лишь вымолвила это слово,
Как из лесу рожок раздался снова.

Быстрей, чем сокол на приманку мчит,
Она на звук призывный полетела;
И вдруг – о небо, что за страшный вид! –
Зрит юноши растерзанное тело.
Померкли очи, скорбь свою кляня:
Так меркнут звезды перед блеском дня.

Как робкая пугается улитка,
Едва ее случайно кто толкнет,
И рожки в норку втягивает притко,
И глубже прячется в свой круглый грот;
Сему подобно взор ее затмился
И вглубь орбит в испуге обратился.

Рассудок, внявши донесенью глаз,
Велит им не высовываться боле,
Чтоб паники не поднимать тотчас
И не тревожить сердца на престоле:
Но властелин уже осведомлен:
Протяжно, гулко воздыхает он.

И подданных монарха дрожь объемлет:
Так ветер стонет из земных пустот –
И, выхода ища, пласты колеблет
И основания земли трясет.
Почуя общий трепет и тревогу,
Глаза ее раскрылись понемногу –

И видят то, что видеть суждено:
Глубокой раны страшный след багряный;
Все тело юноши окроплено
Пурпурными слезами этой раны;
Цветы и травы – все в крови вокруг,
Кровоточит от состраданья луг.

Венере внятны эти знаки скорби;
Смертельной судорогой сведена,
Повеся голову и плечи сгорбя,
От горя задыхается она.
О, как ее глаза могли дотолле
Рыдать, не зная настоящей боли!

Она глядит так пристально, в упор,
На рану, – что в глазах ее туманных
Двоится вид: она корит свой взор,
Стеня и сетуя о новых ранах.
Мрачится ум, кружится голова;
Пред нею – не одно лицо, а два.

«О горе, два Адониса убитых!
Будь у меня лишь тысяча сердец,
Не вынести им двух печалей слитых;
Тут надобно не сердце, а свинец.
Но и свинец расплавится, конечно,
В огне гудящем скорби безутешной!

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
О мир несчастный, как ты оскудел!
Не возместить в потомстве человечьем
Сокровища, которым ты владел;
Увы, тебе похвастать больше нечем;
Навек умолкли музыки уста,
И умерла на свете красота!

К чему отныне шляпки и вуали
Жеманницам? – им нечего терять;
На них и солнце поглядит едва ли,
И ветер вряд ли станет задевать.
А как старались эти два буяна,
Адониса тревожа непрестанно!

Бывало, сдвинет шляпу он вперед,
Чтоб солнце щек не мучило нещадно, –
А ветер-вертопрах ее сорвет;
Адонис в слезы – так ему досадно!
И солнце с ветром, прекратив разбой,
Спешат их осушить наперебой.

Свирепый лев из-за речной излуки
Шел подивиться на его красу;
Когда ж он песню запевал от скуки,
Тигр укрощенный замирал в лесу,
Волк забывал про голод свой, и козы
Паслись подолгу, не боясь угрозы.

Едва он было поглядится в пруд,
Златые рыбки подплывут и лягут
Вкруг отраженья; птицы тут как тут –
Пюют ему, подносят в клювах ягод,
Малиной, вишней усладить хотят
Того, чей облик услаждает взгляд.

Но этот мерзкий боров, полный злости,
Сей гробокоп, уткнувшись в землю лбом,
Не разглядел наряд роскошный гостя
И оказал ему дурной прием.
Когда бы он сей дивный лик заметил,
Он поцелуем бы пришельца встретил.

да, так и есть! – догадка мне не лжет:
Охотником прекрасным атакуем,
Зверь восхищенный кинулся вперед
Смирить его суровость поцелуем,
В колени тычась, ласки он просил –
И ненароком клык в него вонзил.

Будь я клыкаста, словно боров дикий,
Я бы сама убить его могла
Лобзаньем страстным... О Зевес великий!
Адонис мертв; и землю кроет мгла».
Сказала так – и падает, рыдая,
К возлюбленному руки простирая.

Она, лаская, гладит бледный лоб,
В уста его безжизненные дышит
И речи шепчет нежные захлеб
Ушам, которые ее не слышат,
Заглядывает в очи – но, увы! –
В них светочи погасшие мертвы.

два озера прекрасных, два зеркала,
В которых отражалось божество
И красота небесная мерцала, –
Не отражают больше ничего.
«Мой милый, что за страшный сон мне снится!
Как странно: ты погиб, а время длится.

Проклятье же любви! Пускай вовек

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Сопутниками будут ей печали,
Пусть отравляет сердце горечь нег,
Казавшихся столь сладкими вначале,
Пусть никогда не будет ей легко,
То низко метящей, то высоко!

Пускай ее преследуют жестоко
Обман, притворство, страх и ложный стыд,
Пускай, как хрупкий цвет, в мгновенье ока
Она, не распустившись, облетит;
Пусть разуму она несет увечье,
А глупости – напор и красноречье.

Пусть увлекает в драку сгоряча,
Толкает старца в суматоху танца,
Ощипывает ловко богача,
Задаривает щедро оборванца,
Безумствует наотмашь и навзрыд:
Юнцов дряхлит, а дряхлых молодит.

пускай она пребудет безоглядна,
Доверчива на шепот клеветы,
Под маской милосердья беспощадна,
Коварна под личиной прямоты,
Пусть в прятки с ищущим она играет,
Страшит героя, труса подбодряет.

Пускай она несет раздор сердцам,
Лад меж отцом и сыном рушит в доме,
Пускай творит юнцам и мудрецам
То, что творит огонь сухой соломе.
За то, что мой любимый смертью взят,
Да всем влюбленным эти беды мстят!»

И вдруг – о чудо! – юноша убитый
Пред ней исчез, истаял как дымок,
А там, где он лежал в крови пролитой,
Пурпурный из земли возрос цветок:
Пурпурный в бледно-розовых потеках –
Как кровь, лежащая на бледных щеках.

Она склоняется над ним – вдохнуть
Адониса ожившее дыханье,
И со словами: «Ляг ко мне на грудь!» –
Ломает стебелек у основанья.
И капля сока у цветка внизу
Является, похожа на слезу.

«Цветок стыдливый! Как же ты, по чести,
На своего родителя похож!
Чуть что – опять глаза на мокром месте;
Ты, как и он, сам для себя цветешь –
И вянешь, о цветочек мой несчастный!
Увянь же на груди моей прекрасной!

Здесь было ложе твоего отца,
И ты ему наследуешь законно;
Так пусть тебя качает без конца
Рыданиями волнуемое лоно;
Вовеки в сладком забытии живи,
Лелеемый лобзаниями любви!»

Сказавши так, восходит в колесницу,
И стайка среброкрылых голубей,
Взлетев, несет Пафосскую царицу
Над ширью белопенною зыбей
К родным скалам, на брег первоначальный, –
Чтоб затвориться ей в глуши печальной.

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
ВЕНЕРА И АДОНИС

Перевод Б.Томашевского

Vilia miretur vulgus; mihi flavus Apollo

Pocula Casialia plena ministret aqua.

Ovid., I. Am., XV, 35[10 - дешевка изумляет толпу; пусть же мне рыжеволосый Аполлондоставит чаши, полные кастальской воды. Овидий, 1. О любви, XV, 351]

Его милости ГЕНРИ РАЙОТСЛИ,

герцогу СОУТЕМПТОНУ,

барону ТИЧФИЛДУ

Ваша милость,

я сознаю, что поступаю весьма дерзновенно, посвящая мои слабые строки вашей милости, и что свет осудит меня за избрание столь сильной опоры, когда моя ноша столь легковесна; но, если ваша милость удостоит меня своим благоволением, я сочту это высочайшей наградой и клянусь посвятить все свое свободное время и неустанно работать до тех пор, пока не создам в честь вашей милости какое-нибудь более серьезное творение. Но если этот первенец моей фантазии окажется уродом, я буду сокрушаться о том, что у него такой благородный крестный отец, и никогда более не буду возделывать столь неплодородную почву, опасаясь снова собрать такой плохой урожай. Я предоставляю свое детище на рассмотрение вашей милости и желаю вашей милости исполнения всех ваших желаний на благо мира, возлагающего на вас свои надежды.

Покорный слуга вашей милости

Уильям Шекспир

Как только диска солнечного
Швырнул в пространство плачущий восход,
Уже Адонис на охоте с псами...
Увлечшись ловлей, он любовь клянет.
Его Венера мрачная догнала
И, словно дерзкий жалобщик, пристала.

"О ты, кто для меня всего милей,
Цветок полей и воплощенье грезы,
Ты лучше нимф, ты краше всех людей,
Белее голубка, алее розы!
Ты одарен такую красотой,
Что мир погибнет, разлучась с тобой.

Сойди с седла, мой милый, поскорее
К стволу уздою привяжи коня!
Меня порадуй милостью своею
И сотни тайн узнаешь от меня.
Приди и сядь, здесь не таятся змеи...
Я докажу, как целовать умею!

Пусть губ нам пресыщенье не замкнет,
Пусть голодом томятся в изобилье...
В них бледность или алость расцветет,
Чтоб счет мы поцелуям позабыли...
И летний день мелькнет, как быстрый час,
В забавах поительных для нас!"

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org

Она хватает потные ладони
Веселого и крепкого юнца
И эти руки в исступленном стопе
Бальзамом именует без конца...
Такая вдруг в ней объявилась сила,
Что прочь с коня она его стащила.

Уже в одной руке у ней узда,
Другую сжато юноши дыханье...
Он покраснел, сгорая от стыда,
Но в нем молчит свинцовое желанье.
Она, как уголь в пламени, цветет,
Он красен от стыда, но в страсти – лед!

Уздечку пеструю на куст колючий
Она швырнула... Как любовь быстра!
Привязан копь, и вот удобный случай:
Ей всадника теперь сковать пора...
Ей хочется его отдалиться власти,
Но он не разделяет пылкой страсти.

На локти и колени опершись,
Она тотчас же рядом с ним ложится...
Он в гневе, но она ему: "Не злись!"
И так и не дает ему сердиться.
Целуя, говорит она ему:
"Браниться станешь – рот тебе зажму!"

Он от стыда горит... Она слезами
Спешит залить невинный пламень щек.
И в вихре вздохов над его щеками
Волос струится золотой поток.
Он тщетно к скромности ее сзывает,
Но поцелуй моление заглушает.

И, как орел голодный, кости, жир,
И даже перья клювом все терзает
И до тех пор, пока не кончит пир,
Крылами бьет и жертву пожирает, –
Так и она целует в лоб и в рот
И, чуть закончит, сызнава начнет.

Но все ж, под гнетом силы непослушный,
Лежит в жару он, тяжело дыша,
Ей мил его дыханья воздух душный,
Небесной влаги ждет ее душа...
Ей хочется, чтоб щеки стали садом,
Чтоб дождь росы на них излился градом.

Взгляни на птицу, пойманную в сеть!
Так юноша в объятьях стиснут ею...
И стыд и гнев в нем начинают тлеть,
Но делают его еще милее.
Так дождь, из туч пролившись над рекой,
Вскипает в ней бушующей волной.

И вновь Венера нежно умоляет,
Чтоб в слух ему вошел любви напев...
Но он угрюм, досада в нем пылает,
В нем бьются алый стыд и бледный гнев.
Он, алый, мил ей – но ей щеки эти
И бледные милей всего на свете.

Любовь – ей все, ему же все равно...
Она своим бессмертием клянется,
Что вместе быть им вечно суждено...
Когда ж ее слезам он улыбнется?
Они струятся, щеки затопив,
Но им отвергнут пламенный порыв.

Услышав это, взор он поднимает...

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
И как, из волн мелькнув на миг, нырок,
Замеченный, обратно вглубь ныряет,
Так он готов ей дать любви залог...
Она у губ его губами бродит,
Но он, зажмурясь, губы вновь отводит.

Нет, никогда и путник в летний зной
Так не искал воды, томясь в пустыне...
Спасенье есть, но путь к нему крутой:
Она в воде, но пламя жжет богиню.
"О, сжался, мальчик с сердцем, как кремень!
ужель тебе и целоваться лень?"

Меня молил, как ныне я взываю,
Сам бог войны суровый о любви...
Он был могуч... Над битвами летая,
Он побеждал, весь в прахе и крови...
Мой раб, он умолял самозабвенно
О том, что я отдам тебе мгновенно.

На мой алтарь копьё повесил он,
И крепкий щит, и шлем непобедимый,
И стал учиться, мною покорен,
Играть, резвиться и шутить с любимой.
В объятьях обретя желанный бой,
Расстался он с гремящею войной.

Так властелин склонился предо мною,
На цепи розовой он взят в полон...
Покорствует ему копьё стальное,
Но пал перед моим презреньем он.
О, не гордись, не хвастай тайной силой,
Владея той, кто бога битв пленила.

Губами влажными коснись моих,
Мои не так милы, но все же алы,
Пусть пламя поцелуев вспыхнет в них...
Зачем же никнет голова устало?
Взгляни в глаза, в них блеск красы твоей,
И губы, как глаза, с губами слей.

Стыдишься целовать? Сомкни ресницы,
И вместо дня настанет в мире ночь...
Для двух в любви чудесное таится!
Мы здесь одни, отбрось же робость прочь.
Фиалки ни нарочно, ни случайно
Не разгласят по свету нашей тайны.

Над милыми губами нежный пух
Еще незрел! Но ждут тебя услады...
Не упускай мгновенья, милый друг,
Нет, красоты своей губить не надо.
Ведь если роз в расцвете не сорвут,
Они в саду увянут и сгниют.

Вот если бы старухою была я:
Сухая, хрипая, с кривой спиной,
Морщинистая, мерзкая, больная,
Костлявая, с седую годовую, –
Там ты бы мог и не искать блаженства,
Но ты ведь ненавидишь совершенство!

На лбу белейшем ни морщинки нет,
Глаза лукавым огоньком блистают,
Здесь красота не знает грозных бед,
А тело нежное, как в зное, тает,
И влажная рука – попробуй тронь! –
Расплавится, скользя в твою ладонь.

Лишь попроси, я слух твой очарую,
Как фея, я порхаю по траве,

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Иль, словно нимфа, на песке танцую
Неслышно, с вихрем кос на голове...
Любовь взлетает в воздух, словно пламя,
Она стремится слиться с небесами!

Взгляни на берег – он похож на сад...
Лежу – цветы не мнутся подо мною.
Два голубя меня по небу мчат,
И жизнь моя весь день полна игрою...
Мой милый, мне любовь легка, светла, –
ужель тебе она так тяжела?

Но любит ли одна рука другую?
Ты разве сам пленен своим лицом?
Ну что ж, блаженство у себя ворую,
Люби себя в безумии пустом!
Так к Нарцисс погиб в одно мгновенье,
В ручье свое целуя отраженье.

для блеска создан факел и алмаз,
А девы юные – чтоб их любили,
Настой из трав – чтоб хворь прогнать от нас.
Как жалки только для себя усилья!
Рождать – вот долг зерна и красоты,
ты был рожден, теперь рождай и ты!

Но как ты смеешь брать блага земные,
Не одарив ничем земли взамен?
Нужны природе существа живые,
Они переживут твой прах и тлен.
ты, бросив смерти вызов, будешь вечно
В потомстве воскресать и жить, конечно".

Они уже лежали не в тени..
Царица, упоенная, вспотела.
Заметив, где скрываются они,
Сам бог Титан, от зноя разомлелый,
Мечтал отдать Адонису коней,
А сам к Венере – и улечься с ней.

Адонис ленью тягостной томится,
В его глазах унынье, мрак, тоска..
И ясный взор в нем постепенно тмится, –
Так небо застилают облака.
Он молвил ей: "Довольно препираться!
лицо пылает, время отправляться!"

Она в ответ: "Так юн и так жесток!
Что скажешь ты, скрываясь, в оправданье?
Небесных вздохов нежный ветерок
Пусть охладит нам зноя колыханье.
Из кос густых я тень тебе создам,
А если вспыхнут – волю дам слезам!

Не так силен палящий отблеск зноя,
Ведь я меж солнцем и тобой лежу,
ничуть не тяготясь такой жарою,
Но в пламень глаз твоих с тоской гляжу.
Будь смертной я, погибла б рядом с милым
Меж солнцем в небе и земным светилом.

Ты крепок как кремень, ты тверд как сталь,
Нет, даже крепче: камни дождь смягчает.
Ты женщины ли сын? Тебе не жаль
Смотреть, как женщину любовь сжигает?
О, если б мать твоя такой была,
Она б тогда бездетной умерла.

За что меня надменно презираешь?
ужель опасность здесь тебе грозит?
Ну что от поцелуя ты теряешь?

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Ответь нежней, иль пусть язык молчит.
Дай поцелуй, и вновь его верну я
С процентами второго поцелуя.

О идол размалеванный, тупой,
О мертвый лик, холодный камень ада,
Не женщиной рожден на свет земной,
Как статуя, ты лишь для глаз услада!
Нет, на мужчину вряд ли ты похож,
У них ведь поцелуй всегда найдешь!"

Но страсть ей не дает сказать ни слова,
Сковало нетерпенье ей язык,
Румянец щек и пламень глаз ей снова
Наносят вред, который столь велик:
То плачет, то безмолвием томится,
То снова слезы начинают литься.

То головой тряхнет, то руку жмет,
То на него косится, то на землю,
И хоть рукой, как лентой, обовьет,
Он рвет объятья, жалобам не внимля.
Но вырваться не может – сплетена
Кругом лилейных пальцев белизна.

"О милый, говорит, прилег ты ныне
Там, где белей слоновой кости грудь...
Пасись где хочешь – на горах, в долине, –
Я буду рощей, ты оленем будь.
И вновь с холмов бесплодных, безотрадных
Спустишь попить в источниках прохладных.

Почаще в тайных уголках броди,
Цветущая долина мхом увита...
Холмы крутые, чаща впереди –
Здесь все от бурь и от дождей укрыто.
Оленем стань и в роще здесь гуляй,
Сюда не долетит собачий лай".

Адонис усмехается с презреньем,
Две ямочки мелькнули на щеках...
Любовь их перед гибельным мгновеньем
Изваяла, чтоб победить свой страх.
Теперь она спокойна, твердо зная,
Что не грозит ей гибель никакая.

Отверзли зев, любви ее грозя.
Заветные, волшебные пещеры.
Убитого сразить уже нельзя...
Что вымолвит безумная Венера?
Что может для царицы быть страшней:
любить того, кто равнодушен к ней!

Но страсть ей не дает сказать ни слова,
Слов больше нет, все жгуче ярость мук...
Его не удержать, уходит время,
Он вырывается из цепких рук.
Венера стонет: "Дай мне насладиться!"
Но он, вскочив, к коню стрелюю мчится.

И вдруг откуда-то из-за кустов –
Кобыла молодая, в гордой неге
Почуяв жеребца, под звон подков
Храпит и ржет в неукротимом беге.
И к ней рванувшись, дикий жеребец,
Сорвав узду, умчался наконец.

Он скачет, ржет и яростно играет,
Подпругу тканую в куски крошит,
Копытом, рая землю, ударяет,
И будто гром из гулких недр звучит...

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Мундштук железный он грызет зубами:
То, что гнетет, должны мы свергнуть сами!

Он уши наострил, и волны льет
По шее пышная, густая грива,
Как горн, он грозным жаром обдает,
Он воздух пьет ноздрями горделиво.
А взор его, как пламень, затаил
В себе неистовство, отвагу, пыл.

То рысью мчится, поступь ускоряя,
С изящной, скромной, гордой простотой,
То встанет на дыбы, в прыжках играя,
Как бы твердя: "Вот я какой лихой!
Пусть удаль молодецкая пленяет
Лошадку, что за мною наблюдает".

Да что ему гнев всадника, укор
И льстивое: "да ну же!" или "куда ты?"
Что удила, что ярость острых шпор,
Седло, и сбруя, и чепрак богатый?
Он видит только цель своих услад,
И больше ничего не видит взгляд.

Когда художник превзойти стремится
Природу, в красках написав коня,
Он как бы с ней пытается сразиться,
Живое мертвым дерзко заменя..
Но конь живой – чудесное созданье!
В нем все прекрасно: сила, пыл, дерзанье.

С широкой грудью, с тонкой головой,
С копытом круглым, с жаркими глазами,
С густым хвостом, с волнистою спиной,
С крутым крестцом, с упругими ногами –
Был конь прекрасен! Нет изъянов в нем..
Но где же всадник, властный над конем?

Он вздрогнет, если перышко взлетает,
Порой отпрянет он, порой замрет,
Куда он бросится – никто не знает,
И, с ветром споря, мчится он вперед.
И ветер свищет над хвостом и гривой,
Как веер, шерсть взметая торопливо.

Он тянется к лошадке, звонко ржет,
И, все поняв, ответно ржет кобыла,
И, хоть приятен ей такой подход,
Она упрямится – не тут-то было! –
И отвергает яростный порыв,
Копытами наскоки отразив.

И вот уж недовольный, безотрадный,
Хлеща по бедрам яростно хвостом,
Чтоб жаркий круп укрыть в тени прохладной,
Он бьет копытом, мух кусая ртом.
Увидя гнев, кобылка молодая
Спешит к нему, всю ярость в нем смиряя.

Его взнуздать идет Адонис злой..
Но вдруг лошадка дикая в испуге,
Как от погони, прочь летит стрелой,
А конь, забыв Адониса, – к подруге,
И мчатся вдаль, а рядом с двух сторон
Несется стая вспугнутых ворон.

Уселся в ярости Адонис, мрачный,
Кляня проделки буйного коня..
Миг выпал для любви теперь удачный:
Вновь обольщать, мольбой его маня.
Нет горя, что сильнее сердце гложет,

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Когда и речь любви помочь не может.

Печь замкнутая яростней горит,
Река в плотине яростней вскипает...
О скрытом горе так молва твердит:
Потоки слез огонь любви смиряют.
Но раз у сердца адвокат немой,
Тогда истец процесс погубит свой.

Ее вблизи он видит и пылает:
Под пеплом угли вихрь вздувает вновь.
На лоб он в гневе шапку надвигает,
Уставясь в землю, мрачно хмуря бровь,
Как будто замечать ее не смея...
Но искоса-то он следит за нею.

И любопытно видеть, как она
К мальчишке своенравному крадется,
Как на лице в смятенье белизна
Румянца алым светом вдруг зальется...
То бледен облик щек ее, а вот,
Как молния с небес, он вдруг сверкнет.

И вот она, склоняясь, поникает
Любовницей смиренной перед ним...
Одной рукою шапку поправляет
И льнет к щекам движением хмельным,
Нежнейший след на коже не изгладя,
Как легкий след в недавнем снегопаде.

Меж ними дело кончится войной!
Ее глаза к нему бегут с прошеньем,
Но он не тронут горестной мольбой:
Все жалобы встречает он с презреньем.
То, что неясно в пьесе до сих пор,
Расскажут слезы, как античный хор.

Она дарит его пожатьем нежным...
Как лилия, зарытая в снега,
Иль мрамор в алебастре белоснежном,
Так белый друг взял белого врага.
И бой двух рук – огня со льдом искристым –
Двум голубкам подобен серебристым.

Глашатай мысли речь ведет опять:
"Венец творенья в этом мире бренном,
О, если бы мужчиною мне стать,
То, слив сердца в желанье дерзновенном,
Тебя я кинулась бы исцелить,
И даже с риском жизнью заплатить".

Он говорит: "Оставь в покое руки!"
"Отдай мне сердце! – был ее ответ. –
Отдай его, в нем лишь металла звуки,
А нежных вздохов в нем давно уж нет.
Теперь меня смутит любовь едва ли,
Ты виноват, что сердце тверже стали".

А он: "Стыдись! Уйди иль дай уйти!
Мой день погублен, конь удрал куда-то,
Из-за тебя его мне не найти,
Оставь меня и уходи одна ты.
Лишь вот о чем сейчас веду я речь:
Как от кобылы жеребца отвлечь".

Она в ответ: "Твой жеребец, палимый
Желаньем ярым, верный путь избрал...
Туши пожар любви неодолимый,
Чтоб уголь сердце не воспламенял.
Пределы морю есть, но нет – для страсти!
Так диво ли, что конь у ней во власти?"

Смирившись перед кожаной уздой,
У дерева томился он покорно...
Но, милую почуяв, конь лихой,
Ремень непрочный свой рванув проворно,
Мгновенно ухитрился прочь стянуть,
Освободив и голову и грудь.

Кто, видя милую нагой в постели,
Блеснувшую меж простынь белизной,
Допустит, чтоб в нем чувства онемели
Там, где глаза пресыщены едой?
Кто не дерзнет и хилою рукою
Вздуть пламя в печке зимнею порою?

Позволь коня мне, мальчик мой, простить!
Вот у кого бы надо поучиться
Бездумно наслаждения ловить,
Он нам теперь в наставники годится!
Учись любить, не труден ведь урок,
Усвоенный, тебе пойдет он впрок".

Он говорит: "любви ловить не буду,
Она не вепрь, чтоб гнаться мне за ней...
Мой долг велик, но брать не стану ссуду,
Держаться дальше от любви – верней!
Я слышал, что она лишь дух бесплотный,
И смех, и слезы – все в ней мимолетно.

Кто в платье неготовом выйти б мог?
Кто нерасцветший лепесток срывает?
Лишь тронь неосторожно – и росток,
Едва взошедший, быстро увядает.
И если жеребенок запряжен,
То быстро в клячу превратится он.

Ты же мне руку вывихнешь.. Не надо!
Расстанемся – не время для бесед...
Сними же с сердца моего осаду
И знай: надежды на победу нет!
Брось клятвы, лесть, притворные печали,
Там не пробьешь, где сердце тверже стали".

Она в ответ: "Ты смеешь возражать?
О, лучше б ты был нем иль я глухая...
Сирены голос губит нас опять,
Терзалась я, теперь изнемогаю.
Нестройных звуков полный, твой хорал
Для сердца жгучей раной прозвучал.

Будь я слепой, то уши бы пленялись
Невидимой и скрытой красотой, –
Будь я глухой, все атомы бы рвались
К тебе, к тебе, к слиянию с тобой...
Без глаз, ушей, без слуха и без зренья,
Я радость бы нашла в прикосновенье.

А если бы я даже не могла
Ни видеть, ни внимать, ни трогать нежно,
То я бы в обонянии нашла
Возможность волю дать любви безбрежной...
Твой облик излучает аромат,
В нем как бы вновь огни любви горят,

Но вкусу пир ты дал бы бесконечный,
Ты, четырех главнейших чувств исток!
Они тогда бы наслаждались вечно,
Поставив Подозренье на порог,
Чтоб Ревности угрюмой появленье
Не портило бы пир и наслажденье".

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Открылся вновь рубиновый портал,
Чтоб нежно речь струилась, а не с гневом,
Но пурпур зорь извечно предвещал
Крушение – моряку, грозу – посевам,
Скорбь – пастухам, беду – для малых птиц,
Для стада – вихрь и отблески зарниц.

Зловещий этот знак ее печалит:
Так ветер вдруг замрет перед грозой,
Так волк, рычать готовый, зубы скалит,
Так брызнет сок из ягоды тугой, –
Как из ружья полет смертельной пули,
Слова непрозвучавшие резнули.

Ее сражает сразу грозный взгляд,
Он и убьет любовь и воскрешает:
Улыбке каждый после гнева рад,
И нищего любовь обогащает.
А глупый мальчуган ей щеки трет,
Вот-вот опять румянец в них мелькнет,

И он уже забыл все то, что было,
Забыл, что собирался укорять...
Любовь уловкой горе отдалила:
Как ум хитер – в беде ее спасать!
Она в траве недвижно замирает –
Пусть он ей жизнь дыханьем возвращает!

Он жмет ей нос, и ловит сердца звук,
Сгибает пальцы, видя: плохо дело!
На губы дышит ей... Как нежный друг,
Исправить вред готов, и вдруг он смело
Ее целует! Ей теперь не встать,
Она согласна вечно так лежать.

Ночь грустную теперь заря сменяет,
Два голубых окна открыты в день...
Так солнце утром землю оживляет,
Приветным взором разгоняя тень,
Деля сиянье славы с небесами, –
Так и лицо озарено глазами.

Лицо его, как пламя, жгут лучи,
Как будто там сияющими стали.
Не будь нахмурен он, тогда в ночи
Четыре факела бы заблестали,
А взор ее хрустальной слезой
Мерцает, как луна в волне ночной.

Она твердит: "В огне иль в океане
Я гибну, в небесах иль на земле?
Что мне отныне – жизнь иль смерть желанней?
Который час? Рассвет иль ночь во мгле?
Была жива – и жизнь, как смерть, томила,
Теперь мертва – и смерть мне стала милой.

Убил уж раз меня! Убей же вновь!
Ведь злое сердце взор твой научило
С презреньем оттолкнуть мою любовь
И сердце бедное мое убило.
В мои глаза вошла бы темнота,
Когда б твои не сжалились уста.

Пусть поцелуй целебный долго длится!
Пусть пурпур губ не блекнет никогда!
Пусть свежест в них навеки сохранится,
Чтоб гибель им не принесли года!
Пусть скажет звездочет, нам смерть вешая:
Твоим дыханьем сдута язва злая.

О, чистых губ мне наложи печать!

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org

Какую сделку заключить должна я?
Себя теперь готова я продать,
А ты внесешь мне плату, покупая.
И чтоб покупку увенчать верней,
Печатью мне уста замкни скорей.

Пусть щедрым ливнем льются поцелуи,
Плати по одному, не торопясь.
Ведь десять сотен только и прошу я,
Они мелькнут, быстрее слов промчась.
Смотри, за неуплату долг удвою,
И двадцать сотен для тебя – пустое!"

"Царица, – он промолвил, – объясни
Незрелостью все ухищренья эти.
Я юн, меня к познанию не мани, –
Рыбак мальков швыряет прочь из сети.
Созрев, сорвется слива; но она
Кисла на вкус, покуда зелена.

Взгляни: целитель мира, утомленный,
На западе кончает путь дневной.
Кричит сова, предвестник ночи сонной,
В загоне – овцы, в гнездах – пташек рой.
Слой черных туч, окутав небо тьмою,
Зовет и нас к разлуке и покою.

Давай друг другу мы шепнем: "Прощай!"
Скажи – и ты дождешься поцелуя!"
Она, сказав, как будто входит в рай
И платы ждет, мечтая и ликуя...
И обняла любимого потом,
Прильнув к лицу пылающим лицом,

Пока он, ослабев, не отрывает
Небесной влагой напоенный рот...
Он сладостью ей губы обжигает,
Но жажда их все яростнее жжет.
Они, друзья и недруги желанья,
Вновь падают на землю без дыханья.

Теперь желанье, жертвой завладев,
Ее, как хищник, жадно пожирает...
Ее уста – как воин, впавший в гнев,
Его уста – как пленник, замирают.
Она их пьет как коршун, груб и дик,
Пока не осушает весь родник.

Она в слепом неистовстве бушует,
Вдруг ощутив всю сладость грабежа, –
В ней страсть с безумством ярости ликует,
Лицо горит, вся кровь кипит... Дрожа,
Она в забвенье отшвырнула разум,
И стыд, и честь – все умолкает разом.

В объятьях цепких, слаб и распален,
Как ставшая ручною в клетке птица,
Иль как олень, что бегом утомлен,
Иль как дитя, что ласке покорится,
Он ей сдается, не вступая в бой,
А ей желанен счастья миг любой!

Малейшему давлению уступает
Застывший воск, когда огнем нагрет,
Отвага никаких преград не знает,
Особенно в любви границ ей нет...
И страсть не отступает боязливо,
Чем цель трудней, тем яростней порывы.

Ей не пришлось бы нектар губ впивать,
Смутись она его суровым взором...

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
С шипами вместе розу надо рвать,
Влюбленный должен быть глухим к укорам.
Будь красота под тысячей замков,
Любовь пробьется к ней в конце концов.

Ей жалость отпустить его внушает,
Несчастный молит дать ему уйти...
И вот она его освобождает
И даже говорит ему: "Прости!" –
Хоть луком Купидона и клянется,
Что он над сердцем властен остается.

"Мой милый, эту ночь я проведу
В бессонной, – говорит она, – печали...
Скажи мне, где и как тебя найду?
На завтра встречу мы не назначали?"
А он ей: завтра встреча не нужна,
С друзьями он идет на кабана.

"Кабан!" – Вдруг бледность щеки покрывает,
Как будто бы над розой полотно...
Хоть ею тайный страх овладевает,
Она к нему прильнула все равно.
Упали оба – тут и он забылся
И прямо на живот к ней повалился.

Для жаркой схватки на коне боец,
Теперь любви арена перед нею...
Когда же в бой он вступит наконец?
Но тают жалкие мечты, тускнея;
Таких и сам Тантал не ведал бед:
В Элизиум вошла – а счастья нет!

Вот птицы видят гроздь на картине,
Их так пленяет этот виноград,
Что ягоды клюют и на холстине...
Так и ее желанья томят.
Желаний пыл невспыхнувший царица
Зажечь в нем поцелуями стремится.

Напрасен труд, царица красоты,
Испробовано все, что достижимо...
Иных наград заслуживаешь ты:
Сама любовь... в любви... и нелюбима!
"Стыдись, – он говорит, – ты жмешь, пусти,
И эти приставанья прекрати!"

"Когда б о ведре ты не заикнулся,
давно бы ты ушел, – в ответ она, –
А вдруг метнул копье да промахнулся?
Ну где же осторожность тут видна?
Опасен хищник острыми клыками,
Так мясники орудуют ножами.

Щетину игл – угрозу для врагов –
Он тащит на спине горбатой, взрытой,
Он мордой рыть могилы всем готов,
Глаза, как светляки, блестят сердито...
Он в ярости сметает все с пути,
И трудно от клыков его уйти.

Его бока защищены щетиной,
И надо их сперва пронзить копьем...
А к толстой шее путь для лезвий длинный,
Он в бешенстве сразится и со львом.
Пред ним кустарник в страхе сторонится,
Когда стремглав он через дебри мчится.

Тебя ему сгубить совсем не жаль,
И облик твой, моей любви блаженство,
И нежность рук, и губ, и глаз хрусталь –

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Все изумительное совершенство!
Но, одолев тебя (вот ужас в чем!),
Как луг, всю прелесть взроет он потом.

Пусть в мерзостной берлоге он таится...
Что делать красоте с врагом лихим?
К опасностям не должно нам стремиться,
Здесь друга нам совет необходим.
Во мне – чуть уши это услышали –
От страха все поджилки задрожали.

Ты видел, как в глазах зажегся страх?
Заметил, как лицо мое бледнеет?
Ты лег на грудь мне, ты в моих руках,
И я без чувств, и все во мне немеет...
Но сердца беспокойный, шаткий бой
Как гул землетрясения под тобой.

Там, где царит Любовь, там Ревность злая
Стоит, как верный часовой, пред ней,
Тревогу бьет, мятеж подозревая,
И в мирный час зовет: "Убей! Убей!"
Она любовь от страсти отвлекает,
Так ветер и вода огонь сбивают.

Червяк, любви грызущий вешний цвет,
Лазутчик этот всюду тайно вьется,
Мешая правду счастья с ложью бед...
Он Ревностью уж издавна зовется.
Стучит он в сердце, в ухо шепчет мне.
Что смерть любимого страшна вдвойне.

Он страшный облик вепря представляет
Разительно испуганным глазам,
И, весь в крови, твой образ возникает,
Поверженный, как жертва злым клыкам.
К цветов подножью кровь твоя струится,
И грустно ряд стеблей к земле ложится.

А что со мною станется тогда,
Раз и теперь дрожу я от волненья?
Одна лишь мысль для сердца уж беда,
А страх ему внушает дар прозренья.
Знай, что тебе погибель суждена,
Когда ты завтра встретишь кабана.

Уж если так увлекся ты охотой,
За робким быстрым зайцем устремись,
Иль за лисою в чащи и болота,
Иль за пугливой ланью ты помчись!
Но там травы одних лишь кротких тварей
Со сворой псов в охотничьем угаре.

Заметь, когда, спасаясь от беды,
Мелькают ушки зайчика косоного,
То он, запутывая все следы,
Быстрее ветра мчится прочь, и снова
В любые норки он юркнуть готов,
Как в лабиринт, чтоб обмануть врагов.

Порой в толпу овец он ускользает,
Их запахом обманывая псов,
Порою в норку кролика влетает,
Чтоб смолкнул гул собачьих голосов,
Иль спрячется в стадах оленьих ловко:
Для всяких бедствий есть своя уловка.

Собак разгоряченных он смутит
Там, где с другими запах свой смешает, –
Но вскоре вновь его обман открыт,
Их звонкий лай на миг лишь замолкает.

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Завоют псы, а эхо им в ответ:
Как бы и в небе ловят зверя след.

Стоит зайчонок бедный у пригорка
На задних лапках, обратившись в слух,
Он за врагами наблюдает зорко,
К заливчатому лаю он не глух.
В тоске больного он напоминает,
Что звону похоронному внимает.

Ты видишь, он, запутывая путь,
Зигзагами летит, в росе купаясь,
Царапая себе шипами грудь,
Любых теней и шорохов пугаясь.
Топтать смиренных ведь готов любой,
А кто поможет справиться с бедой?

Лежи спокойно и послушай дало...
Не рвись, ведь все равно тебе не встать!
Я от охоты отучу едва ли,
Хоть мне пришлось мораль тебе читать.
Легко найду я нужные сравненья,
Чтоб как-то дать страданьям объясненье.

Что я сказать хотела?" – "Все равно, –
Прервал он, – все давно об этом знают.
Уж ночь, темно..." – "Так что же, что темно?"
"Меня друзья давно уж ожидают,
И я, бредя во тьме, могу упасть".
В ответ она: "Во тьме лишь зорче страсть."

А упадешь, то знай: земля, наверно,
К тебе в любви пытается прильнуть...
Сокровища на всех влияют скверно,
Влекут и честных на преступный путь.
От губ твоих спешит Диана скрыться,
Чтоб поцелуем ей не соблазниться.

Теперь причина темноты ясна:
Стыдись, луна свои лучи застлала,
Пока природа не осуждена
За то, что красоту с небес украла
И воплотила в облике твоём,
Чтоб в ночь затмить луну и солнце – днем.

Луна Судьбу лукаво подкупает,
Прозя труды природы истребить...
Судьба с уродством красоту сливает,
Чтоб в хаосе гармонию сгубить,
А красоту подвергнуть страшной власти
Тиранства, злополучья и несчастья.

Горячка, бред, чумы смертельный яд,
Безумие, шальные лихорадки,
Болезнь костей, когда в крови горят,
Как пламя, сумасшествия припадки,
Отчаянье, печаль, весь гнет земной –
Природе смертью мстят за облик твой.

А из недугов этих ведь любые
В мгновенной схватке прелесть сокрушат,
И молодости краски огневые,
Недавно так пленявшие наш взгляд, –
Все быстро блекнет, вянет, исчезает...
Так снег в горах под солнцем в полдень тает.

Ты девственность бесплодную отбрось
Весталок хмурых и монахинь нудных...
Им дай лишь власть – пожалуй бы пришлось
Увидеть век людей бездетных, скудных.
Будь щедр! Чтоб факел в темноте не гас,

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Ты масла не желей хоть в этот раз.

Вот это тело – жадная могила,
Свое потомство в ней хоронишь ты...
Ему родиться время предрешило,
Но ты не спас его от темноты.
Весь мир взглянул бы на тебя с презреньем,
Узнав, что ты запятнан преступленьем!

Себя ты губишь скупостью своей...
Так и в гражданских войнах не бывает!
Самоубийцы даже ты гнусней,
Отца, который сына убивает.
Зарытый клад ржавеет и гниет,
А в обороте – золото растет!"

"Ты скучной теме предаешься страстно
В который раз, – Адонис ей сказал, –
Но борешься с теченьем ты напрасно,
И я тебя напрасно целовал.
Клянусь я ночью, нянькой наслажденья,
Мне речь твоя внушает омерзенье!

Хоть двадцать тысяч языков имей,
И каждый будь из них еще страстнее,
И будь он пения сирен нежней –
Я все равно понять их не сумею.
Бронею сердце вооружено,
Не будет слушать песен лжи оно,

чтоб обольщающий напев не вкрался
В нетронутый тайник груди моей
И там смутить бы сердце не старался,
Не дав потом спокойно спать ночей...
Нет, госпожа, его терзать не стоит,
Пускай никто его не беспокоит.

На лесть твою легко рукой махнуть,
Ведь гладок путь, ведущий к обольщенью...
Не от любви хочу я увильнуть,
Я к похоти питаю отвращенье.
А ты, чтоб в плен потомством заманить,
Свой разум в сводню хочешь превратить.

Любовь давно уже за облаками,
Владеет похоть потная землей
Под маскою любви – и перед нами
Вся прелесть блекнет, вянет, как зимой.
Тиран ее пятнает и терзает:
Так червь листы расцветшие глодает.

любовь, как солнце после гроз, целит,
А похоть – ураган за ясным светом,
Любовь весной безудержно царит,
А похоти зима дохнет и летом...
Любовь скромна, а похоть все сожрет,
Любовь правдива, похоть нагло лжет.

я больше бы сказал, да не дерзаю,
Предмет уж стар, оратор же незрел...
Итак, тебя с досадой покидаю,
Стыд на лице, и в сердце гнев вскипел,
А уши, что речам хмельным внимали,
Горят румянцем – так их оскорбляли".

От нежных рук, державших на груди,
Уходит он, из сладостных объятий
Он вырвался. Венера впереди
Лишь горе чует, плача об утрате.
Как в небе метеор, мелькнув, погас,
Так он скрывается во мраке с глаз.

Она за ним следит... Так мы порою
Глядим на отплывающих друзей,
Когда корабль уже закрыт волною,
До туч взлетевшей в ярости своей,
И тьма, как необъятная могила,
Уже любимый облик поглотила.

Смущенная, как тот, кто вдруг в поток
Алмаз бесценный уронил случайно,
Как путник, чей погаснул огонек,
Бредет в ночном лесу тропинкой тайной, –
Так и она лежала в темноте,
Утратив путь к сияющей мечте.

Бьет в грудь она себя, и сердце стонет,
А ближние пещеры, как бы злясь,
Назад к богине эти стоны гонят,
Как будто бы усилить боль стремясь.
Она раз двадцать всхлипнет: "Горе, горе!"
И плачут двадцать эхо, стонам вторя.

О том, как дерзких юношей в рабов
Любовь в безумстве мудром обращает,
Как губит в детство впавших стариков,
Она уныло песню начинает...
Заканчивает скорбный гимн печаль,
А эхо все уносит гулко вдаль.

Всю ночь звучат мотивы скучной песни,
Часы влюбленных молнией летят...
Что им всего на свете интересней,
То, думают, любой услышать рад.
Но часто их подробные рассказы
Охоту слушать отбивают сразу.

Но с кем ей провести придется ночь?
Ведь звуки эхо льстить бы ей сумели...
Их слушать, как буфетчиков, невмочь
В дыму таверны, за бутылкой эля.
Им скажешь: "да!" – они ответят: "да!"
И "нет!" на "нет!" услышишь ты всегда.

Вот жаворонок нежный! В час рассвета
Он ввысь из влажных зарослей вспорхнет,
И встанет утро. Прославляя лето,
Величьем дышит солнечный восход
И мир таким сияньем озаряет,
Что холм и кедры золотом пылают.

Венера солнцу тихо шлет привет:
"О ясный бог и покровитель света!
Свет факелов и звезд далекий свет,
Весь этот блеск – твое создание это...
Но сын, рожденный матерью земной,
Затмить сумеет свет небесный твой".

И к роще миртовой Венера мчится,
Волнуясь, что уж полдень недалек,
А весть о милом в тишине таится...
Где лай собак и где гремящий рог?
Но вдруг возникли отклики в долине,
И вновь на звуки понеслась богиня.

Она бежит, а на пути кусты,
Ловя за шею и лицо целуя,
У бедер заплетаются в жгуты...
Она летит, объятья их минуя.
Так лань, томясь от груза молока.
Спешит кормить ягненка-сосунка.

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Но, услышав, что псы визжат в тревоге,
Она дрожит, как тот, кто вдруг змею
Зловещей лентой встретив на дороге,
Замрет и в страхе жметса на краю..
Так вой собак, звучащий за спиною,
Всю душу наполняет ей тоскою.

И ясно ей, что здесь идет со львом,
С медведем или вепрем бой кровавый..
И там, где в кучу сбились псы кругом,
Ей слышен визг и вой орды легавой.
Уж очень страшен псам свирепый враг:
Кому начать – им не решить никак.

Ей в уши проникает визг унылый,
Оттуда к сердцу подступает он,
И в страхе кровь от сердца рвется с силой
И каждый атом в ней оледенен..
Так, офицера потеряв, солдаты
Бегут позорно, ужасом объята.

Потрясена картиною такой,
Она застыла в трепетном волненье,
Пока себе не говорит самой,
Что это – лишь пустое наважденье,
Что успокоиться она должна,
И вдруг под елью видит кабана.

Все в алых сгустках, в белой пене рыло,
Как будто с молоком смешалась кровь..
Ей снова страх оледеняет жилы,
И мчится прочь она в безумстве вновь.
Вперед, назад – блуждает и плутает,
И кабана в убийстве обвиняет.

Меняя в горе тысячи путей,
Она по ним же пробегает снова.
То медлит, то опять летит быстрее..
Так пьяный ум, бессвязный, бестолковый,
Все видит, ничего не уловив,
За все берясь и тотчас вновь забыв.

Вот в чаще утомленный пес ютится,
И где хозяин – он сказать бы рад,
Другой все раны зализать стремится:
Прекрасный способ, если в ране яд!
А вот и третий, изнуренный боем..
Она к нему, но он встречает воем.

Когда замолк его зловещий вой,
Бредет еще один, угрюмый, черный,
Терзает душу визг его глухой..
А с ним другие, кончив бой упорный,
Пушистые хвосты влачат в пыли:
Почти все псы уж кровью истекли.

Всегда и всюду смертные страшатся
Любых видений, знамений, чудес..
В них как бы откровения таятся,
В них узнают пророчества небес.
Так в ней от страха сердце замирает,
И к Смерти жалобно она взывает.

"О злой тиран, – так Смерть она зовет, –
Любви разлучник, мерзостный и тощий!
Зачем ты душишь красоты восход,
Угрюмый призрак, ненавистной мощью?
Всю красоту свою, пока дышал,
Он розе и фиалке отдавал.

Ужель умрет он? Чтобы ты сразила

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Такую красоту? Не может быть...
А впрочем, что же? С той же страшной силой
Ты наугад, вслепую можешь бить!
Ты в старость метишь, но стрелю звонкой
Ты мимо цели в грудь разишь ребенка.

Заране это зная, словом он
Отбил бы натиск беспощадной силы, –
Враг людям с незапамятных времен,
Ты не сорняк, а ты цветок сгубила.
Он с золотой стрелой Любви шутил,
Но Смерти черный лук его сразил.

Ужель ты слезы пьешь, властитель горя?
Что даст тебе окаменелый стон?
Зачем же вечный сон застыл во взоре,
Хоть все глаза учил прозренью он?
Что скажешь ты Природе в оправданье,
Исторгнув лучшее ее созданье?"

Она теперь отчаянья полна...
Как шлюзы, веки падают, скрывая
Хрусталь ручьев, и по щекам волна
На грудь струится, серебром сверкая.
Но дождь серебряный, сквозь шлюзы вмиг
Прорвавшись, на свободу вновь проник.

О, как глаза и слезы в дружбе слиты!
В слезах – глаза, а слезы – в них видны!
И хоть со щек они дыханьем смыты,
Друг в друге хрустали отражены..
Как в бурный день, где вихри дождь сменяют,
Вздых сушит щеки, слезы – увлажняют.

Столь разны чувства, но беда одна...
Кто может лучшим в горести считаться?
Какое главным назовет она?
В борьбе за первенство они теснятся...
Нет, все равны. И вот они толпой
Сошлись, как облака перед грозой.

Вдруг крик охотника ей слух пронзает:
Так няньки песня малышу мила!
И груз тревог, что ум отягощает,
Надежда прочь на время отвела,
И радость повторяет ей упорно,
Что это клич Адониса бесспорно.

И в путь обратный слез поток течет,
В плену у глаз, как в хрустале алмазы...
Слезинка вдруг случайно соскользнет,
И на щеке она растает сразу;
С лица земли не смоем грязь она –
Земля-неряха вечно чуть пьяна.

Как недоверчива любовь! Как странно
В ней вера с недоверьем сплетена!
В ней радость с горем бьются беспрестанно,
В надежде и в тоске она смешна:
Одна – обманом хочет подольститься,
Другая – правдой погубить стремится.

Но, ткань соткав, ее Венера рвет:
Адонис жив, и Смерть бранить не надо...
Теперь ее богиня не клянет,
А ей сулит триумфы и награды.
Царем могил, могилой для царей
Зовет она владычицу теней.

"Нет, дорогая Смерть, я пошутила, –
Она твердит, – прости мне ужас мой,
Страница 127

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org

Когда кабан кровавый, тупорылый
Мне встретился, безжалостный и злой...
Я признаюсь, что гневалась напрасно,
Мне гибель милого была ужасна.

Кабан виной моих речей и слез.
Отмети ж ему, невидимый властитель!
Он, злая тварь, обиды все нанес,
Не я, а он всех жалоб вдохновитель.
Скорбь двуязычна; чтобы сладить с ней,
В сто раз должна быть женщина умней".

Она спешит рассеять подозренья,
Надеясь, что Адонис будет жить
И так цвести, что просто загляденье...
Теперь она готова Смерти льстить
И речь вести о славе, мавзолеях,
О подвигах, триумфах и трофеях.

Она твердит: "как слабости ума
Я поддалась безумно и нелепо!
Пока жива вселенная сама,
Я знаю, что и он далек от склепа!
Погибнет он – и красота умрет
И в черный хаос мир опять вернет.

Стыдись, любовь! Как схваченный ворами
В пути богач, ты ужаса полна...
Еще неуловимая глазами,
'Для сердца малость всякая страшна".
И вдруг, заслышав звук веселый рога,
Она вскочила, вмиг забыв тревогу.

И вот летит, как сокол на манок,
Травы не приминая в легком беге...
И видит вдруг, несчастная, у ног
В крови того, о ком мечтала в неге...
Лежит, сражен... При зрелище таком
Глаза померкли, словно звезды днем.

Коснись рожков улитки, и – о диво! –
Укрывшись в тесный домик свой от бед,
Она во тьме таится терпеливо,
Боясь обратно выползти на свет.
Так зрелищем кровавым пьяны, сыты,
Глаза уходят в темные орбиты.

И там, служить отказываясь, свет
Скорее просят удалить в изгнанье,
А мозг им с тьмой дружить дает совет
И взором сердцу не вершить страданья.
А сердце, как низверженный король,
В щемящих столах изливает боль.

И подданные все его страшатся...
Так вихри, замкнутые под землей,
Колебля землю, вырваться стремятся,
Оледеня страхом ум людской.
И эти вихри тело так шатают,
Что ложе темное глаза бросают...

И, вновь открывшись, свет невольно льют
На рану, что кабан нанес жестокий,
И на лилейно-белый бок текут
Из раны слез кровавые потоки...
А рядом травы и цветы толпой
Пьют кровь, захлестнуты ее волной.

Заметив их сочувствие, Венера
К плечу склоняет голову с тоской...
Немая страсть безумствует без меры,

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Ей кажется – он жив, лежит живой!
В ней замер голос, ноги затекают,
И слезы в ней безумье пробуждают.

На рану пристально она глядит,
И взор померкший три увидел раны,
И жалобно теперь она корит
Свои глаза, прибегшие к обману:
В нем два лица, и все двоится в нем,
Обманут взор больным ее умом.

"И об одном печаль неистребима, –
Она твердит, – но два здесь мертвеца!
Нет слез уже, промчались вздохи мимо,
Глаза – огонь, а сердце – ком свинца.
Свинец сердечный, плавься непрестанно!
В разгаре мук мне только смерть желанна!

О бедный мир, ты свой утратил клад!
Но кто теперь восторг в тебе пробудит?
Чей голос прозвучит? И чем прельстят
Нас из того, что было и что будет?
Цветы милы, так свежи их цвета,
Но с ним навек погибла красота!

Зачем теперь и шляпы и вуали?
Ни вихрь, ни солнце не целуют вас...
Боитесь прелесть потерять? Едва ли!
Вам свищет вихрь и солнца блеск погас.
Но красоты Адониса частицу
любой из них себе украсть стремится.

Когда на лоб он шапку надвигал,
То солнце под нее взглянуть хотело,
А вихрь, сдувая прочь ее, играл
Волной волос... Адонис то и дело
Сердился, он заплакать даже мог, –
Тогда они сушили слез поток.

За изгородью где-нибудь таился,
Чтоб красоту его увидеть, лев,
Послушать пенье рядом тигр ложился,
Ручной и тихий, мигом присмирив,
А волки о добыче забывали –
И овцы в этот день не пропадали.

Когда в ручье его мелькала тень,
Ее ловили рыбки золотые...
Им птицы любовались целый день:
Одни звенели песней, а другие
Ему натаскивали вишен, слив...
Адонис ведь и вправду был красив!

И этот злой кабан с колючим рылом,
Чей взор угрюмый ищет лишь могил,
Он, покоренный обаяньем милым,
Его бы никогда не погубил.
Да, вепрь, его увидев, так скажу я,
Случайно только мог убить, целуя.

Вот так убит Адонис нежный был:
На кабана с копьем он быстро мчался,
А тот свои клыки оборотил,
Но не губить, а целовать собрался...
Кабан влюбленный к юноше приник
И вдруг вонзил случайно острый клык.

Будь я с клыками, то, должна признаться,
Ускорила бы смерти я приход!
Мне в жизни не пришлось им наслаждаться,
Зловещая судьба меня гнетет!"

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
И тут богиня, рухнув к изголовью,
Лицо измазала застывшей кровью.

Глядит на губы – но они бледны,
Берет за руку – все оледенело...
И жалобы ему уж не слышны,
Ведь мертвому до них. уже нет дела!
Она приподнимает веки глаз,
Но свет двух звезд навеки там угас!

Два зеркала, где часто отраженье
Ее мелькало, стынут в тусклой мгле...
В них больше нет ни света, ни движенья,
Нет красоты отныне на земле!
Она твердит: "Нет места и надежде!
Адонис мертв, но ясен день, как прежде

Но раз он мертв, вот прорицанье вам:
Отныне пусть печаль в любви таится,
Пусть ревность рыщет рядом по углам,
Начало в блеске, а конец затмится!
Да, пусть конец не будет светлым в ней,
Пусть горе будет радости сильней!

Пусть будет брэнной, ложной и обманной,
Пускай в расцвете вихрь ее сомнет,
Пусть яд на дне, а верх благоуханный
Влюбленных пусть к изменам увлечет.
Пусть в теле слабость силу побеждает,
Пусть мудрый смолкнет, а глупец болтает.

Пусть будет расточительно-скупой,
Плясать беззубых старцев заставляя,
Пускай злодея усмирят разбой,
Богатых грабя, бедных одаряя...
дика в безумстве и глупа на вид,
Пусть юных старит, дряхлых молодит.

Пусть беспричинно всех подозревает,
Там не боясь, где повод к страхам есть,
Пусть жалость и жестокость сочетает,
Пусть в истину внесет обман и лезть,
Пусть искренность позорно извратится,
Пускай дрожит герой, а трус храбрится.

Пусть явится причиной войн и смут,
Отца и сына перессорив в доме...
Раздоры в ней рожденье обретут:
Так пламени источник скрыт в соломе.
Раз губит Смерть моей любви расцвет,
Пускай любви не ведает весь свет!"

Но тут внезапно юноша убитый
Растаял, как туман, и скрылся вмиг...
Из капель крови, по земле разлитой,
Пурпурный с белизной цветок возник,
Ей бледность щек его напоминая,
Где кровь уже застыла, не стекая.

Она, склонившись, нюхает цветок
И ловит в нем Адониса дыханье:
Ей хочется, чтоб он на грудь ей лег,
Как о погибшем знак воспоминанья.
Она срывает стебель – и в глаза
Зеленый сок ей брызнул, как слеза.

"Цветок мой бедный, – так она сказала, –
Прелестный сын прекрасного отца!
Любая грусть в нем слезы вызывала,
Собой он остался до конца.
Здесь на груди увянуть тебе придется,

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
А не в земле, где кровь струею льется.

Здесь на груди была отца постель...
Наследник ты, владей по праву его!
Ложись спокойно в эту колыбель,
Я сердца теплотой тебя согрею
И каждый миг и каждый час опять
Цветок любимый буду целовать".

Назад к своим голубкам серебристым
От мира страшного она спешит...
Их запрягает, и в полете быстром
Ее по небу колесница мчит,
Держа свой путь на Пафос – там царица
Навек от всех решила затвориться.

ПРИМЕЧАНИЯ К ТЕКСТУ "ВЕНЕРЫ И АДОНИСА"

Миф об Адонисе принадлежит к числу древнейших фольклорных сказаний. Возникнув у сирийцев, он затем был воспринят египтянами, а от них перешел на Кипр к грекам, где получил то оформление, в котором это предание распространилось среди европейских народов. В древнейшем варианте Адонис (Адонид) был сыном ассирийского царя Фии, у греков – сыном Феникса и Алфесибей, дочери кипрского царя. Красивый юноша полюбился Афродите (Венере), которая доверила его царице подземного царства Персефоне.

Персефона сама полюбила Адониса и не захотела возвращать его Афродите. Их спор решил Зевс, повелевший, чтобы треть года Адонис жил в подземном царстве, другую треть – у Афродиты, а остальное время сам распоряжался собой. Адонис воспользовался этим, чтобы увеличить срок своего пребывания у Афродиты. Возмужав, он стал охотником и погиб, смертельно раненный вепрем.

Согласно принятому толкованию мифов Адонис символизировал пробуждение природы весной и увядание осенью (уход в подземное царство). Праздник в честь него был распространен в древности на Ближнем Востоке и в Египте.

Древний ритуал содержал два разных обряда: в первый день праздновалось возвращение из подземного царства к Афродите, что сопровождалось весельем; второй день, когда отмечался уход Адониса к Персефоне, был траурным. Следы ритуала сохранились в древнегреческой поэзии. Пятнадцатая идиллия Феокрита воспевае первый день, первая идиллия Биона ("Эпитафия Адониса") оплакивает смерть прекрасного юноши.

В поэзии древних римлян миф об Адонисе уже утратил прежнее религиозно-ритуальное значение, обретя более непосредственный эротический характер. В таком виде предстает это предание в обработке "певца любви" Овидия Назона (43 г. до н. э. – 17 г. н. э.) в его собрании поэтических рассказов "Метаморфозы" (10-я книга).

Обработка сюжета Шекспиром не представляет собой рабского копирования Овидия. Мотивы древнего предания изложены английским поэтом вольно, в соответствии с его замыслом в духе философской проблематики эпохи Возрождения.

Она хватает потные ладони... – Влажная рука считалась признаком телесного полнокровия и свидетельствовала о силе чувственных влечений. В том же смысле об этом говорится у Шекспира в "Отелло" (III, 4) и "Антонии и Клеопатре" (1, 2).

Так и Нарцисс погиб... – По древнегреческому мифу, о котором Шекспир мог прочитать в тех же "Метаморфозах" Овидия (3-я книга), Нарцисс – прекрасный юноша, презиравший женскую любовь и влюбившийся в свое отражение в ручье; будучи не в состоянии оторваться от созерцания собственной красоты и склоняясь все ниже, он упал в воду и утонул, после чего превратился в цветок.

Сам бог Титан, от зноя разомлелый... – Следуя Овидию, Шекспир называет солнце

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Титаном, хотя в древнегреческой мифологии это имя имело другой смысл, обозначая племя древних божеств, восставших против богов Олимпа.

...расскажут слезы, как античный хор. – В подлиннике речь идет о пантомиме (dumb show), которая в театре эпохи Шекспира предшествовала спектаклю и представляла собой мимическое, бессловесное изображение сюжета пьесы. См. "Гамлет" (III, 2), где спектаклю бродячей труппы предшествует такая пантомима.

Сирены голос губит нас опять... – Сирены (греч. миф.) – фантастические существа, верхняя половина которых была подобна прекрасному женскому телу, тогда как нижняя напоминала большой рыбий хвост. Они будто бы зачаровывали моряков пением, и те, слушая их, забывали обо всем, вследствие чего умирали от голода. Своим распространением в европейской литературе этот миф обязан "Одиссее" (книга XII).

Пусть скажет звездочет... – Во времена Шекспира была распространена вера в то, что по звездам можно предсказывать судьбу людей.

Хоть луком Купидона... – В римской мифологии – юный бог любви, сын Венеры и Меркурия, обладатель священного лука, которым он пускал стрелы не целясь, так как был с завязанными глазами; попав в жертву, эти стрелы возбуждали чувство любви, которое было слепым по отношению к существу, на которое любовь была обращена.

Таких и сам Тантал не ведал бед. – Тантал – фригийский царь, согласно Гомеру, был осужден на муки в аду, где, стоя среди воды, под ветвью с плодами, он был лишен возможности удовлетворить жажду и насытиться.

В Элизиум вошла... – Элизиум – в античной мифологии рай.

Вот птицы видят гроздь на картине. – Имеется в виду предание о древнегреческом живописце Зевкисе, который столь точно изобразил на картине виноградные лозы, что птицы слетались клевать полотно.

Рассказ о кабане, убившем Адониса, восходит к древнейшим вариантам легенды.

От губ твоих спешит Диана скрыться... – Диана – у римлян богиня целомудрия. Венера хочет сказать, что даже Диана не устояла бы перед красотой Адониса и вынуждена была бы обратиться в бегство, чтобы избежать соблазна. Диана считалась также богиней луны, что объясняет следующие строфы, где говорится о луне.

Весталок хмурых и монахинь нудных... – Весталки в Древнем Риме – девственницы, хранительницы священного огня на форуме; жрица, нарушившая обет целомудрия, подвергалась погребению заживо. Упоминание о монахинях является типичным анахронизмом для Шекспира, часто допускавшего в своей трактовке античных сюжетов подобные нарушения хронологии.

Он с золотой стрелой Любви шутил, но Смерти черный лук его сразил. – Адониса должен был поразить стрелой бог любви, а вместо этого в него попала стрела бога смерти (объяснение Э.Мелона).

Зачем теперь и шляпы и вуали? – Анахронизм, перенесение в древний миф современной Шекспиру моды.

Пурпурный с белизной цветок возник... – В древнем мифе на месте гибели Адониса вырос цветок. Поэт Бион называет "цветком Адониса" розу, Плиний –

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
анемону, другие – мак и, наконец, цветок, называемый "павлиньи глазки"
(по-французски *gout-de-sang* – цветок, вспоенный кровью убитого охотника).

...держа свой путь на Пафос... – Пафос – город на Кипре, недалеко от которого, согласно мифу, Афродита родилась из морской пены.

А.АНИКСТ

W. Shakespeare

VENUS AND ADONIS

Vilia miretur vulgus; mihi flavus Apollo

Pocula Castalia plena ministret aqua.

Ovidius. "De Amore"

To the Right Honourable Henry wriiothesly,
earl of Southampton, and baron of Titchfield.

RIGHT HONOURABLE,

I know not how I shall offend in dedicating my unpolished lines to your Lordship, nor how the world will censure me for choosing so strong a prop to support so weak a burden: only, if your honour seem but pleased, I account myself highly praised, and vow to take advantage of all idle hours, till I have honoured you with some graver labour. But if the first heir of my invention proved deformed, I shall be sorry it had so noble a godfather, and never after ear so barren a land, for fear it yield me still so bad a harvest. I leave it to your honourable survey, and your honour to your heart's content; which I wish may always answer your own wish and the world's hopeful expectation.

Your Honour's in all duty,

WILLIAM SHAKESPEARE

EVEN as the sun with purple-colour'd face
Had ta'en his last leave of the weeping morn,
Rose-cheek'd Adonis hied him to the chase;
Hunting he lov'd, but love he laugh'd to scorn;
Sick-thoughted Venus makes amain unto him,
And like a bold-fac'd suitor 'gins to woo him.

'Thrice fairer than myself,' thus she began,
'The field's chief flower, sweet above compare,
Stain to all nymphs, more lovely than a man,
More white and red than doves or roses are;
Nature that made thee, with herself at strife,
Saith that the world hath ending with thy life.

'Vouchsafe, thou wonder, to alight thy steed,
And rein his proud head to the saddle-bow;
If thou wilt deign this favour, for thy need
A thousand honey secrets shall thou know:
Here come and sit, where never serpent hisses;
And being set, I'll smother thee with kisses:

'And yet not cloy thy lips with loath'd satiety,

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosofff.org
But rather famish them amid their plenty,
Making them red and pale with fresh variety;
Ten kisses short as one, one long as twenty:
A summer's day will seem an hour but short,
Being wasted in such time-beguiling sport.

with this she seizeth on his sweating palm,
The precedent of pith and livelihood,
And, trembling in her passion, calls it balm,
Earth's sovereign salve to do a goddess good:
Being so enrag'd, desire doth lend her force
Courageously to pluck him from his horse.

Over one arm the lusty courser's rein,
Under her other was the tender boy,
who blush'd and pouted in a dull disdain,
with leaden appetite, unapt to toy;
She red and hot as coals of glowing fire,
He red for shame, but frosty in desire.

The studded bridle on a ragged bough
Nimble she fastens; – O! how quick is love: –
The steed is stalled up, and even now
To tie the rider she begins to prove:
Backward she push'd him, as she would be thrust,
And govern'd him in strength, though not in lust.

So soon was she along, as he was down,
Each leaning on their elbows and their hips:
Now doth she stroke his cheek, now doth he frown,
And 'gins to chide, but soon she stops his lips;
And kissing speaks, with lustful language broken,
'If thou wilt chide, thy lips shall never open.'

He burns with bashful shame; she with her tears
Doth quench the maiden burning of his cheeks;
Then with her windy sighs and golden hairs
To fan and blow them dry again she seeks:
He saith she is immodest, blames her miss;
what follows more she murders with a kiss.

Even as an empty eagle, sharp by fast,
Tires with her beak on feathers, flesh and bone,
Shaking her wings, devouring all in haste,
Till either gorge be stuff'd or prey be gone;
Even so she kiss'd his brow, his cheek, his chin,
And where she ends she doth anew begin.

Forc'd to content, but never to obey,
Panting he lies, and breatheth in her face;
She feedeth on the steam, as on a prey,
And calls it heavenly moisture, air of grace;
wishing her cheeks were gardens full of flowers,
so they were dew'd with such distilling showers.

Look! how a bird lies tangled in a net,
So fasten'd in her arms Adonis lies;
Pure shame and aw'd resistance made him fret,
which bred more beauty in his angry eyes:
Rain added to a river that is rank
Perforce will force it overflow the bank.

still she entreats, and prettily entreats,
For to a pretty ear she tunes her tale;
still is he sullen, still he lowers and frets,
'Twixt crimson shame and anger ashy-pale;
Being red, she loves him best; and being white,
Her best is better'd with a more delight.

Look how he can, she cannot choose but love;
And by her fair immortal hand she swears,

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
From his soft bosom never to remove,
Till he take truce with her contending tears,
which long have rain'd, making her cheeks all wet;
And one sweet kiss shall pay this countless debt.

Upon this promise did he raise his chin
Like a dive-dapper peering through a wave,
who, being look'd on, ducks as quickly in;
So offers he to give what she did crave;
But when her lips were ready for his pay,
He winks, and turns his lips another way.

Never did passenger in summer's heat
More thirst for drink than she for this good turn.
Her help she sees, but help she cannot get;
She bathes in water, yet her fire must burn:
'O! pity,' 'gan she cry, 'flint-hearted boy:
'Tis but a kiss I beg; why art thou coy?

'I have been woo'd, as I entreat thee now,
Even by the stern and direful god of war,
whose sinewy neck in battle ne'er did bow,
who conquers where he comes in every jar;
Yet hath he been my captive and my slave,
And begg'd for that which thou unask'd shalt have.

'Over my altars hath he hung his lance,
His batter'd shield, his uncontrolled crest,
And for my sake hath learn'd to sport and dance,
To toy, to wanton, dally, smile, and jest;
Scorning his churlish drum and ensign red,
Making my arms his field, his tent my bed.

'Thus he that overrul'd I oversway'd,
Leading him prisoner in a red-rose chain:
Strong-temper'd steel his stronger strength obey'd,
Yet was he servile to my coy disdain.
O! be not proud, nor brag not of thy might,
For mastering her that foil'd the god of fight.

'Touch but my lips with those fair lips of thine, -
Though mine be not so fair, yet are they red, -
The kiss shall be thine own as well as mine:
what seest thou in the ground? hold up thy head:
Look in mine eyeballs, there thy beauty lies;
Then why not lips on lips, since eyes in eyes?

'Thou canst not see one wrinkle in my brow;
Mine eyes are grey and bright, and quick in turning;
My beauty as the spring doth yearly grow;
My flesh is soft and plump, my marrow burning;
My smooth moist hand, were it with thy hand felt,
would in thy palm dissolve, or seem to melt.

'Bid me discourse, I will enchant thine ear,
Or like a fairy trip upon the green,
Or, like a nymph, with long dishevell'd hair,
Dance on the sands, and yet no footing seen:
Love is a spirit all compact of fire,
Not gross to sink, but light, and will aspire.

'Witness this primrose bank whereon I lie;
These forceless flowers like sturdy trees support me;
Two strengthless doves will draw me through the sky,
From morn till night, even where I list to sport me:
Is love so light, sweet boy, and may it be
That thou shouldst think it heavy unto thee?

'Is thine own heart to thine own face affected?
Can thy right hand seize love upon thy left?
Then woo thyself, be of thyself rejected,

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Steal thine own freedom, and complain on theft.
Narcissus so himself himself forsook,
And died to kiss his shadow in the brook.

'Art thou ashamed to kiss? then wink again,
And I will wink; so shall the day seem night;
Love keeps his revels where there are but twain;
Be bold to play, our sport is not in sight:
These blue-vein'd violets whereon we lean
Never can blab, nor know not what we mean.

'The tender spring upon thy tempting lip
Shows thee unripe, yet mayst thou well be tasted.
Make use of time, let not advantage slip;
Beauty within itself should not be wasted:
Fair flowers that are not gather'd in their prime
Rot and consume themselves in little time.

'Were I hard-favour'd, foul, or wrinkled-old,
Ill-nurtur'd, crooked, churlish, harsh in voice,
O'erworn, despised, rheumatic, and cold,
Thick-sighted, barren, lean, and lacking juice,
Then mightst thou pause, for then I were not for thee;
But having no defects, why dost abhor me?

'Torches are made to light, jewels to wear,
Dainties to taste, fresh beauty for the use,
Herbs for their smell, and sappy plants to bear;
Things growing to themselves are growth's abuse:
Seeds spring from seeds, and beauty breedeth beauty;
Thou wast begot; to get it is thy duty.

'Upon the earth's increase why shouldst thou feed,
Unless the earth with thy increase be fed?
By law of nature thou art bound to breed,
That thine may live when thou thyself art dead;
And so in spite of death thou dost survive,
In that thy likeness still is left alive.'

By this the love-sick queen began to sweat,
For where they lay the shadow had forsook them,
And Titan, tired in the mid-day heat,
With burning eye did hotly overlook them;
Wishing Adonis had his team to guide,
So he were like him and by Venus' side.

And now Adonis with a lazy spright,
And with a heavy, dark, disliking eye,
His louring brows o'erwhelming his fair sight,
Like misty vapours when they blot the sky,
Souring his cheeks, cries, 'Fie! no more of love:
The sun doth burn my face; I must remove.'

'Ay me,' quoth Venus, 'young, and so unkind?
What bare excuses mak'st thou to be gone;
I'll sigh celestial breath, whose gentle wind
Shall cool the heat of this descending sun:
I'll make a shadow for thee of my hairs;
If they burn too, I'll quench them with my tears.

'The sun that shines from heaven shines but warm,
And lo! I lie between that sun and thee:
The heat I have from thence doth little harm,
Thine eye darts forth the fire that burneth me;
And were I not immortal, life were done
Between this heavenly and earthly sun.

'Art thou obdurate, flinty, hard as steel?
Nay, more than flint, for stone at rain relenteth.
Art thou a woman's son, and canst not feel
What 'tis to love? how want of love tormenteth?

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosofff.org
O! had thy mother borne so hard a mind,
She had not brought forth thee, but died unkind.

'What am I that thou shouldst contemn me this?
Or what great danger dwells upon my suit?
What were thy lips the worse for one poor kiss?
Speak, fair; but speak fair words, or else be mute:
Give me one kiss, I'll give it thee again,
And one for interest, if thou wilt have twain.

'Fie! lifeless picture, cold and senseless stone,
Well-painted idol, image dull and dead,
Statue contenting but the eye alone,
Thing like a man, but of no woman bred:
Thou art no man, though of a man's complexion,
For men will kiss even by their own direction.'

This said, impatience chokes her pleading tongue,
And swelling passion doth provoke a pause;
Red cheeks and fiery eyes blaze forth her wrong;
Being judge in love, she cannot right her cause:
And now she weeps, and now she fain would speak,
And now her sobs do her intendments break.

Sometimes she shakes her head, and then his hand;
Now gazeth she on him, now on the ground;
Sometimes her arms infold him like a band:
She would, he will not in her arms be bound;
And when from thence he struggles to be gone,
She locks her lily fingers one in one.

'Fondling,' she saith, 'since I have hemm'd thee here
within the circuit of this ivory pale,
I'll be a park, and thou shalt be my deer;
Feed where thou wilt, on mountain or in dale:
Graze on my lips, and if those hills be dry,
Stray lower, where the pleasant fountains lie.

'Within this limit is relief enough,
Sweet bottom-grass and high delightful plain,
Round rising hillocks, brakes obscure and rough,
To shelter thee from tempest and from rain:
Then be my deer, since I am such a park;
No dog shall rouse thee, though a thousand bark.'

At this Adonis smiles as in disdain,
That in each cheek appears a pretty dimple:
Love made those hollows, if himself were slain,
He might be buried in a tomb so simple;
Foreknowing well, if there he came to lie,
why, there Love liv'd and there he could not die.

These lovely caves, these round enchanting pits,
Open'd their mouths to swallow Venus' liking.
Being mad before, how doth she now for wits?
Struck dead at first, what needs a second striking?
Poor queen of love, in thine own law forlorn,
To love a cheek that smiles at thee in scorn!

Now which way shall she turn? what shall she say?
Her words are done, her woes the more increasing;
The time is spent, her object will away,
And from her twining arms doth urge releasing:
'Pity,' she cries; 'some favour, some remorse!'
Away he springs, and hasteth to his horse.

But, lo! from forth a copse that neighbours by,
A breeding jennet, lusty, young, and proud,
Adonis' tramping courser doth espy,
And forth she rushes, snorts and neighs aloud:
The strong-neck'd steed, being tied unto a tree,

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Breaketh his rein, and to her straight goes he.

Imperiously he leaps, he neighs, he bounds,
And now his woven girths he breaks asunder;
The bearing, earth with his hard hoof he wounds,
Whose hollow womb resounds like heaven's thunder;
The iron bit he crushes 'tween his teeth,
Controlling what he was controlled with.

His ears upprick'd; his braided hanging mane
Upon his com pass *d crest now stand on end;
His nostrils drink the air, and forth again,
As from a furnace, vapours doth he "end:
His eye, which scornfully glisters like fire,
Shows his hot courage and his high desire.

Sometime he trots, as if he told the steps,
With gentle majesty and modest pride;
Anon he rears upright, curvets and leaps,
As who should say, 'Lo! thus my strength is tried;
And this I do to captivate the eye
Of the fair breeder that is standing by.'

What reckoneth he his rider's angry stir,
His flattering 'Holla,' or his 'Stand, I say?'
What cares he now for curb or pricking spur?
For rich caparisons or trapping gay?
He sees his love, and nothing else he sees,
Nor nothing else with his proud sight agrees.

Look, when a painter would surpass the life,
In limning out a well-proportion'd steed,
His art with nature's workmanship at strife,
As if the dead the living should exceed;
So did this horse excel a common one,
In shape, in courage, colour, pace and bone.

Round-hoofd, short-jointed, fetlocks shag and long,
Broad breast, full eye, small head, and nostril wide,
High crest, short ears, straight legs and passing strong,
Thin mane, thick tail, broad buttock, tender hide:
Look, what a horse should have he did not lack,
Save a proud rider on so proud a back.

Sometimes he scuds far off, and there he stares;
Anon he starts at stirring of a feather;
To bid the wind a base he now prepares,
And whe'r he run or fly they know not whether;
For through his mane and tail the high wind sings,
Fanning the hairs, who wave like feather'd wings.

He looks upon his love, and neighs unto her;
She answers him as if she knew his mind;
Being proud, as females are, to see him woo her,
She puts on outward strangeness, seems unkind,
Spurns at his love and scorns the heat he feels,
Beating his kind embracements with her heels.

Then, like a melancholy malcontent,
He vails his tail that, like a falling plume
Cool shadow to his melting buttock lent:
He stamps, and bites the poor flies in his fume.
His love, perceiving how he is enrag'd,
Grew kinder, and his fury was assuag'd.

His testy master goeth about to take him;
When lo! the unback'd breeder, full of fear,
Jealous of catching, swiftly doth forsake him,
With her the horse, and left Adonis there.
As they were mad, unto the wood they hie them,
Out-stripping crows that strive to over-fly them.

All swoln with chafing, down Adonis sits,
Banning his boisterous and unruly beast:
And now the happy season once more fits,
That love-sick Love by pleading may be blest;
For lovers say, the heart hath treble wrong
When it is barr'd the aidance of the tongue.

An oven that is stopp'd, or river stay'd,
Burneth more hotly, swelleth with more rage:
So of concealed sorrow may be said;
Free vent of words love's fire doth assuage;
But when the heart's attorney once is mute,
The client breaks, as desperate in his suit.

He sees her coming, and begins to glow, –
Even as a dying coal revives with wind, –
And with his bonnet hides his angry brow;
Looks on the dull earth with disturbed mind,
Taking no notice that she is so nigh,
For all askance he holds her in his eye.

O! what a sight it was, wistly to view
How she came stealing to the wayward boy;
To note the fighting conflict of her hue,
How white and red each other did destroy;
But now her cheek was pale, and by and by
It flash'd forth fire, as lightning from the sky.

Now was she just before him as he sat,
And like a lowly lover down she kneels;
With one fair hand she heaveth up his hat,
Her other tender hand his fair cheek feels:
His tenderer cheek receives her soft hand's print,
As apt as new-fall'n snow takes any dint.

O! what a war of looks was then between them;
Her eyes petitioners to his eyes suing;
His eyes saw her eyes as they had not seen them;
Her eyes woo'd still, his eyes disdain'd the wooing;
And all this dumb play had his acts made plain
With tears, which, chorus-like, her eyes did rain.

Full gently now she takes him by the hand,
A lily prison'd in a gaol of snow,
Or ivory in an alabaster band;
So white a friend engirts so white a foe:
This beauteous combat, wilful and unwilling,
Show'd like two silver doves that sit a-billing.

Once more the engine of her thoughts began:
'O fairest mover on this mortal round,
would thou wert as I am, and I a man,
My heart all whole as thine, thy heart my wound;
For one sweet look thy help I would assure thee,
Though nothing but my body's bane would cure thee.'

'Give me my hand,' saith he, 'why dost thou feel it?'
'Give me my heart,' saith she, 'and thou shall have it;
O! give it me, lest thy hard heart do steel it,
And being steel'd, soft sighs can never grave it:
Then love's deep groans I never shall regard,
Because Adonis' heart hath made mine hard.'

'For shame,' he cries, 'let go, and let me go;
My day's delight is past, my horse is gone,
And 'tis your fault I am bereft him so:
I pray you hence, and leave me here alone:
For all my mind, my thought, my busy care,
Is how to get my palfrey from the mare.'

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosofff.org
Thus she replies: Thy palfrey, as he should,
Welcomes the warm approach of sweet desire:
Affection is a coal that must be cool'd;
Else, suffer'd, it will set the heart on fire:
The sea hath bounds, but deep desire hath none;
Therefore no marvel though thy horse be gone.

'How like a jade he stood, tied to the tree,
Servilely master'd with a leathern rein!
But when he saw his love, his youth's fair fee,
He held such petty bondage in disdain;
Throwing the base thong from his bending crest,
Enfranchising his mouth, his back, his breast.

'Who sees his true-love in her naked bed,
Teaching the sheets a whiter hue than white,
But, when his glutton eye so full hath fed,
His other agents aim at like delight?
Who is so faint, that dare not be so bold
To touch the fire, the weather being cold?

'Let me excuse thy courser, gentle boy;
And learn of him, I heartily beseech thee,
To take advantage on presented joy;
Though I were dumb, yet his proceedings teach thee.
O learn to love; the lesson is but plain,
And once made perfect, never lost again.'

'I know not love,' quoth he, 'nor will not know it,
Unless it be a boar, and then I chase it;
Tis much to borrow, and I will not owe it;
My love to love is love but to disgrace it;
For I have heard it is a life in death,
That laughs and weeps, and all but with a breath.

'Who wears a garment shapeless and unfmish'd?
Who plucks the bud before one leaf put forth?
If springing things be any jot diminish'd.
They wither in their prime, prove nothing worth:
The colt that's back'd and burden'd being young
Loseth his pride and never waxeth strong.

'You hurt my hand with wringing; let us part,
And leave this idle theme, this bootless chat:
Remove your siege from my unyielding heart;
To love's alarms it will not ope the gate:
Dismiss your vows, your feigned tears, your flattery;
For where a heart is hard, they make no battery.'

'What! canst thou talk?' quoth she, 'hast thou a tongue?
O! would thou hadst not, or I had no hearing;
Thy mermaid's voice hath done me double wrong;
I had my load before, now press'd with bearing:
Melodious discord, heavenly tune, harsh-sounding.
Ear's deep-sweet music, and heart's deep-sore wounding.

'Had I no eyes, but ears, my ears would love
That inward beauty and invisible;
Or were I deaf, thy outward parts would move
Each part in me that were but sensible:
Though neither eyes nor ears, to hear nor see,
Yet should I be in love by touching thee.

'Say, that the sense of feeling were bereft me,
And that I could not see, nor hear, nor touch,
And nothing but the very smell were left me,
Yet would my love to thee be still as much;
For from the still story of thy face excelling
Comes breath perfum'd that breedeth love by smelling.

'But O! what banquet wert thou to the taste,

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosofff.org
Being nurse and feeder of the other four;
Would they not wish the feast might ever last,
And bid Suspicion double-lock the door,
Lest Jealousy, that sour unwelcome guest,
Should, by his stealing in, disturb the feast?'

Once more the ruby-colour'd portal open'd,
Which to his speech did honey passage yield;
Like a red morn, that ever yet betoken'd
Wrack to the seaman, tempest to the field,
Sorrow to shepherds, woe unto the birds,
Gusts and foul flaws to herdmen and to herds.

This ill presage advisedly she marketh:
Even as the wind is hush'd before it raineth,
Or as the wolf doth grin before he barketh,
Or as the berry breaks before it staineth,
Or like the deadly bullet of a gun,
His meaning struck her ere his words begun.

And at his look she flatly falleth down,
For looks kill love and love by looks reviveth;
A smile recures the wounding of a frown;
But blessed bankrupt, that by love so thriveth!
The silly boy, believing she is dead,
Claps her pale cheek, till clapping makes it red;

And all-amaz'd brake off his late intent,
For sharply he did think to reprehend her,
Which cunning love did wittily prevent:
Fair fall the wit that can so well defend her!
For on the grass she lies as she were slain,
Till his breath breatheth life in her again.

He wrings her nose, he strikes her on the cheeks,
He bends her fingers, holds her pulses hard,
He chafes her lips; a thousand ways he seeks
To mend the hurt that his unkindness marr'd:
He kisses her; and she, by her good will,
Will never rise, so he will kiss her still.

The night of sorrow now is turn'd to day:
Her two blue windows faintly she up-heaveth,
Like the fair sun, when in his fresh array
He cheers the morn and all the world relieveth:
And as the bright sun glorifies the sky,
So is her face illumin'd with her eye;

whose beams upon his hairless face are fix'd,
As if from thence they borrow'd all their shine.
Were never four such lamps together mix'd,
Had not his clouded with his brows' repine;
But hers, which through the crystal tears gave light,
Shone like the moon in water seen by night.

'O! where am I?' quoth she, 'in earth or heaven,
Or in the ocean drench'd, or in the fire?
What hour is this? or morn or weary even?
Do I delight to die, or life desire?
But now I liv'd, and life was death's annoy;
But now I died, and death was lively joy.

'O! thou didst kill me; kill me once again:
Thy eyes' shrewd tutor, that hard heart of thine,
Hath taught them scornful tricks and such disdain
That they have murder'd this poor heart of mine;
And these mine eyes, true leaders to their queen,
But for thy piteous lips no more had seen.

'Long may they kiss each other for this cure!
O! never let their crimson liveries wear;

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
And as they last, their verdure still endure,
To drive infection from the dangerous year:
That the star-gazers, having writ on death,
May say, the plague is banish'd by thy breath.

'Pure lips, sweet seals in my soft lips imprinted,
What bargains may I make, still to be sealing?
To sell myself I can be well contented,
So thou wilt buy and pay and use good dealing;
Which purchase if thou make, for fear of slips
Set thy seal-manual on my wax-red lips.

'A thousand kisses buys my heart from me;
And pay them at thy leisure, one by one.
What is ten hundred touches unto thee?
Are they not quickly told and quickly gone?
Say, for non-payment that the debt should double,
Is twenty hundred kisses such a trouble?'

'Fair queen,' quoth he, 'if any love you owe me,
Measure my strangeness with my unripe years:
Before I know myself, seek not to know me;
No fisher but the ungrown fry forbears:
The mellow plum doth fall, the green sticks fast,
Or being early pluck'd is sour to taste.

'Look! the world's comforter, with weary gait,
His day's hot task hath ended in the west;
The owl, night's herald, shrieks, 'tis very late;
The sheep are gone to fold, birds to their nest,
And coal-black clouds that shadow heaven's light
Do summon us to part and bid good night.

'Now let me say good night, and so say you;
If you will say so, you shall have a kiss.'
'Good night,' quoth she; and ere he says adieu,
The honey fee of parting tender'd is:
Her arms do lend his neck a sweet embrace;
Incorporate then they seem, face grows to face.

Till, breathless, he disjoin'd, and backward drew
The heavenly moisture, that sweet coral mouth,
Whose precious taste her thirsty lips well knew,
Whereon they surfeit, yet complain on drouth:
He with her plenty press'd, she faint with dearth,
Their lips together glu'd, fall to the earth.

Now quick desire hath caught the yielding prey,
And glutton-like she feeds, yet never filleth;
Her lips are conquerors, his lips obey,
Paying what ransom the insulter willeth;
Whose vulture thought doth pitch the price so high,
That she will draw his lips' rich treasure dry.

And having felt the sweetness of the spoil,
With blindfold fury she begins to forage;
Her face doth reek and smoke, her blood doth boil,
And careless lust stirs up a desperate courage;
Planting oblivion, beating reason back,
Forgetting shame's pure blush and honour's wrack.

Hot, faint, and weary, with her hard embracing,
Like a wild bird being tam'd with too much handling,
Or as the fleet-foot roe that's tir'd with chasing,
Or like the froward infant still'd with dandling,
He now obeys, and now no more resisteth,
While she takes all she can, not all she listeth.

What wax so frozen but dissolves with tempering,
And yields at last to every light impression?
Things out of hope are compass'd oft with venturing,

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosofff.org
Chiefly in love, whose leave exceeds commission:
Affection faints not like a pale-fac'd coward,
But then woos best when most his choice is froward.

When he did frown, O! had she then gave over,
Such nectar from his lips she had not suck'd.
Foul words and frowns must not repel a lover;
What though the rose have prickles, yet 'tis pluck'd:
Were beauty under twenty locks kept fast,
Yet love breaks through and picks them all at last.

For pity now she can no more detain him;
The poor fool prays her that he may depart:
She is resolv'd no longer to restrain him,
Bids him farewell, and look well to her heart,
The which, by Cupid's bow she doth protest,
He carries thence incaged in his breast.

'Sweet boy,' she says, 'this night I'll waste in sorrow,
For my sick heart commands mine eyes to watch.
Tell me, Love's master, shall we meet to-morrow?
Say, shall we? shall we? wilt thou make the match?'
He tells her, no; to-morrow he intends
To hunt the boar with certain of his friends.

'The boar!' quoth she; whereat a sudden pale,
Like lawn being spread upon the blushing rose,
Usurps her cheeks, she trembles at his tale,
And on his neck her yoking arms she throws:
She sinketh down, still hanging by his neck,
He on her belly falls, she on her back.

Now is she in the very lists of love,
Her champion mounted for the hot encounter:
All is imaginary she doth prove,
He will not manage her, although he mount her;
That worse than Tantalus' is her annoy,
To clip Elysium and to lack her joy.

Even as poor birds, deceiv'd with painted grapes,
Do surfeit by the eye and pine the maw,
Even so she languisheth in her mishaps,
As those poor birds that helpless berries saw.
The warm effects which she in him finds missing,
She seeks to kindle with continual kissing.

But all in vain; good queen, it will not be:
She hath assay'd as much as may be prov'd;
Her pleading hath deserv'd a greater fee;
She 's Love, she loves, and yet she is not lov'd.
'Fie, fie!' he says, 'you crush me; let me go;
You have no reason to withhold me so.'

'Thou hadst been gone,' quoth she, 'sweet boy, ere this,
But that thou told'st me thou wouldst hunt the boar.
O! be advis'd; thou know'st not what it is
With javelin's point a churlish swine to gore,
Whose tushes never sheath'd he whetteth still,
Like to a mortal butcher, bent to kill.

'On his bow-back he hath a battle set
Of bristly pikes, that ever threat his foes;
His eyes like glow-worms shine when he doth fret;
His snout digs sepulchres where'er he goes;
Being mov'd, he strikes whate'er is in his way,
And whom he strikes his crooked tushes slay.

'His brawny sides, with hairy bristles arm'd,
Are better proof than thy spear's point can enter;
His short thick neck cannot be easily harrn'd;
Being ireful, on the lion he will venture:

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosofff.org
The thorny brambles and embracing bushes,
As fearful of him part, through whom he rushes.

'Alas! he nought esteems that face of thine,
To which Love's eyes pay tributary gazes;
Nor thy soft hands, sweet lips, and crystal eyne,
Whose full perfection all the world amazes;
But having thee at vantage, wondrous dread!
Would root these beauties as he roots the mead.

'O! let him keep his loathsome cabin still;
Beauty hath nought to do with such foul fiends:
Come not within his danger by thy will;
They that thrive well take counsel of their friends.
When thou didst name the boar, not to dissemble,
I fear'd thy fortune, and my joints did tremble.

'Didst thou not mark my face? was it not white?
Saw'st thou not signs of fear lurk in mine eye?
Grew I not faint? And fell I not downright?
Within my bosom, whereon thou dost lie,
My boding heart pants, beats, and takes no rest,
But, like an earthquake, shakes thee on my breast.

'For where Love reigns, disturbing Jealousy
Doth call himself Affection's sentinel;
Gives false alarms, suggesteth mutiny,
And in a peaceful hour doth cry "Kill, kill!"
Distempering gentle Love in his desire,
As air and water do abate the fire.

This sour informer, this bate-breeding spy,
This canker that eats up Love's tender spring,
This carry-tale, dissentious Jealousy,
That sometime true news, sometime false doth bring,
Knocks at my heart, and whispers in mine ear
That if I love thee, I thy death should fear:

'And more than so, presenteth to mine eye
The picture of an angry-chafing boar,
Under whose sharp fangs on his back doth lie
An image like thyself, all stain'd with gore;
Whose blood upon the fresh flowers being shed
Doth make them droop with grief and hang the head.

'What should I do, seeing thee so indeed,
That tremble at the imagination?
The thought of it doth make my faint heart bleed,
And fear doth teach it divination:
I prophesy thy death, my living sorrow,
If thou encounter with the boar to-morrow.

'But if thou needs wilt hunt, be rul'd by me;
Uncouple at the timorous flying hare,
Or at the fox which lives by subtilty,
Or at the roe which no encounter dare:
Pursue these fearful creatures o'er the downs,
And on thy well-breath'd horse keep with thy hounds.

'And when thou hast on foot the purblind hare,
Mark the poor wretch, to overshoot his troubles
How he outruns the winds, and with what care
He cranks and crosses with a thousand doubles:
The many musits through the which he goes
Are like a labyrinth to amaze his foes.

'Sometime he runs among a flock of sheep,
To make the cunning hounds mistake their smell,
And sometime where earth-delving conies keep,
To stop the loud pursuers in their yell,
And sometime sorteth with a herd of deer;

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Danger deviseth shifts; wit waits on fear:

'For there his smell with others being mingled,
The hot scent-snuffing hounds are driven to doubt,
Ceasing their clamorous cry till they have singled
With much ado the cold fault cleanly out;
Then do they spend their mouths: Echo replies,
As if another chase were in the skies.

'By this, poor wat, far off upon a hill,
Stands on his hinder legs with listening ear,
To hearken if his foes pursue him still:
Anon their loud alarums he doth hear;
And now his grief may be compared well
To one sore sick that hears the passing-bell.

'Then shalt thou see the dew-bedabbled wretch
Turn, and return, indenting with the way,
Each envious briar his weary legs doth scratch,
Each shadow makes him stop, each murmur stay:
For misery is trodden on by many,
And being low never reliev'd by any.

'Lie quietly, and hear a little more;
Nay, do not struggle, for thou shalt not rise:
To make thee hate the hunting of the boar,
Unlike myself thou hear'st me moralize,
Applying this to that, and so to so;
For love can comment upon every woe.

'Where did I leave?' 'No matter where,' quoth he;
'Leave me, and then the story aptly ends:
The night is spent,' 'why, what of that?' quoth she.
'I am,' quoth he, 'expected of my friends;
And now 'tis dark, and going I shall fall.'
'In night,' quoth she, 'desire sees best of all.'

'But if thou fall, O! then imagine this,
The earth, in love with thee, thy footing trips,
And all is but to rob thee of a kiss.
Rich preys make true men thieves; so do thy lips
Make modest Dian cloudy and forlorn,
Lest she should steal a kiss and die forsworn.

'Now of this dark night I perceive the reason:
Cynthia for shame obscures her silver shine,
Till forging Nature be condemn'd of treason,
For stealing moulds from heaven that were divine;
Wherein she fram'd thee in high heaven's despite,
To shame the sun by day and her by night.

'And therefore hath she brib'd the Destinies,
To cross the curious workmanship of nature,
To mingle beauty with infirmities,
And pure perfection with impure defeature;
Making it subject to the tyranny
Of mad mischances and much misery;

'As burning fevers, agues pale and faint,
Life-poisoning pestilence and frenzies wood,
The marrow-eating sickness, whose attaint
Disorder breeds by heating of the blood;
Surfeits, imposthumes, grief, and damn'd despair,
Swear nature's death for framing thee so fair.

'And not the least of all these maladies
But in one minute's fight brings beauty under:
Both favour, savour, hue, and qualities,
Whereat the impartial gazer late did wonder,
Are on the sudden wasted, thaw'd and done,
As mountain-snow melts with the mid-day sun.

'Therefore, despite of fruitless chastity,
Love-lacking vestals and self-loving nuns,
That on the earth would breed a scarcity
And barren dearth of daughters and of sons,
Be prodigal: the lamp that burns by night
Dries up his oil to lend the world his light.

'What is thy body but a swallowing grave,
Seeming to bury that posterity
Which by the rights of time thou needs must have,
If thou destroy them not in dark obscurity?
If so, the world will hold thee in disdain,
Sith in thy pride so fair a hope is slain.

'So in thyself thyself art made away;
A mischief worse than civil home-bred strife,
Or theirs whose desperate hands themselves do slay,
Or butcher-sire that reaves his son of life.
Foul-cankering rust the hidden treasure frets,
But gold that's put to use more gold begets.'

'Nay then,' quoth Adon, 'you will fall again
Into your idle over-handled theme;
The kiss I gave you is bestow'd in vain,
And all in vain you strive against the stream;
For by this black-fac'd night, desire's foul nurse,
Your treatise makes me like you worse and worse.

'If love have lent you twenty thousand tongues,
And every tongue more moving than your own.
Bewitching like the wanton mermaid's songs,
Yet from mine ear the tempting tune is blown;
For know, my heart stands armed in mine ear,
And will not let a false sound enter there;

'Lest the deceiving harmony should run
Into the quiet closure of my breast;
And then my little heart were quite undone,
In his bedchamber to be barr'd of rest.
No, lady, no; my heart longs not to groan,
But soundly sleeps, while now it sleeps alone.

'What have you urg'd that I cannot reprove?
The path is smooth that leadeth on to danger;
I hate not love, but your device in love,
That lends embracements unto every stranger.
You do it for increase: O strange excuse!
When reason is the bawd to lust's abuse.

'Call it not love, for Love to heaven is fled,
Since sweating Lust on earth usurp'd his name;
Under whose simple semblance he hath fed
Upon fresh beauty, blotting it with blame;
Which the hot tyrant stains and soon bereaves,
As caterpillars do the tender leaves.

'Love comforteth like sunshine after rain,
But Lust's effect is tempest after sun;
Love's gentle spring doth always fresh remain,
Lust's winter comes ere summer half be done.
Love surfeits not, Lust like a glutton dies;
Love is all truth, Lust full of forged lies.

'More I could tell, but more I dare not say;
The text is old, the orator too green.
Therefore, in sadness, now I will away;
My face is full of shame, my heart of teen:
Mine ears, that to your wanton talk attended,
Do burn themselves for having so offended.'

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosofff.org
with this he breaketh from the sweet embrace
Of those fair arms which bound him to her breast,
And homeward through the dark laund runs apace;
Leaves Love upon her back deeply distress'd.
Look, how a bright star shooteth from the sky,
So glides he in the night from Venus' eye;

which after him she darts, as one on shore
Gazing upon a late-embarked friend,
Till the wild waves will have him seen no more,
whose ridges with the meeting clouds contend:
So did the merciless and pitchy night
Fold in the object that did feed her sight.

whereat amaz'd, as one that unaware
Hath dropp'd a precious jewel in the flood,
Or 'stonish'd as night-wanderers often are,
Their light blown out in some mistrustful wood;
Even so confounded in the dark she lay,
Having lost the fair discovery of her way.

And now she beats her heart, whereat it groans,
That all the neighbour caves, as seeming troubled,
Make verbal repetition of her moans;
Passion on passion deeply is redoubled:
'Ay me!' she cries, and twenty times, 'Woe, woe!'
And twenty echoes twenty times cry so.

She marking them, begins a wailing note,
And sings extemporally a woeful ditty;
How love makes young men thrall and old men dote;
How love is wise in folly, foolish-witty:
Her heavy anthem still concludes in woe,
And still the choir of echoes answer so.

Her song was tedious, and outwore the night,
For lovers' hours are long, though seeming short:
If pleas'd themselves, others, they think, delight
In such like circumstance, with such like sport:
Their copious stories, oftentimes begun,
End without audience, and are never done.

For who hath she to spend the night withal,
But idle sounds resembling parasites;
Like shrill-tongu'd tapsters answering every call,
Soothing the humour of fantastic wits?
She says, 'Tis so:' they answer all, 'Tis so;'
And would say after her, if she said 'No.'

Lo! here the gentle lark, weary of rest,
From his moist cabinet mounts up on high,
And wakes the morning, from whose silver breast
The sun ariseth in his majesty;
who doth the world so gloriously behold,
That cedar-tops and hills seem burnish'd gold.

Venus salutes him with this fair good morrow:
'O thou clear god, and patron of all light,
From whom each lamp and shining star doth borrow
The beauteous influence that makes him bright,
There lives a son that suck'd an earthly mother,
May lend thee light, as thou dost lend to other.'

This said, she hasteth to a myrtle grove,
Musing the morning is so much o'erworn,
And yet she hears no tidings of her love;
She hearkens for his hounds and for his horn:
Anon she hears them chant it lustily,
And all in haste she coasteth to the cry.

And as she runs, the bushes in the way

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosofff.org
Some catch her by the neck, some kiss her face,
Some twine about her thigh to make her stay:
She wildly breaketh from their strict embrace,
Like a milch doe, whose swelling dugs do ache,
Hasting to feed her fawn hid in some brake.

By this she hears the hounds are at a bay;
Whereat she starts, like one that spies an adder
wreath'd up in fatal folds just in his way,
The fear whereof doth make him shake and shudder;
Even so the timorous yelping of the hounds
Appals her senses, and her spirit confounds.

For now she knows it is no gentle chase,
But the blunt boar, rough bear, or lion proud,
Because the cry remaineth in one place,
where fearfully the dogs exclaim aloud:
Finding their enemy to be so curst,
They all strain courtesy who shall cope him first.

This dismal cry rings sadly in her ear,
Through which it enters to surprise her heart;
who, overcome by doubt and bloodless fear,
with cold-pale weakness numbs each feeling part;
Like soldiers, when their captain once doth yield,
They basely fly and dare not stay the field.

Thus stands she in a trembling ecstasy,
Till, cheering up her senses sore dismay'd,
She tells them 'tis a causeless fantasy,
And childish error, that they are afraid;
Bids them leave quaking, bids them fear no more:
And with that word she spied the hunted boar,

whose frothy mouth bepainted all with red,
Like milk and blood being mingled both together,
A second fear through all her sinews spread,
which madly hurries her she knows not whither:
This way she runs, and now she will no further,
But back retires to rate the boar for murder.

A thousand spleens bear her a thousand ways,
She treads the path that she untreads again;
Her more than haste is mated with delays,
Like the proceedings of a drunken brain,
Full of respects, yet nought at all respecting,
In hand with all things, nought at all effecting.

Here kennel'd in a brake she finds a hound,
And asks the weary caitiff for his master,
And there another licking of his wound,
'Gainst venom'd sores the only sovereign plaster;
And here she meets another sadly scowling,
To whom she speaks, and he replies with howling.

when he hath ceas'd his ill-resounding noise,
Another flap-mouth'd mourner, black and grim,
Against the welkin volleys out his voice;
Another and another answer him,
Clapping their proud tails to the ground below,
Shaking their scratch'd ears, bleeding as they go.

Look, how the world's poor people are amaz'd
At apparitions, signs, and prodigies,
whereon with fearful eyes they long have gaz'd,
Infusing them with dreadful prophecies;
So she at these sad sighs draws up her breath,
And, sighing it again, exclaims on Death.

'Hard-favour'd tyrant, ugly, meagre, lean,
Hateful divorce of love,' – thus chides she Death, –

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosofff.org
'Grim-grinning ghost, earth's worm, what dost thou mean
To stifle beauty and to steal his breath,
who when he liv'd, his breath and beauty set
Gloss on the rose, smell to the violet?

'If he be dead, O no! it cannot be,
Seeing his beauty, thou shouldst strike at it;
O yes! it may; thou hast no eyes to see,
But hatefully at random dost thou hit.
Thy mark is feeble age, but thy false dart
Mistakes that aim and cleaves an infant's heart.

'Hadst thou but bid beware, then he had spoke,
And, hearing him, thy power had lost his power.
The Destinies will curse thee for this stroke;
They bid thee crop a weed, thou pluck'st a flower.
Love's golden arrow at him should have fled,
And not Death's ebon dart, to strike him dead.

'Dost thou drink tears, that thou provok'st such weeping?
what may a heavy groan advantage thee?
why hast thou cast into eternal sleeping
Those eyes that taught all other eyes to see?
Now Nature cares not for thy mortal vigour,
Since her best work is ruin'd with thy rigour.'

Here overcome, as one full of despair,
She vail'd her eyelids, who, like sluices, stopp'd
The crystal tide that from her two cheeks fair
In the sweet channel of her bosom dropp'd;
But through the flood-gates breaks the silver rain,
And with his strong course opens them again.

O! how her eyes and tears did lend and borrow;
Her eyes seen in the tears, tears in her eye;
Both crystals, where they view'd each other's sorrow,
Sorrow that friendly sighs sought still to dry,
But like a stormy day, now wind, now rain,
Sighs dry her cheeks, tears make them wet again.

Variable passions throng her constant woe,
As striving who should best become her grief;
All entertain'd, each passion labours so,
That every present sorrow seemeth chief,
But none is best; then join they all together,
Like many clouds consulting for foul weather.

By this, far off she hears some huntsman holla;
A nurse's song ne'er pleas'd her babe so well:
The dire imagination she did follow
This sound of hope doth labour to expel;
For now reviving joy bids her rejoice,
And flatters her it is Adonis' voice.

whereat her tears began to turn their tide,
Being prison'd in her eye, like pearls in glass;
Yet sometimes falls an orient drop beside,
which her cheek melts, as scorning it should pass,
To wash the foul face of the sluttish ground,
who is but drunken when she seemeth drown'd.

O hard-believing love! how strange it seems
Not to believe, and yet too credulous;
Thy weal and woe are both of them extremes;
Despair and hope make thee ridiculous:
The one doth flatter thee in thoughts unlikely,
In likely thoughts the other kills thee quickly.

Now she unweaves the web that she hath wrought,
Adonis lives, and Death is not to blame;
It was not she that call'd him all to naught,

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosofff.org
Now she adds honours to his hateful name;
She clepes him king of graves, and grave for kings,
Imperious supreme of all mortal things.

'No, no,' quoth she, 'sweet Death, I did but jest;
Yet pardon me, I felt a kind of fear
Whenas I met the boar, that bloody beast,
Which knows no pity, but is still severe;
Then, gentle shadow, - truth I must confess, -
I rail'd on thee, fearing my love's decease.

"Tis not my fault: the boar provok'd my tongue;
Be wreak'd on him, invisible commander;
'Tis he, foul creature, that hath done thee wrong;
I did but act, he 's author of my slander:
Grief hath two tongues: and never woman yet,
Could rule them both without ten women's wit."

Thus hoping that Adonis is alive,
Her rash suspect she doth extenuate;
And that his beauty may the better thrive,
With Death she humbly doth insinuate;
Tells him of trophies, statues, tombs; and stories
His victories, his triumphs, and his glories.

'O Jove!' quoth she, 'how much a fool was I,
To be of such a weak and silly mind
To wail his death who lives and must not die
Till mutual overthrow of mortal kind;
For he being dead, with him is beauty slain,
And, beauty dead, black chaos comes again.

'Fie, fie, fond love! thou art so full of fear
As one with treasure laden, hemm'd with thieves;
Trifles, unwitnessed with eye or ear,
Thy coward heart with false bethinking grieves.'
Even at this word she hears a merry horn
Whereat she leaps that was but late forlorn.

As falcon to the lure, away she flies;
The grass stoops not, she treads on it so light;
And in her haste unfortunately spies
The foul boar's conquest on her fair delight;
Which seen, her eyes, as murder'd with the view,
Like stars asham'd of day, themselves withdrew:

Or, as the snail, whose tender horns being hit,
Shrinks backwards in his shelly cave with pain,
And there, all smother'd up, in shade doth sit,
Long after fearing to creep forth again;
So, at his bloody view, her eyes are fled
Into the deep dark cabins of her head:

where they resign their office and their light
To the disposing of her troubled brain;
who bids them still consort with ugly night.
And never wound the heart with looks again;
who, like a king perplexed in his throne,
By their suggestion gives a deadly groan,

whereat each tributary subject quakes;
As when the wind, imprison'd in the ground,
Struggling for passage, earth's foundation shakes,
Which with cold terror doth men's minds confound.
This mutiny each part doth so surprise
That from their dark beds once more leap her eyes;

And, being open'd, threw unwilling light
Upon the wide wound that the boar had trench'd
In his soft flank; whose wonted lily white
With purple tears, that his wound wept, was drench'd:

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
No flower was nigh, no grass, herb, leaf, or weed,
But stole his blood and seem'd with him to bleed.

This solemn sympathy poor Venus noteth,
Over one shoulder doth she hang her head,
Dumbly she passions, frantically she doteth;
She thinks he could not die, he is not dead:
Her voice is stopp'd, her joints forget to bow,
Her eyes are mad that they have wept till now.

Upon his hurt she looks so steadfastly,
That her sight dazzling makes the wound seem three;
And then she reprehends her mangling eye,
That makes more gashes where no breach should be:
His face seems twain, each several limb is doubled;
For oft the eye mistakes, the brain being troubled.

'My tongue cannot express my grief for one,
And yet,' quoth she, 'behold two Adons dead!
My sighs are blown away, my salt tears gone,
Mine eyes are turn'd to fire, my heart to lead:
Heavy heart's lead, melt at mine eyes' red fire!
So shall I die by drops of hot desire.

'Alas! poor world, what treasure hast thou lost?
What face remains alive that's worth the viewing?
Whose tongue is music now? what canst thou boast
Of things long since, or anything ensuing?
The flowers are sweet, their colours fresh and trim;
But true-sweet beauty liv'd and died with him.

'Bonnet nor veil henceforth no creature wear!
Nor sun nor wind will ever strive to kiss you:
Having no fair to lose, you need not fear;
The sun doth scorn you, and the wind doth hiss you:
But when Adonis liv'd, sun and sharp air
Lurk'd like two thieves, to rob him of his fair:

'And therefore would he put his bonnet on,
Under whose brim the gaudy sun would peep;
The wind would blow it off, and, being gone,
Play with his locks: then would Adonis weep;
And straight, in pity of his tender years,
They both would strive who first should dry his tears.

'To see his face the lion walk'd along
Behind some hedge, because he would not fear him;
To recreate himself when he hath sung,
The tiger would be tame and gently hear him;
If he had spoke, the wolf would leave his prey,
And never fright the silly lamb that day.

When he beheld his shadow in the brook,
The fishes spread on it their golden gills;
When he was by, the birds such pleasure took,
That some would sing, some other in their bills
Would bring him mulberries and ripe-red cherries;
He fed them with his sight, they him with berries.

'But this foul, grim, and urchin-snouted boar,
Whose downward eye still looketh for a grave,
Ne'er saw the beauteous liveiy that he wore;
Witness the entertainment that he gave:
If he did see his face, why then I know
He thought to kiss him, and hath kill'd him so.

"Tis true, 'tis true; thus was Adonis slain:
He ran upon the boar with his sharp spear,
Who did not whet his teeth at him again,
But by a kiss thought to persuade him there;
And nuzzling in his flank, the loving swine

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Sheath'd unaware the tusk in his soft groin.

'Had I been tooth'd like him, I must confess,
with kissing him I should have kill'd him first;
But he is dead, and never did he bless
My youth with his; the more am I accurst.'
with this she falleth in the place she stood,
And stains her face with his congealed blood.

She looks upon his lips, and they are pale;
She takes him by the hand, and that is cold;
She whispers in his ears a heavy tale,
As if they heard the woeful words she told;
She lifts the coffer-lids that close his eyes,
where, lo! two lamps, burnt out, in darkness lies;

Two glasses where herself herself beheld
A thousand times, and now no more reflect;
Their virtue lost, wherein they late excell'd,
And every beauty robb'd of his effect:
'wonder of time,' quoth she, 'this is my spite,
That, you being dead, the day should yet be light.

'Since thou art dead, lo! here I prophesy,
Sorrow on love hereafter shall attend:
It shall be waited on with jealousy,
Find sweet beginning, but unsavoury end;
Ne'er settled equally, but high or low;
That all love's pleasure shall not match his woe.

'It shall be fickle, false, and full of fraud,
Bud and be blasted in a breathing-while;
The bottom poison, and the top o'erstraw'd
With sweets that shall the truest sight beguile:
The strongest body shall it make most weak,
Strike the wise dumb and teach the fool to speak.

'It shall be sparing and too full of riot,
Teaching decrepit age to tread the measures;
The staring ruffian shall it keep in quiet,
Pluck down the rich, enrich the poor with treasures;
It shall be raging mad, and silly mild,
Make the young old, the old become a child.

'It shall suspect where is no cause of fear;
It shall not fear where it should most mistrust;
It shall be merciful, and too severe,
And most deceiving when it seems most just;
Perverse it shall be, where it shows most toward,
Put fear to valour, courage to the coward.

'It shall be cause of war and dire events,
And set dissension 'twixt the son and sire;
Subject and servile to all discontents,
As dry combustious matter is to fire:
Sith in his prime Death doth my love destroy,
They that love best their love shall not enjoy.'

By this, the boy that by her side lay kill'd
was melted like a vapour from her sight,
And in his blood that on the ground lay spill'd,
A purple flower sprung up, chequer'd with white;
Resembling well his pale cheeks, and the blood
which in round drops upon their whiteness stood

She bows her head, the new-sprung flower to smell,
Comparing it to her Adonis' breath;
And says within her bosom it shall dwell,
Since he himself is reft from her by death:
She crops the stalk, and in the breach appears
Green dropping sap, which she compares to tears.

'Poor flower,' quoth she, 'this was thy father's guise,
Sweet issue of a more sweet-smelling sire
For every little grief to wet his eyes:
To grow unto himself was his desire,
And so 'tis thine; but know, it is as good
To wither in my breast as in his blood.

'Here was thy father's bed, here in my breast;
Thou art the next of blood, and 'tis thy right:
Lo! in this hollow cradle take thy rest,
My throbbing heart shall rock thee day and night:
There shall not be one minute in an hour
wherein I will not kiss my sweet love's flower.'

Thus weary of the world, away she hies,
And yokes her silver doves; by whose swift aid
Their mistress, mounted, through the empty skies
In her light chariot quickly is convey'd;
Holding their course to Paphos, where their queen
Means to immure herself and not be seen.

КОММЕНТАРИЙ

Едва ли найдется человек, которому неизвестно выражение "шекспировский накал страстей". За этим скрываются кровавые заговоры, убийства и трагическая любовь, известные нам по драмам великого Шекспира. Также нам хорошо известен Шекспир сонетов: пронзительной лирической исповеди, не теряющей своего очарования уже 400 лет. Но есть еще один, мало знакомый нам, а потому вдвойне необычный Шекспир – автор поэмы "Венера и Адонис", поэмы, которая соединила в себе накал драматических страстей, тонкую лиричность сонетов, чувственность и эротизм античности и философские размышления о сущности любви.

Случается, причиной появления неординарного произведения искусства становится не совсем благоприятное стечение обстоятельств. Так произошло и с поэмой "Венера и Адонис". Она была написана в 1593 году, во время лондонской чумы, когда театры были закрыты на карантин, и великий драматург, в момент вынужденного перерыва, решил поднять свой престиж поэта – ведь поэзия считалась тогда выше драмы. Не случайно в посвящении своему покровителю, графу Саутгемптону, Шекспир назвал поэму "первенцем своей фантазии".

Поэма имела небывалый по тем временам успех. Она получила высокую оценку авторитетных критиков и выдержала шесть переизданий за 13 лет – ни одна из пьес Шекспира не была столь популярна.

В чем же секрет? Как и во многих своих произведениях, Шекспир использует заимствованный сюжет. В данном случае он обращается к одному из самых известных и востребованных сюжетов античной мифологии: истории любви богини Венеры к земному юноше Адонису.

Еще в античности этот сюжет имел много трактовок; до нас дошли по меньшей мере три. Общая сюжетная линия такова: богиня Венера, рассердившись на не почитавшую ее царскую дочь (будущую мать Адониса), внушила ей страсть к родному отцу, который, ничего не подозревая, вступает в связь с дочерью, а затем проклинает ее. Боги превратили несчастную в мировое дерево, из ствола которого родился мальчик удивительной красоты. Он стал спутником (по некоторым версиям – возлюбленным) Венеры. Разгневанная Диана (Аполлон) насылает на юношу дикого кабана, который его смертельно ранит. Венера горько оплакивает Адониса и превращает его в цветок.

Из крови Адониса вырастают розы, а из слез Венеры – анемоны.

Из всего многообразия сюжетных линий Шекспир выбрал только один, овидиевский мотив: Адонис не отвечает Венере взаимностью. Поэма практически лишена действия, но удерживает внимание своей красочностью, напряженной эротичностью. Однако эта поэма – не о любви. В ней происходит столкновение двух жизненных позиций, двух типов эгоизма. Венера, ослепленная своей страстью, не видит в Адонисе живого человека. Всеми своими действиями она

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
оскорбляет его мужское самолюбие, делая невозможным сближение. Адонис же – слишком молод, слишком поглощен юношескими забавами. Он не готов еще к серьезным чувствам, а любовь в виде распаленной страстью Венеры скорее отталкивает его. Возникает вопрос: а есть ли вообще любовь и что она означает?

Финал поэмы не ставит точку в столкновении Венеры и Адониса. Несмотря на смерть героя, их спор не разрешается чьим-либо поражением. Адонис отказывается от чувственной любви и гибнет, Венера проклинает любовь и уходит от людей.

Гений Шекспира скрыл в поэме множество смысловых пластов. Каждый открывающий ее находит наиболее близкий ему смысл, создает свой текст и свое прочтение поэмы.

Стр. 19. Буйнолюбивый бегал Битвобог... – Речь идет о Марсе, боге войны, в античной мифологии – любовнике (в некоторых интерпретациях муже) Венеры.

Стр. 23. Нарцисс, да чмокнул пруд, и потонул... – Нарцисс в греческой мифологии – юноша необычайной красоты, наказанный за безразличие к влюбленным в него женщинам. Влюбился в собственное отражение и умер от любви к себе. По другой версии – утонул, стремясь слиться со своим отражением.

Стр. 61. Игорь князь так обложил древлян... – Киевский князь Игорь, сын Рюрика, был известен своим корыстолюбием; в 944 году он предпринял поход на племя древлян с целью увеличения дани, однако предприятие закончилось гибелью самого Игоря.

Стр. 67. И сух возле воды Тантала рот... – По греческому мифу, Тантал был осужден за преступления против богов на вечные мучения: томясь жаждой, он стоит по горло в воде, но не может напиться; терзаемый голодом, не может достать плодов, окружающих его; над его головой нависает скала, ежеминутно грозящая упасть.

Стр. 105. И Пенелопа распускает ткань... – Речь идет о Пенелопе, жене Одиссея, ожидающей возвращения своего мужа. Пообещав своим женихам, что выберет себе мужа после того, как соткет погребальное покрывало для своего тестя, она по ночам распускала сотканное за день, чтобы работа не продвигалась.

Стр. 123. Свой путь держа на островок Пафос. – В городе Пафос, на острове Крит, находился храм Афродиты (Венеры), наиболее почитаемый в Греции.

М. Мельникова

ВЕНЕРА І АДОНІС

Переклад Олександра Мокровольського [11 – © William Shakespeare, "Venus and Adonis", 1613 © О. Мокровольський (переклад з англійської), 1986] джерело: В. Шекспір. Твори в шести томах: Том 6. К.: Дніпро, 1986. 840 с. – С.: 539–571. Сканування та коректура: Aerius (ae-lib.org.ua), 2004]

vilia miretur vulgus; mihi flavus Apollo

Rosula Castalia plena ministret aqua [12 – дівка дешева дивує юрбу; хай рудий Аполлончаші мені принесе, водою кастильською повні. (Латин.)].

Високоповажному Генрі Райотслі,
герцогові Саутгемптон та баронові Тічфілду

Високоповажний!

Не знаю, чи не ображу Вашої милості, присвятивши Вам ці недовершені рядки, ані того, як світ оцінить вибір такої міцної опори для такого мізерного тягаря. Лише як Ваша Честь викаже своє вдоволення, я добачу в тому найвищу мені похвалу і присягнуся віддати праці весь свій вільний час, аби вшанувати Вас іншим, ваговитішим твором. Але якщо цей перший нащадок мого духу виявиться недоладним, я шкодуватиму, що він мав такого благородного хрещеного батька, і ніколи більш не оратиму цієї неродючої ниви, остерігаючися зібрати з неї вдруге такий самий поганий урожай. Лишаю його на Ваш шановний суд, а Вашу Честь – радощам Вашого серця, якому зичу бути незмінно у згоді з Вашими прагненнями і зі сподіваннями світу сього.

Вашій світлості найпокірніший слуга

Вільям Шекспір

Ледь сонце розпрощалося багрове
Із досвітком заплаканим, а й знов
Адоніс[13 – Адоніс – давнє фінікійське божество. В грецькій міфології бог умирання й оживання природи. Уславлений своєю вродою, за яку його полюбила богиня кохання Афродіта (Венера). За однією з версій міфу, загинув під іклами дикого кабана, якого наслав ревливий Марс (Арес).] кличе: «Гей, ясне, на лови!»

Любив він лови – зневажав любов.
Та вже Венера в'ється коло нього,
Немов зальотник, хвалить молодого:

«Вродливіший за мене втричі ти,
Полів найкращий квіте, наймиліший!
Красо поміж земної рясноти,
Біліший снігу й ружі червоніший!
Природа-матінка сама собі
Перечить – каже: світ помре в тобі.

Зійди зі скакуна свого, о диво,
Закинь повіддя на луку сідла.
За милість отаку я б цілу зливу
Медових тайн на тебе пролила.
Тут сядь, де змії не сичали зроду,
І зацілюю я твою всю вроду.

Нехай же не наситяться уста,
Нехай не замикає їх пересит:
Один цілунок довший буде ста,
А сто цілунків промине, як десять.
День літній за годину пролетить,
Як сповнимо коханням кожну мить».

Так лестячись, хапа його за руку,
Що обіцяє мужніх сил потік,
Бальзамом зве її, терпівши муку, –
О, ця рука для неї – царський лік!
Жадання шал їй силу дав і звагу –
Враз юнака з коня стягла без страху.

Рукою підхопила вмить вузду,
А другою – тендітного вродливця,
Мов лялечку. Мінівсь він на виду,
Де гнів, навпіл з досадою, відбився.
Горить вона рум'янцем, як пожар;
Він – з сорому пала. Холодний жар!

Хутенько вже й за гілку зачепила
Вузду цяцьковану. Любов метка!
А, прив'язавши скакуна, уміло
В'язати заходилась юнака.
Штовхнула – впав. Упасти б так богині!
Перемогла – та в силі, не в хотінні,

Упасти не спізналась і вона;

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org

На лікоть спершись, загляда у вічі
І щоки гладить; він же почина
Її сварить – вона і раз, і двічі
Цілунок урива клятьбу гнівну:
«Не лайся, бо навік уста замкну!»

Юнак від сорому аж пломениться,
Вона ж сльозами гасить цноти пал,
Щоб зразу й висушити примудриться –
На те і злото кіс, зітхання шквал.
«Безстидниця!» – її він узиває;
Вона ж цілунок докір убиває.

Немов орлиця, що, голодна, рве
Хапливо пір'я безталанній жертві,
Шматує тілечко, іще живе,
Аби скоріш, хоч би й живцем, пожерти, –
Отак цілує – в щоки, у чоло...
Коли б те цілування знемогло!

Змирився – тільки не скоривсь, – Адоніс,
І важко дихає в обличчя їй.
Венера й не відвернеться – натомість
Говорить: «Це небесний легковій!
Садами станьте ви, мої ланити,
Щоб вільгістю цією розкошати».

Немов попався у тенета птах,
Отак він поривався від богині;
З несили й сорому лютиться – страх!
Та очі лиш гарнішали невинні.
На повноводу річку дай дощів –
І розіллється, вийде з берегів.

Вона ж блага – п'янка її примовка,
Бо ж у п'янливе ушко жебонить...
Та супитись мисливець, зирить вовком –
Досада палить, сором – червонить.
Він зашарівся – Афродіта мліє,
Поблід – вона божественно гарніє.

Не вб'єш любові поглядом хмурніш!
Отож, безсмертну руку підійнявши,
Заприсяглася, що й уклякне з ним,
На грудях в нього лишиться назавше,
Як хоч один цілунок дорогий
Не зсушить сліз – його то все борги!

Божественну зачувши обіцянку,
Адоніс визирнув, мов той нирець,
Що вирине й пірне, очей оманка, –
Такий-то він жаданого давець.
Устами вже й замірилася взяти,
Та відвернувся вмить – немає плати.

У спеку мандрівник не просить так
Води, як Афродіта – переміни.
Утіха поруч, та не взять ніяк;
Між хвиль горить, не гасне пал промінний.
«О зглянься, – молить, – серце кам'яне,
Одним цілунок ошаслив мене!»

До мене залицявсь, як я до тебе[14 – До мене залицявсь, як я до тебе, Суворий, страхітливий бог війни. – В одному з античних міфів розповідається про пристрасть бога війни Ареса (Марса) до богині Афродіти (Венери). Цей сюжет є в «Одіссеї» Гомера.],

Суворий, страхітливий бог війни.
Незламний в битвах на землі й на небі,
У кожній зваді войовник жахний,
А бач, просивсь до мене у неволю
За те, що даром я тобі дозволю.

Над віттарем моїм повісив спис,
І свій шолом, і щит непереможний;
Для мене став гульвісою з гульвіс,
Зробивсь веселий, говіркий, збитошний.
Забув і барабани, й прапори –
Став бойовиськом пух моїх перин.

Звитяжив скрізь, а йшов мені скориться –
В трояндових кайданах повела;
Ту силу, що міцну боролася крицю,
Самою гордістю перемогла.
Та не гордись звитягою над тою,
Що бога війн подужала без бою.

Устами гожими торкнись моїх –
Не рівня хай твоїм, зате ж червоні!
Цілунок буде й твій. Чого затих?
Чого очима вкляк в земному лоні?
В мої глянь очі – там твоя ж краса.
Хай стрінуться й уста, як очеса!

Чи ти соромишся? Замружся знову,
І я замружусь – ніччю стане день.
Навіщо нам очей ляклива мова?
Ми тут самі... Сміліш кохай лишень!
Хіба ж нас викажуть ці сині квіти?
Того, що чиним, їм не зрозуміти.

Пушок над губкою – ти ще не муж.
То й що? І чом тебе не скуштувати?
Лови нагоду! Час лови чимдуж!
Засушиш вроду – не повернеш втрати.
Квіток, що відцвітають, вже не рвуть,
Бо швидко осипаються й гниють.

Хоч би стара була я чи каліка,
Стидка, сварлива, згорблена, бридка,
Поморщена, скривіла, недоріка,
Сліпа, глуха, суха, незавидка, –
Тоді б і гордував, тоді корив би.
А так за віщо зазнаю я кривди?

Знайди хоч зморшку на моїм чолі!
У вічі глянь – які ясні та жваві!
Моїй-бо вроді вік цвісти в хвалі;
Ось тіло – ніжне, вогняне, легкаве!
Візьми рукою рученьку мою –
Відчуєш, як я тану, розтаю.[15 – Візьми рукою рученьку
мою – Відчуєш, як я тану, розтаю. – За давніми уявленнями, волога рука є
ознакою пристрасності.]

Ось хочеш – мовою тебе зчарую
Або знімусь, як фея, полечу?
Як німфа буйнокоса, затанцюю
На цім піску – й слідочка не лишу?
Любов – це дух, що полум'ям палає[16 – Любов – це дух,
що полум'ям палає, Тому й не кане – вгору пориває. – З чотирьох елементів
(стихій) життя – землі, води, повітря та вогню – саме вогонь вважався
найлегшим.]

Тому й не кане – вгору пориває.

Цей ряст нехай засвідчить правду слів:
Не гне його тягар мого тіла,
А двійко слабосилих голубів
Мене домчать, куди б я лиш схотіла.
Така й любов легенька, як і я.
Невже ж гнітить тебе любов моя?

Чи серцем покохав своє обличчя?
Правицею ще шуйцю покохай.

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org

Позалицяйся до свого ж величчя,
Згуби себе, а потім нарікай.

Люби себе й помри собі Нарцісом[17 – люби себе й помри собі Нарцісом... – нарціс (гр. міф.) – прекрасний юнак, син бога Кефіса та наяди Ліріопи. Нарціс побачив своє відображення в воді, закохався в нього і помер від цього кохання. Боги перетворили Нарціса в квітку. Сюжет міфа використано в «Метаморфозах» Овідія.],

Своїм віддайсь в струмку відбитим рисам.

Посвітач світить, красить самоцвіт;
Мед – для смаку, і для кохання – врода,
Зело – для запаху, для плоду – цвіт,
Хто ріс для себе – росту ріс на шкоду.
Зерно – від зерна, врода від краси.
Сам роджений, чом роду не даси?

Ростеш, годуєшся з землі приплоду,
То дай же ти й землі свій власний плід.
Себе продовжуй – так велить природа,
Нехай тебе переживе твій рід.
Тоді ти й після смерті жити будеш,
В подобі у своїй повік перебунеш...»

Богиня тут пітніти почала,
Бо холодочок їх обох покинув
І Феб, з вінцем спекотним круг чола,
На них з небес жагучий погляд кинув –
Віддав би хлопцю коней четверик[18 – Віддав би хлопцю коней четверик... – Мається на увазі грецький міф про сина бога сонця Геліоса й Клімени – Фаетона. Він випросив, у батька дозвіл правити його вогненною колісницею, та не зумів стримати коней і надто наблизився до землі. Зевс спопелив Фаетона своєю блискавкою.],

Щоб замість нього – під богинин бік!

Тепер Адоніс, вельми розімлівши,
Зробився дратівливий, хмурий, злий.
І, геть бровами очі затемнивши
(Мов хмарища на небо наповзли);
Говорить: «Годі вже любов хвалити!
Он парко як – дозволь тебе лишити!»

Вона ж: «недобрий ти, хоч молодий!
Щоб утекти, який-то привід грубий!..
Мій подиху легкий, прохолоди
Розморене його обличчя любе!..
Ось холодок тобі зроблю з цих кіс,
А спалахнуть – заллю потоком сліз.

Те сонце, що з небес, воно ж лиш гріє;
Глянь, я повисла між тобою й ним.
Такої шкоди жар його не вдіє,
Як ти учиниш зором вогняним.
Була б я смертна – вмить би спопеліла,
Попавши між палючі два світила.

Із криці ти чи, може, кам'яний?
Ба ні, твердіший – камінь краплі точать.
Ти – жінки син, але ж людські сини
Любов шанують і любові хочуть.
Чи ти й родилося таке тверде?
Ні – мати камінця не приведе!

Чим завинила, що мене ти ганиш?
Чи від мого прохання ждеш біди?
Чи поцілунком ти уста пораниш?
Ох, милий, мову милу поведи!
Цілунок дай – тобі я віддарую.
Захочеш два – то й ще раз поцілую.

Бовване ти, холодний, неживий,
Ти ідоле, мальована картинко!

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org

Не лиш для зору – для життя яви
Себе! Адже тебе родила жінка!
Від чоловіка в тебе – тільки лик,
Цілує ж без підказки чоловік».

Тут їй терпець урвавсь – урвалась мова,
І захлинулась хвилию чуття.
Порушник виграв суд; вона ж – без слова,
любові найверховніший суддя!
І заридала, й мовити несила,
Ридання всі хотіння перебило.

То вхопиться за голову, то вмить
його за руку візьме, то сахнеться,
То поглядом до хлопця прикипить,
То стрічкою круг нього обів'ється.
Та лиш почне випрочуватись він –
Зімкне на ньому пальці – як один.

«Молочно-білі руки ці зловили
Тебе, коханий, – промовля в журі. –
Я буду – гай, а ти – мій олень милий;
Пасись, де хочеш: в лузі, на горі.
Як паші на устах моїх не стане –
Солодкі нижче віднайди фонтани.

для тебе стільки втіхи буде там!
Нагір'я звабні, лугові отави
Ще й дві гори відкриються очам –
Від бур криївки – пишні та кругляві.
Будь оленем – чим я тобі не гай?
Тебе не займе жоден пес-кудлай».

На те Адоніс тільки осміхнувся,
Аж на щоках запали ямочки –
Любові твір. Якби життя позбувся,
В таку могилу ліг би залюбки:
Чи ж може бути, щоб смерть кого здолала
В оселі, що любов побудувала?

Розверзлися ті гроти чарівні
И поглинули всю душу Афродіти.
Ще сум'яття – на думи сум'ятні!
Іще удар у серце, й так розбите!
Сердець владарку б'є її ж закон:
Попала до насмішника в полон!

Що діять? Що сказати безталанній?
Нема вже слів, а мука все росте.
Минає час – і рветься геть коханий
Крізь рук, крізь пальців плетиво густе.
– О зжалься! Змилуйся! – вона благає.
Та до коня Адоніс поспішає.

А звіддалік, де лісу зелена,
Жаждива, молодесенька лошиця
Назорила?им часом скакуна
І вже хропе, ірже, до нього мчиться.
А той ураз вуздечку обірвав
І навпростець до неї поскакав.

Як владно він ірже і скаче дибки,
Як легко він попруги розрива!
Копитами б'є землю, тне на дрібки –
Аж стугонить, мов буря громова.
Зубами перекушує вудила –
Осилив силу, що його водила.

І гриву закосичену – сторчма
На шиї здибив, насторочив вуха;
І тяжко дише, ніздрі роздима

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org

І парю, неначе димом, жбуха.
Жахтять, жаріють очі, як вогонь, –
Такий-то смілий, палахкий комонь!

То виступає, ніби лічить кроки,
Величним, гордовитим виступцем,
То дибом стане, ще й покаже скоки.
Мовляв: «Ось, помилуйте молодцем!
І все це я чиню, щоб полюбила
Мене принадлива лошиця мила».

І що йому до вершника тривога,
До: «Стій, кажу!» чи «Любий кониченьку!»?
Що – до гнuzдечок, до кольких острог?
Пощо йому окраси, дзеньки-бреньки?
Своє кохання бачить він лише
И не здасться більш ні на що – аніже!

«Природу, – маляр мислить, – перевершу:
Довершеного зображу коня!»
Виборує винагороду першу –
Немов живого мрець переганя.
А цей неначе зійшов з малюнка:
Баский, дорідний, аж бринить, мов струнка.

Копито кругле й щіточки над ним,
Довгасті ноги і широкі груди,
Дугою шия, шкіра – сивий дим,
Хода така, що поглядають люди;
Хіба що бракувало в жеребця
На горду спину гордого їздця.

То геть відбіг і поглядає хитро,
А то сахнувсь від пташки, від пера.
У піжмурки гуляти кличе вітра:
Ну, хто кого в змаганні перегра!
Ой заграє і до хвоста, й до гриви –
Мов крила, мають! – веселун дмухливий.

Кохання прикликає він своє,
Вона ж відповідає – мов на слово.
І гордо (тож до неї заграє!) –
Ще й так жіночно – удає відмову.
Відбрикується, мов ляклива лань,
Від ніжних і жагучих домагань.

Мов той, що відкоша дістав, лицяльник;
Він гзиться – хвіст, як пава, розпустив,
Рятуючись від променів безжальних.
Тупоче! Мух без ліку погубив!
Вона ж, побачивши таку досаду.,
Вже й подобріла, щоб загладить зваду.

Юнак до нього руку був простяг,
Та схарапудилась, геть мчить лошиця
Неїжджена. Слідом і кінь потяг:
Гнівний господар хай собі гнівиться!
Шаліючи, обоє подались,
Навивпередки з галиччю, до взлісь.

Надутий, сів Адоніс – недогода!
Коня-буяна шпетить і кляне.
Тут знов коханню випада нагода
Вимолювати щастя забарне,
Бо кажуть: мука серцеві потрійна,
Коли словами вилитись не вільна.

Закрита піч палає гарячіш,
Загачена ріка нуртує дужче.
Та повінь смутку свій здола рубіж,
І дощ словесний зцілить пал жерущий.

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosofff.org
Коли ж німує серця адвокат,
Воно й замре, мов став над ним вже кат.

Юнак шаріє – знов Венера близько!
Так вітер жар пригаслий роздува.
З-під капелюха лиш очима блиска
І відвертається від божества;
Збентежено глядить в траву високу,
Але й за нею стежить краєм ока.

О, що то за видовище було:
Богиня крадеться до вередливця!
Як мертва блідість і живе тепло
Боролись, їй забарвлюючи її лиця!
Ось червінню змінилась біліша,
Мов блискавка сяйнула вогняна.

Уже й підкралась, мила кокетуха, –
Навколішки упала перед ним.
Легесенько підбила капелюха,
Щоки торкнулась пальчиком легким,
Зробивши ніжній хлопця шкірі збиток:
Мов на снігу пухнастому – відбиток!

І що за герць очей зчинивсь тоді!
Її – просили, а його – грозили:
Сліпі в непримиренній ворожді,
Зневагою вони її разили;
А проясняли сцену цю німу
Сльозини – хор, присвячений йому.

Ось лагідно взяла його за руку,
Немов лілею білий сніг обняв,
Чи перло й алебастр зайшли в сполуку;
Немов біл-друг біл-ворога опав –
Це ж битва хоті й нехоті чудова!
Як сизих голубків лицяльна мова.

Забився знов двигун її думок:
«О найвродливіше створіння смертне!
От помінняймось долями разок –
Це серце хай свіне, твоє ж – померхне, –
І я за любий погляд твій один
Зцілю тебе найкращою з данин».

Сказав: «Пусти-но руку – тиснеш нащо?»
Вона: «Пуцу, як серце віддаси
Моє, бо насталиш його, й пропаще
Не вчує ні зітхання, ні сльози;
Опукою впаде в моря бездонні,
Тверде й глухе – дав гарт йому Адоніс».

«Май сором! – скрикнув. – Чуєш? Відпусти!
Мій день пропав, бо геть подався коник,
А винна ти в цих збитках, тільки ти!
Лиши ж мене на цих ловецьких гонах,
Бо весь мій клопіт, все моє дбаня –
Аби в кобилки відібрать коня».

Відповіла: «Твій кінь належно чинить,
Бо ніжний слухає жадання клич.
Як може пал – невтолений – відлинуть?
Він серце спалить, мов жеруца піч!
Є в моря берег, та нема – в любові,
Тож не дивуй своєму рисакові».

Був шкапою, під деревом укляк,
Невольник, владі ремінця покірний,
Та як повстав, аневажив рабство як,
Любов уздрівши – юних скарб незмірний!
Могутню шию від ганебних пут

Хто, бачивши на ложі любки тіло,
Сліпучіше від білих простирал,
Очам утіху дасть, та інші сміло
Чуття не кине на священний спал?
Де той плюгавець, що і в холод лютий
Вогню та не посміє доторкнути?

То ж я з коня твого вину зніму;
Прошу: повчись у нього, милий хлопче!
Візьми його науку, хоч німу,
Бо хто ж дароване під ноги топче?
О, вчись любові! Це простий урок,
Але корисний, – вивчи назубок!»

«А я, – відрік, – любові й знать не хочу,
Якщо то не любов до дичини.
Це ж борг! Себе ж боргами обморочу!
Моя любов велить: «Любов – гони!»
Адже я чув, що то – життя у смерті,
І сміх, і плач в єдиній круговерті.

Хто вийде в недошитім до людей?
Хто рве бруньки, коли нема ще й листу?
Пуття не буде з тих істот, речей,
Що сил урвуть їм в пору зеленисту.
Хто бачив, щоб лошак упрягсь у віз
І норов свій зберіг та дужим зріс?

Ось не викручуй рук! Іди й не сердься.
Пусті слова облиш, бо я не здам –
Хоч скільки облягай – фортеці-серця,
Любовним бідам не відкрию брам.
Кинь лестощі, присяги, плач нещирий –
Безсилі тарани твої й мортири!»

«То маєш язика? І мови дар?
Німи ти б краще був – чи я без слуху!
Терпіла досі нелегкий тягар,
А нині ще й страждання через вухо
Вніс голос твій. Сирени любий спів[19 – Сирени любий
спів... – Сирени (гр. міф.) – міфологічні істоти, наполовину птахи,
наполовину жінки. Своїм чарівним співом сирени зваблювали мореплавців. Про
сирен розповідає Гомер в «Одіссей».]
Небесний звук, а серденько розбив!

Була б сліпа – кохала б вухом чулим
Невидиму твого єства красу.
Глуха була б – зробила б зір притулом
Для всіх чуттів, які тобі несучу.
Та хай би я оглухла, ще й осліпла,
Кохав би дотик мій, без слова й світла.

Коли ж ти в мене й дотик забереш,
А з ним – і зору, й слуху переваги,
То нюх заступить весь чуттів кортеж, –
Не збудеться любов моя наснаги
І на краплину: подих твій пахкий
Коханню вмить розкриє пелюстки.

Та для смаку – бенкет розкішний був би,
Для годувальника тих чотирьох!
Щоб вік тривало пригощання любе,
Всі п'ятеро попросять Осторог
Від Ревності повартувати браму,
Щоб не прослизла до Кохання Храму...»

Знов розчинивсь рубіновий портал,
Щоб мові зринуть його медовій;
Багровий ранок провіщає шквал,

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosofff.org
І глум ланам, і згубу морякові,
Руїну солов'їному гнізду,
І пастухам, і табунам – біду.

Та вздріла призвістку лиху завчасно:
Так вітер перед зливою завмре,
Так вовк, оширившись, покаже ясна,
Суничку тріслу зараз гніль зжере...
Мов куля підкосила бідолашку –
Слова й немовлені б'ють вельми тяжко.

І падає – від погляду лишень,
Бо ж погляд вб'є і воскресить кохання,
А усміх зцілить, і по ночі день
Свіне тому, хто втратив сподівання.
«Померла!» – юний налякавсь чудій,
Богиню плеще по щоці блідій.

Вже й замір свій забув од того дива,
Хоч добре висварить хотів її,
Та перекуміла любов кмітлива –
От гарно млості виграють бої!
Лежить на мураві, немов убита,
Щоб подихом його – життя їй влито.

Він тре їй носа, ляска по щоці,
То пальці мне, то руки міцно тисне;
Сто чинів чинить, тільки б навманці
Поправить те, що скоїв ненавмисне;
Цілує! Та Венера доброхить
Не встане – щоб цілунків більше спить.

Ніч смутку днем пресвітлим обернулась –
Віконця два розкрились голубі;
Мов сонечко, що в сяйві одягнулось,
І землю гріє, й тішиться собі;
Отак, як слава у небес – від сонця,
Їй осявають личко ті віконця;

Та все зоріють на лице йому,
І сяйвом звідти живляться відбитим.
Не в спілці четверо світил – чому?
Бо два затьмились небом хмаровитим!
Її ж бо очі крізь сльозу таку
Світилися – два місяці в ставку!

«Ох, де я? – каже. – На землі чи в небі,
Чи в морі тону, чи горю в огні?
Під сонцем ясним чи в сумнім Еребі?[20 – Ереб – в античній
міфології уособлення вічного мороку.]

Це смерть солодка чи життя вві сні?
Жила я – смертна то була доука,
А вмерла – і життям радіє мука!

Ти був мене убив – то вбий же знов!
Жорстоке серце очі так навчило
Лише зневагу слати, не любов,
Вони ж мене зневагою і вбили.
Зате мої проводирі ясні
Твої лиш бачать губи жалібні.

За лік такий – цілуються хай вічність!
Хай не злиняє їх червоний вбір!
Нехай же їхня молодеча свіжість
Геть прожене чуму, холеру, кір,
Щоб звідарі списали й віршомози,
Як ти дихнув – і щезли всі зарази.

Який з тобою торг іще вряджу,
Щоб знов твої спізнати уста-печаті?
Себе продам і тим собі вгоджу,

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org

Ти ж будеш оборудкою пишати.

Скарби мої всі заразом купи,
Печаттю торг – ось віск губів! – скріпи.

Я серце дам за тисячу цілунків,
По одному, як хочеш віддавай.
Що десять сотень для твоїх справунків?
Спливуть бистріш за дощовий ручай.
А як несплатою ти борг подвоїш,
Дві тисячі цілунків – не побої ж?»

«Якщо, владарко, любиш ти мене, –
Відмовив, – зваж на вік мій жовторотий.
Не підганяй – хай зрілість піджене.
Не візьме жоден риболов дрібноти.
Плід стиглий пада сам, а з зеленця
Ні смаку, ні наїдку для їдця!

Он натомивсь і світовий утішник,
Подавсь на захід по денних трудах;
І сич гукає, ночі оповісник,
Усяк шукає прихисток і дах,
І чорні хмари, небовид облігши,
Підказують, що розлучитись ліпше.

Дозволь сказати «добраніч» і сама
Скажи (то й поцілую) добре слово».
«Добраніч», – мовила, і легкома
Дав за розлуку їй платню медову.
Вона ж руками шию оплела
Й до вуст йому вустами приросла.

Аж дух забило хлопцю, і вологі
Уста коралові ледь відірвав;
Спізнавши ті коштовні перелого,
Вона благає, щоб напитись дав.
Голодна з ситим – що робити мали?
В цілунку злившися, на землю впали.

Жаді гвалтовній раптом – вільна путь;
Ненаситі вдоволитися годі.
Її уста звитяжать – все здають
Його уста божественній заброді,
Чиї думки – голодні яструби,
Скарби всі ладні спить з його губи.

Відчувши безборонності принаду,
В сліпім шаленстві рветься плюндрувать;
Лице палає, кров вирує радо,
Відважною зробивши ніжну стать;
Забути змусивши і глузд, і сором,
Гуляє хіть в ній розбуялим морем.

Розгарячілий, стомлений, тремкий,
Мов дикий птах, замацаний руками,
Чи олень, що женуть його вовки,
Чи оплакане дитя на грудях в мами, –
Піддався він, і дань бере вона,
Хоча не владна взяти все сповна.

Щонайтвердіший віск, як розігріти,
Розм'якне й прийме щонайлегший тиск.
Де вже нема й надії, треба сміти:
Любові страдник візьме врешті зиск.
Любов – не боягуз: не відступає,
коли обранець опір учиняє.

Злякалася б, як супив він чоло, –
То з уст його не пити б їй нектару.
Кохання просять, злим словам назло;
В троянд від колючок – чи ж менше чару?

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosofff.org
Замків хоч двадцять вроду хай замкне –
Усі любов зіб'є, красу умкне.

Та ба! З ним розлучитись мусить нині –
Дурненький знай вимолює: «Пусти!» –
Хоч як нелегко мусити – богині,
Лиш просить серце їй поберегти,
Яке – клянеться луком Купідона, –
У неї вкрав, мов пташку безборонну.

«Мій хлопче! Як мене у смутку ніч –
Не дасть очей склепити серце хворе –
Скажи, чи вийдеш ти мені навстріч?
Скажи, любові славний командоре!» –
Відмовив: «Ні. Я завтра не прийду,
На вепра зрання друзів поведу».

«На вепра!» – скрикнула і сплотніла,
Мов забілив червону ружу сніг;
Від слів тих двох листочком затремтіла,
Враз обняла і пада, й валять з ніг
Дві сплетені в ярмо руки-лілеї;
На спину впала, а юнак – на неї.

Це ж знов судився їм любовний бій!
І лицар наріхтований до герцю..
Та гірко як розчаруватись їй:
Він не правує – сердься чи не сердься.

Таж муки гіршої не знав Тантал:[21 – Таж муки гіршої
не знав Тантал: Перед самим Елізієм – обвал! – Тантал (гр. міф.) – син
Юпітера, міфічний володар Фрігії. Щоб переконатись у всевіданні богів,
подав їм на учті м'ясо із свого сина Пелопса, за що був покараний голодом і
спрагою. В царстві померлих, хоч він і стоїть по горло в воді, напиться не
може. Як тільки Тантал простягає руки до плодів, гілка відсовується від
нього.]

Перед самим Елізієм – обвал![22 – Елізій (Елізіум) – у
грецькій міфології країна казкового блаженства.]

До грон мальованих летіла пташка –
Наситила ж не смак, а тільки зір.
Отак каратись і Венері тяжко:
Лишивсь позірним любосний турнір,
Адоніс не запломенів коханням..
Ану ж – чи не запалить цілуванням?

Гай-гай, владарко, як не таланить!
На всі затрати маєш тільки втрати.
Саму любов не хоче він любить –
Чи то ж такої заслужила плати?
«Не задуши! – одно благає він. –
Мене тримать не маєш ти причин».

«Та вже б тебе й пустила, хлопче милий,
Якби не мовив, що на вепра йдеш.
Послухай ради! Не надійсь на сили,
На те, що списом кабана протнеш,
Бо завше гострить він кинджали-ікла,
Немов людина, до різництва звикла.

Стирчить щетина в нього, мов списи,
Хто вздрить його – від страху посіріє;
Мигтять в очицях блищики грози,
А рилом він могили так і риє;
Роздрочиться – зі шляху все змете
Потворище жаске, лихе, товсте.

Бокам його, щетинистим, м'язистим,
Зашкодить спис не більше, ніж патик.
Твердої шиї не пробити вістрям;
Дратливий, кинеться й на лева дик.
Мов з ляку, роздаються глоди й терни,

Твою чудовну вроду, що любов
їй задивлянням красну дань складає,
Ці ясні очі, ці уста, цю кров,
Ці ніжні руки – за ніщо він має.
Красу твою – наруга із наруг! –
Він зриє так, як зрив би всякий луг.

Нехай собі ганяє в пущі, в полі...
З потворищем на прю ставать красі?
Не наближайсь до нього й мимоволі...
То друзів слухає, ті щасні всі.
Коли сказав ти «вепр», то я аж сіла –
Злякалась так за тебе! – затремтіла.

Чи ти, як зблідла я, не спостеріг?
Чи страх в очах моїх не загніздився?
Чи в млостях я не впала на моріг?
В цих грудях, що на них ти повалився,
Бунтує серце віще – землетрус
Незборний, що даремно з ним борюсь.

Бо ж де Кохання править, там Ревнивість –
Кохання самозваний чатовий –
Бунт добачає, сіє полохливість,
У мирний час волає: «Ворог! Бий!»,
Любові одбиваючи жадання,
Немов вода збива огню палання.

Шпигунка ця, донощиця бридка,
Іржа, що їсть Любові сад тендітний,
Розлучниця, пліткарка, що пуска
Чутки то істинні, то нісенітні, –
Мені і серце, й вуха повнить вщерть
Своїм: «Пильнуй! Його пантрує смерть!»

Та мало їй, бо ще й малює оку
Картину: як звалив тебе кабан,
Як ікла вгнав у бік тобі з наскоку,
І ллється, ллється кров юнача з ран
На квіточки, що долу поникають,
Від крові й смутку голівки схиляють.

І що вчинити я могла іще,
Коли тремчу, як здумаю про тебе?
Спливає кров'ю серце і пече,
І відкриває страх видіння з неба:
Віщую смерть тобі і жаль собі,
Як вийдеш завтра з вепром на двобій.

А рвешся полювать – мене послухай.
У лісі є ж плохіша звірина:
І хитрий лис, і заєць довговухий,
І сарна, що й слабкіших обмина, –
Оцих і цькуй хортами полохливців,
Конем жени, мисливцю із мисливців!

Коли страшка-зайчиська сполошиш,
Старайся бідака перехитрити,
Дивись, як у долину мчить з узвиш,
Які-то петлі вміє він крутити;
Заплутує, мов лабіринтом, шлях,
Щоб ворог спантеличивсь і заляк.

То вскочить межі вівці до обори,
Аби зі сліду збить проноз-хортів,
То заведе аж на кролячі нори,
Щоб трохи лемент перелементів;
А то між оленів прудких затреться –
У небезпеці розум де й береться.

Бо вже як запах з іншими змішавсь,
пси-нюхачі на місці завертяться;
сюди-туди рвонуть вони – шусть! шасть!
Аж поки знов нанюшать – і помчатсь,
Ш підхоплять гавкіт луни по лісах,
Мов лови почались на небесах.

А він же, горопаха косоокий,
Ген на горбі на задні лапки став
І наслуха, чи й справді має спокій,
Та дочуває знов гучне «гав-гав».
І в відчай падає важкий, бездонний,
Мов хворий, дзвін зачувши похоронний.

Дивись, як заметається бідак,
Зарошений, подряпаний колюччям:
То вб'ік, то колом; уперед, навспак;
Став, зляканий листочком лопотючим, –
Адже знедоленого всяк скубне,
А рятувати – пальцем не кивне.

Полеж, послухай ще моєї мови,
Та не пручайся, бо й не відпущу.
Щоб ти зненавидів веприні лови,
Саму себе в словах переловчу,
Зв'яжу це з цим, те приточу до того –
Дає любові гори слів Тривога.

На чім спинилась?..» – «Байдуже на чім.
Спинись – і край... І край казанню буде.
Пусти, вже глупа ніч». – «То й що у тім?»
«На мене, – каже він, – чекають люди.
Ще поночі впаду». Вона ж: «Повір,
Вночі в жадання щонайкращий зір.

А впасти трапиться, то знай: цілунок
Урвати в тебе забагла земля;
Прекрасне підбиває на грабунок –
На те ж вона тебе й перечіпля.
Заради уст твоїх сама Діана
Умить кривоприсяжницею стане,

І знаю я, чому темнюща ніч:
Тож Цінтія ховає лик свій срібний,
Щоб на Природу впав покари бич
За те, що вкрала взір богоподібний,
Тебе в робітні відлила своїй,
Денному сонцю встид і їй, нічній.

І Цінтія до Парок піддобрилась[23 – І Цінтія до Парок піддобрилась... – Цінтія (гр. міф.) – одне з імен Діани, богині місяця й полювання. Вважалась втіленням цнотливості. Парки (Мойри) – в античній міфології богині людської долі.]

Щоб розладнать Природі дивний труд:
Змішати із красою – слабість, гнилість,
З довершеністю чистою – зло, бруд,
Скорить її, Природу – тиранії
Випадку, лих безумній веремії,

Де лихоманки, всякі гарячки,
Чума, холера, сказ, та божевілля,
Та мозку, крові, кості болячки,
Що жар дають, і млості, й слабосилля,
Й пересит, і переступ, і сльозу...
І все це – помста за твою красу!

Таж наймізерніша із тих напастей
Вбива красу, не знаючи невдач.
Струнка постава, погляд променястий,
Що милувався ними споглядач,

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Умить зруйновані, розтали... Де ви?
Мов сніг злизало сонце полудневе.

Тож зацурай неплідну чистоту
Весталок-дів, черничок-самодрочок,
Які приводять лиш неплідноту,
Пустельний недорід синів і дочок, –
Будь щедрий! Світло каганець дає,
Лише допоки в нім олива є.

Твоє ж бо тіло – це не гріб зяйливий,
Де поховать потомство хочеш ти,
Хоч вік велить родити в час щасливий –
Не знищувати в лоні темноти.
Бо світ тебе відрине – не безкарно
Гординя вб'є таку надію гарну!

Отак ти знищуєш себе в собі –
Це ж зло, за громадянську чвару гірше,
Це гірше за безумний самовбій,
За синовбивство – батько сина ріже!
Перед іржею злота не втаїш, –
Пусти в ужиток – матимеш бариш...»

«Ну, годі, – їй урвав Адоніс мову, –
Затерті вельми ці слова твої.
Цілунок дав, а ти зламала слово,
Та не силкуйся проти течії.
Жадання мамко, ноче темнолиця,
За свідка будь: я починаю злитися.

Хай дасть тобі сто тисяч язиків
Любов; хай кожен з них за твій меткіший
І чарів повен, мов сирени спів, –
Я вчую тільки гамір серед тиші.
У вухах в мене – серце у броні,
Що стереже від всякої бридні,

Пильнує, щоб гармонія облудна
Не влізла в тихий прихисток грудей
Та щоб не стало в серці надто людно,
Щоб не забуло мирних снів ночей, –
Ні, пані, стогонів не хоче серце,
А міцно спить – саме, замкнувши дверці.

В котрім з тих слів я б ґанджу не знайшов?
Рівненька стежка, та веде до Аду.
Ненавиджу таку твою любов,
Що першим-ліпшим ув обійми пада.
Приплід, мовляв! Ось виправдання де!
Це ж розум-звідник хіть брудну веде.

Це не любов! Любов втекла за хмари,
Коли її імення вкрала Хіть,
Що, ним прикрившись, розкошує яро,
Плямує глумом чисту, юну мить;
Тиранить жадібно, з'їда уїжно,
Мов гусінь ненажерна – зелень ніжну.

Любов засяє сонцем по грозі,
А Хіть зависє, мов по сонцю – бурі;
Любові парость вік цвіте в красі,
А Хіть півліта здасть зимі похмурій.
Любов помірна – міри Хіть не зна.
Любов правдива; Хіть – лиха мана.

Сказав би я ще більше, та не смію,
Бо надто юний для старих казань.
Піду смутний – інакше я не вмю:
І сором на лиці, і в серці – твань.
Образом мої палають вуха:

І, вирвавшись з обіймів чарівних,
Що й не навчили ніжної покори,
Подався через темний пастівник,
Любов зневажену лишивши в горі.
Як зірка з неба котиться у тлін,
З Венериних очей щезає він.

Аж кинулась за ним очима тими,
Як хтось, у кого щойно друг відплив
І зник уже за хвилями крутими,
Де хмари б'ються з буйством сивих грив, –
Отак сховала чорна ніч жорстоко
Того, хто потішав божисте око.

Як той, кому з ослаблої руки
Впаде у море діамант коштовний,
Чи той, кому погасне мерехкий
Нічний ліхтар у пущі, звіра повній, –
Лежала приголомшена, німа:
От мала щастя – та взяла п'ятьма!

У серце б'є себе – аж застогнало,
Аж відгукнулася луна з печер,
І довго, мов подвоєне, лунало,
Страждання незглибиме двох Венер.
«Ой лихо! – скрикне. – Ох, нещасна!» – «...Щасна!» –
Озветься звідусюди мука власна.

Луну завваживши, то заквилить,
То заведе сумної злотокудра:
Як юних в'ярмлює, старих – малить
Любов, що мудра в глупстві – глупомудра;
Наприкінці ж – та сама голосьба,
І хором знай вторує лун юрба.

Та пісня болісна і ніч стомила.
Як щедро закоханці тратять час,
Мов світу цілому печаль їх мила!
Все б сповідями розважали нас:
Почнуть, зіб'ються, знов розпочинають...
Ніхто й не слухає, а не змовкають.

То з ким же ніч богиня провела?
Із звуками, що розпач мавпували!
Так відмовляють шинкарі без зла,
Хоч би там що п'яниці їм казали.
Промовить: «Так», – відкажуть: «Так!..» – гучні;
А скрикне: «Ні!» – почує також: «Ні!..»

Та ось і жайвір, вістовець обуди,
Від вогкого гніздечка лине ввись
І ранок будить срібляний, щоб груди
Розкрив і сонце випустив: явись!
І як же славно прикрашає щедре
Черленим золотом пагорби і кедри!

«Владарю світла, боже світляний! –
Венера сонце словом величає. –
Що в тебе кожен каганець земний
І кожна зірка сили позичає, –
Поміж людей ти хлопця розшукай;
Він світла дасть тобі, ти ж – іншим дай.

Сказавши це, до миртів на узліссі
Біжить хутчій. Вже й ранок он який,
А від коханого не чути вісті.
Де ж валування псів? Де ріг дзвінкий?
Та ось почула – почалися лови!
Туди, туди спіши мерщій, Любове!

А всюди заступають шлях куці:
За шию ловлять, лізуть цілуватись,
Ще й піддобряться до ніг корчі,
А їй з чіпких обіймів вяриватись,
Мов сарні тій, що молоко несе
В дійках розбухлих, – хай маля поссе.

Коли це чує: підняли вже звіра!
Й сахнулась – так сахнеться мандрівець,
Забачивши зміюку лускошкіру,
Де ледь не став він, брівши напрямець;
Отак собака боязлива дзвяга
Чуття вразила, відібрала звагу.

Тож знати: стрілось їм не зайченя,
А вепр, ведмідь чи навіть лев гордливей,
Бо ані руш гавкуща собачня, –
Усе на місці гамір той лякливий:
Шаленство звіра бачачи, хорти
Не важаться, кому вперед іти.

Цей моторошний гвалт їй б'є у вуха,
А через вуха в серце проника,
Яке лише блідого ляку слуха,
І – кожна жилочка дрижить, слабка.
Як командир тікає – що ж солдати?
Не встоять – кинуться також тікати.

Стоїть в заціпенінні, лиш тремтить...
Та ось велить чуттям підбадьоритись,
Мовляв, нема ніяких страховіть,
Дитячі вигадки – чого страшитись?
«Забудьте ляк і дрож!» – велить вона
І... цькованого бачить кабана –

Із рилом пінявим у чімсь червонім,
Немов змішались молоко і кров,
І страх ударив подихом зловонним,
Погнав її. Удруге поборов!
Геть, геть біжить. Аж стала серед дебрі.
Вернулась – за різню сварити вепра.

дум тисячі – і тисячі стежок...
Знов пробігає, де пробігла щойно.
То стане й слухає, мов без думок, –
Так п'яний розум все чіпає гоїно,
Та не загоїть жодної із ран,
За все береться, сам попавши в бран.

Глядь – хорт скалічений скрутився в хаші;
Питає, де господар, бідака.
Ось другий рану лиже – лік найкращий,
Яка б ураза не була тяжка.
А там іще один, ледь підповзає;
Спитала – він виттям відповідає.

Заледве цей доскавулів скиглій,
Як інший, ще сумніший голосильник
Послав до неба жаль і відчай свій,
А з ним багато інших надмогильних
Співців завило. Ось, хвості між ніг,
Похнюпи йдуть, кривавлячи моріг.

Гай-гай, як бідний люд страшать знамення,
І з'явиська, і чари, й чудеса!
Згадає всіх пророків одкровення,
Коли надивляться вже очеса...
Від знаків лиха стисло дух богині,
І Смерті кинула слова обвинні:

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoffo.org

«Гидка тиранко, підла, зла маро,
Розлучнице любові осоружна!
Оскалена, понура машкаро,
Навіщо вкрала ти красу нерушну
І подих чистий юнака, що сам
І чар, і пахощі давав квіткам?

Як мертвий він... О ні, таж быть не може,
Що, бачивши, убила ти його!
О так, можливо! Ти безока – отже,
Ти косиш навмання, коли кого...
Ти цілиш у старих. Коли ж не влучиш,
То й немовля із матір'ю розлучиш.

Остерегла б його – озвався б він,
І вбивча міць твоя пропала б швидко.
Хай Парки проклянуть тебе за чин,
Яким зітнула не бур'ян, а квітку!
Йому б любові золота стріла –
Не Смерті чорний спис, не смертна мла! [24 – Йому б
любові золота стріла – не Смерті чорний спис... – Тобто в Адоніса мав влучити
своєю стрілою бог кохання, та його вразив бог смерті.]

Чи сльози п'єш, як сієш плач трагічний?
Чи ловиш стогони, що мчать до зір?
Пощо на очі сон наслала вічний,
На ті, що всім очам відкрили зір?
Немила вже й Природі згубна сила,
яка її найкращий твір скосила!»

Повіки опустилися, й потік
Відчайних кришталевих сліз спинився,
що із богининих рум'яних щік
На груди пречудові щедро лився.
Та повінь хоч які загати рве,
І знову струмись срібляний живе.

Як очі й сльози діляться стражданням!
В кристалі відбивається кристаль.
Та дружнє хоче висушить зітхання
Очей і сліз виснажливу печаль.
Мов буряного дня – то дощ, то вітер:
То сльози полились, то подих витер.

Ще й множить біль мінливих мук юрба,
І тиснеться на перше місце кожна;
Їх слухає усіх і всіх – раба,
Щомиті – інша мука переможна,
Та всі лихі, готують всі удар,
Гуртуючись, мов сто сердитих хмар...

Та що це? Звіддалік хортів хтось кличе!
Так слуха коліскову дитинча...
Уяви зазіхання руйнівничі
Умить цей клич надії розвінча,
І радість, мов страждання й не боролось,
Нашіптує: «Адонісів то голос...»

І сльози враз відринули усі,
В очей в'язницю, мов перлини в склянку.
Та часом найкоштовнішій сльозі
Втекти щастить і впасти наостанку,
Аби з лица землі відмити грязь:
Земля ж не тоне – тільки упилась.

Любове, ти – невіра всім невірам!
І віриш, і не віриш водночас.
Твої і щастя, й біль – зеніт з надиром,
Надія й розпач – блиск твоїх окрас:
Вбиває перша любимими словами,
Влещає другий чорними думками.

Наткала – й розпускає вже ткання:
живий Адоніс – отже, Смерть не винна!
Немовби й не взивала навманя,
Богиню величає страховинну
Владикою гробків, гробком владик,
Загладою на всякий рух і крик.

«Ні, Смертонько, я просто жартувала,
А ти даруй мені – злякалась я,
Коли в цім лісі веприще назнала,
Яке жалю не має на хлоп'я,
І кинула тобі слова догани,
Жахнувшись: загинув мій коханий!

То ж не моя провина – кабана!
Йому пометись, невидима владарко!
Хоч мій язик сварив – то звірина
Жорстока, підла спричинила сварку.
Біль – двоязикий. Ста жінок умом
Не дати ради язикам тим двом».

У тій надії, що живий Адоніс,
Венера скорий здогад свій кляне.
Щоб мав юнак добро, талан, достойність,
До Смерті мовить слово підкупне
Про статуї, надгробки, склепи; навіть
Усі її страшні тріумфи славить.

«Юпітере! – ячить. – Яка ж була
Дурна я і який слабкий мій розум!
Оплакала того я, хто дотла
Горітиме; цвістиме – до морозу.
Як він помре – краса загине з ним,
І Хаос пожере вселенський дім.

Ах ти, Любове! Все тобі присниться,
Що конче хтось на твій чигає скарб.
Тебе злякала призивітка-марниця,
А серце вже й квилить, вже й має карб...»
Аж чує раптом клич веселий рога.
Де й дівся сум – танцює легконога!

Мов сокіл на принаду – так спішить,
Від невагомих стіп не гнуться трави...
Глядь: на тропі розтерзане лежить
Її кохання – вепрів вир кривавий.
Уражені видовищем, зіркі
Сховались очі, ніби вдень зірки.

Неначе равлика тендітні ріжки,
Що їх, коли торкнеш, сховає він
І вже не виткне з крученої хижки,
Аж поки небезпеки стихне дзвін, –
Так від кривавиці сахнулись очі,
Втекли в покої рятівної ночі,

Де склали всю повинність, блиск свій весь
В обладу приголомшеного мозку,
Що просить їх не виглядати днесь,
До трону більш не слати поголоски, –
Бо ж серце, боязкого владаря,
Непевна чутка громом ударя,

Й, налякані, дрижать підданці чемні –
Так вихори, ув'язнені в землі,
Підвалини стрясають попідземні, –
Жахаються великі і малі.
Цей трус Венерині чуття всі збурих,
Аж очі скочили з-під ковдр-зжмурів –

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoffo.org

І боязко линули яснину
На рану, що прорили ікла вепра
У хлопця в боці, – сніжну білину
Сльоза із рани зчервонила тепла.
Трава і квіти – все, що там росло,
Із ним, здавалось, кровію сплигло.

Це співчуття Венера бачить бідна,
Голівоньку схиливши на плече.
Страждає мовчки – не ридає ридма.
Гадає: «Він не вмере, живий він ще!»
Від горя оніміла, скам'яніла.
І сліз нема – всі вилити зуміла!

Засліплена, вже добачає там
Не ту, єдину, – три криваві рани.
І докоря невірністю очам:
Три брами, де й одній зіяти рано!
Лице також двоїться... І рука...
Там хибить зір, де думка не зірка [25 – Червона квітка
в білих цяточках... – За різними варіантами міфу, Венера перетворила Адоніса
на рожу, анемон, мак тощо.]

«Ще й одного оплакати не встигла,
Як двох Адонісів спіткав кінець!
Зітхання відлетіли, сльози збігли:
В очах – вогонь, у серденьку – свинець.
Свинцеве серце, очі, розтопіте!
Кохання краплі, ви мене спаліте!

Ох, світе, скарб який утратив ти!
І хто ще в тебе є, що варт дивитись?
Кого варт слухать? Чим із многоти
Щедрот своїх ти можеш похвалитись?
Приваба квітів гине й воскреса,
Та справжня тільки з ним була краса.

Віднині будьте непокриті, чола!
Хай сонце й вітер не цілують вас!
Нема що цілувать – на світі голо.
Хай сонце – палить, вітер – тне всякчас.
Коли Адоніс жив, вітри і сонце
Хотіли вкрасти це краси віконце.

Тому й любив він капелюх носить, –
Бо в очі лізло сонечко гаряче.
А вітер капелюх зідме й трусить
Почне чуприну – хлопець тільки плаче;
А сонце й вітер сваряться тоді,
Хто перший зсушить сльози молоді.

Побачити його біг лев з діброви;
Щоб не злякаться, ховався за терни.
Аби його почути спів чудовий,
Приходив тигр сумирно, мов ручний.
А вовк, той голос вчувши, жертву кидав
І цілий день по тому кров'ю брив...

Задивиться на образ свій в струмку –
Спливуться рибки в золотій оздобі;
І всі пташки раділи юнаку:
Щебече ця, а та несе у дзьобі
Шовковиці чи вишні спілий плід;
Він їм – красу, вони йому – ягід.

Лиш дикий дик, понурий, тупорилий –
Бодай могилу швидше він знайшов! –
Угору не зирнув на образ милий,
А то б не пролилась коштовна кров.
Коли ж зирнув-таки, то – треба знати –
Не вбити він хотів – поцілувати!

Отак-то він моє кохання вбив:
Адоніс гострим списом замахнувся,
А веpr на нього іклів не гострив,
Цілунокм замиритися рвонувся;
Та схибила закохана свиня
І в бік угнала ікла навманья.

Коли б і я іклатою родилась,
Цілунками його убила б я.
Та мертвий він – не поблагословилась
Його любов'ю молодість моя».
Сказавши це, упала в узголов'я,
Лице сплямивши зимною вже кров'ю.

Що гляне на уста – уста ж бліді,
За руки візьме – руки геть холодні!
На вухо сповідається в біді,
Так ніби вуха ті вчувати годні.
Повіки піднімає, що злягли
На два світила, згаслі серед мли.

Вона ж гляділася у ті свічада
Не раз, а це себе не бачить в них.
Померкла незрівнянна їх вірада,
І вроди чар кудись безслідно зник.
«О диво часу! – каже. – Ти загинув,
А день мене й не втішив – не відлинув.

Ти вмер. Тож волю я свою звіщу:
Віднині за любов'ю шлю осмуту.
Хай, ревності підвладна та плачу,
Любов солодка гіркне на отруту;
Нехай нерівню кожен обира,
Нехай жура утіху пожира.

Нещира буде хай, оманна й змінна;
Хай зрада в пуп'янку її згризе;
Хай зваба так прикриє суть розтлінну,
Щоб правдою здалось облудне все;
Хай зробить тіло квітнуче – гниючим,
Німою – мудрість, глупство – балакучим.

Розгульна буде хай і все ж – скупа,
Смішним хай зробить дідуся-столітня,
Хай джигуна оберне на стовпа,
Вельможу обскубе, збагатить злидня;
Безумством буйно-тихим будь їй слід.
Хай хлопець дідом стане, хлопцем – дід.

Хай там схибнеться, де тверда опора,
Іде без ляку там, де зради твань;
Хай всепрощенна буде й надсувора,
Брехлива з-під правдивих обіцянь;
Нехай хова під благочестям скверну;
Хай з серни лева робить, з лева – серну.

Хай наведе вона і війн, і чвар,
Розділить старше з меншим покоління,
Хай стане служкою для всяких свар,
Як паливо слугує для племіння;
Мою любов ще в брості вбила смерть –
Не повнись, келиху кохання, вщерть!»

І враз юначе тіло мов розтало,
Розвіявсь, як хмаринка, смертний прах,
А з крові розіллятої постала
Червона квітка в білих цяточках,
Так схожа на оті краплини крові,
Що вцяткували щоки мармурові.

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org

До квітки голову схилия вона:
Чи ж пахне свіжим віддихом Адона?
«На грудях житимеш моїх, ясна,
Як смерть його забрала беззаконна...»
Стебло зірвала, і на зламі сік
Зеленою сльозиною потік.

«Так батько твій чинив, о бідна квітко,
Ростку того, хто пахнув ще любіш, –
Таж від найменшого він плакав збитку;
До себе дорости хотів, не більш, –
Так само й ти. Та знай, мій квіте бідний:
Тобі, як батька кров, ці перса рідні.

На них він, як на ложі, спочивав,
Життя він дав тобі, а з ним і право
Люлятися отут, немов між трав, –
Вколише серденько тебе на славу.
Й щомиті цілуватимуть уста,
Бо ти – мого кохання яснота».

І геть спішить, стомившись марнотою,
Сріблястих голубів своїх впряга
І колісницею мерщій легкою
Пустелю голубу персяга,

У Пафос летячи, де буде свято [26 – у Пафос летючи... – в
місті Пафосі (о-в Кіпр) стояв славетний храм, присвячений богині кохання
Афродіті.]

Оплакувать свою велику втрату.

Післямова

Поема була написана 1592 р. Вперше надрукована форма том Octavo 1593 р. земляком Шекспіра Річардом Філдом. Книговидавцем «Венери і Адоніса» став Джон Харрісон. На титульному аркуші ім'я видавця не проставлене, але його видавничі права позначені емблемою із зображенням якоря. Текст, передрукований, певно, з вивіреного авторського рукопису, дійшов до нас в доброму стані. Тільки до 1636 р. вийшло 12 її видань. Присвячена «Венера і Адоніс» покровителю Шекспіра графу Саутгемпτονу.

Джерелом сюжету поеми стали «Метаморфози» Овідія. Шекспір міг прочитати книгу в оригіналі або ознайомитися з її текстом в англійському перекладі А. Голдінга (1567). У X книзі «Метаморфоз» оповідається про пристрасть богині кохання Венери до юного мисливця Адоніса. В Овідія нічого не сказано про нехтування героя почуттям. Римського поета привернула до себе життєствердність міфа. Не скорившись долі, – «Над усім же ненависна, – каже. – Права не маєш однак!» – Венера в Овідія зберігає життя Адонісу, обернувши його на квітку. Близька до поеми Шекспіра сюжетна ситуація, розроблена Овідієм у IV книзі «Метаморфоз», де розповідається про пристрасть німфи Салмакіді до юного Гермафродита, який теж знехтував коханням. Сцена боротьби німфи та юнака дуже нагадує аналогічний епізод у «Венері і Адонісі». Співзвучні поемі Шекспіра й окремі фрагменти міфа про Нарціса (кн. III), наприклад, захоплення героя полюванням.

Поетичний дебют Шекспіра близький до надзвичайно розвиненої в західноєвропейській літературі традиції створення любовних поем. Прагнення до вивчення людського почуття зароджується ще в середньовічній куртуазній поезії. Особливою популярністю починає користуватись у цей час «Наука кохання» Овідія, що породила численні наслідування. Інтерес до теми зберігається в епоху Відродження. Думка про світову обов'язковість кохання звучить уже в творах Ф. Петрарки (більш абстрактно) і Дж. Боккаччо. У повісті Боккаччо «Амето» любов перетворює мисливця-варвара на «божественну людину» Відродження. В його жартівливо-галантній поемі «Полювання Діани» (1335), створеній, як і «Венера і Адоніс», на міфологічному матеріалі, богиня вимагає від своїх супутниць обітниць цнотливості. Юні мисливиці залишають Діану, віддавши перевагу богині кохання Венері. Галантно-авантюрна першооснова зберігається в поемах М. Боярдо, Л. Аріосто, Т. Тассо.

В Англії пісні та поеми про кохання створюють Т. Кемпін (1567–1619) та Дж.

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Гаскойн (бл. 1539–1577). До досвіду створення ренесансного галантного епосу на матеріалі англійської поетичної традиції звертається Е. Спенсер у поемі «Королева фей» (повністю опубл. 1609 р.). Дещо раніше в 12 еклогах «Пастушого календаря» (1579) Спенсер вводить до умовно-поетичного світу бесіди на різні етичні теми. Піднесеність і витонченість у його творах поєднується з ренесансним уславленням людського почуття. Саме в епоху Спенсера, у 80–90-х рр. XVI ст., в Англії спостерігається справжній поетичний вибух, до якого причетний був і автор «Венери і Адоніса», який назвав поему «первістком своєї фантазії».

Поема починається надзвичайно динамічно. Відмовившись від преамбул, Шекспір відразу ж розгортає дію: охоплена пристрасною богиня кохання Венера переслідує юного Адоніса, який нехтує почуттям. Поема побудована так, як будувалися ренесансні живописні полотна. Між іншим, до міфа про кохання Венери і Адоніса художники Відродження і XVII ст. звертались неодноразово (Тіціан, Веронезе, Пуссен, Рубенс та ін.). Поема пронизана яскравим світлом, розімкнута, відкрита назовні. Вранішнє сонце освітлює юного героя, який збирається на полювання. Палкі слова Венери на захист кохання супроводить полуднева сонячна спекота. Пауза – Адоніс покидає Венеру – пов'язана з настанням ночі. І, нарешті, багряні промені вранішнього сонця освітлюють сцену полювання. Теплі золотаві тони притаманні образу Венери, в колористичному відношенні, побудованому на дзвінкому акорді золотого (волосся богині) й червоного (рум'янець, пурпурові вуста) кольорів. Земна, пройнята чуттєвістю краса Венери (волого-блискучі очі, напіввідкритий рот) нагадує зображення богині кохання на полотні Тіціана «Свято Венери» (1518).

Венера – втілення земного, чуттєвого кохання, змальованого в поемі з усією його буйною язичницькою радістю і динамікою. Іронічні ноти, що лунають у тексті, – наприклад, згадка про спітнілі руки богині – не руйнують єдності образу. Перед нами – кохання сильне і природне, воно позбавлене галантних прикрас і не приховує свого реального, земного єства. Венера невід'ємна від світу, що її оточує. Лейтмотив її мови – кохання є обов'язком і властивістю усього живого. Доводячи правомірність любові, Венера вдається до нескінченних прикладів із найрізноманітніших, а часом навіть несподіваних, сфер буття. Богиня апелює до законів суспільного життя, користуючись правотою і економічною термінологією. Виникає ренесансна концепція єдиного ланцюга буття. Всесвіт, прагнучи гармонії, не заперечує закону кохання, яке дає йому життя і вічне відродження. Висловлювання Венери близькі до першого циклу «Сонетів» Шекспіра (1–17) і комедії «Марні зусилля кохання».

Інше твердить Адоніс. Для об'ємнішої характеристики образів Шекспір вдається до контрастного зіставлення героїв. Якщо Венера палає вогнем пристрасності, то герой холодний і байдужий. Його довершена краса нагадує прекрасну скульптуру, позбавлену все-таки справжнього життя. Не випадково богиня називає Адоніса «ідолом», «мальованою картиною». Героя певною мірою можна зіставити з незакоханими персонажами шекспірівських п'єс (Бенволіо, Меркуціо, Бенедикт на початку дії і т. ін.). Ці герої, проте, висміювали кохання, Адоніс – його заперечує. Образ Адоніса поєднаний з іронією, яка часом набирає навіть знижувального відтінку. Юний мисливець комічно виглядає, коли намагається вирватися з рук Венери, надто прозаїчні всі його репліки і т. ін.

Лише в одному епізоді Адоніс ширше пояснює свою відразу до почуття. Яскрава любовна поема перетворюється на філософський диспут, який нагадує суперечку Глупоти й Мудреця в славнозвісній книзі Еразма Роттердамського («Похвала глупоті»). «Любов, що мудра в глупоті – глупомудра», – природне прагнення людського єства до активної гармонії з навколишнім світом. Адоніс, який повстав проти кохання, повторює давні казання, відкидає земну, тілесну первооснову почуття, вбачаючи в ньому тільки хтивість. Любовна пристрасність лякає героя. Він хоче зберегти поміркованість, спокій: «Гармонія щоб не проникла злудна у тихий прихисток моїх грудей». Адоніс хоче існувати лише заради самого себе (міф про Нарціса). Любов для нього: «Це ж борг! Себе ж боргами обморочу!» Своім небажанням кохати герой порушує одвічний закон буття. Згадаймо «розділ про борги» у книзі французького гуманіста Ф. Рабле («Гаргантюа і Пантагрюель»), пронизаний думкою про взаємозалежність усього суцього в природі.

Природа помщається над Адонісом, який порушив її закон. На зміну гармонії приходять хаос. Останні епізоди поеми надзвичайно динамічні. Картини прекрасної і умиротвореної природи зникають. Кущі чіпляються за одіж охопленої відчаєм Венери, коріння дерев перепиняє їй шлях. Дисгармонія

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
набирає всесвітнього характеру. Втіленням руйнівних сил природи стає смерть. Проте це не фатум античних трагедій, що переслідує героїв. Сама смерть, яка постає у вигляді дикого вепра, тут природна. Це частка природи, що втратила гармонію. Фінал поеми трагічний, але не безвихідний. Гуманістичний ідеал прекрасної і досконалої людини, яка живе в гармонії з навколишнім світом, не здійснився. Однак життєдайна сила природи безмежна. Адоніс відроджується в прекрасній квітці.

Уривок із поеми («Кінь») російською мовою переклав у 1947 р. С. Маршак.
Українською мовою поему перекладено вперше.

Олена Алексєєнко

Лукреція

ЛУКРЕЦИЯ

Перевод В. Томашевского

Его милости ГЕНРИ РАЙОТСЛИ,
герцогу СОУТЕМПТОНУ,
барону ТИЧФИЛДУ

Любовь, которую я питаю к вашей светлости, беспредельна, и это скромное произведение без начала выражает лишь ничтожную часть ее. Только доказательства вашего лестного расположения ко мне, а не достоинства моих неумелых стихов дают мне уверенность в том, что мое посвящение будет принято вами. То, что я создал, принадлежит вам, то, что мне предстоит создать, тоже ваше, как часть того целого, которое безраздельно отдано вам. Если бы мои достоинства были значительнее, то и выражения моей преданности были бы значимее. Но каково бы ни было мое творение, все мои силы посвящены вашей светлости, кому я желаю долгой жизни, еще более продленной совершенным счастьем.

Вашей светлости покорный слуга

Уильям Шекспир

Из лагеря Ардеи осажденной
На черных крыльях похоти хмельной
В Колладиум Тарквиний распаленный
Несет едва горящий пламень свой,
Чтоб дерзко брызнуть пепельной золой
И тлением огня на взор невинный
Лукреции, супруги Коллатина.

Верна супругу! – Вот что в нем загло
Настойчивое, острое желанье...
Ведь Коллатину вдруг на ум пришло
Расписывать супруги обаянье,
Румянец щек и белизны сиянье,
И прелесть звезд, горящих на земле,
Как свет небесных звезд в полночной мгле.

В шатре Тарквиния он прошлой ночью
Поведал о сокровище своем
И как богатств бесценных средоточье
Он отыскал по воле неба в нем...
А дальше он упомянул о том,
Что хоть цари у всех сльвут в почете,
Страница 177

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Но жен таких у них вы не найдете.

Минута счастья озаряет нас
И, отблестав, мгновенно исчезает...
Так серебро росы в рассветный час
Под золотым величьем солнца тает.
Едва родившись, сразу умирает!
Честь и краса, к несчастью, не всегда
Защищены судьбою от вреда.

Сама собою прелесть убеждает
Без красноречия глаза людей.
Ужель необходимость возникает
То восхвалять, что нам всего ценней?
Зачем же Коллатин в пылу речей
Обмолвился о камне драгоценном?
Иной раз быть не стоит откровенным!

Быть может, хвастовство красой жены
Тарквиния порыв воспламенило...
Порой сердца ушами смущены!
А может быть, ему завидно было,
Иль вот какая колкость уязвила,
Что, скажем, он владеет, Коллатин,
Тем, чем владеть не может властелин.

что б ни было – но все же размышленье
Его вперед, волнуя сердце, мчит...
Дела и честь, друзья и положенье –
Забыто все! Он задушить спешит
Глухой огонь, что в печени горит.
О ложный жар, ты – лед на самом деле,
В твоей весне еще шумят метели.

Когда проник в Коллациум злодей,
Он принят был Лукрецией самою...
Он схватку видит на лице у ней
Меж добродетелью и красотой.
То прелесть побеждалась чистотой,
То красота выигрывала бой,
Весь блеск невинности затмив собой.

Но красота, венчаясь белизною,
Зовет на помощь белых голубей,
А добродетель в споре с красотой
Румянец хочет отобрать у ней...
В век золотой уж был он у людей
И в наши дни, как встарь, порой бывает,
Что белизну румянец защищает.

Так на лице геральдика ясна;
Румянец с белизной вступил в сраженье..
Две королевы, каждая сильна,
И обе трона жаждут в исступленье.
В них честолюбье разжигает рвенье,
Но каждой, так могущественна власть,
Что ни одной им не придется пасть.

Война лилей и роз идет безмолвно,
За ней Тарквиний пристально следит,
И взор его – разведчик хладнокровный..
Но все ж, боясь, чтоб не был взор убит,
Как трус, позорно сдаться он спешит
Обеим армиям. Ему пощаду
Они даруют, им побед не надо.

И он решил, что мужа скуп язык,
Хоть ей похвал он расточал довольно,
Муж попросту унизил этот лик,
А впрочем, сделал это он невольно,
От неумения. И в мечте крамольной

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Тарквиний перед римлянкой застыл
И глаз с нее влюбленных не сводил.

Но дьявола пленившая святая
Не ведает, что перед ней злодей..
Живут же праведники, зла не зная,
Живут же птицы, не боясь сетей.
И, покорив любезностью своей,
Она царя приветливо встречает,
И взор его ей страха не внушает.

Но он таил под мантией порок,
Его своим величием прикрывая..
Весьма достойным он казаться мог,
Хоть огонек, в его глазах играя,
Мерцал желаньем без конца и края..
В богатстве нищий, так был жаден он,
Что вряд ли мог быть удовлетворен.

Но, не привыкшая с людьми встречаться,
Она мерцанья глаз не поняла
И в книге взоров, надобно признаться,
Уловок хитроумных не прочла.
Неведома приманка ей была,
И взор его безгрешным ей казался:
Гость просто днем прекрасным восхищался!

Он ей о славе мужа говорит,
Что на полях Италии добыта,
Хваля его, все время он твердит,
Что лавром подвиги его увиты,
Что все враги в сражениях разбиты.
Она, воздев ладони к небесам,
Безмолвно благодарность шлет богам.

Но, свой коварный замысел скрывая,
Прощенья просит он, что помешал.
В нем не клубилась туча грозовая,
В нем ураган еще не бушевал.
Час ужасов и Страха наступал,
И ночь простерла темень без границы
И день замкнула в сводчатой темнице.

Тогда отправился Тарквиний спать..
Он сделал вид, что утомлен ужасно,
Хоть он успел и вечером опять
Поговорить с Лукрецией прекрасной.
Свинцовый сон враждует с негой страстной!
А мир вокруг спокойствием объят,
Лишь воры и развратники не спят.

Один из них Тарквиний. Он не дремлет,
Обдумывая свой опасный план..
Решимость твердая его объемлет.
Хоть совесть запрещает нам обман,
Но тот, кто яростью желанья пьян,
Тот в поисках сокровища, поверьте,
Не убоится даже лютой смерти.

кто алчно жаждет чем-то обладать,
Тот все готов отдать, чем он владеет,
Готов он все растратить, проиграть..
А луч надежды меркнет и слабеет.
Пусть счастья ветерок тебя обвеет,
По день зловещий быстро настает,
Весть принося о том, что ты – банкрот!

Мы все мечтаем в старости туманной
Найти почет, богатство и покой
И к этой цели рвемся неустанно..
Но жертвовать приходится порой

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
То жизнью ради чести, выйдя в бой,
То честью ради денег, и к могиле
Столь многих эти деньги приводили.

Рискуя, мы порой перестаем
Собою быть в плену метаморфозы,
И часто путь, которым мы идем,
Шипы нам устилают, а не розы...
В мир волшебства стремясь уйти от прозы,
Мы презираем все, что есть у нас,
И все теряем в злополучный час.

Рискует и Тарквиний увлеченный,
За наслажденье отдает он честь,
Себе он изменяет, ослепленный...
Да разве в этом мире правда есть?
Хоть с дальних звезд о ней возможна ль весть,
Когда себя готов предать он скоро
И клевете и шумному позору?

Вот ужасам полночным путь открыт,
Глубоким сном забыться все готовы,
Ни звездочки на небе не блещит,
Лишь волки воют да зловеще совы
Заухали, ягнят пугая снова...
Все праведные души мирно спят,
Не дремлют лишь убийство да разврат.

Тогда поднялся с ложа царь развратный,
К плащу на ощупь тянется рука...
Желанье вдаль влечет, а страх – обратно,
Одно – манит, другой – грозит пока...
Хоть страха власть довольно велика
И он назад Тарквиния толкает,
Но вожделье все же побеждает.

Он чиркнул о кремень своим мечом,
И вмиг из камня искры полетели...
Он факел восковой зажег потом,
Звездой Полярной ставший в мерзком деле.
Затем слова зловеще прогремели:
"Огонь из камня я извлечь могу,
ужель ее любовью не зажгу?"

Но медлит он, от страха вновь бледнея,
Обдумывая план опасный свой,
Он в мыслях спорит с совестью своею,
Готовится ли месть ему судьбой... *
Он презирает с полной прямою
Столь грубо вспыхнувшее вожделье,
И речь себе он держит в осужденье:

"Угасни, факел, не рождай огня
Затмить ее, чей свет еще яснее!
Останьтесь, злые мысли, у меня,
Я не хочу делиться вами с нею,
Я просто перед ней благоговею...
И пусть осудят люди навсегда
Мой замысел, не знающий стыда!

Позор мечам патрициев блестящим!
Позор и стыд холмам родных могил!
Безбожным делом, все сердца разящим,
Себя в раба ты, воин, превратил!
Ты уваженье к доблести убил!
За омерзительное преступленье
На лбу твоём блеснет клеймо презренья!.

И смерть мою позор переживет...
На герб червонный наложу бельмо я!
Кривой чертой мой герб перечеркнет

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Геральдик, чтоб отметить дело злое.
Потомство не гордиться будет мною,
А клясть мой прах, и детские сердца
Отвергнут имя гнусного отца!

Что получу, когда добьюсь победы?
Мечту, иль вздох, иль счастья краткий взлет?
Кто этот миг берет в обмен на беды?
Кто вечность за мгновенье отдает?
Кто ради грозди всю лозу встряхнет?
Какой бедняк, чтоб тронуть лишь корону,
Согласен рухнуть, скипетром сраженный?

О, если б муж увидел хоть во сне,
Что ей грозит, то мигом бы примчался
Сюда к жене, чтоб встать преградой мне,
Он с ложа снять осаду бы старался,
Убить порок, что тайно в дом прокрался...
Он ринулся бы в гнев с мыть позор,
Веков грядущих грозный приговор.

Какое подберу я оправданье,
Когда меня в бесстыдстве уличат?
Немой, во власти дрожи и терзанья.
С померкшим взором, я рванусь назад,
Но, страхом и смятением объят,
Утрачу дерзость, мужество и силу,
А там – сойду безропотно в могилу.

Когда б убил он моего отца,
Иль мне готовил смертную засаду,
Иль не был верным другом до конца,
Мне оправданий бы тогда не надо:
Его несчастьям было б сердце радо...
Но он – мой родич, мой любимый друг,
А я – исток его тягчайших мук!

"Позор и стыд!" "Лишь если все узнают!"
"Как мерзко!" "Но в любви не скрыто зла!"
"Любовь жена с супругом разделяет!"
"Ну что ж, а мне бы отказать могла!"
Нет, сила воли разум прочь смела!
Тот, кто морали прописной страшится,
И пугала боялся б м, как птица!"

Так спор бесстыдный меж собой вели
Лед совести с пылающею волей...
Но прочь все мысли светлые ушли,
А черный замысел наглел все боле,
Став палачом добра, и в этой роли
Так далеко в нем мастерство зашло,
Что в добродетель превратилось зло.

Он молвил: "Руку нежно мне сжимая,
Она тревожный устремила взор,
Как если бы в глазах моих читая
Судьбе супруга грозный приговор,
Ее румянец, скрытый до сих пор,
Был розами на полотне сначала,
Потом лицо белее ткани стало.

Затрепетала тонкая рука,
Как будто мне свой страх передавала...
И ей взгрустнулось, кажется, слегка...
Но вот, что муж здоров, она узнала,
И радость так в улыбке заблистала,
Что, если бы Нарцисс гостил у ней,
Пожалуй, не упал бы он в ручей.

Но для чего ищу я оправданье?
Немеет в мире все пред красотой...

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Волнуют робких мелкие дерзання,
В пугливом сердце – тина и застой?
Любовь – мой вождь, любовь – властитель мой!
Когда развернуты ее знамена,
И трус рванется в первые колонны.

Прочь, детский страх! Сомненья, прочь от нас!
Морщинам, седине приличен разум!
Отныне сердце в грозной власти глаз...
Пусть мудрость смотрит осторожным глазом.
А я предамся юности проказам:
Цель – красота, страсть – у руля, и в путь!
И кто здесь побоится утонуть?"

Как сорняками глушится пшеница,
Так вожделье заглушает страх...
Прислушиваясь, он вперед стремится
С надеждой и сомнением в глазах.
Но он совсем запутался в речах
Двух этих спутников и в самом деле:
То вдруг замрет, то снова рвется к цели.

Ее небесный облик перед ним,
Но рядом с ней он видит Коллатина...
Взгляд на нее – и вновь он одержим,
Взгляд на него – и вновь душа невинна,
И нет о вожделье и помина,
Добру внимает сердце, хоть оно
Пороком все-таки заражено.

Но снова силы гнусные храбрятся,
Им по сердцу его веселый пыл...
Как из минут часы и дни рождаются,
Так их поток в нем ум заполонил
И лестью подлой голову вскружил.
Подхлестнутый безумством и гордыней,
К Лукреции отправился Тарквиний!

Опочивальню сторожат замки!
Но взломаны они его рукою...
И вот, замками встреченный в штыки,
Крадется вор, не ведая покоя.
Скрежещет в двери что-то там такое,
И хищно в темноте визжит хорек,
И трус не слышит под собою ног.

Все двери с неохотой уступают,
А ветер в щелях воеет перед ним
И факел поминутно задувает,
Тарквинию в лицо бросая дым
И путь окутав облаком густым.
Но в сердце тлеет жгучее желанье,
Вновь разжигая факел от дыханья.

Лукреции перчатку на полу
Он при неверном свете замечает
И, с тростника схватив ее, иглу
Под ноготь неожиданно вонзает...
Игла как будто бы предупреждает:
"Шутить со мной нельзя! Ступай назад!
Здесь даже вещи честь ее хранят!"

Препятствия злодея не смущают,
Им даже смысл он придает иной:
Дверь, ветер и перчатку он считает
Лишь испытаньем, посланным судьбой,
Иль гирями, которые порой
Ход стрелок тормозят на циферблате,
Ведя минуты медленно к расплате.

"Ну что ж, – он мыслит, – эта цепь преград –
Страница 182

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org

Как в дни весны последние морозы...
Они сильнее о радости твердят,
И птицы звонче свищут в эти грозы.
Борьба за клад всегда таит угрозы:
Пираты, скалы, мели, ураган –
Все в океане встретит капитан".

Он к двери спальни медленно подходит,
За нею скрыт блаженства рай земной...
Он от задвижки взора не отводит –
Преграды между злом и красотой.
Почти кощунствует безумец мой:
Он начинает небесам молиться,
Чтоб помогли они греху свершиться.

Но вдруг молитву дерзкую прервав
(В которой он просил благие силы
Ему помочь, блаженством увенчав,
И чтобы все благополучно было),
Опомнился: "Ну как ты глуп, мой милый!
Твою мольбу отбросит небо прочь...
Нет, не захочет мне оно помочь!

любовь, Удача – будьте мне богами!
Решимость закаляет волю мне...
Ведь мысль, не подкрепленная делами,
Мелькнув, растает дымкой в тишине.
Так тает страха лед в любви огне...
Луна зашла, туманы и затмения
Позор мой скроют после наслажденья".

Рукой преступной он рванул замок
И в дверь йогой ударил дерзновенно...
Сова близка, голубки сон глубок,
Предательством здесь пахнет и изменой!
От змей мы удираем прочь мгновенно...
Но спит она, и страх неведом ей,
Безгрешной жертве яростных страстей.

И, крадучись, он в комнату вступает
И видит белоснежную постель...
Но занавес Лукрецию скрывает.
Глаза горят – злодей приметил цель,
А сердце, словно в нем бушует хмель,
Дает рукам тотчас же приказанье:
Снять облако, открыв луны сиянье.

Как огненное солнце иногда,
Прорвав туман, нам взоры ослепляет,
Так и его глаза, взглянув туда,
Где высший свет властительно сияет,
То жмурятся, то без конца мигают...
Виной тут свет, а может быть, и стыд,
Но взор еще ресницами прикрыт.

Томились бы глаза его в темнице.
Тогда б они не причинили зла,
Тогда бы с мужем счастьем наслаждаться
Лукреция невинная могла...
Но их в плену недолго держит мгла,
И губит взгляд зловещий вожделья
И жизнь и счастье ей в одно мгновенье.

Румянец щек над белою рукой...
Подушка тоже жаждет поцелуя.
И, с двух сторон ее обняв собой,
Она в тиши блаженствует, ликуя...
Лукреция лежит, не протестуя;
Как символ добродетели, она
Во власть глазам бесстыдным отдана.

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Как маргаритка на траве в апреле,
Над пеленой зеленых покрывал
Ее рука откинута с постели:
Алмазный пот на белизне сверкал.
Но свет в глазах у спящей не играл,
И, как цветы, во тьме они дремали
И утреннего солнца ожидали.

Сплелось с дыханьем золото волос,
Так скромность с озорством в плутовке слиты...
Ликует жизнь над пеленою слез,
Хоть дымкой смерти жизни все обвиты...
Но здесь, во сне, все это было скрыто,
И здесь, друг к другу злобы не тая,
И жизнь и смерть предстали как друзья.

два полушария слоновой кости,
Никем не покоренные миры,
Не зная власти никакого гостя,
Лишь мужу отдавали все дары...
Тарквиний входит вновь в азарт игры:
Теперь, как узурпатор разъяренный,
Он свергнуть хочет властелина с трона.

Все наблюдая, примечая вмиг,
Он вновь и вновь желаньем загорался...
Томился тем, что счастья не достиг,
Но все-таки покуда не сдавался
И с негой бесконечной любовался
Под нежной кожей жилоч синевой,
Кораллом губ и шеи белизной.

Как лев играет с жертвою в пустыне
И не спешит терзать добычу он,
Так медлит нерешительный Тарквиний,
Как будто пыл глазами утолен.
Он совершенно, впрочем, не смирен
И вздох желанья подавить не в силах...
И снова кровь неистовствует в жилах.

Как яростных наемников орда
Злодейски грабит мирное селенье,
Насилует и губит иногда
детей и матерей без сожаленья,
Так рвется кровь злодея в наступленье,
А сердце гул тревоги захлестнул,
Оно войска толкает на разгул.

и сердце будит взоры барабаном,
А взоры отдают руке приказ,
И дерзкая рука за талисманом
В атаку устремляется тотчас
На грудь, открытую для жадных глаз...
И кровь ушла сквозь жилки голубые,
И побледнели башенки пустые.

Кровь хлынула в таинственный покой,
Где госпожа властительная дремлет,
Напомнить об осаде роковой:
И вот уж сердце тайный страх объемлет,
Открыв глаза, она с тревогой внемлет,
Встречает, взор беду со всех сторон:
Он факелом чадящим ослеплен.

Бывает так, что женщина кошмаром
Во тьме ночной от снов пробуждена:
Ей призраки почудились, недаром
Трепещет от волнения она...
О ужас беспредельный! Так полна
Лукреция и страха и печали:
Пред ней живые призраки предстали.

Она дрожит, вся с головы до ног,
От страха, как подстреленная птица...
Видений фантастических поток
Пред ней в тумане пенится и мчится:
Он лишь в уме расстроеном родится!
Непослушаньем глаз ум разъярен,
И тайный ужас в них вселяет он.

Уже рука на грудь белее снега
Легла, как разрушительный таран,
И сердце, утомленное от бега,
Уже на грани гибели от ран...
Злодей готовит штурма ураган:
Не жалость в нем, а яростное пламя...
Прорвался враг, и город взят войсками!

Сперва язык трубою громовой
Противника зовет к переговорам,
Но бледный лик над простынь белизной
Отвечает презреньем и укором...
Молчит Тарквиний, он не склонен к спорам!
Она упорствует: "Как он посмел?
И в чем источник этих страшных дел?"

Он отвечает: "Твой румянец алый!
Ведь даже лилия пред ним бледна
И роза от досады запылала...
Лишь в нем и заключается вина!
Моя душа решимости полна
Взять замок твой! Сама ты виновата,
Что предали тебя твои солдаты!

Но ты меня напрасно не кляни:
Здесь красота расставила капканы...
Тебя во власть мае отдали они,
Чтоб мог я наслаждаться невозбранно.
Я к цели шел с могуществом титана:
Хоть разум вождельенье сжег дотла,
Но вновь желанье красота зажгла!

Я знаю, что меня подстерегает,
Я знаю, что шипы – защита роз,
Что пчелы жалом мед свой охраняют...
И без сравнений ясен тут вопрос.
Но я горю, я не боюсь угроз.
Желанье жжет – подобно всем влюбленным,
Оно не повинуется законам!

Я в глубине души уже постиг
То зло, тот стыд, ту скорбь, где я виною,
Но зов любви всевластен и велик,
Желанье к цели ринулось стрелою...
Пусть слезы взор мне застилают мглою.
Пусть ждут меня презренье и вражда –
Я сам стремлюсь туда, где ждет беда!"

И вот уж меч в руках его блистает...
Так сокол, совершающий полет,
Малютку птичку тенью крыл пугает,
И клюв искривленный добычи ждет.
Разящий меч Лукрецию гнетет –
Она угроз Тарквиния страшится;
Так бубенцом пугает сокол птицу.

"Ты нынче в ночь мою стать должна!
Сопротивленье одолеет сила...
А нет – убью! Скажу – во время сна,
Узнав, что ложе ты с рабом делила.
И честь твою с тобою ждет могила!
Убив раба, в постель к тебе швырну,

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Чтоб людям доказать твою вину!

А муж твой будет жить, узнав презренье,
Всем светом заклеянный с этих пор...
Твоих друзей постигнет унижение,
Твоих детей – безвестность и позор,
А ты, потомству горестный укор,
В поэме будешь на века воспета:
И не забудется поэма эта!

Но уступи – и я союзник твой!
Ведь тайный грех похож на мысль без дела!
И ради цели высшей и благой
Проступок мелкий мы свершаем смело.
В крупицах яд не гибелен для тела...
В искусной смеси он, наоборот,
Нередко исцеленье нам дает.

Хоть ради собственных детей и мужа
Отдайся мне... Семье не завещай
Стыд, коего на свете нету хуже,
На отчий край позор не навлекай!
Страшнее рабства он, не забывай,
Ужаснее уродства от рожденья:
Там – грех природы, здесь – грехопадение!"

И взор смертельный василиска он
На жертву устремил и замолкает...
В ней символ благочестья отражен:
Она, как бы в пустыне, умоляет,
Как лань, которую орел терзает...
Но хищник и не слышит этих слов,
И он на все от голода готов.

Когда долинам угрожают тучи,
Вершины гор в туманной дымке скрыв,
Из недр земли взметнется вихрь летучий,
И тучи прочь влечет его порыв:
Он сдержит ливень, облака разбив...
Так голос нежный удержал злодея:
Ведь сам Плутон внимал игре Орфея.

Но это лишь игра. Как хищный кот,
Он хочет с бедной мышкой порезвиться...
Вид жертвы будит в нем водоворот
Страстей, которым не угомониться,
Не хочет сердце на мольбу склониться...
Ведь даже мрамор рушит ярость гроз,
А похоть распаляется от слез.

Ее глаза с печальною мольбою
На грозные черты устремлены...
Ее слова, исполнены тоскою,
Текут, очарования полны...
Но иногда, – невнятные и темны,
Они в смятенье вдруг прервутся сразу,
И снова начинать ей надо фразу.

И закликает вновь его она
Юпитером всемогущим, честью, славой
И дружбой, что обетом скреплена,
Законами страны, и мыслью здравой,
И всей вселенной властью величавой,
Чтоб в комнату свою вернулся он,
Рассудку, а не страсти покорен!

И говорит: "Такой ценой позорной
За хлеб и соль ты другу не плати
И не мути источник благотворный,
Не оскверняй священные пути...
Лук опусти и жертву отпусти:

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Стрелку не к чести это дело злое –
В запретный месяц лань разить стрелю!

Мой муж – твой друг! Меня ты пощади!
Ты так могуч – уйди, себя спасая.
И птицу из сетей освободи!
Ведь ты не лжец, зачем же ложь такая?
О, если б вздохом сдуть тебя могла я!
Не чуждо горе женское мужам:
Ужель ты глух к молениям и слезам?

И стоны, словно волны океана,
Бьют прямо в сердце – в скалы и гранит,
Его смягчить стараясь неустанно:
Волна и камень в капли превратит!
О, если ты броней скал покрыт,
То пусть гранит слезами растворится,
Пусть жалость вступит в медные бойницы!

Ты, как Тарквиний, мною принят был!
Но облик царский предал ты позору...
Я умоляю сонмы высших сил
Тебя сурово покарать, как вора!
Ведь ты не то, чем кажешься, коль скоро
Ты кажешься не тем, что есть – царем!
Царь должен бой, как бог, вести со злом!

Какими в старости блеснешь делами,
Когда полна злодействами весна?
И, возмущаясь царскими сынами,
Что ж может от монарха ждать страна?
Запомни – даже подданных вина
Хранится долго в памяти народа,
А деспот царь – неизгладим на годы!

И лишь насильно будешь ты любим,
Владык же добрых любят и страшатся...
Ты все простишь преступникам любым,
Раз мог в злодействах с ними поравняться!
Не лучше ль будет с ними не сближаться?
Цари – зеркало и наука нам,
А мы стремимся подражать царям!

Ужели ты в тенетах вождельня?
Одумайся – ведь ждет тебя позор!
Ужель ты зеркало, где отраженье
В грехах погрязшей власти видит взор?
Бесчестным прослывешь ты с этих пор,
Позор ты вместо славы избираешь,
Развратом имя доброе пятнаешь.

Будь тверд душой! Богами я молю:
Пусть сердце чистое уймет желанья...
Меч для добра дарован королю,
Ты должен в гидре зла убить дыханье!
Ты выдержал ли это испытанье,
Коль, вслед плетясь, бормочет гнусный Грех,
Что ты открыл порочный путь для всех?

Ты содрогнулся бы от мерзкой сцены,
Когда другой бы это совершил.
Себе прощаем все – вины, измены,
Себя карать кому достанет сил?
А брата б ты за тот же грех казнил!
Тот в мантию порока облачится,
Кто на свои злодейства лишь косится!

К тебе, к тебе мольба воздетых рук!
Не поддавайся похоти безмерной,
Из бездны вознесись в надзвездный круг,
Отбросив мысль, исполненную скверны,

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
И пламень мутный усмиришь, наверно...
Туман сметая с ослепленных глаз,
Ты пощади меня на этот раз!"

"Довольно, – он прервал, – потоки страсти
лишь пуще свирепеют от преград,
Задуть свечу у вихря хватит власти,
Но с ним пожары яростней горят.
Пусть вносят в океан ручьи свой вклад
И пресных вод становится все боле,
Но в нем они не убавляют соли".

Она в ответ: "Ты – властный океан,
Но в ширь твою безбрежную впадают
Бесчестье, похоть, ярость и обман,
Они всю кровь владыки оскверняют
И в зло добра громады превращают.
Не ты потоки грязи растворил,
А захлестнул твои просторы ил.

Ты станешь их рабом, они – царями,
Ты канешь вниз, они взметнутся ввысь,
Тебя пожрет их яростное пламя,
Чьи языки надменно вознеслись.
Нет, натиск мелочей разбей, крепись:
Кедр не склоняется перед кустами,
А душит их могучими корнями.

Восстанье дум подвластных усмири..."
"Молчи! – взревел он. – Больше не внимаю!
Мне покорись, а нет – тогда смотри!
Сопротивленье силой я ломаю!
А после сразу же швырну тебя я
В постель, туда, где раб презренный спит,
И пусть падут на вас позор и стыд! "

Он смолк и факел погасил ногою:
Всегда разврату ненавистен свет,
Злодеи дружат с темнотой ночью,
Чем гуще тьма, тем жди страшнее бед!
Волк разъярен – овце спасенья нет!
Ей рот рукой он плотно зажимает,
И вопль в устах безгласно замирает.

Волнующейся пеленой белья
Он заглушает жалкие рыданья,
Не охлаждает чистых слез струя
Тарквиния палящее дыханье.
Неужто же свершится поруганье?
О, если б святость слез ее спасла,
Она бы слезы целый век лила!

Утраченное жизни ей дороже,
А он и рад бы все отдать назад...
Покоя не нашел злодей на ложе,
За миг блаженства мстит нам долгий ад!
Оцепенелые желанья спят,
Ограблена невинность беспощадно,
Но нищ и чести похититель жадный.

От крови пьяный ястреб, сытый пес,
Утратив нюх и быстроту движенья,
На землю бросит жертву ту, что нес
В когтях, в зубах, дрожа от наслажденья.
Вот так бредет Тарквиний в пресыщенье...
Вкус, насладившись и уже без сил,
Всю волю к обладанью поглотил.

Греховной бездны этой пониманье
Б каких глубинах мысли ты найдешь?
Уснет в блевоте пьяное желанье,

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
И нет в нем покаянья ни на грош.
Бушующую Похоть не уймешь!
Она, как в скачке, рьяно к цели рвется
И лишь в бессилье клячей поплетется.

Но бледность впалых щек, и хмурый взгляд,
И сонные глаза, и шаг усталый –
Все это значит, что бредет назад
желанье, что все ставки проиграло.
В пылу оно с Пощадой в бой вступало,
Но плоти яростный порыв поник,
И просит сам пощады бунтовщик.

Так было ныне и с владыкой Рима,
Кто предавался пламенным мечтам:
Он приговор себе неотвратимый
Сам произнес: бесчестье, вечный срам!
Низвергнут в прах души прекрасный храм...
В развалинах толпа забот собралась,
Им любопытно, что с душою случилось.

Она в ответ им: "Мой народ восстал,
Мятеж разрушил здание святыни,
Сиявший свет бессмертья отблестал,
Я в рабство смерти отдана отныне
И жизнь свою должна влачить в унынье!"
Все бедствия предвидела она.
Но власть над ними ей не суждена.

Так размышляя, он во тьме крадется –
Победный пленник, приз свой потеряв...
Неисцелимой рана остается!
А жертва, что он бросил, истерзав,
Лежит в слезах, лишённая всех прав...
Он ей оставил сладострастья бремя,
Сам ощущая гнет вины все время.

Он прочь, как вороватый пес, бредет,
Она, как в чаще лань, изнемогает,
Он свой поступок и себя клянет,
Она в тоске ногтями грудь терзает,
Он, весь от страха потный, уползает,
Она осталась, проклиная ночь,
Он, свой восторг кляня, уходит прочь.

Уходит он, сторонник веры новой,
Она одна – надежды больше нет,
Он жаждет, чтоб рассвет блеснул багровый,
Она – чтобы померк навеки свет.
"День озарит всю глубь полночных бед, –
Она твердит, – невмочь глазам правдивым
Скрывать позор свой под обманом лживым.

Мне кажется теперь, что каждый взгляд
увидит то, что вы уже видали...
Пусть будет взор мой долгой тьмой объят,
чтоб о грехе глаза не рассказали.
В слезах вину возможно скрыть едва ли,
И па щеках, как влага гложет медь,
Неизгладимо будет стыд гореть".

Она покой и отдых отвергает
И просит взор глаза во тьму замкнуть,
Бьет в грудь себя, и сердце пробуждает,
И просит вырваться оттоль и – в путь,
чтоб к чистоте в иной груди прильнуть.
А далее в неистовой печали
Такие речи к Ночи прозвучали:

"Ты образ ада, Ночь, убийца снов!
Позора летописец равнодушный!

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Арена для трагедий и грехов!
Их в темноте сокрывший, Хаос душный!
Слепая сводня! Зла слуга послушный!
Пещера, где таится смерти тлен!
Сообщница насилий и измен!

Ты, Ночь туманная, мне ненавистна!
В грехе моем виню тебя одну,
Зарю окутай пеленою мгlistой,
С полетом времени начни войну!
А если ты позволишь в вышину
Подняться солнцу, сразу облаками
Затми зловеще золотое пламя.

Дохни гниением в утра аромат!
Пусть это нездоровое дыханье
Вольет в сиянье солнца страшный яд
В часы его полдневного скитанья.
Пусть испаренья, гнили излинья
Задуют свет, лучи отбросят прочь,
Пусть в полдень властвуют закат и ночь.

Будь гость мой Ночью, а не сыном Ночи,
Царицу серебра бы он затмил,
Ее мерцающих служанок очи
Закрылись бы размахом черных крыл.
Тогда бы круг друзей со мною был,
Так легче сладить с горем несмиримым:
В беседах путь короче пилигримам.

Никто со мной не вспыхнет от стыда,
Ломая руки, как вот я ломаю,
И не взгрустнет, когда придет беда...
Одна, одна – сию я и страдаю,
И ливнем, слез я землю орошаю...
С рыданьем речь, с тоскою слился стон,
Здесь памятник печали вознесен.

О Ночь, ты – горн, где едки клубы дыма!
Пусть не настигнет зорким оком день
Лица, что под плащом твоим незримо,
Над коим властвует бесчестья тень!
Ты мглой и мраком землю всю одень,
Чтоб козни все твои могли сокрыться
Навек в тени полночной, как в гробнице.

Не делай ты меня молвою дня!
Едва заря из мрака заалеет,
Клеймо на лбу увидят у меня
И факел Гименея потускнеет...
Ведь и неграмотный, кто не умеет
Все воспринять, что скрыто в недрах книг,
В моих глазах бы мой позор постиг.

Расскажет нянька обо мне, пугая
Тарквинием своих озорников,
Оратор, красноречием блистая,
О нас немало молвит горьких слов,
Певцы поведают в часы пиров:
С Тарквинием достойны мы друг друга:
Он оскорбил меня, а я – супруга.

Пусть имя доброе мое и честь
Для Коллатина в чистоте сияют!
Ужели здесь для спора повод есть?
Ведь так и новый корень загнивает...
Стыд незаслуженно того пятнает,
Кому стыда страшиться нет причин.
Была чиста я, чист и Коллатин.

О тайный стыд! Позор, никем не зримый!
Страница 190

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
О незаметный и не жгучий шрам!
Клеймо на лбу горит неотразимо,
Приметно лишь Тарквиния глазам...
Не в дни войны, в дни мира горе нам!
Увы, как часто нас корят делами,
О коих и не ведаем мы сами.

Супруг, ты горд был чистотой моей!
Ее насилье ярое отъяло.
Нет, не пчела, а трутень я скорей,
Во мне отныне лето отблестало,
Ограблен дом, добра осталось мало!
Оса в твой улей залететь смогла,
И вот весь мед утратила пчела.

Но разве я в утрате виновата?
Тебя ясе ради мной был принят он...
Он от тебя – так, значит, все в нем свято!
Не мог твой гость быть мною оскорблен.
А он-то, жалуясь, что утомлен,
О добродетели распространялся...
Как ловко дьявол маской прикрывался!

Зачем червяк вгрызается в цветок?
Иль воробьев из гнезд кукушки гонят?
Иль ядом жабы осквернен поток?
Иль девы грудь под игом страсти стонет?
Иль царь бесчестьем титул свой уронит?
Да, совершенства в этом мире нет,
Во всем чистейшем есть нечистый след!

Вот старый скряга у ларца с деньгами:
Подагра, судорога ног и рук,
Чуть видит он потухшими глазами...
Но, как Тантал, под игом страшных мук,
Он проклинает горький свой недуг.
Он знает, что и золото не в силах
Заставить вспыхнуть кровь в иссохших жилах.

Владеет им, увы, без пользы он,
И все, что скарედность за жизнь скопила,
Все – сыновьям, никто не обделен!
Отец был слаб, но в них бушует сила,
И вмиг проклятое блаженство сплыло!
Как часто схватишь сладость, а во рту
Почувствуешь нежданно кислоту!

Над нежною весною вихрь кружится,
С бутонами в корнях сплетен сорняк,
Шипит змея там, где щебечет птица,
Зло – добродетели смертельный враг!
Ничто своим не назовешь никак,
Все предает враждебный людям Случай
Иль бедствиям, иль смерти неминуемой.

О Случай, как тяжка твоя вина!
Предателя склоняешь ты к измене,
Тобою лань к волкам завлечена,
Ты предрешаешь миг для преступленья,
Закон и разум руша в ослепленье!
В пещере сумрачной, незрим для всех,
Таится, души уловляя, Грех!

Ты на разврат весталок соблазняешь,
Ты разжигаешь пламенную страсть,
Ты честность и доверье убиваешь,
Ты дев невинных подстрекаешь пасть,
Хула ль, хвала – твоя всесильна власть!
Вор и насильник, с хитростью во взоре,
В желчь превращаешь мед, блаженство – в горе!

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Твой скрытый пыл сменил открытый стыд,
Твой тайный пир всеобщий пост сменяет,
Твой блеск любезный меркнет в мрак обид,
Твой мед в устах полынью отзывает,
Твое тщеславье, промелькнув, растает...
О мерзкий Случай, отвечай, зачем,
Столь ненавистный, ты желанен всем?

Когда просителю ты станешь другом,
Его прошениям дав законный ход?
Когда покончишь ты с войны недугом,
Избавив душу от цепей забот?
Когда больным вольешь лекарство в рот?
Бедняк, хромой, слепой – ползут, взывают,
Но часто ль на пути тебя встречают?

Умрет больной, куда врач храпит,
Сиротка плачет, враг ее ликует,
Пирует суд, вдова в слезах молчит,
На травле граф, а в селах мор лютует...
Тебя не благо общее волнует!
Измены, зависть, зло, насилье, гнев –
Ты всем им служишь, в злобе озверев.

Добро и Правда лишь к тебе стремятся,
Но тысячи преград ты ставишь им –
Пусть платят деньги! А Греху, признаться,
Платить не надо – ты же в дружбе с ним,
Влиянием его ты одержим!
Ждала супруга я, но не случайно
Пришел Тарквиний – твой любимец тайный.

Твоя вина – убийство, воровство,
Твоя вина – грех клятвопреступленья,
Твоя вина – измена, плутовство,
Твоя вина – позор кровосмешенья!
Ты спутник всех грехов без исключенья,
В прошедшем, в будущем, везде, всегда,
От хаоса до страшного суда.

О Время, с Ночью схожее отчасти,
Гонец и вестник пагубных забот,
Враг юности и раб преступной, страсти,
Конь, на котором Грех летит вперед, –
Рождает все и губит твой полет!
О Время, в жизни ты играло мною,
Так стань же гибели моей виною!

Зачем же Случай, верный твой холоп,
Меня настиг, когда я отдыхала?
Разбив мне жизнь, его рука по гроб
Меня к несчастьям ныне приковала.
Врагов мирить тебе бы надлежало
И ложность мнений исправлять – вот цель!
А не вторгаться в брачную постель.

Твой долг – кончать все распри меж царями,
Ложь обличать, возвысив правды свет,
Прижать печать на и прошлыми веками,
Будить рассвет, ночной сметая вред,
Злодеев исправлять годами бед
И всюду разрушать земные зданья,
Темня их башен золотых блистанье.

В добычу храмы отдавать червям,
Все меркнувшее в пасть швырять забвенью,
Вскрыть новый смысл в старинных книгах нам,
У ворона раздергать оперенье,
Не ветхость славить, а весны цветенье,
Отжившее, как молотом, дробить
И вихрем колесо судьбы кружить.

Дать внучек старым дамам, обращая
Младенца в мужа, старика в дитя,
Убить убийцу-тигра, укрощая
Единорога или льва, шутя,
Разить плута, его же плутней мстя,
Рождать крестьянам урожай огромный
И скал громады рушить каплей скромной.

Зачем лишь зло творишь, свершая бег,
Раз для добра не можешь ты вернуться?
Отдай хотя б минуту нам за век –
И тысячи вокруг тебя сомкнутся,
Они умно с долгами разочтутся...
Один лишь час бы я вернуть могла,
И я бы отразила натиск зла.

О Время, вечности лакей бессменный!
Обвей бедой Тарквиния уход,
Измысли ужас необыкновенный...
Пусть ночь преступную он проклянет,
Пусть призраков над ним витает гнет...
Чтоб всюду грех в его сознание плывал,
Пусть каждый куст грозит ему, как дьявол!

Пусть он спокойного не знает сна,
Пусть ночью он стонет иступленно,
Пусть без конца томит его вина,
Пусть он годами испускает стоны,
Сердцами каменными окруженный...
Пусть он не видит нежных женских лиц,
А только пасти яростных тигриц!

Пусть волосы он рвет, тоской терзаясь,
Пусть сам себя проклятьями клеймит
И, помощь от тебя обрести отчаясь,
Пусть жизнь раба презренного влачит,
Пусть с завистью на нищих он глядит,
Пусть, наконец, злодею в наказание
Откажет даже нищий в подаянье.

Пускай врагами станут все друзья,
Пусть весело шуты над ним глумятся,
Пусть видит, как в печалях бытия
Медлительно часы и дни струятся
И как они в безумствах жизни мчатся,
Пусть за свое деянье от стыда
Не знает он покоя никогда!

Ты, Время, – злым и добрым откровенье!
О, как должна злодея я проклясть?
Пусть леденеет пред своею тенью,
Пусть от своей руки мечтает пасть,
Ей кровь презренную отдав во власть...
О, кто на роль столь мерзкую польстится –
Стать палачом мерзавца согласится?

А то, что он из рода королей,
Усугубляет замысел кровавый!
Чем выше смертный, тем шумят сильней
Вокруг него и ненависть и слава...
Да, высших высший ждет позор по праву!
Лишь тучей затмевается луна,
А россыпь звезд всегда едва видна.

Ворона грязью перемажет крылья –
Никто и не заметит все равно,
А лебедь, несмотря на все усилья,
Отмыть не сможет с белизны пятно...
Светло жить королям, рабам – темно!
Комар летит – его и не найдете,

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Но всем очам открыт орел в полете!

Прочь, праздные слова, рабы шутов!
Бесплодные и немощные звуки!
Лишь в школах место для бесцельных слов,
Иль в дебрях схоластической науки,
Или в суде, где ждет проситель в муке...
А мне не нужно доводов в суде –
Законы не помогут мне в беде!

Напрасно Время я кляню и Случай,
Тарквиния и сумрачную Ночь,
Напрасно, свой позор оплакав жгучий,
Я отогнать его мечтаю прочь...
Нет, плесень слов не может тут помочь!
Мне лишь одно спасенье остается –
Пусть кровь моя нечистая прольется!

Таков мой рок. Зачем дрожишь, рука?
Ведь это честь – избавить от позора!
Умру – со славой ты войдешь в века,
Останусь жить – ты стыд познаешь скоро, –
Ты не могла спасти меня от вора,
Страшилась схватки с яростным врагом...
Убей меня – и мы умрем вдвоем!"

Она встает с растерзанной постели,
Найти орудье смерти надо ей...
Но это же не бойня, в самом деле,
Не сыщешь тут кинжалов и ножей...
В ее устах дыханье все слабей –
Так тает в небе дым из жерла Этны.
Так дым обстрела меркнет неприметно.

"живу напрасно, – говорит она, –
Но средства кончить жизнь не нахожу я...
Смерть от меча его была страшна,
Теперь для той же цели нож ищу я!
Но мужу верность я храню былую
И ныне... Нет, теперь уж я ве та –
Тарквинием вся святость отнята!

Исчезло то, чем жизнь была желанна...
К чему теперь страшиться смерти мне?
На смятой тоге – славы знак туманный...
Сотру ли смертью память о пятне?
Позор живет, а жизнь – в могильном сне!
Раз нет сокровища, то пользы мало
Разбить шкатулку, где оно лежало.

Да, милый Коллатин, тебе не след
Изведать горечь веры оскверненной,
Твоей любви не омрачу я свет
Бесчестной клятвой, ложью заклеянной.
Нет, не родится отпрыск обреченный!
Не дам злодею хвастаться потом,
Что ты его отродью стал отцом.

Не дам злодею втайне ухмыляться,
В кругу друзей смеяться над тобой...
До твоего добра он смог добраться
Не золотом, а хваткой воровской.
Сама я властна над своей судьбой!
Не в силах жить под гнетом оскорбленья,
Я смертью смою это оскверненье!

Бесчестьем я тебя не отравлю,
Не скрою зло сплетеньем оправданий,
Я краской черный грех не побелю,
Чтоб спрятать правду страшных испытаний.
Все выскажу, открыв врата страданий,

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
И хлынет, как поток в долину с гор,
Чистейший ключ, смывая мой позор".

А в это время смолкла Филомела,
Утих прелестный, жалобный напев,
И ночь торжественная улетела
В зловещий ад. Восток, порозовев,
Льет ясный свет в глаза юнцов и дев...
Лукреции отнюдь не до веселья,
Ей хочется замкнуться в Ночи келье.

Сквозь щели стен лучи за ней следят,
Как ореол над героиней в драме.
Она в слезах твердит: "О зоркий взгляд!
Зачем в мое окно ты мечешь пламя?
Лишь очи спящих щекочи лучами...
Пусть не клеймит мне лба твой жгучий свет,
У дня от века с ночью дружбы нет".

Все омерзенье ей кругом внушает...
Грусть, как ребенок, в буйности шальной
То расхохочется, то зарыдает.
Мир старых горестей уже ручной,
А вот у новых пыл совсем иной, –
Но так пловец неопытный, в волнение,
Усталый, тонет лишь от неумения.

Так, погрузившись в бедствий океан,
Она вступает в спор с любым предметом...
Все, все застлал ее тоски туман,
Она лишь горе видит в мире этом,
Тьму горестей, не тронутую светом...
Порой печаль нема – ни слова нет,
Порой сойдет с ума, впадая в бред!

Встречают утро ликованием птицы,
Но радость их у ней рождает стон.
Тоску веселье облегчить стремится,
Но лишь острее грустный им пронзен,
Себе в друзья лишь грустных ищет он!
Тогда казались легче нам печали,
Когда участие скорбных мы встречали.

Двойная смерть – у берега тонуть!
Пред грудой яств – лютей в сто раз голодный,
Взгляни на мазь – сильнее заночует грудь,
Грусть может стать от ласки безысходной...
Печаль течет рекою полноводной,
Но стоит путь плотиной перекрыть,
И ярость волн уж не остановить!

"Насмешницы! – твердит она, – в пернатой
Груды похороните песен лад,
Пусть смолкнет хор ваш, немотой объятый,
Печаль не терпит никаких преград,
В тоске гостям веселым ты не рад...
Прочь! Услаждайте слух беспечной девы,
А слезы любят скорбные наклевы.

Слети ко мне и вспомни – уж давно
Ты пела о насилье, Филомела!
Земное лоно ночью слез полно...
Пой так, чтоб грусть во мне не охладела,
Чтоб слезы, вздохи длились без предела.
Тарквиния проклясть – досталось мне,
Ты проклинай Теряя в тишине!

Ты, в грудь себе шипы от роз вонзая,
Уснуть терзаньям острым не даешь,
А я, твоим – порывам подражая,
Я к сердцу приставляю острый нож...

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
О Смерть, ты жертву жалкую влечешь!
От этих мук сердца уже устали,
Настроены их струны в лад печали.

Раз ты молчишь, бедняжка-птичка, днем,
Боясь с людскими взорами встречаться,
Давай в пустыню дальнюю уйдем,
Где нет нужды ни зноя опасаться,
Ни льдов... Там скорби можем мы предаться,
Там песней усмирится хищный зверь...
Раз люди звери, только зверю верь!"

Как лань затравленная, озираясь,
На свору псов бросает дикий взгляд
Иль тот, кто, в лабиринте пробираясь.
Блуждает по тропинкам наугад,
Так у нее в душе царит разлад:
Что лучше – умереть иль жить на свете,
Когда жизнь – ад и смерть уж ловит в сети.

"Убить себя, – волнуется она, –
Не значит ли сгубить и душу с телом?
Утрата половины не страшна,
Куда страшнее нам расстаться с целым.
Та мать прославится злодейским делом,
Кто, потеряв одну из дочерей,
Сама убьет вторую вслед за ней.

Но что дороже мне – душа иль тело?
Причастность к небесам иль чистота?
Нет, обе дороги мне, вот в чем дело!
Для мужа и небес – и та и та.
Увы! Когда кора с ольхи снята,
Поблекнут листья и увянут почки, –
Так и душа, лишившись оболочки.

Нарушен навсегда ее покой,
Ее дворец разрушен в прах врагами,
Запятнан и поруган храм святой,
На нем водружено бесчестья знамя...
Ужель кощунство – посудите сами! –
Коль крепости врата раскрою я,
Чтоб прочь в тоске ушла душа моя?

По не умру, покуда Коллатину
Причину смерти не скажу... О нет!
Чтоб он поклялся мстить, ему картину
Открою глубины постигших бед.
Запятнанную кровь – вот мой завет! –
Тарквинию отдать! Ведь он виною,
Что кровь нечистая прольется мною.

Теперь ножу свою вверяю честь –
Пусть в тело оскверненное вонзится!
Ведь смерть позору должно предпочесть,
Пусть честь живет, а жизнь пускай затмится.,
Из пепла, грязи слава возродится!
Когда убью своею смертью стыд,
Из пепла честь, как феникс, воспарит.

Властителю утраченного клада,
Что завещать тебе теперь должна?
Моя решимость – вот твоя отрада,
Ты отомстишь за мой позор сполна.
Тарквиний да погибнет! Цель ясна:
Я, друг и враг, себя низрину в лету,
Но ты отмети Тарквинию за это!

Еще раз волю вкратце повторю;
Для неба и земли – душа и тело,
Решимость я, супруг, тебе дарю,

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
А честь свою ножу вручаю смело,
Мой стыд – задумавшему злое дело,
А славу – в память тем в родной стране,
Кто не помыслит худо обо мне.

Ты, Коллатин, вершитель завещанья,
Смотри, как поступил со мною враг!
Я смою кровью тяжесть поруганья,
И светом смерти вспыхнет жизни мрак.
Бесстрашен сердца клич: да будет так!
Своей рукою одолею беды
И гибелью достигну я победы!"

Итак, ей смерть – единственный исход!
Она, из глаз жемчужины роняя,
Служанку хриплым голосом зовет,
И та летит, минуты не теряя...
Покорна долгу дева молодая!
На щеки госпожи глядит она –
Там словно тает снега пелена.

Она ей утра доброго желает,
А дальше скромно приказаний ждет...
Ей видно – госпожу тоска терзает,
Ей ясно – горе госпожу гнетет!
Но все ж спросить покуда не дерзнет –
Как, почему два солнца вдруг затмились,
А щеки роз и свежести лишились.

В закатный час как бы в слезах поля
И все цветы увлажнены росой:
Так всхлипывает дева, скорбь деля
Столь щедро со своею госпожою.
Ей жаль – два солнца гаснут, скрыты тьмою,
И падают в соленый океан,
И ей самой в глаза упал туман.

Застыв, стоят прелестные созданья,
Как у фонтана статуи наяд...
Но непритворны госпожи рыданья,
И лишь сочувствие – служанки взгляд.
Ведь женщины чуть что – заголосят!
Всегда с любим готовы плакать вместе,
Глаза, как говорят, на мокром месте!

Мужчины – мрамор, женщины – лишь воск!
Как мрамор хочет, так он воск ваяет!
Созданьям слабым впечатленья в мозг
Мужская сила, ловкость ложь врезает...
Виновны ль жены в том, что так страдают?
На воске с мордой дьявольской печать –
Возможно ль воск за это порицать?

Ведь женщина – открытая равнина,
Приметен тут и крохотный червяк...
Походит на дремучий лес мужчина,
Где залегло все зло в пещерный мрак.
В хрустальных гранях виден и светляк!
Порок мужчин под сталью глаз таится,
А женщин выдают во всем их лица!

Никто цветок увядший не корит,
А все бранят разгул зимы морозной.
На жертву ль должен пасть позор и стыд?
Нет, на злодея. Не карайте грозно
Ошибки женщин. Рано или поздно,
Все зло исходит от владык мужчин,
Винить подвластных женщин нет причин.

Так и с Лукрецией происходило:
Беда ее настигла в час ночной...

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org

Угроза смерти и стыда – вот сила,
которая сломила стойкость той,
кто славилась святейшей чистотой.
Ей тайный страх сознание застигает,
что стыд и после смерти ожидает.

Лукреция спокойно говорит
Служанке, соучастнице терзания:
"Зачем же слезы и печальный вид?
Здесь бесполезны эти излиянья...
Ведь если плачешь ты из сострадания,
Знай, будь в слезах спасение от зла,
Тогда б сама себе я помогла.

Скажи, когда... – и сразу замолчала,
Потом со стоном: – отбыл гость ночной?"
А та в ответ: "Да раньше, чем я встала!
Моя небрежность, видно, тут виной...
Но смилитесь, молю вас, надо мной:
Сегодня поднялась я до рассвета,
Хватилась, глядь... Тарквиния уж нету!

Но, госпожа, осмелюсь ли узнать,
что нынче вас терзает и тревожит?"
"Молчи! – в ответ Лукреция. – Сказать
Все можно, только это не поможет,
Не выразить тоски, что сердце гложет...
Одно название этой пытке – ад!
Где слов уж нет, там попросту молчат!

Поди достань перо, чернил, бумагу...
Ах нет, не надо... Все нашла я вдруг...
Что я сказать хотела? Я не лягу...
Письмо супругу я пошлю, мой друг!
Скажи скорее кому-нибудь из слуг:
Пусть будет в путь готов без промедленья,
Сейчас терять не должно ни мгновенья!"

Ушла служанка. Госпожа берет
Перо, но в воздухе оно застыло...
Меж разумом и горем бой идет,
Ум полон дум, но воля все убила,
Все чувства вмиг сковала злая сила.
Подобно шумным толпам у дверей,
Теснятся мысли в голове у ней.

Но вот начало: "Мой супруг достойный!
Шлет недостойная жена привет!
Здоровым будь! Но дома беспокойно,
И, чтоб успеть спасти меня от бед,
Спеши сюда немедленно, мой свет!
Письмо из дома с грустью посылаю,
О страшном горе кратко извещаю!"

Сложив письмо, она берет печать –
Замкнуть печали смутные картины...
Теперь о горе сможет муж узнать,
Но как узнает он его причины?
Она боится, все-таки мужчины –
Вдруг он иначе как-то все поймет...
Нет, кровью смыть позор – один исход!

Все, что у ней на сердце накопело,
Супругу все поведаст она...
Не только здесь в слезах и вздохах дело,
Нет, подозренья смыть она должна
И доказать, что не на ней вина.
Тут не к чему пестрить письмо словами,
Тут можно оправдаться лишь делами!

Страшней вид горя, чем о нем рассказ!

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Как часто слуху мы не доверяли!
Сильней, чем ухо, нас волнует глаз,
Хоть оба о беде повествовали.
Услышать можно только часть печали:
Так мель всегда шумней, чем глубина,
И в вихре слов скорбь схлынет, как волна.

Сургуч, печать, и надпись вот такая:
"В Ардею, мужу. Спешно передать!"
Она письмо вручает, умоляя
Посланца ни мгновенья не терять,
Лететь стрелой и птиц перегонять...
Лететь скоростью медленной ей мнится,
Ведь крайность вечно к крайностям стремится!

Слуга отвесил госпоже поклон,
В глаза ей пристально взглянул, краснея...
Затем посланье взял и вышел он
Безмолвно, ни о чем спросить не смея.
Виновный ловит взор любой, бледнея:
Ей кажется, затем он покраснел,
Что все о ней уже узнать успел.

Куда ему! Ей-богу, не хватало
Посланцу ни дерзанья, ни ума;
Он дело делал, а болтал он мало –
Не то что те, в ком самохвальства – тьма,
А в деле-то медлительны весьма!
Он образцом был времени былого:
Долг выполнял свой честно и – ни слова!

В ней подозренье это и зажгло.
Двумя пожарами горят их лица...
Узнал ли он, что с ней произошло,
Все время разгадать она стремится.
А он смущен – ну как тут не смутиться?
Чем ярче он румянцем распален,
Тем ей ясней – во все он посвящен!

Ей кажется – остановилось время,
Хоть минуло лишь несколько минут...
Ей времени невыносимо бремя.
Вздыхать и плакать – пользы мало тут;
Стенанья, слезы – самый тяжкий труд.
Хоть бы забыть о жалобах и плаче!
Грустить теперь ей хочется иначе.

Вдруг вспомнила... картина на стене –
Прекрасное изображение Трои,
И рати греков – в яростной войне
За стыд Елены мстящие герои.
Вознесся к тучам Илион главою...
Здесь создал мастер просто чудеса:
Склонились нежно к башням небеса.

Назло природе, миру горькой прозы
Искусством жизнь застывшая дана:
Засохшей краски капли – это слезы,
Их об убитом муже льет жена...
Дымится крови алая волна
И умирающих мерцают очи,
Как угли, меркнувшие в мрачной ночи.

Вот воин – роет он подкоп сейчас,
Покрыт он пылью, поте него струится...
А с башен Трои смотрят сотни глаз
На греков через узкие бойницы.
Совсем не веселы троянцев лица:
Так тонко это мастер воплотил,
Что каждый взор как будто грусть таил.

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Величественность и благоволение
Открыто в облике вождей царят,
А в юношах – стремительность и рвенье...
А вот и бледных трусов целый ряд –
Смятением любой из них объят,
Они в постыдном ужасе и дрожи
С крестьянами запуганными схожи.

А вот Аякс и Одиссей вдвоем...
Как вдохновенна здесь искусства сила!
По облику мы сущность познаем –
Так мастерски их кисть изобразила.
Лицо Аякса гневным, грозным было,
А вкрадчивый и хитрый Одиссей
Почти пленял улыбкою своей.

А дальше – старец Нестор перед вами.
Он греков воодушевлял на бой.
В размахе рук рождал он пыл речами
И как бы властвовал над всей толпой.
Своей серебряною бородой
Потряхивал он, словно в назиданье,
И к небесам несло его дыханье.

Вокруг него – разнообразье лиц...
Внимая Нестору, они застыли,
Как будто пением волшебных птиц
Их жадный слух сирены покорили.
Одни внизу – другие выше были...
То тут, то там мелькала голова,
В такой толпе заметная едва.

Один застыл над головой другого,
А тот его почти что заслонил,
Тот сжат толпой, от злобы весь багровый,
А тот бранится, выбившись из сил,
Во всех бушуют ярость, гнев и пыл...
Но Нестор их заморозил речами,
И некогда им действовать мечами.

Воображенье властно здесь царит:
Обманчив облик, но в нем блеск и сила.
Ахилла нет, он где-то сзади скрыт,
Но здесь копье героя заменило.
Пред взором мысленным все ясно было –
В руке, ноге иль голове порой
Угадывался целиком герой.

Со стен отвесных осажденной Трои
Смотрели матери, как вышел в бой
Отважный Гектор, а за ним герои
Блистали юной силой и красой.
Но материнский взор был тронут мглой,
Была со страхом смешана их радость –
Вкус горечи порой примешан в сладость!

Там, где шел бой, с Дарданских берегов
До Симоиса, кровь текла струями...
В реке, как в битве, бешенство валов
Взлетало ввысь и падало, как пламя.
Громады волн сшибались с камышами
И вновь, отхлынув, мчались на врага,
Швыряя мутной пеной в берега.

Лукреция к картине подступила,
Ища лицо, где горю нет конца...
Есть много лиц, на коих скорбь застыла,
Но с горем беспредельным нет лица.
Лишь скорбь Гекубы тяжелей свинца:
Приам пред нею кровью истекает,
А Пирр его пятою попирает.

В ней прояснил художник власть времен,
Смерть красоты и бед нагроможденье...
Морщинами весь лик преображен,
Что было и чем стала – нет сравнения!
Была красавица, а стала тенью:
Кровь в жилах каплет медленным ручьем,
Жизнь в дряхлом теле как бы под замком.

Лукреция на тень глядит в смятенье –
Моя тоска иль беды там страшней?
Кик вопль желанен был бы этой тени,
Проклятий град на греческих вождей!
Не бог художник, слов он не дал ей...
"Как он неправ, – Лукреция решает, –
Страданья дав, он слов ее лишает!

Немая лютня, голос дать хочу
Твоим терзаньям жалобой своею:
Бальзамом я Приама излечу,
Швырну проклятья Пирру, как злодею,
Слезами погасить пожар сумею
И выщерблю глаза своим ножом
Всем грекам, всем, кто стал твоим врагом!

О, где блудница, кто всему виною,
Чтоб ей лицо ногтями растерзать?
Парис, ты похотью разрушил Троя,
Заставил стены древние пылать,
Твоим глазам пришлось пожаром стать...
Здесь в Трое гибнут, за тебя в ответе,
Везде отцы, и матери, и дети.

Ах, наслажденье одного зачем
Чумой для сотен и для тысяч стало?
За чей-то грех ужель казнитья всем?
Пусть божество его бы и карало,
Чтоб зло судьбу невинных миновало.
Зачем грешит один, а смерть для всех
Расплату принесет за этот грех?

Гекуба плачет, смерть у глаз Приама,
Чуть дышит Гектор, ранен и Троиил...
Друзья в крови, сражаются упрямо,
Друзья от ран уже почти без сил...
Один влюбленный столько погубил!
Будь к сыну строг Приам, то Троя, право,
Не пламенем блистала бы, а славой".

И вздох и стон картина будит в ней...
Ведь скорбь гудит, как колокол пудовый
В трезвона час от тяжести своей,
Рождая гул унылый и суровый.
Она ведет рассказ печальный снова...
Для бедствий в красках и карандаше,
Как дар, слова слагаются в душе.

Картину вновь она обводит взглядом,
О тех печалась, кто судьбе не рад...
Вдруг видит – пленный грек бредет, а рядом
Конвой – фригийских пастухов отряд.
Грек хмур, но он и радостью объят,
И на лице смирение святое...
Свой путь вся эта группа держит к Трое.

Художник мастерски изобразил,
Как грек обман свой затаил умело:
Брел он спокойно, взор спокоен был,
Он словно рад был, что так худо дело...
Лицо ни вспыхивало, ни бледнело –
Румянец не твердил здесь о грехах,

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
А бледность – что таится в сердце страх.

Но, дьявол убежденный и отпетый,
Он принял облик светлой доброты,
Так затаив все зло в глубинах где-то,
Что трудно было распознать черты
Предательства, коварства, клеветы...
Безоблачность – не признак урагана,
И мы не ждем от святости обмана.

Столь кроткий образ мастер создал нам,
Изобразив предателя Синона!
Ему доверясь, пал старик Приам,
Его слова лавиной раскаленной
Сожгли дворцы и башни Илиона,
И в небе рой мерцающих светил
О зеркале низвергнутом грустил.

Она картину ясно разглядела
И мастера за мастерство корит...
Синона образ ложен – в этом дело:
Дух зла не может быть в прекрасном скрыт!
Она опять все пристальней глядит,
И, видя, что лицо его правдиво,
Она решает, что картина лжива.

"Не может быть, – шепнула, – столько зла
В таком... – и тут запнулась, – в кротком взоре".
Вдруг тень Тарквиния пред ней прошла,
И ожило пред ней воочью горе.
И, помня о неслыханном позоре,
Она твердит: "Поверить нету сил,
Чтоб этот облик зло в себе таил!"

Как здесь изображен Синон лукавый –
И грустен он, и кроток, и устал,
Как бы от бедствий еле жив он, право, –
Так предо мной Тарквиний и предстал.
Что он злодей – искусно он скрывал...
И, как Приам, так приняла его я,
С приветом, – и моя погибла Троя!

Смотри, как вздрогнул сам Приам седой,
Увидев слезы лживые Синона!
Приам, ты стар, но где же разум твой?
В любой слезе – троянцев кровь и стоны,
Не влага в них, а пламень раскаленный...
Ты сжалился, но эти жемчуга
Сжигают Трью, как огонь врага.

Подобный дьявол вдохновился адом:
Весь в пламени, дрожит, как вмерзший в лед,
Здесь лед и пламень обитают рядом...
В противоречьях здесь единства взлет –
Безумцам это льстит и их влечет:
Такая жалость вспыхнула в Приаме,
Что Трью сжечь сумел Синон слезами".

Теперь же злоба и ее берет...
Она, теряя всякое терпенье,
Синона яростно ногтями рвет,
С тем гостем злым ища ему сравненье,
Кто к ней самой внушил ей отвращенье...
Но вдруг опомнилась – а мстит кому?
"Вот глупая! Не больно же ему!"

Отхлынет скорбь и снова приливает...
Как тягостна ей времени река!
То ночь мила, то день ее пленяет,
Но долог день и ночь не коротка...
Как время тянется, когда тоска!

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Свинцово горе, но ему не спится,
В бессонной ночи время лишь влачится.

Итак, все это время провела
Лукреция, картину созерцая..
От собственных несчастий отвлекла
На краткий срок ее беда чужая,
Она следит, о горе забывая..
Мысль о страданиях ближних, может быть,
Способна облегчить.. А излечить?

И вот уж снова здесь гонец проворный,
Со свитой мужа он привел домой.
Лукреция стоит в одежде черной,
Глаза повиты синею каймой,
Как полукругом радуги цветной..
И слез озера в синеве туманной
Не снова ль предвещают ураганы?

Все это видит горестный супруг,
Жене в лицо глядит он с изумленьем:
Ее глаза красны от слез и мук,
Их ясный свет как будто скрыт затемненьем..
Объяты оба страхом и смятеньем –
Так, в дальних странах друга встретя вдруг,
Ему в глаза глядит с тревогой друг.

Он взял ее безжизненную руку
И говорит: "Какая же беда
Обрушилась и обрекла на муку?
Румянец где? Ведь он блистал всегда!
Исчезло и веселье без следа..
Поведай, милая, свои печали,
Чтобы мы вместе прочь их отогнали!"

Вздохнула трижды в горести она –
В несчастье трудно вымолвить и слово..
Но наконец она начать должна,
И вот поведать им она готова,
Что честь ее в плену у вора злого..
А Коллатин и все его друзья
Рассказа ждут, волненье затая.

И лебедь бледный скорбно начинает
Последний перед смертью свой рассказ:
"Беда, где уж ничто не помогает,
Понятней станет в двух словах для вас.
Не слов, а слез во мне велик запас,
И если б все сказать я пожелала б,
То где найти предел потоку жалоб?"

Ответь, язык, затверженный урок!
Супруг, тебе узнать пора настала:
Пришел наглец и на подушку лег,
Где ты склонялся головой усталой.
По этого злодею было мало –
Он совершил насилье надо мной..
Я верной перестала быть женой!

Он в полночи ужасные мгновенья
С блистающим мечом вошел ко мне
И с факелом.. Дрожа от вожделья,
Он молвил: "Римлянка, забудь о сне!
Отдайся мне, я весь горю в огне!
Но, яростно отвергнутый тобою,
Навек позором я тебя покрою!"

Да, если мне не покоришься ты,
Презренного раба убью мгновенно,
Убью тебя, скажу, что вы – скоты,
Предавшиеся похоти растленной,

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org

Скажу – застав, убил самозабвенно...
В веках я этим стану знаменит,
А ты пожнешь позор и вечный стыд!"

Тут начала я плакать и метаться...
Тогда он к сердцу мне приставил меч,
Сказав, что нечего сопротивляться:
Решай сама – молчать иль мертвой лечь!
И о позоре вновь завел он речь:
"Весь Рим запомнит на твоей могиле –
В объятиях раба тебя убили!"

Был грозен враг мой, беззащитна я,
От страха стала я еще слабее...
Молчать кровавый повелел судья,
Я видела, что умолять не смею.
К несчастью, скромной красотой своею
Похитила я похотливый взгляд...
А судей обворуй – тебя казнят!

Скажи, уместно ль быть здесь извиненьям?
Иль хоть утешь таким путем мой слух:
Пусть кровь моя покрыта оскверненьем,
Но безупречно непорочен дух!
Он тверд, в нем факел света не потух,
Не сдавшись гнету, чистый, он томится
В своей грехом отравленной темнице".

А муж, как разорившийся купец,
Стоял, поникнув в горе и молчанье...
Но вот, ломая руки, наконец
Он речь повел... И с бледных уст дыханье
Струится так, что речь как бы в тумане:
Пытается несчастный дать ответ,
Но только дышит он, а слов-то нет.

Под аркой моста так бурлит течение,
За ним угнаться неспособен глаз.
В водоворотах ярое стремленье
Его обратно увлечет подчас,
И ярость волн захватывает нас...
Страданье рвется вздохами наружу,
Но выразить его так трудно мужу.

Она следит за горестью немой
И новую в нем ярость пробуждает:
"О милый мой, сильнее скорблю с тобой!
Ведь от дождей поток не утихает.
Мне сердце боль твоя острее терзает...
Но ты не плачь! Чтоб горе все залить,
Одних моих слез хватит, может быть.

Ради меня, тебя я заклинаю,
Ради своей Лукреции – отмсти!
Его врагом всеобщим я считаю...
От бед уже минувших защити!
Пусть поздно и к спасенью нет пути,
По все же пусть умрет злодей жестокий
Мы поощряем жалостью пороки!

Но прежде чем открою имя вам, –
Она сказала свите Коллатина, –
Во храме поклянитесь всем богам
Отметить обиды женщины невинной.
Ведь это долг и доблесть паладина –
Поднять свой меч на легион обид...
За горе женщин верный рыцарь мстит!"

И, благородством пламенным объята,
Все воины помочь желают ей:
Готов любой взять меч, облечься в латы,

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Все жаждут знать скорее – кто злодей...
Но, все тая покуда от друзей,
"Ответьте, – молвит, не подъявля взора, –
Как мне с себя стереть клеймо позора?"

Как расценить свой жребий я должна –
Судьбы зловещей страшное вторженье?
Совместны ли невинность и вина?
Возможно ль честь спасти от осквернения?
И есть ли вообще теперь спасенье?
Брось яд в ручей – он будет чист опять...
А мне – как снова непорочной стать?"

Тут все наперебой заговорили:
Пусть в теле червь, но дух не осквернен!
Лицо ее с улыбкою бессилья
Как карта грозных судеб и времен,
Где каждый знак слезами окаймлен.
"Пусть бед таких, – она им отвечает, –
В грядущем ни одна из нас не знает!"

Тут словно сердце разорвал ей вздох..
Тарквиния хотела молвить имя,
Но только "он!" язык несчастной мог
Пролепетать усильями своими.
И наконец устами неживыми
Она сказала: "Он, мои друзья,
Лишь он виной, что умираю я!"

В грудь беззащитную она вонзает
Зловещий нож, души кончая плен...
Удар ножа все узы разрешает
В темнице плоти, имя коей – тлен.
Крылатый дух взлетел, благословен..
И вот из вен струится жизнь немая,
Трагедию достойно завершая.

А Коллатин стоял окаменев,
И рядом вся толпа оцепенела,
И лишь отец, смертельно побледнев,
Упал на землю, обнимая тело...
А Брут из раны нож извлек умело,
И вот за лезвием потоком вновь
Как бы в погоню устремилась кровь.

А из груди струями вытекая,
На две реки расхлынулась она,
И, с двух сторон все тело огибая,
Змеилась вниз зловещая волна...
Все тело-остров, где прошла война!
Часть крови оставалась чистой, алой,
Но черной опозоренная стала.

И в ней царили траур и мороз,
И словно бы вода смешалась с нею,
Как о злодейском деле горечь слез...
С тех пор, как бы Лукрецию жалея,
Нечистой крови цвет всегда бледнее.
Кровь чистая свой цвет хранит всегда,
За мутную краснея от стыда.

"О дочь! – лукреций старый восклицает. –
Ведь эта жизнь принадлежала мне!
Портрет отца младенец воскрешает...
В ком буду жить, раз ты в могильном сне?
Зачем ты смолкла в смертной тишине?
Увы, смешалось все на этом свете:
Живут родители, в могиле – дети!"

Разбито зеркало, где свой портрет
В твоём подобье я ловил, бывало, –

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Но ныне затуманен этот свет,
Во мраке смерть костлявая предстала...
Все узы ты меж нами разорвала –
Ты навсегда рассталась с красотой,
И с ней затмился прежний облик мой!

О Время, прекрати свое движенье,
Раз умирает то, что жить должно,
И входит доблесть в смертные владенья,
А жить ничтожным только суждено.
Пчел юных много, старых – нет давно!
Живи, моя Лукреция, ликуя,
Ты хорони меня, когда умру я!"

Тут Коллатин, очнувшись, как от сна,
Отца ее умолкнуть умоляет
И, рухнув там, где вся в крови она,
Свой бледный лик он кровью обагрят,
Как будто с ней он умереть желает...
Но вновь в него вдыхает силу стыд,
Он хочет жить, он мщением горит!

Глубокое душевное волненье
Ему сковало тяжестью язык...
Но, испытав в безмолвии томленье
(Ведь каждый горе изливать привык!),
Он речь повел. И полилась в тот миг
Волна бессвязных слов, неясных, хилых,
Которых смысл понять никто не в силах.

Но вдруг "Тарквиний!" слышалось ясней,
Сквозь зубы, словно грыз он это имя...
Так ветер перед яростью дождей
Взметается порывами шальными,
Но хлынет дождь – и ветра нет в помине!
Так скорбь в слезах их спор решить должна,
Кто им дороже – дочь или жена.

Тот и другой зовут ее своею,
Но их старанья тщетны, как ни жаль...
Отец кричит: "Моя!" – "Была моею, –
Твердит супруг, – оставьте мне печаль!
Я разрешу кому-нибудь едва ль
Оплакивать Лукреций кончину,
Пристало это только Коллатину!"

Лукреций стонет: "Мною жизнь дана
Той, кто так рано скрылась в тень могилы!"
"О горе! – стонет Коллатин, – жена,
Моя жена, она мое убила!"
"Дочь" и "жена" – все жалостью томило,
И воздуха расколота волна
Звенящим: "Дочь моя!", "Моя жена!"

А Брут, извлекший раньше нож из раны,
Увидев схватку этих скорбных сил,
Обрел теперь величие титана,
Он блажь былую в ране схоронил.
Ведь Рим его невысоко ценил:
Так короли шутов не уважают
За то, что часто вздор они болтают.

Он шутовской наряд отбросил прочь
(Была здесь хитрость – вот и вся причина!),
И ум блеснул, чтоб в горести помочь,
Чтоб успокоить слезы Коллатина.
"Встань! – он сказал, – ты в ранге властелина!
Позволь же мне, кто слыл глупцом у вас,
Дать мудрому совет на этот раз!

Мой друг, ужели горем лечат горе?

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Да разве раны исцелят от ран?
Ужель себе ты будешь мстить в позоре
За кровь жены, за подлость, за обман?
Ребячество, безволия туман!
Вот так твоя жена и поступила:
Себя, а не врага она убила.

О римлянин, ты сердцу не давай
Потоком жалоб горестных излиться!
Склонись над алтарем, к богам взывай,
Чтоб грозным гневом вспыхнули их лица,
Чтоб мести помогли они свершиться!
Недрогнувшей рукой наш славный Рим
От мерзкой грязи мы освободим!

Клянемся Капитолием священным,
Чистейшей кровью, пролитой сейчас,
Сияньем солнечным благословенным,
Правами римлян, вечными для нас,
Душой Лукреции, чей взор угас,
Ножом кровавые этим – мы едины!
Мы отомстим за смерть жены невинной!""

Умолкнув, он ударил в грудь рукой,
Целуя нож, повинный в преступленье...
Всех, кто там был, увлек он за собой
Порывом доблестным в одно мгновенье,
И вся толпа упала на колени,
И снова клятва прозвучала тут,
Та самая, что дал впервые Брут.

Когда и остальные клятву дали,
Они Лукреции кровавый прах
Всем римлянам с помоста показали,
Как повесть о Тарквиния грехах.
И вынесло злодеям всем на страх
Свой приговор народное собранье:
Тарквинию навек уйти в изгнанье!

ПРИМЕЧАНИЯ К ТЕКСТУ "ЛУКРЕЦИИ"

Сюжет, заимствованный Шекспиром из "Фаст" ("Месяцеслова") Овидия (кн. II), был обработан им близко к подлиннику. Важнейшие из отступлений относятся к началу и к концу поэмы. У Овидия Коллатин сам показывает Сексту Тарквинию свою жену, когда она ночью прядет; у Шекспира дело ограничивается только тем, что Коллатин рассказывает о красоте и целомудрии Лукреции. У Овидия повествование завершается предсказанием о том, что Секст Тарквиний потеряет свое царство. У Шекспира дано краткое изображение восстания, приведшего к изгнанию Тарквиния из Рима. Лирические отступления также являются шекспировскими и не навеяны непосредственно поэмой Овидия.

Обрисовка характеров и описание переживаний Тарквиния и Лукреции – плод творческого воображения Шекспира.

Из лагеря Ардеи осажденной... – Ардея – столица племени Рутулов в восемнадцати милях от Рима.

Коллациум (точнее – Коллация) – город в пяти милях от Рима, место жительства Коллатина.

На герб червонный наложу бельмо я... – Согласно правилам рыцарской чести и геральдики, за нарушение достоинства полагалось закрашивать красным цветом изображение на гербе.

И, с тростника схватив ее... – В английских домах времен Шекспира пол устилался камышом.

Ведь сам Плутон внимал игре Орфея. – В древнегреческом мифе фракийский певец Орфей спустился в ад, чтобы вывести оттуда свою жену Эвридику. Своим пением он так полюбился царю преисподней Плутону, что тот отпустил Эвридику.

Арена для трагедии... – В том, что ночь ассоциируется в поэме с трагедией, видят намек на обычай английского театра эпохи Шекспира вывешивать черный навес над сценой во время представления трагедий

(Э.Мелон).

...себя низрину в Лету... – В древнегреческой мифологии Лета – река забвения, воды которой души умерших должны испить перед вступлением в загробный мир для того, чтобы забыть обо всем, что было с ними при жизни.

...как у фонтана статуи наяд. – Наяды в античных мифах – фантастические существа, обитавшие в воде, в частности в водах фонтанов.

Прекрасное изображение Трои... – Лукреция разглядывает картину, изображающую события, связанные с легендой о Троянской войне, составившей содержание поэмы Гомера "Илиада".

И лебедь бледный... – Намек на древнее поверье о том, что – лебедь перед смертью поет.

Брут – Юний Брут, первый из семьи Юниев получил прозвище – Брут (животное), так как, спасая свою жизнь от подозрительного дяди, царя Тарквиния, притворялся безумным, на что есть намек в поэме: "он блажь былую в ране [Лукреции] схоронил", то есть смерть Лукреции заставила его сбросить маску безумия.

А.Аникст

ЛУКРЕЦИЯ

Перевод А. Федорова [27 - М., "Эксмо", 2007] OCR Бычков М.Н. mailto: bmn@lib.ru]

Его Милости Генриху Райотсли,
Герцогу Соутгемптонскому
и барону Тичфильдскому

Моя любовь к Вашей Милости беспредельна, и этот отрывок без начала выражает только часть ее. Только доказательства Вашего лестного расположения ко мне, а не достоинство моих неумелых стихов дают мне уверенность в том, что Вы примете мое посвящение. То, что я совершил, принадлежит Вам, что я должен еще совершить – тоже Ваше. Вы – собственник всего, что я имею, так как я всецело предан Вам. Если бы достоинства мои были более велики, и выражения моей преданности были бы лучшими. Но, во всяком случае, каково бы ни было мое творение, оно приносится как дань Вашей Милости, которой я желаю долгой жизни, еще более удлиненной всевозможным счастьем.

Вашей Милости покорный слуга
Вильям Шекспир

От боевой Ардеи осажденной,
Крылами лъстивой похоти носим,
От войск своих Тарквиний мчится в Рим.
В Коллаиум свой пламень затаенный

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Несет он, сладострастный, чтобы им
Обвеять грудь подруги Коллатина:
Лукреция прекрасна и невинна.

"Невинна". Этим Коллатин разжег
Нечаянно в нем знойные желанья,
Хваля ее румянец, нежность щек,
На небе грез царивших, средь сиянья
Красавиц звезд, чье чистое мерцанье
Внушало, озаряя ночи тьму,
Благоговенье светлое ему.

Тарквинию в шатре его походном
Открыл свой клад минувшей ночью он:
Сокровищем он свыше награжден.
Он хвастался, что образ благородный
Его подруги в памяти народной
Возвысить мог бы славу королей.
Он – только смертный и владеет ей.

О, как недолго счастье нас ласкает!
Приходит вмиг и так же вмиг уйдет,
Как та роса, что, серебрясь, блистает,
Лишь только солнце на небо взойдет.
Оно уж гложет раньше, чем цветет.
И красота и честь в мгновенной власти
Бессильны против горя и напасти.

Краса сама собою благодатна.
Глаза людей не замкнуты ничем.
Зачем хвалить, что и без слов понятно
И редкостно? О Коллатин, зачем
Ты хвастался подругою? Меж тем
Похвальней скрыть ревниво достоянье
От воровского взгляда и желанья!

Быть может, хвастовство такую властью
Царю внушило дерзостный порыв.
Нередко слух питает сердце страстью.
Так, о своем богатстве объявив
И зависть вдруг к сокровищу внушив,
Тем уязвил он гордость властелина:
Перл для царей и вдруг – у Коллатина!

А если и не то и не другое, –
Так мысль его поспешность разожгла.
Все: честь, дела и сан и все святое –
Он позабыл и мчится как стрела
Залить огонь, сжигающий дотла.
О лживый пыл, раскаяньем клейменный!
Твой ключ забьет и сохнет, утомленный.

В Коллатиум явился царь коварный.
Он встречен там достойнейшей из жен.
В ее лице румянец светозарный
Прекрасной добродетелью пленен:
Лишь добродетель засияет – он
Еще нежней; а красота засветит –
И добродетель бледностью ответит.

Но красота в блистательном сраженьи
От голубей Венеры помощь ждет,
И добродетель у нее берет
Ее румянец: в пылком восхищеньи
Век золотой ей сделал подношенье;
И для ланит румянец – алый щит:
Он от стыда их бледность защитит.

Весь этот спор двух королей державных –
Красы и добродетели – возник
С начала мира; в их лучах тщеславных

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Лукреции сияет дивный лик.
Но честолюбье побуждает равных
К сражению, и мощь их так сильна,
Что каждая порой оттеснена.

И битву роз безмолвную и лилий
Тарквиний видел: вероломный взор
Включил и он в их спор и без усилий
Сдается в плен. Увы, его позор
Не торжество для гордых, а укор.
Пусть лучше враг трусливый убегает:
Над ним победа их не привлекает.

Теперь Тарквиний видит, что язык
Ее супруга – скряга настоящий:
Он похвалой унизил дивный лик,
Все похвалы красой превосходящий.
Лукрецию увидев, он постиг,
Что свой восторг не выразить словами,
И расточил хвалы свои – глазами.

Но демона пленившая святая
Не прозревала вероломных ков:
Кто чист, тот тьмы не видит, сам сияя;
Так птицы, не выдавшие силков,
Ловушек не боятся. Но таков
Обычай: гостя, скрывшего под маской
Злой умысел, она встречает лаской.

Царь скрыл его своим высоким саном:
Презренный грех под царственным плащом.
Казалось, он был чужд позорным планам;
Но глаз восторг тревожным огоньком
Их выдавал. Все охватив кругом,
В богатстве бедный, низкий в изобилии,
Томился он желанием в бессильи.

Но ей темны очей его намеки,
Их смысл она постигнуть не могла;
Хрустальных книг таинственные строки
Она душой невинной не прочла.
Крючки, приманки... Нет, не поняла
Тех глаз она; его не осуждала:
Как будто солнце перед ним сияло.

О коллатине вся его беседа.
Ее супруг в Италии гремит:
Его венчает лаврами победа,
Ему война бессмертие дарит.
Лукреция восторженно молчит
И только руки к небу воздымает;
Богов за все удачи прославляет.

В своих словах от избранной им цели
Далек Тарквиний, просит извинить
За посещение. Тучи не посмели
Пророчеством ей сердце омрачить.
Приходит ночь, чтоб страхом все затмить
И наложить на мир свои печати,
Скрывая день в угрюмом каземате.

И вот уж ждет Тарквиния постель,
Он утомлен: за полночь длился ужин.
Но перед ним – негаснущая цель,
В нем кровь кипит, хоть телу отдых нужен.
Свинцовый сон идет к тому, с кем дружен.
Все отдохнуть стремятся от трудов,
Все, кроме душ мятежных и воров.

Один из них, Тарквиний, возлежал,
Обдумывая замысел опасный...

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org

Его свершить решил он, хоть дрожал
За дерзкий план, безумный и ужасный.
Но страх порой – толчок к успеху властный,
И, если смерть грозит за дивный клад,
Пусть смерть идет, но нет пути назад.

Кто к многому стремится, поневоле
Свое, чужое ставит наугад,
И чем надежда алчнее и боле,
Тем меньше жизнь дает ему наград.
И, выиграв, не станет он богат:
Уходит все на выплату по счетам,
Богач-бедняк становится банкротом.

Задача всех – в преклонные лета
Обставить жизнь богатством и покоем;
Из-за того борьба и суета,
На этом мы все наше счастье строим:
Так яму мы себе же сами роим.
Честь – для богатств, и все для них губя,
Со всем мы губим вместе и себя.

Рискуя только ради ожиданья,
Собой мы сами быть перестаем.
О, слабость! О, бесстыдные желанья!
Имея, все желать. Так отдаем
Мы все, что есть, в безумии своем;
Стремясь увеличить, уменьшаем,
И нечто вдруг в ничто мы обращаем.

Тарквиний, упоенный, бесшабашный,
Ступил на этот путь. Для страсти – честь.
Он для себя – себя предатель страшный.
Он для любви готов себя извести.
Где ж справедливость жалкому обрести!
Он отдается сам пред целым светом
Злословию и гибельным наветам.

Ночь мертвая подкралась, и смежил
Тяжелый сон все очи. Тучи кроют
Сиянье звезд. Ни звука. Беспокоят
Лишь крики сов призывами с могил,
Да волки торжествующие воют.
Невинность спит. Но в этот мертвый час
Злодейство, похоть не смыкают глаз.

И сладострастный царь встает с постели.
Наброшен плащ. И страх и похоть в нем
В борении; одно толкает к цели,
Грозит другое гибелью кругом.
Но честный страх стал похоти рабом
И уступает страсти гнусным чарам,
Сражен желанья гибельным ударом.

Царь о кремень мечом ударил: рой
Горячих искр исторг холодный камень.
От них зажег он факел восковой;
Для похотливых глаз его звездой
Горит его колеблющийся пламень,
И мыслит царь: "Из камня добыл меч
Огонь, – так я хочу ее зажечь".

Опасность он рисует, весь бледнея,
Обдумывает мерзостный свой план,
Пугаясь сам и сам его лелея.
Он все напасти видит сквозь туман:
Меч – страсти, вот теперь его тиран;
Он обнажен; и царь с тревогой явной
Оценивает замысел бесславный:

"О благородный факел, не мрачи

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org

Сиянья той, чей дивный лик светлее,
И погаси печальные лучи.
Умри, о мысль, пятнать ее не смея.
В честь божества на алтаре скорее
Зажги огонь, и белых роз любви
Безумными желаньями не рви.

О, рыцарство! О, честный герб! Позор!
Могилам предков злое порицанье.
Всех мерзких бед безбожное слиянье!
Рабом мечты стал воин. О, укор
для мужества! Над честью приговор!
Мое паденье низко и бесстыдно
И на лице, как маска, будет видно.

Умру, но стыд переживет меня,
В моем гербе бельмом он будет грязным,
И, выходку позорную казня,
Герольд отметит словом безобразным,
Как я любил. И, прах отца кляня,
Меня мое потомство устыдится
И заклеить меня не побоится.

Что я найду, осуществив желанья? –
Мечту, вздох, пену радости пустой.
За побрякушку – вечность в воздаянье,
За миг дни зла; для ягоды одной,
кто сгубит виноградник золотой?
И есть ли нищий, за прикосновенье
К венцу царя готовый на мученье?

О, если бы мой план хоть в сновиденьи
Увидел Коллатин! – За мною вслед,
Воспрянув, он рванулся б в исступленьи,
Чтобы прервать поток грозящих бед:
Глумление над браком, злой навет,
Пятно для юных, мудрому забота,
Невинности погибель без оплота.

Когда меня за гнусность, злобы полный,
Ты обвинишь, я упаду во прах,
Ослепну я и задрожу, безмолвный,
И обольется кровью сердце. Страх
Сильней вины. Не может впопыхах
Он ни бежать, ни защищаться ложью
И смерть зовет с мучительною дрожью.

Убей он сына моего, изменой
Вонзи кинжал свой в царственную грудь,
Не будь родным мне, другом мне не будь, –
я мог бы свой поступок дерзновенный
Хоть защитить иль совесть обмануть
И объяснить все жаждою отмщенья...
Но за позор я не найду прощенья.

О, если все об этом преступленьи
Узнают!.. Ненавистно.. Не должно
В любви быть ненависти. В униженьи
я буду умолять ее. Одно
Страшней всего – отказ. Но все равно.
Сильней рассудка воля. Кто смирится
Пред старостью, тот пугала боится".

Меж совестью и волею горящей
Безумец в колебаньи устает.
От добрых мыслей он бежит, дрожащий,
И подстрекает злобные вперед.
И наконец уж близится исход:
Все светлое исчезло с беспокойством,
Все низменное кажется геройством.

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Он говорит: "Она коснулась ныне
Моей руки, смотрела мне в глаза,
Когда я говорил о Коллатине,
Страх за него сменяла в ней слеза,
В лицо бросалась краска, как гроза.
То розой на снегу она алела,
То, будто снег, лишенный роз, бледнела.

Ее рука в моей руке дрожала,
И благородный страх то волновал,
То грустью ей вонзался в грудь, как жало...
Но я ее сомненья разогнал, –
И нежный крик так дивно прозвучал,
Что будь Нарцисс цветущий недалеко,
Не бросился б, влюбленный, в глубь потока.

Зачем же здесь увертки, оправданья?
Немеют все при звуках красоты,
Ничтожества страдают за желанья;
Цветок любви не любит темноты.
Любовь! Меня ведешь, как кормчий, ты.
Кого зовет на подвиг это знамя –
Будь даже трус, в нем вспыхнет смело пламя.

Прочь, глупый страх! Долой все рассужденья!
Почтенье, разум, ждите седины.
Где глаз мой, там и сердце без боренья.
Печаль и поза мудрости нужны.
Их гонят прочь лучи моей весны.
Желанье – вождь; красавица – награда,
И для нее погибнуть сердце радо.

Как заглушают плевелы пшеницу,
Страх похотью тлетворной заглушен.
С сомненьем, с жаром похоти блудницы
Уж крадется, прислушиваясь, он,
Как слугами коварными, смущен
То тем, то этим шатким убежденьем.
То – перед миром, то – пред нападеньем.

Небесный образ мысль его ласкает,
Но Коллатин с ним крепко обручен.
Взгляд на нее все мысли омрачает,
А тот, что на супруга обращен,
Велит бежать, бежать отсюда вон,
Волнует сердце доблестным призывом;
Но, лживое, осталось сердце лживым.

И низменные силы, подстрекнуты
Отважным видом своего вождя,
Вступают в страсть, как в час – его минуты,
И гордость их растет; за ним следя,
И платит дань с избытками, ведя
Его вперед, к Лукреции, к постели.
Так римский вождь спешит к заветной цели.

Замк_и_ меж спальней и его стремленьем
Разрушены. уж больше нет преград.
Но двери, отворяясь, скрипят;
Пророча зло, предупредить хотят
О нем, пища, ночные звери – ласки.
Он все идет и гонит страх огласки.

Дверь неохотно силе уступает.
Сквозь скважины и щели погасить
Стремится факел ветер, и бросает
Свой едкий дым в лицо, и заградить
Желает путь – и зло остановить.
Но сердца жар раздут желаньем бурным,
И факел весь горит огнем пурпурным.

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Он видит озаряемую светом
Лукреции перчатку на полу.
Схватив ее с циновки, об иглу
Он палец уколел и видит в этом
Живой намек – не поддаваться злу;
Он говорит ему: "Пойми меня ты:
Лукреции уборы даже святы".

Увы, его препятствия не властны
Остановить; их смысл легко найти:
Дверь, ветер – все, что было на пути,
Что задержать старалось напрасно, –
Случайности. Порой часам идти
Подобные препятствия мешают,
Пока минуты долг не отсчитают

"Так, – мыслит он, – все эти проволочки –
Морозы с наступлением весны;
Они порой задерживают почки,
Но после них так песни птиц звучны!
Сокровища с трудом сопряжены:
Моряк-купец приходит в край желанный
Через скалы, рифы, бездны, ураганы".

Вот он подходит к двери, что скрывает
Лазурь небес заветных грез его.
Лишь слабая щеколда отделяет
От наслажденья, счастья и всего,
В чем видит он желаний торжество.
Он так ослаб, что к небесам взывает,
Как будто небо злему потакает.

Но средь мольбы бесплодной к силе вечной,
Чтобы она затее помогла
Осуществить порыв мечты сердечной,
Его трясет от дрожи: "Я для зла
Сюда пришел, – он шепчет, – за дела
Подобные, за тяжкий грех растленья
Ждет казнь небес, не дар благословенья.

да будут мне любовь с судьбой богами!
Решимость укрепляет волю мне.
Мысль только сон, пока живет мечтами.
Есть отпущенье тягостной вине.
Любовь растопит страсть в своем огне.
Небесный глаз сокрылся. Тьма ночная
Прикроет стыд за наслажденьем рая".

Так он сказал. И вот рукой порочной
Щеколду отпер; дверь раскрыл ногой.
Голубка спит перед совой полночной.
Изменник не открыт. Перед змеей
Стоняются, заметив издалека,
Но жала зла во сне не видит око.

Вот подло он проник в покой, обходит
Красавицы постель; и жадный глаз
Вращается и сердце властно водит:
Покорное, когда ударить час,
Руке отдаст настойчивый приказ,
И облако, скрывавшее ревниво
Луну, рука отбросит торопливо.

Нас огненное солнце ослепляет,
В глаза ударив прямо из-за туч;
Тарквиний, полог распахнув, мигает
И щурится. Быть может, так могуч
Свет красоты, иль стыд слепит, как луч,
Но он закрыл глаза свои мгновенно,
Как бы увидев солнце дерзновенно.

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
О, если б им и умереть в затмении!
Злодейство не шагнуло б чрез порог,
И Коллатин с Лукрецией бы мог
Вкушать на ложе чистом наслажденье.
Увы, глаза открылись, и порок
Украдет у Лукреции, коварный,
Восторг души святой и лучезарный.

Она щекою на руку склонилась:
Так поцелуй подушки утаен;
Та надвое печально разделилась,
Чтоб своего достигнуть с двух сторон.
Меж двух холмов головки сладок сон.
Она лежит невинным изваяньем,
А гнусный взор скользит по ней с желаньем.

Рука другая свесилась с постели:
На зелени покрывала белизна –
Как маргаритка в зелени в апреле;
В испарине, как в жемчугах она.
Как златоцветы, очи в неге сна
Скрываются до утра в их темнице,
Чтоб день красой обвеять сквозь ресницы.

О, скромность дивная! О, шаловливость!
Как золото, колышет волоса
Дыхание. На поле смерти – живость,
Вторженье смерти в жизни чудеса.
И жизнь и смерть во сне ее – краса.
Как будто между ними не боренье,
Но в жизни – смерть, а в смерти – вдохновенье.

Два мира – грудь невинна и упруга:
Шары слоновой кости с голубым.
Знакомо им лишь иго их супруга;
Они ему принадлежат, он им.
Тарквиний вновь тщеславием палим:
Как узурпатор гнусный, неуклонно
Владельца их он хочет свергнуть с трона.

Все, что он видит, – ощущает знойно.
Все, что подметит, – алчет, опьянен.
Все жадный взор волнует беспокойно;
В изнеможеньи страсти, изумлен,
С несказанным восторгом видит он
Кораллы губ, и жилки голубые,
И кожи блеск, и формы неземные.

Как жертвою играет лев рычащий,
Победой острый голод утолив,
Стоит Тарквиний над душою спящей,
Страсть созерцаньем пламенным смирив,
Он подавить не волен свой порыв.
Ты, глаз, смирить безумье страсти в силах,
Но кровь зато огнем струится в жилах.

Рабы всегда в сраженьи мародеры,
Сторонники злодейств и мятежа.
В крови, смеясь, они купают взоры,
Ни матери, ни дети их, дрожа,
Не остановят плачем грабежа.
Так сердце бьет тревогу и к атаке
Готовится при первом быстром знаке.

Мужайся, сердце, под горящим глазом!
Глаз водит руку, и его рука,
Гордясь такою честью и приказом,
Нагой груди касается слегка.
Владенья сердца... круглый холм... Пока
Рука на нем, – из жилок кровь сбежала,
И в башенках бледно и тихо стало.

Вся кровь теперь в убежище священном,
Где мирно спит царица и, вопя,
Доносят ей о действии презренном
С стенанием, волнуясь и хрипя.
Она глаза открыла, но, слепя,
Огонь в глаза ударил нестерпимо,
Дохнув в нее волною едкой дыма.

В глухую полночь робкое создание
Ужасной грезой вдруг пробуждено.
Пред ней виденье страшное... Оно
Все члены ей приводит в содроганье.
О ужас! Но ужаснее одно:
Видение, что ей со сна явилось,
В действительность пред взором обратилось.

Охваченная ужасом, в мгновенье
Она, как птичка, насмерть пронзена,
Не смеет глаз поднять на приведенье.
Но призраками комната полна:
Смятенный мозг их создает без сна,
И видя, что глаза боятся света,
Их ужасами мучает за это.

Его рука на груди обнаженной:
Для стен слоновой кости – злой таран.
Под нею сердце – только осажденный
Безумно бьется до смертельных ран.
Рука сильна. О, яростный тиран!
Войти он глубже хочет... глух к пощаде...
Хотя бы брешь пришлось пробить в ограде.

Его герольд язык трубит призывно:
"Переговор!" Она, полумертва,
Над простыней свой подбородок дивный
Приподняла и, вся дрожа, едва
Произнесла прерывисто слова:
Зачем он здесь? Как смел он в час полночный
Явиться к ней с надеждою порочной?

"Румянец твой так нежен, – ей открыто
Он говорит, – что лилии бледны
От зависти и розы смущены.
Он оправданье страсти и защита,
Он знамя мне для пламенной войны.
О, крепость с неприступными стенами,
Ты предана твоими же глазами!

Я все сказал. Зачем роптать упорно!
Тебе краса служила западней.
Моей любви должна ты быть покорна.
Она тебя для радости земной
Мне отдала. Я грежу ей одной.
Уж совесть пыл желания гасила, –
Твоя краса все снова оживила.

Предвижу я все беды покушенья:
С шипами роза пышная цветет,
Повсюду жало охраняет мед.
Все доводы дало мне размышленье,
Но воля им не внемлет и влечет.
У воли есть для красоты лишь зренье,
Закон и долг – ничто для вожделья.

Я в глубине души моей измерил
Всю бездну зла, позора и стыда.
Но где страстей бушующих узда?
Бессилен тот, кто страсти сердце вверил.
Возмездье мне – презренье и вражда.
Но как мое стремленье ни позорно,

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Я выполнить решил его упорно".

Сказал, и римский меч взвился высоко,
Как над совою сокол, и покрыл
Холодной тенью жертву, и грозил
Вонзить в нее согнутый клюв жестоко,
Когда она поднимется. Без сил
Внимала птичка клекоту злодея,
Под злым мечом от ужаса бледнея.

"Лукреция! Ты дашь мне наслажденье.
Откажешь – силу я употреблю.
Я, взяв тебя, убью, и умерщвлю
Бесславного раба, и ради мщенья
К тебе в объятья мертвые свалю,
Чтоб уничтожить с жизнью знамя чести,
И поклянусь, что вас застал я вместе.

Твой муж тогда, все переживши, станет
Пятном для глаз, мишенью для острот.
Твоих родных позор твой в сердца ранит,
Без имени потомство возрастет,
Презренное, твой образ проклянет,
И мнимый грех толпе мальчишек звонкой
Надолго станет злою побасенкой.

Но уступи – и я твой друг всегдашний.
Безвестный грех, как мысль без дела, – сон;
Благая цель оправдывает шашни.
Нередко яд, умеренно включен
В простую смесь, в которой тает он,
Не только убивает зло отравы,
Но создает лекарства и приправы.

Для мужа, для детей склонись к молениям.
Для них позор страшнее, чем чума.
Его пятно не смоешь искупленьем,
Наследство злей, ужаснее клейма,
Которое рабам дает тюрьма,
Противней, чем уродство от рожденья:
Природа там, а здесь – грехопаденье".

Тут он с смертельным взором василиска
Смолкает, выпрямляется и ждет.
Она, как лань, захваченная низко
В пустыне, где защиты не найдет,
Где хищный зверь и рыщет, и ревет,
Его напрасно молит: зверь бездушен,
Не долгу, а желанью он послушен.

Когда грозят седые тучи миру,
Вершины гор скрывая в темноте, –
Из недр земли, подобные зефиру,
Восходят вздохи к горней высоте,
И гонят тучи в синей пустоте:
Так дивный голос усмирил злодея:
Плутон внимает музыке Орфея.

С бессильной мышкой ночью кот играет,
Та мучится, под лапою скользая,
Но скорбь ее в нем ярость разжигает...
Насытить бездну вздохами нельзя.
Закрыта к сердцу светлая стезя.
Дождь продолбить порою может камень, –
От слез сильнее сладострастный пламень.

Ее глаза устремлены с мольбою
В морщины бессердечные. То вдруг,
В святую речь вольется вздох с слезою, –
Они еще милее... То испуг
Ей голос обрывает, и вокруг

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Она глядит и начинает снова,
Чтоб произнести желаемое слово.

И закликает Зевсом всемогущим,
Любовью к мужу, рыцарством, слезой,
Законом, правдой, светом вездесущим,
И дружбою, и небом, и землей, –
Пусть он вернется в временный покой
И покорится чести неподкупной,
А не велению похоти преступной.

"Не воздавай такой ценою черной
За все гостеприимство, не мути
Священный ключ с водою благотворной:
Погубленного снова не спасти –
До выстрела добычу отпусти.
Тот не стрелок, кто пулю жестоко
Сражает самку бедную до срока.

Мой муж – твой друг. О, пощади для друга!
Ты сам могуч – помилуй для себя.
Я слабая, а сеть твоя упруга.
Ведь ты не лжив. Оставь, не погубя.
Ужель ничто все вздохи для тебя?
Когда мужчину можно тронуть плачем,
Внемли стенаньям и слезам горячим.

Все это здесь, волною океана
Как об утес гранитный, в сердце бьет,
Чтобы мольбой растрогать великана
И уронить в пучину вечных вод,
Где весь растает он и пропадет.
Не камень ты, – а состраданье кротко,
Ему ничто железная решетка.

Ты принят мной с почетом, как Тарквиний, –
В его личине ты его позор.
Всем силам неба жалуюсь я ныне.
Ты царственному имени укор,
Не тот, кого в тебе признал мой взор,
А если тот, не царь, не бог над нами:
Те и собой, и миром правят сами.

Какой позор на старость безобразно
Готовишь ты, когда весна с пятном:
Ты – ветвь царей – и так преступен грязно,
Что ж совершишь, поставленный царем?
Не смуть злодейств, творимых под щитом
Преступного и дерзкого вассала.
Скрыть зло царя вселенной будет мало.

Несчастен царь, который чтим из страха.
Счастлив, кого боятся все, любя.
Преступники, грозит которым плаха,
С презрением укажут на тебя.
Одумайся и не губи себя:
Царь – подданным зеркало, книга, знанье,
Он всем пример, урок и назиданье.

Ужель ты будешь школою растленья?
Для подданных – собранье гнусных дел,
Зерцало лжи, греха и преступленья,
Бесчестия и низости предел.
Ужель бесчестье будет твой удел?
Ты предпочтешь бесславье дивной славе,
А слава станет сводницею вьяве.

Ты принял власть, так будь того достоин,
Кто дал ее, и управляй собой.
Не обнажай меча, как подлый воин,
Лишь зло карай, а не твори разбой.

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Как ты исполнишь долг великий свой,
Когда порок тебя возьмет порукой
И скажет: царь мне послужил наукой?

О, как в других ужасно гнусность встретить,
Которую ты в прошлом сделал сам.
Не всем дано свою вину отметить
И совести поверить голосам.
Что сделал ты, то в ближнем зло и срам,
Достойный смерти. Глубоко паденье
Тех, кто к себе питает снисхождение.

К тебе, к тебе взываю я с мольбою,
А не к желанью злему своему;
Да будет, царь, достоинство с тобою –
Ты обратись за помощью к нему,
А гнусный план да скроется во тьму!
Ты тучу тьмы в глазах своих рассеешь,
И все поймешь, меня же пожалеешь”.

”Довольно! – он вскричал. – Напрасны чары.
От них мое желание растет.
От ветра искры гаснут, а пожары
Еще сильней. Источник, что несет
В морскую глубь струи безвкусных вод,
Лишь увеличит их простор зеленый,
Но не изменит вкус горько-соленый”.

Она ему сказала: ”Предназначен
Тебе венец, ты также океан,
Но вот поток-разврат, могуч и мрачен,
Ворвался в кровь, и если зло, обман
В тебя вольются, ими обуян,
Ты, океан, не их поглотить вскоре,
А загрязнишься сам на всем просторе.

Ты будешь раб рабов, они – владыки.
Ты – жизнь для них, они – твой склеп глухой,
Ты – в благородстве низок, те – велики
В презрении. ничтожество собой
Не смеет гнуть величье. Головой
Могучий кедр не никнет до бурьяна,
Но чахнет тот в подножьи великана”.

”Довольно! – он прервал. – Клянусь богами,
Тебя я дольше слушать не хочу.
Моею будь. Нет? – Станем мы врагами.
Я вместо ласк насильем отплачу,
И, овладев тобою, я вручу
Твой труп объятиям холопа грязным,
Убитого на ложе безобразном”.

Так он сказал – и наступил ногою
На факел свой: свет с похотью – враги.
Смелее зло, окутанное тьмою,
Тиран сильней, когда вокруг ни зги.
Ягненка волк схватил, в глазах круги.
Но скоро волк его же шерстью белой
Задушит крик отчаянья несмелый.

Ее ж бельем ночным он замыкает
Ее уста и заглушает крик.
Слезами чистой скорби оmyвает
Свой сладострастьем воспаленный лик.
Позорный грех на ложе к ней проник.
О, если б можно смыть его слезами,
Лились бы слезы жгучие годами!

Утраченное ей дороже жизни.
Он отнял то, что рад бы потерять.
Миг близости ведет к борьбе опять,

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Блаженства миг – к бессменной укоризне.
На похоти – презрения печать.
Ограблены невинности богатства.
Беднее похоть после святотатства.

Как пес иль сокол, жертвой пресыщенный,
Теряет легкость, ловкость и чутье
И пропускает часто, полусонный,
Любимую добычу, – так свое
Желание насытивши, ее
Он в эту ночь берет и оставляет,
Прожорливостью волю возбуждает.

Бездонный грех, который не измерит
Живая мысль. Желание пьяно.
Но прежде, чем себя оно проверит,
Исторгнет все, что им поглощено.
Когда полно гордынею оно,
Узда не сладит с похотью горячей
И ждет, когда та станет жалкой клячей.

Тогда устало, с вялыми щеками,
Нахмутив брови, слабая бредет
Нетвердым шагом, с мутными глазами,
Оплакивая дело, как банкрот.
В ней сила есть, и похоть совесть гнет:
Здесь пир ее. Когда ж опустит крылья,
Прощенья просит, плача от бессилья.

Случилось так и с властелином Рима,
Столь жадно добивавшимся утех.
Он сам себе судья неумолимо,
Он сам себе бесславие за грех,
Алтарь души разрушен, и со всех
Сторон летит несметная забота
И требует сурового отчета.

Отвечает душа: ее клеветы
В позорном бунте стены потрясли,
Нарушили священные заветы,
Земным страданьям грубо обrekli
И сделали рабынею земли.
В предвиденьи она все это знала,
Но против воли злой не устояла.

Всю ночь его терзают думы эти.
Пленный победитель! Для него
Жестокой раной стало торжество,
Не облегчит ничто ее на свете.
Без сил добыча бедная его,
Она несет ярмо его желанья,
Он – тяжкий груз преступного сознания.

Он, робкий пес, ползет трусливым гадом.
Она, ягненок раненый, дрожит.
Он сам себя презрением казнит,
Она ногтями тело рвет с ним рядом.
Он, весь в поту от ужаса, бежит,
Минувшее блаженство проклиная.
Она горит, терзается, рыдая.

Так он уполз, раскаяньем придавлен.
Она одна. Позор – ее тюрьма.
Он ждет зари, угрюм и обесславлен.
Она взывает к небу, чтобы тьма
Не покидала мира. "Ночь нема,
А свет дневной все скажет, все ответит
И мой позор в глазах открытых встретит"

И кажется, что всем позор тот ясен,
Как ясен им, и оттого глаза

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Хотят, чтоб мрак был вечен и ужасен,
Чтоб страшный грех таился, как гроза,
Иначе все, все выдаст днем слеза.
Как влага сталь ест ржавчиной упорной,
Она в лице оставит след позорный.

Она клянет покой, отдохновенье,
Да поразит ей очи слепота!
И слышит сердца страшное биенье,
Велит ему оставить грудь. Пусть та,
Которая душой своей чиста,
Возьмет его. Так ужас ночи тайной
Она клянет с тоской необычайной:

"О, ночь, убийца мира! Образ ада!
Позора свиток! Скопище стыда!
Подмостки, где злодейство и вражда!
Ночь – хаоса зловещего ограда!
Притон бесславья! Мерзости орда!
Закутанная сводня! Вор! Измена!
Пещера смерти! Похоти арена!

Ночь гнусная, пропитанная ядом,
Ты это мне бесславье принесла.
Останови времен течение взглядом,
И пусть затмит таинственная мгла
Восход зари, когда она светла.
А встанет солнце – лик его могучий
Спеши покрыть отравленную тучей;

Наполни утро смрадным испареньем.
Скорей, чем солнце на полдень взойдет,
Ты зарази весь воздух их гниеньем
И омрачи сияющий восход.
Пускай навеки солнце пропадет
В их душных складках, мутных и свинцовых,
И все потонет в сумерках суровых!

Когда б Тарквиний был не сыном ночи,
А ей самой, он вечной темнотой
Затмил бы блеск серебряный и очи
Закрыв ея служанкам над землей.
Сокрылся б звезд горящий в небе рой,
И я б нашла наперсниц в вечной ночи.
Далекий путь с подругами короче.

Но кто со мной разделит стыд безмерный,
Заломит руки с никнущим челом,
Бесславие покроет дружбой верной?
Я исхожу серебряным дождем
Соленых слез, пролитых здесь тайком.
Мешая слезы, речи и стенанья –
Свидетелей безмерного страданья.

О ночь, горнило бешеного дыма,
Сокрой мой лик от глаз пытливых дня!
Здесь, под твоим покровом я, стена,
Лежу, позором смята нестерпимо.
Не оставляй же тьмой своей меня,
Чтоб этот грех, свершенный в тьме унылой,
Был поглощен, как черною могилой!

Не дай мне стать для дня предметом сплетен.
В его сияньи на челе моем
Окажется позор мой всем заметен,
И все прочтут, как в сумраке ночном
Поруган брак насилием и злом,
И каждый неуч о моем позоре
Прочтет в моем смущенном, скорбном взоре.

Чтобы дитя потешить, няня сказку

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Расскажет о Лукреции, и в ней
Тарквиний будет пугалом детей,
Его позор, укором мне, как смазку,
Употребит оратор для речей,
И менестрель вину передо мною
Тарквиния сплетет с моей виною.

О, если бы осталось имя чистым
Для Коллатина, для любви его!
Но не щадит злословье никого
И загноит дыханием нечистым
Другую ветвь, другое существо,
Которое в моем грехе невинно,
Как я была чиста для Коллатина.

Позор незримый! Скрытое глумленье!
Неосязаемая рана! Шрам
На гордости чела. Мое паденье,
О Коллатин, – клеймо твоим чертам.
Тарквиний знает это. Часто срам
Известен только тем, кто сам причина.
Тарквиний опозорил Коллатина!

О Коллатин! Ты честь мне вверил свято!
Увы, она насильем отнята.
Мой мед пропал навеки, без возврата...
Моя ячейка в улее пуста:
Оса в него забралась, дочиста
Пожрала мед, который охраняла
Твоя пчела и друга ожидала.

Но разве я причину бесчестья?
Лишь для тебя Тарквиний принят мной.
Он от тебя явился с хитрой лестью
И светлой добродетели хвалой.
Он гостем был. Под маскою густой
Кто дьявола б увидел в нем, коль скоро
Избрал он добродетель для позора?

Зачем червям вползать в цветок душистый,
Кукушке яйца класть в чужом гнезде,
И жабе отравлять источник чистый?
Зачем скрываться злобе и вражде
В незлобном сердце – чуждой им среде,
Иль – нарушать царям их приказанья?
Но совершенства нет без поруганья.

Старик-скупец, богатство сберегая,
Испытывает тягостный недуг,
Едва глядит на полный свой сундук,
Но, Тантала собой напоминая,
Он не пропустит гроша мимо рук.
Увы, богатств несметное обилье
Не исцелит подагру и бессилье!

Богатства есть, но старику нет прока.
По смерти к детям деньги перейдут,
Те расточат наследие широко:
Отец их слаб, ключом в них силы бьют.
Проклятое они не сберегут.
Сокровища, которых с чувством жгучим
Желаем мы, – ничто, когда получим.

Строптивый ветер носится весною,
А плевелы растут среди цветов.
Змея шипит, где птицы гнезда вьют.
Где добродетель, – зло стоит с косою.
Нет благ, чтоб мы могли сказать: "Вот тут
Все наше". Зло сопровождает случай;
Он все берет иль покрывает тучей.

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Твои вины не счесть, о случай злобный!
Предателю даешь в измене власть,
Ягненка ты толкаешь в волчью пасть,
Ты ловишь миг для гнусности удобный.
Закону, вере, разуму упасть
Способствуешь. В твоей угрюмой клетки
Грех ловит души в гибельные сети.

Весталка нарушает все обеты,
И воздержанье тает на огне.
Ты развращаешь честность в тишине,
Ты – любострастник, сводня, вор отпетый!
Ты, клеветник, и по твоей вине
Мед часто переходит в желчь, сиянье
И радость – в тьму и горькое страданье;

В позор открытый – тайна наслажденья;
В невольный пост обжорства – скрытый пир;
Надутый титул – в рубище из дыр,
А сладость речи – в горькое смущенье.
Твое тщеславье жадно, как вампир.
О случай, ты ославлен так надменно,
И все ж толпа бежит к тебе презренно.

Когда же ты несчастным будешь другом
И поведешь по ясному пути,
Дашь облегченье смятому недугом,
Захочешь душу пленную спасти?
Явись и распри злые прекрати!
К тебе взывают нищий и несчастный,
Но их минует случай полновластный.

Врач задремал; болящий умирает.
Жрет угнетатель, плачет сирота.
Судья пирует, а вдова рыдает.
Чума растет – охотой занята
Комиссия. Для блага все тщета,
А зависти, убийству и измене
Часы – пажи на жизненной арене.

Когда нужда и добродетель просят
Тебя на помощь, тысячи преград
Мешают им и далеко относят.
Ты дорог им, а злу и мести рад
Исполнить даром все, что повелят.
Ждала я коллатина – случай вора
Тарквиния послал мне для позора.

В тебе одном вина убийства, кражи,
Предательства, подлогов, клеветы,
Преступных клятв, продажности и даже
Кровосмешенья мерзостного! Ты
Пособник их. Средь шумной суеты
С начала мира до его скончанья
Сопровождать ты будешь их деянья.

Чудовищное время! Ночи черной
Зловещий спутник! О гонец забот,
Раб наслаждений лживых, вьючный скот
Порока! Страж печали непокорной!
О пожиратель юности! Ты тот,
Кто отнял честь мою! Тебя я знаю –
Гляди, о время, как я умираю!

Ты дал часы для мира и забвенья,
А твой приспешник-случай предал их.
Он счастье разбил без сожаленья,
Мне цепь сковал из горестей земных.
О время! Ты смирать должно бы злых,
Уничтожать деянья лжи и мрака,
А не губить святое ложе брака!

Хвала времен – согласие меж царями.
Дай правде свет, личину с лжи сорви,
Клейми старье, день пробуждай лучами,
Полночный мир, храня, благослови,
дела злодейств бестрепетно прерви,
Разрушь дворцы кичливые с размаха
И башни их покрой налетом праха.

Точи червями памятник надменный,
Питай забвенью ветошью, марай
Страницы книг, меняя смысл их бранный.
Воронам перья выщипли. Ломай
Трухлявый дуб, а отпрыск охраняй.
Кует и бьет пусть молот твой чугунный,
И колесо вертится под фортуной.

Пусть станет бабкой женщина внучатам,
Дитя – мужчиной, а мужчина – им.
Убей убийцу тигра и ручным
Единорога сделай с львом косматым.
Пускай обманщик давится своим
Обманом, пахарь над землей хлопочет,
И капля камень пусть долбит и точит.

Стремясь вперед, ты зло творишь на свете,
Но лишь одно мгновение назад –
И все долги, наследие столетий
Забудутся, и все пойдет на лад,
Миллионы душ тебя благословят.
Ночь ужаса! Вернись лишь на мгновенье –
Я спасена была бы от крушенья.

О вечности уродливый приспешник,
Тарквиния останови бедой,
Преследуй злой и гибельной враждой,
Чтоб эту ночь в терзаннях проклял грешник!
О демоны! Слетайтесь толпой!
Пусть каждый куст пугает ум развратный
И глаз его, как призрак непонятный.

Его покой наполни страхом черным,
Во сне глухими воплями пугай.
Пусть стонет он – ты столам не внимай,
Измучь его страданием упорным,
Сердцами вместо камней побивай.
Пусть женщина нежнейшая предстанет
Ему, как тигр, и злей чем, тигр, тиранит.

Пусть у себя он кудри рвет клоками,
Клянет себя в неистовой тоске,
Конца не видит мукам вдалеке,
живет рабом подлейшим меж рабами,
От нищих ждет подачки в кабаке,
Дождется дня, когда в тряпице грязной
Ему откажет нищий безобразный!

Пускай друзья ему врагами станут!
Пускай над ним глумится каждый шут!
Пусть видит он, как медленно текут
Часы тоски и быстролетно канут
Мгновения безумства; и, как суд,
Неумолимо подойдет сознание,
Что не исправить мукой злодеянья.

Ты, время, – злым и добрым поученье!
О, научи меня того проклясть,
Кого учило честь мою украсть.
Пусть вор дрожит пред собственною тенью,
Пусть от своей руки стремится пасть:
Захочет ли хоть кто-нибудь в вселенной

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Быть палачом такой души презренной?

О, как ничтожен царственный потомок,
Когда позорит будущее он!
Чем выше кто, тем славой больше громок,
Добром ли, злом ли он одушевлен...
Чем выше сан, тем глубже заклеимен!
Исчезнет месяц в тучах – все узнают,
Исчезновенья звезд не замечают.

Хоть весь обмажься ворон чернокрылый –
Летай себе, нет дела никому.
А запятнайся лебедь – и ему
Покоя нет. Холопы – мрак унылый,
А свет – цари. И мошек потому
Не замечают низко иль высоко,
А на орлов дивятся издалека.

О слава! Прочь, бесплодная забава
Пустых глупцов! Занятье школярам
И тупоумным спорщикам приправа.
Идите препираться по судам
И за несчастных хныкать здесь и там.
Вся речь моя былинке безопасна,
Моя беда закону неподвластна.

Напрасно время я клянусь и случай,
Тарквиния и сумрачную ночь, –
Бесчестию мне этим не помочь.
Напрасно я борюсь с отравой жгучей...
Мне чадом слов беды не превозмочь.
Спаси себя могла б я от укора,
Проливши кровь, больную от позора.

Зачем дрожишь, рука моя? Ты можешь
Гордиться тем, что умертвишь позор!
Умру, но честь воскреснет с этих пор,
А стану жить, – себя бесславьем сгложешь:
Дала ли ты насилью отпор?
Царапала ль когтями ты злодея?
Умри ж со мной, о жизни не жалея!"

Она с постели поднялась позорной,
Оружья ищет, но не бойня тут.
Ей хочется дыханью дать просторный
И вольный выход. Вздохи губы жгут;
Они из груди стиснутой текут,
Как лава Этны, мрачно и сурово,
Или – как дым из пушечного зева.

"Напрасно я живу, ищу напрасно,
Чем кончить жизнь, ярмо ее влача.
Боялась я погибнуть от меча
Тарквиния. Теперь я жажду страстно
Сама себя ножом убить сплеча.
Была я верной. Я осталась ею. –
Нет... Так теперь назваться я не смею.

Погибло все, что представляло цену...
Меня теперь могила не страшит.
Пятно я смою смертью и надену
На мой позор победной славы щит.
Жизнь, умирая, обессмертит стыд.
Бесценное сокровище пропало –
Сжигать ли ящик, где оно лежало!

Нет, Коллатин, тебя уж не посмею
Я верностью неверной обмануть.
Нарушив клятву, ласкою своею
Не оскорблю доверчивую грудь,
Плоду насилья я не дам вздохнуть,

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosofff.org
Не скажет тот, кто род твоей обесславил:
– Он счел своим, что я ему оставил.
Не улыбнется он при мысли скрытой,

Не посмеется с другом над тобой,
Твое богатство силою отбито –
Не куплено ценою золотой.
Царица я над собственной судьбой!
Пусть я в своей вине не виновата,
Но жизнь моя – за мой позор расплата!

Не осквернит тебя прикосновение,
Под замыслом позор не утаю.
Чтоб скрыть ночную тайну преступления,
Не распишу обиду я свою.
Я все скажу, – подобные ручью,
Из глаз польются слезы, как признанья,
И смоят грязь и стыд повествованья".

Тем временем скончала Филомела –
Печальница свой жалобный мотив.
Ночь величаво в ад сошла. Алела
Заря, сияньем кротким осветив
Всех, кто внимал восторженный призыв.
Лукреция одна себя корила,
Что видит свет, что спальня – не могила.

Восставший день сквозь щель бросает взгляды,
Как бы за ней, рыдающей следит.
"О око всех очей! – она твердит. –
Зачем проник в окно мое? Не надо
Мое чело так жечь! Пускай блестит
Твое сиянье спящим. Что за дело
Дню до того, что ночь свершить посмела!"

Так все ее волнует непрерывно...
Живое горе чутко, как дитя,
И, как дитя, капризно и наивно.
Былое горе сносится шутя:
Смягчает время горести, летя.
А новое – пловец плохой; небрежно
Ныряет вглубь и тонет безнадежно.

Так и она попутно речь заводит,
Вглубь горестей своих погружена.
Свою беду ужасней всех находит,
Всем, что пред ней, волнуется она.
И все мрачней страданья глубина:
То скорбь ее не знает слов, то сразу
Слова бегут и фраза гонит фразу.

Беспечны пташек утренние трели,
Но скорбь ее безумнее от них.
Они до дна доходят, и тяжеле
Становятся в веселом хоре их.
Желаннее для скорби скорбь других,
Печаль сносней, когда идет с ней рядом
Такая же подруга с скорбным взглядом.

Двойная смерть – тонуть пред берегами,
Пред пищей – муки голода страшней,
И рана перед пластырем больней;
Скорбь тяжелей перед ее вратами.
Тем горе тише, чем оно вольней.
Останови – и будет наводнение;
Оно преград не терпит и стеснения.

"О, схороните, пташечки, под пухом
В своих зобах серебристый звон рулад!
Пускай они меня не веселят,
Я не могу внимать им чутким ухом.

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Не до гостей веселых, если ад
В душе хозяйки. Тяжкие печали
С отчаяньем судьбу свою сковали.

О Филомела! Песнь о похищеньи
Поешь и ты. Приди, в моих кудрях
Найдешь приют, как в ласковых лесах,
И я, с землей, рыдающей от пенья,
За каждый звук пролью слезу впотьмах.
Ты вспоминаешь с нежностью Терей;
Я вспомяну с проклятием злодея.

Покуда ты, чтоб боль не утихала,
Касаться будешь к колющим шипам,
Я острие смертельного кинжала
Направлю в грудь; и, дрогнет ли он сам,
Иль на него паду я, – голосам
Двух наших душ в один аккорд согласный
Дано излить порыв сердец несчастный.

О птичка! днем тебе как будто стыдно
При людях петь. Умчимся вдаль с тобой,
В пустыню, где дорог и троп не видно,
Где ни жары, ни холод ледяной
Не тронут нас. И пусть напев ночной
Звучит зверям. Зверями люди стали.
Пусть хоть зверей смягчит напев печали".

Подобно с перепугу бедной лани,
Не знающей, где ей себя спасти,
Иль страннику, сошедшему с пути,
Ее душа в безвыходном тумане.
Что лучше: жить иль в тесный гроб сойти?
Жизнь для нее – позор и поношенье,
А в смерти есть как будто искупленье.

"Убить себя? Но разве оскверненье,
Коснувшись тела, душу обойдет?
Не трудно жить, утратив пол-именья,
Ужаснее, когда совсем банкрот.
Какая мать, коль смерть у ней возьмет
Одно дитя, сама убьет другого,
Чтобы не знать волненья никакого?!

Что, наконец, дороже – дух иль тело,
Когда они божественно чисты?
О чем бы я скорее пожалела,
Будь эти блага грубо отняты
У Коллатина и небес? Листы
Березы чахнут, сохнет сок порою,
Коль содрана кора: так и с душою.

Ее покой нарушен, дом враждебно
Разбит, разграблен, храм ее врагом
Опустошен, поруган непотребно.
Ужель сочтется тягостным грехом,
Когда сама я сделаю пролом
В твердыне опозоренной и смело
Смятенный дух освобожу из тела?!

Но не хочу я умереть, доколе
Не знает Коллатин причины зла.
Пусть мстит тому, по чьей презренной воле
Должна расстаться с жизнью я была.
Тарквинию, пока не умерла,
Я завещаю кровь, его отраву, –
Она ему принадлежит по праву.

Ножу, который ранит это тело,
Я завещаю сгубленную честь,
Тому, кто жизнь позора гордо, смело

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
В могильный мрак решается унести,
Сгубить одно, – другое приобрести.
Презрение убью я величаво
И из позора возродится слава!

Что откажу тебе я в завещаньи,
Мой властелин? да будет смерть моя
Тебе и слава, и предначертанье:
Как я себе сама была судья,
Ты будь над ним и поступи, как я.
Твой друг, себя, как враг, я убиваю,
И мщу ему, и честь свою спасаю.

Сырой земле я завещаю тело –
В последней воле, душу небесам,
Тебе, супруг, решимость я отдам,
А честь – ножу, что сердце ранит смело,
Позор тому, кто опозорил сам,
И тем восстановление доброй чести,
Кто верен мне и предан был без лести.

Ты, Коллатин, исполни завещанье.
Когда его получишь, я умру,
И смертью я клеймо стыда сотру:
Такой конец искупит поруганье.
Мужайся, сердце; я тебя беру
Слугой руки, когда умрете вместе,
Обоих смерть победой будет чести".

Задумав этот заговор жестокий,
Смахнув слезу жемчужную с очей,
Она зовет прислужницу, и к ней
Та поспешает с верностью глубокой:
Хоть мысль быстра – крылатый долг быстрей.
Ей кажутся Лукреции ланиты,
Как белым снегом, бледностью покрыты.

Прислужница с почтительным поклоном
Приветствует Лукрецию; она
Страданьем госпожи поражена,
Но расспросить о горе затаенном
Не смеет. Почему затемнена
Лазурь очей солеными слезами,
И свет двух солнц померк под облаками?

Подобно двум чистейшим водоемам
Слоновой кости, женщины стоят;
В душе одной – страданий целый ад,
Другая плачет в горе незнакомом.
О, нежный пол! Готов он, даже рад
Лить слезы там, где скорбь чужая дышит;
Ее вдали он чутким сердцем слышит.

Оно у женщин – воск, а у мужчины –
Холодный мрамор, и на воске он,
Как хочется ему, запечатлен.
В нем бедствий их и радостей причины,
Весь слабый пол сильнейшим угнетен.
Виновен воск... Виновен только тем он,
Что силою на нем оттиснут демон.

Они подобны мягкостью равнине,
Где каждый гад заметен и червяк.
Но злые духи прячутся в мужчине,
Как в чаще леса, кутаясь во мрак.
Сквозь их хрусталь заметен каждый знак:
Мужчина все скрывает гордой маской,
А женщина сама себе оглаской.

Нельзя судить цветов, зимой измятый,
Суди лишь зиму, смявшую цветок.

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Что погибает, то не виновато,
Виновно то, что губит. Пусть в упрек
Не ставят слабой женщине порок.
Мужчины обольщеньями и властью
Приводят их к позору и несчастью.

Лукреция – пример. Насилье ночью
Погибель за собою повлекло.
За гибелью – позор грозил воочью,
Он нес с собой ее супругу зло.
С такой бедой бороться тяжело,
Ее же смертный страх сковал цепями.
Легко торжествовать над мертвецами.

И говорит Лукреция покорно:
"О девушка прекрасная, к чему
Ты слезы льешь? Ведь горю моему
Ты не поможешь ими благотворно.
Когда б они, о, милая, всю тьму
В моей душе рассеять были в силе,
Меня давно бы слезы облегчили.

О девушка, скажи мне... – Вздох печальный
Ее прервал. – Когда покинул дом
Тарквиний?" – "Госпожа моя, о нем
Не знаю я. Еще была я в спальне,
А уж его здесь не было. В своем
Неведеньи себя б я упрекала,
Когда б с зарею нынче я не встала.

Но, госпожа, своей служанке верной
Простите смелость: что вас так томит?" –
"Молчи! Хотя б о горести безмерной
Сказала я – рассказ не облегчит:
Пред скорбью речь бессильная молчит.
Что перед этой адской пыткой слово!
Все сердце в ней расплавиться готово.

Подай бумагу мне, перо, чернила.
Нет, не трудись, здесь все есть у меня.
Да... что еще?... Ах да! Пускай коня
Один из слуг седлает, что есть силы
Летит, мое доверие ценя,
С письмом к нему, возлюбленному другу...
Я напишу сейчас письмо супругу".

Служанка удалилась. В размышленьи
Склонилась над бумагой госпожа.
Перо – в руке. Она спешит, дрожа,
Излить тоски и мысли столкновенье.
То мысль тупа, а то острее ножа.
Как у дверей толпа, они теснятся,
Одна другую гонит, суетятся.

И пишет наконец она: "Супругу
Достойному привет и мир! Когда
Увидеть недостойную супругу
Желает он, пускай спешит сюда.
Все о тебе тоскуют, как всегда.
Моя тоска безмерна, необъятна,
А речь, увы, бессильна, непонятна".

Но бремя чувств и тягости страданья
Она сокрыть желает до него.
Тогда слова, и вздохи, и стенанья
Ясней позор расскажут, и того,
Что для людей в узорах букв мертво,
Живую речь искренно коснется...
Быть может, он тогда не отвернется?

Когда печаль мы видим пред собою,

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org

Она полней и глубже понята.
Что видит глаз – для слуха пустота.
Весь человек охвачен мукой злою –
А слухом только часть воспринята.
Потока шум порой звучнее моря,
И ветер слов относит волны горя.

Готова надпись: "Спешное, в Ардею,
Супругу моему". Слуга уж ждет.
Она велит скакать ему скорее,
Как птица ускоряет свой отлет,
Когда ненастье с севера дохнет.
Но мысль идет при этом спехе вяло.
Порою крайность – крайности начало.

Поклон отвесив госпоже степенно,
Гонец глядит. Письмо он в руки взял,
Ни "да", ни "нет" в ответ ей не сказал
И удалился, спешно и смиренно.
Кто виноват, наверно, замечал
Во взорах всех своей вине укоры.
Лукрецию смутили эти взоры.

Свидетель бог: румянцем заливало
Его лицо лишь только оттого,
Что он слуга был старого закала,
Не ведал, что такое хвастовство;
Лишь дело важно было для него,
И будучи слугой простым и честным,
Не прибегал он к фокусам словесным.

Но пыл его в ней вызвал подозренье,
И пламенем зарделись лица их.
Он, мнилось ей, уж знал о преступленьи,
И не сводила глаз она своих
С его лица, а он краснел от них.
Чем больше он краснел, тем ей казалось –
Пятно позора ярче разгоралось.

Ей чудилось, что время он теряет,
Хоть он едва ступил через порог.
Как ей часы убить – она не знает,
Но поздно ныть и плакать от тревог.
Печальный вопль от вопля изнемог.
Она на миг прервала причитанья,
Чтоб иначе излить свои страданья.

И вспомнила Лукреция картину:
Приамов град на ней изображен,
Пред Троей греков стан; они в руину
Все обратить грозят, и Иллион,
Вершиной уходящий в небосклон,
Написанный так вдохновенно, словно
С ним небо целовалося любовно.

Превосходя природу, там искусство
Вдохнуло жизнь в мельчайшие мазки,
И в каждой капле краски было чувство,
Как бы в слезе, пролитой от тоски
Вдовой по муже. Крови ручейки
Как бы дымились, и мерцали очи,
Как уголья под пеплом в мраке ночи.

Там землекоп могилу рыл солдатам,
Облитый потом, в прахе и пыли,
А с башенок за грозным супостатом
Глаза троян следили издали
Из амбразур, и зрители могли
Прочсть в глазах вопрос души печальный:
Так был искусен мастер гениальный.

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org

Светилась ярко опытность и сила
В чертах вождей, отважных и седых.
Стремительность горела в молодых;
И здесь и там тащился трус уныло.
Художник так искусно создал их,
Что все могли, казалось, видеть смело
И бледность лиц, и жалкий трепет тела.

Черты Аякса и Улисса были
Воплощены так дивно-мастерски,
Как будто в красках нравы их сквозили
И раскрывались сердца тайники:
Так у Аякса в бешенстве зрачки
Горели; у Улисса в них сквозила
Премудрость, снисходительная сила.

Так Нестор говорил красноречиво,
Как будто греков к битве ободрял.
Он так жестикулировал красиво,
Что всю толпу неволью увлекал,
И бородой он, мнилось, помавал,
И тихое дыхание струилось,
И речь на нем к лазури возносилась.

Ловя советы мысли вдохновенной,
Толпа вокруг сомкнулася кольцом;
И каждый слушал с трепетным лицом,
Как будто увлекаемый сиреной.
Тот был высок, тот мал пред мудрецом,
А головы иные за толпою
Как будто поднимались порою.

Одна рука – на голове другого,
А нос того тем ухом заслонен..
Вон тот надутый, красный оттеснен.
С уст этого сорваться брань готова..
Не будь боязни потерять хоть слово,
Вот-вот за меч ухватятся сурово.

Воображенью пищи здесь немало,
Но все живой иллюзией полно.
Вон там – копье Ахилла заменяло;
Он за толпой, но, мощное, оно
В его руке, и все воплощено.
Так руки, ноги, головы природы
Воссоздавали ясно их фигуры.

А на стенах, вокруг осажденной Трои,
Когда сам Гектор выступил на бой,
Стоят троянки-матери толпой:
Там в бой идут их сыновья-герои,
И делятся они между собой
Той горделивой материнской силой,
В которой страх сквозит за образ милый.

Где бой кипел, с побережья Дардана
До Самоиса кровь текла рекой,
И тут война кипела неустанно:
Клубясь, волна сшибалась с волной
И билась в берег дикий и крутой,
И отступала прочь, и вновь сшибалась,
И пеною на отмель разливалась.

Вот подошла Лукреция к картине.
Там есть лицо, земных скорбей венец;
И много лиц печальных видит ныне.
Но где же то, страданья образец?
И вот нашла Гекубу, наконец.
Пред ней – Приам; он гордым Пирром ранен,
У ног его в крови и бездыханен.

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Так гений отразил в своей картине
Гнет времени и гибель красоты,
Страданье в каждой впадине, в морщине.
От прошлого ни света, ни черты.
Кровь почернела. Холод пустоты –
В источнике, служившем этим жилам.
Гекубы жизнь, как в замке, в теле хилом.

Лукреция на тень печали дико
Глядела, горя злобную напасть
Соизмеряя с той, которой крика
Недоставало, чтоб врагов проклясть.
У гения не божья мощь и власть...
Лукреция винить его готова,
Что не дал он ни стоны им, ни слова.

Как жалок ты, о инструмент безгласный!
Я голос мой в твою печаль вдохну,
Волью бальзам в Приама, проклянну
Убийцу – Пирра, и пожар ужасный
Залью слезами. Я ножом проткну
Твоим врагам коварным злые очи,
Да будут греки в мраке вечной ночи!

Ты укажи мне тварь, причину боя,
Ее красу ногтями я сгоню.
Твоя, Парис, виною похоть, Троя
Предавшая враждебному огню.
Твои глаза в пожаре я виню.
Отец, и сын, и мать, и дочь – расплата
За тяжкий грех безумного разврата.

Зачем единоличным наслажденьем
Быть общих бед виною суждено?
Пусть казнь падет вослед за преступленьем
На голову того, кем свершено.
Зачем страдать невинным заодно?
Зачем паденье одного роняет
Весь город, и народ в нем погибает?

Смотри: здесь пал Приам, а там рыдает
Гекуба. Гектор мертв, без чувств Троиц.
В потоках крови дружба утопает,
Кипит война... Там умер... Здесь – убил.
Грех одного сражает бездну сил.
Когда Приам презрел бы похоть сына –
Была бы Троя в славе, – не руина.

Оплакивает горе на картине
Лукреция. Как колокол, оно
Легко звонит, лишь раз оживлено,
Оно зовет лить слезы о кончине.
Так обо всем, что красками дано,
Лукреция рыдает, сообщая
Свой голос им, а горе занимая.

Она на все глядит прилежным взглядом,
С несчастными несчастья полна.
Вот бедный пленник шествует с отрядом
Фригийских пастухов в цепях... Видна
Тревога в нем, но радость в ней ясна.
Он к Трое направляется послушно,
Терпенье в нем к несчастьям равнодушно.

Художник проявил здесь все уменье,
Чтобы придать притворству честный вид;
Спокоен взгляд, в глазах слеза блестит;
Чело в беде не знает униженья,
И с бледностью в щеках румянец слит,
Чтоб жар стыда не выдал преступленья,
Л бледность – вероломного волненья.

Но, словно демон, в лжи закоренелый,
Облекся он в личину доброты,
Прикрыв, как шлемом, злобные черты.
Сама бы ревность думать не посмела,
Что вероломство, злоба, клеветы
Лазурный день затмили тучей черной,
Светлейший лик втоптали в грех позорный.

То был, искусно так изображенный,
Клятвопреступник мерзостный Синон!
Его волшебной сказкою плененный,
Погиб Приам, и, ею же сожжен,
Пал величавый светлый Илион,
А звездочки, увидевши в печали
Их зеркало разбитым, исчезали.

Рассматривая дивное творенье,
Она бранила мастера, что он
Лицу Синона придал выраженье,
Которым образ Правды оскорблен,
По красоте – и свят, и чист Синон.
Художник что-то исказил нежданно,
Иль сам себе противоречил странно.

"Не может быть, чтоб столько дум таилось
В подобном взгляде", – думалось ей.
Но вот предстал Тарквиний перед ней –
"Не может быть" на "может" изменилось,
И был таков печальный смысл речей:
"Увы, нередко в красоте священной
Скрываются черты души презренной.

Как здесь Синон изображен, – устало,
Печален, кроток, изнурен трудом
Иль горестью, ко мне явился в дом
Тарквиний; все в нем сердце оживляло,
Хотя внутри порок пылал огнем.
Как принят был Приамом тот, так мною
Тарквиний принят, сжегший мою Трою.

Смотрите, как от слез Синона лживых,
Приам рыдает, О Приам! Дожив,
До старости, наивен ты, правдив,
Ведь каждая слеза из глаз красивых –
Троянца кровь: в ней и огонь, и взрыв!
Жемчужины из гнусных глаз Синона,
От вас погибнут стены Илиона!"

Свои контрасты дьяволы из ада
Заимствуют: под пылкостью их – дрожь,
Но и пожар под снегом их найдешь.
Подобное слияние им надо,
Дабы глупцы считали правдой ложь.
Приам подавлен лживостью Синона.
Вода грозит сжечь стены Илиона!

Тут ей такая ярость овладела,
Что из груди терпенье рвется вон.
Ногтями рвет она Синона тело,
Как будто то Тарквиний, не Синон.
Ее себе противной сделал он.
Но вот она очнулась, восклицая:
"Безумна я, бездушное терзая!"

Приливом и отливом ее горя
И время, наконец, утомлено.
То хочется, чтоб стало вдруг темно,
То, чтоб заря взошла... И, с ними споря,
Ей кажется, что все удалено.
Она устала, но заснуть нет силы;

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
А время все ползет, ползет уныло.

Но время пронеслось неуловимо
Перед картиной. Горести свои
Она в чужих топила в забытьи,
Подобье мук свои сносило мимо.
Мысль, что другие страждут нестерпимо,
Порой способна душу облегчить,
Но никого не в силах излечить.

Но вот вернулся Коллатин с друзьями
Вслед за гонцом. Лукреция бледна –
Вся в трауре, встречает их она.
Ее глаза обведены кругами,
Как радугой; их синева полна
Предвестьем бурь, которые в лазури
Минувшие затмить грозятся бури.

И Коллатин, заметив мрак ужасный
В ее лице, растерянно глядит:
Опухшие глаза кроваво-красны,
Поблек румянец радостный ланит.
Безмолвно перед нею он стоит:
Так старые друзья, сойдясь далече
От родины, теряются при встрече.

Касаяся руки похолоделой,
Он говорит: "О милая, ответь,
Что ты дрожишь? Какое горе смело
Сразить тебя и трауром одеть?
И отчего румянец мог сгореть?
Открой мне горе, что тебя тревожит,
И твой супруг рассеять зло поможет".

Три тяжких вздоха вылетают ране
Печальных слов, чтоб горю дать исход,
И наконец она понять дает,
Что честь ее поругана в обмане...
Она желает все сказать, и вот
Ей коллатин и спутники готовы
Внимать, безмолвны, грустны и суровы.

В своем гнезде прибрежном лебедь белый
Предсмертный стон им выразить спешит:
"Нельзя стереть позорный след обид,
Бессилен мой язык окаменелый
Излить всю скорбь, которая язвит.
В душе моей безмерно больше муки,
Чем могут передать слова и звуки.

Скажу одно, мой повелитель: силой
Чужой на брачном ложе возлежал,
Где отдыхал ты часто подле милой
И голову усталую склонял.
Вообрази все то, чем запятнал
Меня злодей: насилье, поруганье,
И ты поймешь Лукреции признание.

В глухой тиши, с мечом блестящим, гадом
Прокрался он в приют мой. В тьме ночной
Дышал его зловещий факел чадом.
Он говорил: "Проснись, дели со мной
О римлянка, восторг любви земной,
А нет – тебе, и близким, и любимым
Грозит позор мечом неумолимым.

Когда тебе склониться неуютно
К моей любви, я тайно умерщвлю
Грязнейшего холопа, заколю
Тебя и буду клясться всенародно,
Что вас застал на ложе. Я куплю

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Себе такой ценой навеки славу!
Тебе – позор и вечную отраву!

Я, вся в слезах, кричать была готова.
Он меч приставил к сердцу моему,
Клялся, что если только я ему
Не покорюсь, произнесу хоть слово,
Он умертвит меня, и обниму
Я труп раба убитого, и в Риме
Лукреции позорно будет имя.

Враг был силен; я – слабое создание,
Слабей от страха. Хищный мой судья
Мне приказал молчать, и тщетно я
Пыталася найти увещеванье.
Но красота несчастная моя
Безумца ослепила. Беспощаден
К ворах судья, коль ими обокраден.

О, научи, молю я, оправданию!
Дай отыскать убежище от зла!
Пусть кровь моя грязна от поруганья,
Моя душа безгрешна и светла,
Она подругой тела не была.
Не уступая гибельным соблазнам,
Она чиста в своем жилище грязном".

Тут жертва безнадежная утраты
Стоит, склонив в унынии чело,
Скрестивши руки, ужасом объятый...
Уста – как воск... Он дышит тяжело,
Дыхание как будто бы сожгло
Его слова. Он хочет что-то внятно
Произнести – слова текут обратно.

Так и в пролеты, скованные аркой,
Врывается стремительный поток,
И бьется дико в каменный их бок,
И вспять бежит, как будто в схватке жаркой.
Так вздох его, мучительно глубок,
Из сердца вон все горе вырвать хочет...
Рванется... миг – и вновь в груди клокочет.

Безмолвное страданье ей понятно.
В ней жажда мести вспыхнула огнем.
"О мой супруг! Страдаем мы вдвоем! –
Воскликнула она, – и необъятна
Моя печаль! Поток сильнее с дождем.
Твой гнев снести мне тягостно и больно:
Для жгучих слез и пары глаз довольно.

Но для меня, которой ты лелеем
Так нежно был, молю, тому отмсти,
Кто стал себе, тебе и мне злодеем!
Представь, что зло идет, и защити
Лукрецию. Меня уж не спасти,
Но пусть умрет предатель... Замедленье
Питает лишь вражду и преступленье.

Но раньше чем, о рыцари, злодея
Я назову, – должны вы клятву дать
Отмстить ему, измену покарать.
Хвала тому, чей меч, не сожалея,
Предательство стремится наказать.
Храня обет, обязан рыцарь свято
За женщину восстать на супостата!"

И римляне в святом порыве рвенья
Ей дали клятву смело отомстить,
Как честь велит, и долг, и уваженье.
"Как звать его?" Но имя сообщить

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Она все медлит. "Как могу я смыть, –
Вновь вопрошает их она тревожно, –
Насилие, свершенное безбожно?"

Скажите мне, насколько я виновна?
Все ужасы повелевали мне
Ему покорной быть беспрекословно.
Но может ли душа моя вполне
Стряхнуть позор не по моей вине?
Источник очищается от яда,
Могу ль я смыть печать греха и ада?"

И отвечают ей единогласно:
"Кто чист душой – и телом чист всегда".
С безрадостной улыбкою тогда
Она лицо склонила, и так ясно
На ней горит пятно ее стыда.
"Нет! Никогда для слабого созданья
Не буду я примером оправданья!"

Тогда со вздохом, душу разрывавшим,
"Тарквиний... Он..." – она произнесла
И больше говорить уж не могла.
Но скоро снова с сердцем, трепетавшим
От горести, все силы собрала
И крикнула: "О римляне! Он это
Велит вонзить мне в сердце сталь стилета!"

С последним словом нож она вонзила
В грудь чистую, и гибельная сталь
Безгрешный дух ее освободила
Из той тюрьмы, которую не жаль
Покинуть ей; его несет печаль
За облака, откуда нет возврата, –
Последний вздох весеннего заката.

Сам Коллатин окаменел со свитой.
Они молчат: всех ужас оковал.
На труп своей Лукреции, убитый
Отчаяньем, отец ее упал,
А Брут извлек губительный кинжал
Из алого фонтана, и забила
Рекою кровь, и месть в ней говорила.

И, клокоча, как два живых потока,
Она лилась и тело обвила
Со всех сторон, как остров одинокий,
Пустой средь волн. Одна струя была
Красна, чиста, невинна и светла!
Другая же застыла мутной пеной,
Загрязнена Тарквиния изменой.

Вокруг пятна застывшей крови черной
Образовался светлый ободок,
Оплакивавший злобный этот рок,
Лукрецию сгубивший и тлетворный.
С тех пор всегда в как горестный намек
Воспоминанья, капли крови нежной
Горят стыдом за грязь струи мятежной.

"О дочь моя! – старик Лукреций в муке
Взывал, дрожа. – Та жизнь, что отняла
Ты у меня, – моей она была!
Родителей бессмертье – дети, внуки...
Где буду жить, коль ты уж умерла?
Не тот исход природа обещала.
Конец для нас – преемникам начало.

О зеркало разбитое! Недавно
В нем старость обновлялася моя!
Померкло отражение, и я

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
В нем свой скелет увидел явно.
Ты сорвала всю радость бытия
С своих ланит, и умер без возврата
Мой прежний лик, сиявший в них когда-то.

О время! Прекрати свое течение,
Когда нам суждено переживать
Погибель сильных, слабых продолжение.
Лишь старым пчелам надо умирать,
А юным – жить. Воскресни, образ милый!
Не я, а ты заплачешь над могилой!"

Но Коллатин как бы от сна очнулся.
Лукреция он просит дать ему
Излить всю скорбь и горе одному.
Без чувств на труп упал он и коснулся
Лицом потока крови... Смерти тьму
Познал на миг. Но скоро ожил снова,
Чтоб мстить за смерть Лукреции сурово.

Глубокое отчаянье сковало
Его язык, но жгучих слов поток
Власть немоты и горя превозмог.
Слова текут, но звуки их нисколько
Не облегчают сердца от тревог.
Они звучат стремительны, невняты,
Страданием полны и непонятны.

Лишь иногда сквозь зубы вдруг прорвется –
"Тарквиний!" Он как будто растерзать
Стремится имя подлое. Опять
Назад поток отчаяния льется...
Но хлынул дождь. Тогда отец и зять
Рыдают вместе, сетуя и споря:
Отец иль муж несчастные от горя?

Тот и другой зовут ее своею.
Но что мертво, тому возврата нет.
"Она моя!" – кричит отец. – "Нет, ею
я обладал!" – звучит ему в ответ. –
Здесь скорбь моя, и право, и завет!
Да будет мною оплакана кончина!
Вся скорбь о ней – отрада Коллатина".

"О, – возгласил отец. – Я жизнь ей вверил –
Она ее так рано прервала
И поздно". – "Ах, она моей была!" –
Воскликнул муж. "Сокровище доверил
Я ей одной – она его взяла.
Супруга!" – "дочь!" – Стенанье наполняло
Всю комнату, и эхо в ней рыдало.

Но вот при виде скорби их ревнивой,
Извлек кинжал из страшной раны Брут.
Воспрянул ум, живой и горделивый.
Он понял важность тягостных минут
И встал меж них. Не острый римский шут,
Служивший всем, как при дворце забавой,
А гордый рыцарь с речью величавой.

Чтобы прервать печальных слов потоки,
Он сразу сбросил маску шутовства,
Скрывавшую искусно ум глубокий.
"Встань, римлянин! – звучат его слова. –
Я, жалкий шут, хочу без хвастовства
Вернуть твой ум, и опытный, и гордый
К спокойствию и силе ясной, твердой.

О Коллатин! Ответь мне: разве горе
Смягчает горе? Рана – раны жар?
И разве нанося себе удар,

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Ты за жену, погибшую в позоре,
Отмстишь? Все это слабость и угар.
Жена твоя была несправедливо,
Убив себя, – а зло осталось живо.

Восстань, отважный римлянин! Слезами
Не расслабляй души своей! Склони
Со мной колена здесь перед богами:
Да разрешат всеильные они
Избавить Рим, несчастный в эти дни,
От грязного и мерзостного сора
Руками, на которых нет укора!

Клянуся Капитолием и кровью
Поруганной, и небом голубым,
И солнцем, полным жизнью и любовью,
Законами, которым верен Рим!
Клянусь душой Лукреции и им –
Ее ножом кровавым – мстить жестоко
За смерть жены, не ведавшей порока!"

И, в грудь себя ударив, в подтвержденье
Поцеловал кинжал кровавый он.
И тот обет был всеми повторен
И, совершив коленопреклоненье,
Вновь Брутом был обет произнесен;
И все его произнесли двукратно,
И клятвы мести дружной были святы.

И, выполнив обет свой величавый,
Они решили Риму показать
Лукреции погибшей труп кровавый.
И Рим решил Тарквиния изгнать;
И изгнан был, как подлый, низкий тат,
Навеки сын царя неумолимо
Из вечных стогов царственного Рима.

1594

ОБЕСЧЕЩЕННАЯ ЛУКРЕЦИЯ

(Пер. под. ред. А.А.Смирнова) [28 – Уильям Шекспир. Полное собрание сочинений. В восьми томах. Т. VII, М., Гослитиздат, 1949ОСР Бычков М.Н.]

Его милости Генри Райотсли,
герцогу Соутемптону,
барону Тичфильду.

Любовь, которую я питаю к вашей светлости, бесконечна, и это произведенье
без начала выражает лишь ничтожную часть ее. Только доказательство вашего
лестного расположения ко мне, а не достоинства моих неумелых стихов дают
мне уверенность в том, что мое посвящение будет принято вами. То, что я
совершил, принадлежит вам, то, что мне предстоит совершить, тоже ваше, как
часть того целого, которое безраздельно отдано вам. Если бы мои достоинства
были значительнее, то и выражения моей преданности были бы совершеннее. Но
каково бы ни было мое значение, все силы мои посвящены вашей светлости,
которой я желаю долгой жизни, приумноженной всевозможным счастьем.

Вашей светлости покорный слуга
Вильям Шекспир.

У стен Арден стан покинув свой,
Тарквиний необузданный спешит
В Коллациум на крыльях страсти злой.
В его груди безумный пламень скрыт;
Огонь стремится вырваться из плит
И стан обнять Лукреции невинной,
Возлюбленной супруги Коллатина.

Быть может, прозвище "невинной" пыл
Неукротимой страсти в нем зажгло.
Неосторожно Коллатин хвалил
Цветы ланит и ясное чело.
Его блаженства небо процвело
Светилами, что краше горних были,
Ему сияя в непорочной силе.

В шатре вождя минувшей ночью он
Открыл исток блаженства своего:
Как щедро он богами одарен, –
Сокровище – супруга у него;
Такого счастья нет ни у кого;
Цари владеют славою военной,
Но не такой матроной несравненной.

О счастье, жизни редкая краса!
Ты пропадаешь, чуть блеснув в сердцах,
Как на полях серебристая роса
Истаивает в золотых лучах.
Ты зыбкий миг, неуловимый прах.
Для красоты и чести непорочной
В объятьях страстных нет защиты прочной.

Без красноречья убеждать могла
Всегда людские взоры красота.
Потребна ли высокая хвала
Для прелести, что светит в мир, чиста?
Зачем поведали его уста
Про ту жемчужину, его отраду?
Ее хранить от хищных взоров надо.

Быть может, блеском пламенных похвал
Надменный был Тарквиний соблазнен;
Нередко слух нам сердце завлекал.
Быть может, царский сын был уязвлен
Злой завистью: зачем владеет он,
Ему подвластный муж, таким блаженством,
Владыке недоступным совершенством?

Так помыслом недобрым зажжена
Была отвага дерзостная в нем.
Забыты честь, друзья, дела, страна.
Помчался он, терзаемый огнем,
Надеждой утолить его влеком.
О жар коварный, совестью гасимый,
Твоя весна стремительна и мнима!

Когда Коллациума он достиг,
Радушно встречен был матроной той.
Являл борьбу ее стыдливый лик
Меж добродетелью и красотой.
Гордится добродетель полнотой;
Но красота, сознав себя, краснеет,
Тут скромность гасит краску, лик бледнеет.

Но красота свои права берет
На белизну, наследье голубей
Венеры; добродетель в свой черед
Взамен румянца требует скорей.
В дни золотые он на лик людей

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Был послан ею, стал щитом надежным,
В борьбе стыдливость кроя жаром нежным.

Ее лицо – как поле на гербе,
Где с белым алым цвет сраженья вел;
два юных короля, они в борьбе
Оспаривали родовой престол;
Из честолюбья каждый в битву шел.
Враги один другого непреклонней
И много раз сменяются на троне.

Так наблюдал Тарквиний жаркий бой
Лилей и роз в полях ее ланит.
Врывался гнусный взор его порой
В их чистые ряды, но был разбит;
Обеим ратям сдаться он спешит.
Они ж ему готовы дать пощаду:
Им торжества над извергом не надо.

Он думает: в словах своих похвал
Ее супруг, скупой и жалкий мот,
Лицо жены безмерно оскорблял;
Не передать ему ее красот, –
И все, чего речам недостает,
Спешит восполнить он и, восхищенный,
Вперил в нее безмолвно взор влюбленный.

Так дьявол страстью воспылал к святой;
Но от него не ждет вреда она.
Не замечает зла, кто чист душой,
И сеть для птицы вольной не страшна.
Приветствовала верная жена
Нелицемерно гостя-властелина,
Чей ласков взор, а в сердце яд змеиний.

Под величавым царственным плащом
Таил Тарквиний мерзостный порок.
Все было с виду так пристойно в нем,
И лишь порой восторга огонек
В его глазах желанье выдать мог.
Всех прелестей ему казалось мало,
И страсть его все большего алкала.

Но, непривычная к чужим глазам,
Она его не разгадала взор
И не прочла в хрустальной книге там
Начертанный души его позор.
Не ведала приманок до сих пор;
Не страшен ей глаз дерзких блеск несытый, –
Ей думалось: они лучам открыты.

Он говорит, что доблести пример
Ее супруг и славою покрыт;
Возносит Коллатина свыше мер;
О ратных подвигах его твердит:
Враги разбиты, лавром он увит.
Она воздела руки в восхищенье;
Безмолвно небу шлет благодаренья.

Скрывая замысел коварный свой,
Прощенья он просил за свой приход.
Суровой тенью тучи грозовой
Его не омрачался небосвод,
Покуда ночь, мать страха и забот,
Над миром черный плащ не развернула
И день в темнице мрачной не замкнула.

Тогда ко сну Тарквиний отошел,
Прикинувшись, что крайне утомлен:
Ведь после ужина с хозяйкой вел
Беседу продолжительную он.

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
В нем борются пыл жизненный и сон.
Все мирно спят, лишь бодрствуют угрюмо
Воры, тревоги и злодеев думы.

Тарквиний в их числе. Уму его
Опасности предстали в поздний час.
Все ж он решил добиться своего,
Хотя и слаб надежды сладкий глас.
Порой отчаянье толкает нас;
Когда награда манит дорогая,
Мы в бой идем, о смерти забывая.

Кто пламенно стремится обладать
желанной вещью, тот готов скорей
Все, чем владеет, расточить, отдать;
Чем большего он алчет, тем бедней;
И даже овладев мечтой своей,
Он пресыщение вкушает вскоре;
В богатстве беден он и терпит горе.

Цель каждого – до старости дойти,
Вкушая честь, богатство и покой.
Но столько трудностей на том пути,
что жертвовать приходится порой:
То жизнью ради чести в битве злой,
То честью для богатств, то мы в боренье
Теряем жизнь, стремясь к обогащению.

В пылу стремлений отвергаем вдруг
Свой прежний жребий и другого ждем;
Нас честолюбия гнетет недуг.
Всем достоянием пренебрежем,
Желая большего; нет блага в том,
Что нам дано; порой уничтожаем
Все, что трудами тяжкими стяжаем.

Готов Тарквиний на безумный шаг,
Честь в жертву принесся страстям своим.
Теперь он сам себе изменник, враг.
Кому же верить, как не нам самим?
И кем отныне будет он любим,
Когда, предав себя, пошел навстречу
Позору, ненависти и злоречью?

Но вот глухая ночь сошла на мир,
И очи смертных сон смежил слепой.
Не лили звезды кроткий свет в Эфир.
Лишь крик совы да волка жадный вой
Звучат в тиши; легко им в час такой
Хватать ягнят; спят чистые желанья,
Лишь бродят похоть да разбой в тумане.

Он с ложа встал, охваченный огнем,
Плащом плечо стремительно покрыв.
С желаньем спорят опасенья в нем;
Страх цепенит, – вперед манит порыв;
То, чары гнусной похоти сломив,
Его объемлет страх внезапный, хладный;
То снова страсти он покорен жадной.

Тут о кремень мечом ударил он,
Из камня искры сыплются во тьму.
Светильник восковой тотчас зажжен,
Звездой путеводной стал ему.
Он говорит светильнику тому:
"Как я извлек из камня пламень яркий,
Так я зажгу матрону страстью жаркой".

О тех напастях, что ему грозят,
Он размышляет, бледностью покрыт.
В уме опасностей мелькает ряд;

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Расплата неизбежная страшит.
Он с омерзением и гневом зрит
Уловки похоти своей презренной
И говорит с разумностью отменной:

"Померкни, факел, не давай огня,
чтоб свет затмить прекрасней твоего!
Умрите, думы страсти, у меня,
дабы не осквернять вам божество;
Возлейте миро на алтарь его.
Противно человечеству деянье,
любви пятнающее одеянье.

"О воинству, оружию позор!
О срам гробнице праотцев моих!
О злодеянье, что влечет укор!
Стать воину рабом страстей слепых!
Почтенно мужество в глазах своих;
Мое же столь постыдно преступленье,
что ляжет на чело клеймом презренья.

"Да, я умру, но будет жив мой стыд,
и заклеят он герб мой золотой.
Вплетет историк знак позорный в щит,
запечатлев поступок низкий мой.
Мое потомство, возмутясь виной,
предаст проклятию мою гробницу
и прадеда-злодея устыдится.

"И что мне достижение принесет?
лишь пену радости, мгновенный сон.
Кто вечность за игрушку отдает?
За счастья миг кто купит долгий стон?
Кто срубит древо, яблоком прельщен?
Кто согласится завладеть короной
и тотчас пасть, сраженный скиптром, с трона?

"Когда бы коллатин мог увидеть
мой замысел во сне, схватив свой меч,
помчался б он – осаду с ложа снять,
у корня злодеяние подсечь,
честь непорочную свою сберечь,
сурового избежать приговора,
в веках неизгладимого позора.

"О, чем смогу себя я оправдать,
когда свой гнев он изольет в речах?
не буду ль немо, трепеща, стоять,
с кровавым сердцем, с ужасом в глазах?
тяжел мой грех, еще тяжеле страх;
у страха для борьбы не станет силы;
трусливо он сойдет со мной в могилу.

"Когда б отца убил он моего
иль сына, иль на жизнь мою восстал,
иль не был другом, – взяв жену его,
поступок свой легко б я оправдал;
ему я равной мерой бы воздал.
но он мой родственник, мой друг любимый,
и мне грозит позор неизгладимый.

"Срам неизбежен, и гнусна вина.
любовь гнусна ль? любви ее молю.
но не принадлежит себе она;
лишь гневно отстранит мольбу мою.
рассудок волей крепкою сломя!
кто убоится прописной морали,
того и пугала бы в страх вогнали".

Так похоть жаркая и трезвый ум
в нем нечестивую борьбу вели.

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Разбиты рати благородных дум;
На смену мысли черные пришли;
Тотчас все доброе в душе смели
И обольстили разум так умело,
Что мыслит он прекрасным злое дело.

Он молвит: "За руку меня своей
Рукой взяла и мне в глаза впилась
Тревожным взором, роковых вестей
О Коллатине дорогом страшась.
О, как от страха краска разлилась!
Сперва – как на одежде розан алый,
Потом лицо белей одежды стало.

"О, как дрожала тонкая рука
Лукреции, в моей заключена!
Не прекращалась дрожь ее, пока
Не услышала от меня она,
Что муж здоров; тут ясной, как весна,
Улыбкой расцвела; когда б увидел
Ее Нарцис, себя б возненавидел.

"К чему мне оправданья? Смертных всех
Речь красоты к молчанью приведет.
Лишь слабодушного смущает грех;
В трусливом сердце страсть не рассветет.
Любовь – мой вождь, она меня ведет!
Когда ж взовьет страсть пламенное знамя,
И трусы станут грозными бойцами.

"Прочь, детский страх! Сомнение, уймись!
Благоразумье, жди кудрей седых!
Глазам отныне, сердце, покорись!
Пусть мудрых взор задумчив, мрачен, тих;
Я молод, прогоню ж со сцены их.
Желанье – кормчий мой, краса – награда.
Кто для нее не презрит волн громады?"

Как плевелы на нивах рожь глушат,
Так похотью законный сломлен страх.
Он крадется, желанием объят;
Надежда и сомнение в глазах.
Как две рабыни, мудрые в речах,
Они его влекут к себе искусно.
То медлит он, то рвется к цели гнусной.

Небесный лик он видит пред собой
И рядом с нею Коллатина зрит.
Он смотрит на нее, смутясь душой;
Он смотрит на него, и строгий вид
Ему предаться страсти не велит
И манит к добродетели суровой.
Но к злу порочный дух склонился снова.

Он силы темные свои зовет,
Они ж, вождя призывом польщены.
Грудь наполняют, как недели – год;
Вздувают похоть, гордостью полны,
Безмерным рвением распалены.
Тарквиний, движим страстию безумной,
К Лукреции направился бесшумно.

Замки меж ней и волею его
Все взломаны, бессилен их затвор.
Но, открываясь, двери на него
Ворчат, и трепетом охвачен вор.
Задела дверь порог и шлет укор.
Пищат во тьме хорьки, его пугая,
Но он идет, боязнь превозмогая.

За дверью дверь сдаются перед ним;

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Но ветер в щели рвется, хлещет в грудь,
В лицо ему швыряет едкий дым;
На светоч ринулся, стремясь задуть,
Остановить злодея страшный путь.
Но грудь, где знойное кипит желанье,
Вновь раздувает светоча пыланье.

Он видит в свете факела: лежит
Ее перчатка; жадною рукой
Он с тростника [29 – Во времена Шекспира полы в домах
устилались тростником.] поднять ее спешит
И колет палец скрытой в ней иглой.
Перчатка словно молвит: "Скройся, злой!
Не создана я страсти быть отрадой.
Чисты моей владычицы наряды".

Но всем преградам вора не сдержать,
И он по-своему толкует их:
Перчатку, ветер, дверь готов считать
Случайностями на путях своих;
Они – как гири, что часов стенных
Задерживают ход, пока в скитанье
Минуты часу не уплатят дани.

"Так, так, – он молвит. – Не страшусь преград.
С морозами я их могу сравнить,
Что радость новую весне дарят,
Птиц побуждают буйно голосить.
Жемчужная не дастся даром нить.
Утесы, ветры, рифы и пираты
Страшат купца до славного возврата".

Вот, наконец, стоит у двери он,
Что дум его сокрыла небосвод;
Но путь затвором слабым прегражден
К той, чья краса его мечты влечет.
И так силен над ним нечестья гнет,
Что об удаче молится преступник,
Как будто небо – грешному заступник.

Но посреди бесплодной той мольбы,
Когда он к помощи бессмертных сил
Взывал, о благосклонности судьбы
К деянию преступному просил, –
Он вздрогнул. "Я растлить ее решил! –
Воскликнул. – Разве мне помогут боги,
Что к злодеянию такому строги?"

"Любовь и счастье, вы мне божества!
Незыблемы решения мои.
Мечта невоплощенная мертва.
Отмоют грех раскаянья струи;
Растает страха лед в огне любви.
Спит око неба. Ночь сокроет мглою
Стыд, что влекут восторги за собою".

Тут, сняв затворы дерзкою рукой,
Коленом двери распахнул злодей.
Спит голубок, намеченный совой.
Не увидеть измены в тьме ночей.
Змею увидев, всяк бежит скорей.
Она же в беззаботном сне лежала,
Не зная, что грозит ей смерти жало.

В покой он входит, полн желаньем злым,
И ложе незапятнанное зрит.
Задержнут полог; ходит он пред ним,
И взор голодным пламенем горит.
Измене взором в сердце путь открыт.
Рука получит скоро приказанье
Снять тучку, скрывшую луны сиянье.

Нам взоры ослепляет солнца лик,
Над облаком победно вознесен,
Так он, откинув полог, в тот же миг
Зажмурился, блистаньем ослеплен.
Ее ли пламенем был опален,
Иль стыд внезапно в сердце пробудился,
Но слепы очи, взор его затмился.

О, если б взор его навек погас!
Тогда бы замысел пресекся злой,
Тогда б на ложе Коллатин не раз
Забвение забот вкушал с женой;
Но вспыхнет взор и сгубит их покой,
Похитит у матроны безупречной
И жизнь, и радости, и сон беспечный.

лилейная под розовой щекой
Легла рука, подушке не дала
Лобзать лицо, а та в досаде злой,
Встав, с двух сторон лик нежный обняла;
И голова покоилась, светла,
Меж гор – гробницею любви священной;
Но взор над ней склонился дерзновенный.

Другая непорочная рука
Белела сверх зеленых покрывал,
Как лилия средь вешнего лужка;
На ней росой жемчужный пот сверкал.
В глазах прекрасных свет не трепетал;
Они, как анемон в тени укромной,
До утра венчики сомкнули томно.

Играли золотых кудрей струи
С дыханьем. О невинный рой забав!
Сквозь смерть являла жизнь права свои,
А смерть сквозь жизнь своих искала прав;
Свою вражду забвению предав,
Так неразрывно их чета сплеталась,
Что смертью жизнь и жизнью смерть казалась.

Два полушарья мраморных грудей, –
Миры, не покоренные врагом, –
Владыку чтили в верности своей,
Знакомы были лишь с его ярмом.
Объятый честолюбия огнем,
Тарквиний, как захватчик беззаконный,
Монарха их решил низвергнуть с трона.

Все, что он наблюдал, его влекло;
Все пробуждало в нем желаний пыл;
Все, что он зрел, безумьем сердце жгло;
Он, жадно глядя, очи утомил.
С немym восторгом взор его скользил
По жилкам голубым, по коже нежной,
Устам-кораллам, шее белоснежной.

Как лев терзать добычу не спешит,
Играет с ней, о голоде забыв, –
Так римлянин над спящею стоит.
Притих от созерцания порыв,
Но не смирен. Лицо над ней склонив,
Он сдерживал мятеж страстей глазами;
Но новый взрыв по жилам гонит пламя.

И жилы, словно злых рабов отряд,
Как воры, жаждущие грабежей,
Чья радость – кровь, кого не поразят
Ни плач детей, ни стоны матерей,
Надувшись гордо, рвутся в бой страстей.
Забило скоро сердце в нем тревогу,

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Открыв его желаниям дорогу.

Дробь отбивая, сердце придает
Глазам отвагу, шлют глаза приказ
Руке, она же, устремись вперед,
Дрожа от гордости, взошла тотчас
На холм груди нагой – отраду глаз;
И побледнели башенки крутые,
Кровь отлила сквозь жилки голубые.

Кровь устремилась в тихий тот покой,
Где госпожа, владычица спала, –
Вещать про нападение и разбой;
Ее от сладких снов оторвала
И хриплым криком в трепет привела.
Раскрылся взор ее, глядит смятенно
И меркнет, ярким светом ослепленный.

Представьте женщину, что сладко спит
И страшным сном в ночи пробуждена;
Ей мнится, призрак перед ней стоит,
И всеми членами дрожит она.
О жуть! Но Коллатинова жена
При пробуждении видит пред собою
Не привиденье – существо живое.

Как раненая птица, перед ним
Лежит, дрожа; все чувства смятены.
Зажмурилась; насильник ей незрим.
Мелькают тени, ужаса полны,
Расстроенным умом порождены,
Который, рассердясь, что слепнут очи,
Рисует ужасы во мраке ночи.

К ее груди, как к мраморной стене,
Его рука припала – злой таран;
Нащупать может сердце в глубине –
Властителя, что страхом обуян
И сам себе наносит сотни ран;
Но будит он не жалость, а желанье, –
Разбив стену, проникнуть дерзко в зданье.

Как зычная труба, его язык
Врагу переговоров шлет сигнал.
Из одеяла глянул бледный лик;
Ей надо знать, зачем злодей напал.
Тарквиний молча ей растолковал.
Она ж поведать молит неотступно,
Чт_о_ вызвало его на шаг преступный.

Он отвечает: "лик прекрасный твой,
Что лилию заставит побледнеть
И розу покраснеть в досаде злой,
Обрек меня огнем любви гореть.
Из-за него решил я завладеть
Твоей твердыней. Шли себе укоры:
Тебя предали мне твои же взоры.

"Коль ты бранить меня захочешь, – знай:
Расставила краса тебе силок.
Смирись, моим желаньям уступай.
На утоление страсти я обрек
Тебя; я все преграды превозмог.
Хоть разум убивал мое решенье,
Но вновь твоя краса звала к свершенью.

"я знаю: много бед мой шаг влечет;
Я вижу: розу тернии блюдут;
Я понял: змеи охраняют мед;
Но впрок раздумья мудрые нейдут,
Мое желанье к благу не ведут;

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Оно лишь зрит красу твою влюбленно,
К ней рвется против долга и закона.

"Я взвесил в сердце, сколько породит
Поступок мой страданий, зол, скорбей.
Но пламени ничто не угасит,
Не остановит ярый бег страстей.
Раскаяния слезы из очей
Прольются; суждены мне срам, укоры,
Но я стремлюсь в объятия позора".

Сказал и, римский меч свой обнажив,
Над ней занес. Так сокол в небесах
Парит, крылами жертву осенив
И хищным клювом нагоняя страх.
Под соколом-мечом лежит в слезах
Она и слышит речи рокотанье,
Как птица внемлет бубенца бряцанье.

"лукреция, моей должна ты быть, –
Он говорит. – Иль силу применю;
Решил тебя на ложе погубить,
И с жизнью отниму я честь твою.
Презреннейшего из рабов убью,
К тебе подброшу, стану клясться дерзко,
Что вас убил на ложе страсти мерзкой.

"Покроет мужа твоего позор,
Он на беду тебя переживет.
Потупят родичи смущенный взор,
Объявят незаконным твой приплод;
Тебя же, осквернившую свой род,
Потомство в песнях помянет глумливых,
Их станут дети петь среди игр шумливых.

"Коль сдашься, другом буду я твоим;
Грехи необнаруженные спят.
Когда для высшей цели мы творим
Проступок, судьи нас не заклемят.
Свою губительную силу яд
Утратит в смеси, лекарю покорный,
И действует микстура благотворно.

"Так ради мужа и детей своих
Склонись к моим мольбам. Не награди
Позором несмываемым родных,
Хулой, что предстоит им впереди.
Клеймо невольника иль на груди
Родимое пятно желанней, краше, –
Природа здесь виной, не подлость наша".

Как василиск, [30 – Сказочный зверь, убивающий одним своим
взглядом.] он в жертву роковой

Свой взор вонзил и смолк. Она была
Как воплощенье чистоты святой,
Как лань в когтях у горного орла.
К нему с мольбой в пустыне воззвала,
Но хищнику пощада незнакома;
Он рвется к цели, похотью влекомый.

Когда ползут на нас громады туч,
Скрывая горы, нагоняя жуть,
Из черных недр земли встает, могуч,
Крылатый ветер и тщится их раздуть;
Их полчищам он преграждает путь.

Так он замедлил, слыша речь матроны;
Плутон Орфею внемлет благосклонно. [31 – Намек на миф об
Орфее, который, спустившись в ад за своей женой Эвридикой, так очаровал
своим пением владыку подземного царства Плутона, что тот возвратил ему
жену.]

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org

Играя,мышь злосчастную когтит
Он, гнусный, по ночам бродящий кот.
В нем будит ярость жертвы грустный вид;
Все поглотить готов водоворот.
Ее мольба до сердца не дойдет.
Дожди пророют в камне след глубокий,
Но плач не трогает груди жестокой.

Ее молящий, полный скорби взгляд
Прикован к сумрачным его чертам;
Несвязна речь, уста ее дрожат,
Но вздохи прелесть придают речам.
Нить мысли рвется. Нет конца мольбам.
Она в смятенье прерывает фразу,
О том же повторяет по два раза.

Юпитером, владыкою богов,
Военной честью, дружбою святой,
Любовью мужа, доблестью отцов,
Своею скорбью, правдою людской,
Землей и небом, властью их благой –
Злодея заклинает удалиться,
Не похоти, а чести покориться.

И молвит: "Умоляю, черным злом
Мне за прием радушный не плати,
Чтоб самого себя не клясть потом;
Тебя поивший ключ не замути;
До выстрела добычу отпусти.
Плох тот лесник, что вешнюю порою
Лань умертвит разящую стрелюю.

"Ты мужу друг, – так пощади жену;
Ты царский сын, – так не роняй себя.
Слаба я, – не веди со мной войну.
Твой честен лик, к тебе взываю я.
Я бурей вздохов удалю тебя.
Коль воинов смягчают жен рыданья,
Тебя смягчит мой плач, мои стенанья.

"На грудь твою, как на крутой утес,
Они обрушатся волной морей;
Растает злоба в океане слез,
Ведь камень тает в горечи зыбей;
О, если ты не тверже тех камней,
Услышь меня и окажи пощаду;
Пробьется жалость через все ограды.

"Ты как Тарквиний в дом ко мне проник.
Иль хочешь ты позор ему нанести?
Ко всем богам взываю в этот миг.
Ты губишь имя царское и честь;
Ты представляешься не тем, что есть,
И ты не то, чем кажешься. От века
Царь, как и бог, отец для человека.

"Какой позор ты в старости пожнешь,
Коль расцвели пороки до весны!
Раз ты сейчас на страшный шаг идешь,
Вступив на трон, чем станешь для страны?
О, помни: подданные все должны
Расплаты ждать за зло, что совершили;
А срам царя с ним не уснет в могиле.

"Лишь страх отныне будешь ты внушать,
А добрый царь любовь родит в сердцах.
Тебя злодеи станут окружать,
Ты с ними свяжешься во всех делах.
Пусть эта мысль пробудит в сердце страх.
Царь должен быть зеркалом и скрижалью,
Чтоб взоры всех в нем мудрость созерцали.

"Иль станешь ты скрижалю, где твой стыд
Начертан будет – похоти урок?
Иль будешь ты зеркалом, где узрит
Всяк поощрение на свой порок,
Найдя в тебе всех мерзостей исток?
Отверг ты славу вечную сегодня
И сделал имя доблестное сводней.

"Ты властен. Заклинаю тем, кто власть
Тебе вручил, спеши порыв смирить;
Не обнажай меча, чтоб честь украсть;
Он дан тебе, чтоб страсти покорить.
Как будешь ты, взойдя на трон, царить,
Когда любой преступник молвит смело,
Что у тебя учился злему делу?

"С каким бы омерзением узрел
Ты этот грех, сверши его другой!
Своих не видят люди черных дел;
Спешат забыть. Когда б наперсник твой
То сделал, был бы осужден тобой.
О, как погрязли люди в тьме порока,
Коль от своих грехов отводят око!

"Тебя, тебя всем сердцем я молю:
Соблазны лютой похоти гони!
Верни поруганную честь свою,
Коварных дум внушенья отстрани;
Желание преступное плени;
Взор проясни, одетый пеленою,
Свой стыд узри и сжался надо мною".

"Довольно! – молвит он. – Страстей напор,
В преграды ударяясь, лишь растет.
Легко задуть свечу, но не костер;
Он в ветре снова ярость обретет.
Покорно платят подать пресных вод
Горькосолоену монарху реки,
Но горечь в нем не уменьшат вовеки".

"Ты, – говорит матрона, – океан,
И в царственную глубь свою впустил
Срам, похоть, необузданность, обман,
Что оскверняют кровь священных жил.
Коль рекам волю дать, накопят ил;
Не растворит потоков грязи море
И в мутной топи погребется вскоре.

"Ты станешь раб, рабы ж на трон взойдут;
Ты будешь втоптан в прах, они – властны;
Ты дашь им жизнь, они тебя убьют;
Ты жалок будешь, а они страшны.
Пороки рушить доблесть не должны.
К бурьяну наклоняться кедр не станет;
Но у его корней бурьян увянет.

"Бунт низких дум смири, будь вновь царем..." –
"Замолкни! – он вскричал. – мечом клянусь,
Тебе не внемлю. Покорись добром,
Иль грубой силой своего добыюсь.
Когда ж я поруганьем наслажусь,
Тебя в постель к невольнику снесу я,
Чтоб разделил с тобой он долю злую".

Сказав, он факел погасил ногой;
Ведь свет для похоти невыносим.
Спешит укрыться срам во тьме ночной,
И там владычествует он, незрим.
Волк жертву душит; схваченная им
Кричит овца и судорожно бьется,

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Пока в руне своем не задохнется.

Злодей жгутом белья в ее устах
Рыданья, стоны затворить спешит,
В скромнейших, непорочнейших слезах
Разгоряченное лицо свежит.
И похоть ложе чистое сквернит.
Когда б смывалось то пятно слезами,
Она б рыдала днями и ночами.

Что отнято – дороже жизни ей;
Что он обрел – готов отдать назад;
Миг счастья сменят месяцы скорбей:
Насильственный союз борьбой чреват.
Сменил желанье отвращения хлад.
Сокровище невинность утерjala,
А похоть, вор, еще беднее стала.

Коль пес раскормлен, сокол пресыщен, –
Тот нюх теряет, этот – легкость крыл,
Лениво, неохотно гонит он
Ту дичь, которой вид ему так мил.
Таков Тарквиний этой ночью был.
В желудке стала сладость кислотой;
Пожрав себя, желанье гаснет злое.

О бездна мерзости, мрачней, чем ночь!
Мысль не измерит черной глубины.
Пыл пьяный извергает пищу прочь,
Еще не видя всей своей вины.
Мольбы смирить желанье не властны,
Пока оно само не утомится
В безумном беге, словно кобылица.

Тогда желанье, разом ослабев,
С потухшим взором, сморщенным челом,
Трусливо позабыв мятежный гнев,
Трепещет, как должник перед судом.
Когда бунтует плоть, готов с добром
Пыл страстный биться, но, утратив силу,
Слезливо кается бунтарь унылый.

Так было и с Тарквинием, едва
Столь вожденный кубок был испит.
Себе изрек он страшные слова:
Теперь он срамом на века покрыт.
Прекрасный храм души его разбит.
Заботы устремляются к руинам –
Узнать, что с их злосчастливым властелином.

Отвечствует душа: мятеж подняв,
Ее клеветы стены потрясли,
Своим грехом ее лишили прав,
Бессмертье сделали рабом земли,
На вечные мученья обрекли.
В предведение она того страшилась,
Но воле их бессильно покорилась.

Так размышляя, крался в тишине
Он, победитель, сокрушенный в прах,
С неисцелимой раной в глубине,
Что станет шрамом, наводящим страх;
Оставил жертву в скорби и слезах.
Ее гнетет бесчестье неотступно,
Его – давящий груз души преступной.

Он псом проворовавшимся ползет;
Она простерта раненой овцой;
Он свой проступок яростно клянет;
Она терзает грудь свою с тоской;
Он, весь в поту, спешит во мрак ночной;

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Она на ложе мечется, рыдая;
Он прочь бежит, блаженство проклиная.

Он убегает, скорбью удручен;
Она в отчаянье слепом лежит;
Он жаждет утра, мраком утрашен;
Она при мысли о заре дрожит.
"День, – молвит, – язвы ночи обнажит.
Мои всегда правдивы были взоры;
Не скроют и теперь они позора.

"Мне кажется, что все теперь узрят
Тот срам, что предстает очам моим.
Пусть лучше будет мраком взор объят,
Невольный грех останется незрим.
Ведь слезы стыд откроют всем живым;
Как влага грудь железа ржою гложет,
Они клеймо мне на черты наложат".

Покой проклятью предает она;
Ее очам желанна слепота.
Бьет в грудь себя, тоскою сражена,
Исторгнуть хочет сердце прочь: пусть та
Его вмещает, чья душа чиста.
Так говорит она, ломая руки,
Вся трепеща от непомерной муки:

"О ночь, убийца радости моей!
Ты образ ада, летопись грехов,
Арена злодеяний и страстей,
Притон бесславья, хаос, враг богов,
Пороков сводня, мерзостей покров,
Мать зла, пещера смерти роковая,
Предательства наперсница лихая!

"О мглистая, губительная ночь!
Когда тобой позор мне учинен,
Вели туманам утро превозмочь,
Останови течение времен;
Коль дашь заре взойти на небосклон,
Отравленными, злыми облаками
Затми живительного солнца пламя.

"Гнилым дыханьем все крутом казня,
Сырою мглой наполни утро ты,
Блеск омрачи властительного дня,
Не дай достигнуть солнцу высоты
Зенитной. Пусть в пучину темноты
Светило обессиленное канет
И навсегда слепая ночь настанет.

"Когда б Тарквиний черной ночью был,
Не сыном Ночи, – натворил бы зла
Луне-царице, сонмищу светил;
Сокрыла б звезды роковая мгла,
И я б наперсниц в муках обрела;
Скорбь разделенная отрадней, кротче;
Так странникам в беседе путь короче.

"Но кто со мной разделит мой позор,
Заломит руки, примется рыдать,
Потупит в землю угнетенный взор?
Должна я в одиночестве страдать,
Слезами щедро землю орошать,
Сменяя речью слезы, вздохом – стоны;
Они свидетели тоски бездонной.

"О Ночь, жерло, извергнувшее дым!
Пусть никогда пыливый День не зрит
Мое лицо, что под плащом твоим
Свой незаслуженный позор таит.

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Пусть мгла навеки над землей царит,
Чтоб злодеянья все могли сокрыться
В глухой тени, как в каменной гробнице.

"Не дай мне стать предметом сплетен дня;
Заметят все, едва растает мрак,
Что чистота покинула меня,
Что злым насильем поруган брак;
И даже необученный простак,
Что понимать не в силах книг ученых,
Прочтет позор в моих глазах смущенных.

"Расскажет няня про беду мою,
Тарквинием ребенка припугнет.
Оратор, чтоб украсить речь свою,
Меня с Тарквинием в одно сплетет.
Певец на шумном пире пропоет,
Как срам нанес Тарквиний мне безвинной,
А я неволью – мужу, Коллатину.

"Когда бы пощадил мою он честь его
Хоть ради мужа и любви его!
Как сможет муж бесславье перенести?
Другой росток от корня одного
Гнить станет; скверна ляжет на него,
Чье сердце столь же чисто и невинно,
Как я была чиста для Коллатина.

"О срам незримый! Сокровенный стыд!
Неосязаемая рана! Шрам,
Что коллатиново чело клеймит!
Легко прочесть Тарквиния очам:
Той раной муж обязан не боям.
Сколь часто люди носят шрам позорный,
О коем знает лишь обидчик черный!

"О коллатин, погибла честь твоя!
Но все ж она насильем отнята.
Утрачен мед; как трутень стала я;
Ячейка оскверненная пуста;
Запятнана злодеем чистота.
В твой улей шмель проник, сокрытый тьмою,
И мед пожрал, накопленный пчелою.

"Но разве я была тому виной?
Лишь для тебя был мною принят он;
Я думала, что прислан он тобой;
Как гость, по долгу, был он мной почтен;
К тому ж он говорил, что утомлен,
И славил доблесть он красноречиво.
Кто б дьявола узрел под маской лживой?

"Зачем червю вползать весной в цветок?
Кукушке яйца в птичьи гнезда класть?
Иль жабе ясный отравлять поток?
Иль сердцу чистому изведать страсть?
Иль превышать зачем монарху власть?
Нет на земле высоких достижений,
Которые не знали б осквернений.

"Вот старец копит деньги в сундуках;
Его язвят недуги, гнут труды;
Почти иссякло зрение в глазах,
Но он сидит, как Тантал средь воды,
Сбирая хитрости своей плоды.
Несчастный скряга удручен сознаньем,

что не помогут деньги злым страданьям.
Не усладят сокровища скупца;
Получат их его сыны потом
И расточат наследие отца;

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Он хил, они ж горят живым огнем,
Недолго им владеть его добром.
Когда желанная придет к нам радость,
Внезапно в горечь обратится сладость.

"Шальные ветры – спутники весны;
Средь пышных роз порой сорняк растет;
Змеи шипенья в хоре птиц слышны;
Плод доблести нечестие пожрет.
Никто своим добро не назовет;
Придет пора, когда злосчастный Случай
Все истребит своей рукой могучей.

"О Случай, ты всегда родишь напасть!
Тобою путь измены облегчен.
Толкаешь ты ягненка в волчью пасть;
Содействуешь греху в чреде времен;
Поносишь разум, право и закон.
Темна твоя пещера роковая,
Где грех сидит, прохожих поджидая.

"ты гибель на весталку навлечешь;
Ты вздуешь пламя страсти в тьме ночной;
Ты честность и доверие убьешь;
Ты подлый сводник, подстрекатель злой.
Ты сгубишь славу, наградишь хулой.
Ты мерзкий вор, предатель, тать. Увянет
Твой пышный цвет, и сладость желчью станет.

"Твои восторги обратятся в стыд;
Твой тайный пир – в томительность поста;
Твой ласковый призыв – в слова обид;
Твой мед наводит горечь на уста;
Твоя непостоянна суета.
Так почему, скажи, презренный Случай,
К тебе стремится люд с алчною жгучей?

"Когда ты станешь другом бедноты,
Смиранные прошенья утолишь?
Когда предел положишь браням ты?
От уз печали дух освободишь?
Когда больным здоровье возвратишь?
Бедняк, слепец, хромым в тоске сердечной
Тебя зовут, – но не придешь к ним вечно.

"Болящий умирает – дремлет врач;
Обидчик весел – втуне вопль сирот;
Пируют судьи, вдов не слыша плач;
Благоразумье спит – беда растет.
В тебе добро поддержки не найдет;
Но злу, убийству, зависти, измене
Ты верный паж на жизненной арене.

"Когда к тебе зывают Правда, честь, –
Ты вмиг им ставишь тысячи преград.
Греху ж к тебе свободный доступ есть,
И помогать ему всегда ты рад;
Все дашь ему, не требуя наград.
Ждала я Коллатина всей душою, –
Пришел Тарквиний, посланный тобою.

"Виновен ты в убийстве, воровстве;
Виновен в нарушение клятв и слов;
Виновен ты в измене, плутовстве;
Виновен в самом гнусном из грехов –
В кровосмешенье. Ты всегда готов
Содействовать всем сквернам человека
От сотворенья до кончины века.

"Чудовищное Время, Ночи друг,
Тревог и тягостных забот гонец,

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Убийца юности, страж горьких мук,
Раб гнусных наслаждений, низкий лжец!
Всех вскормленных тобою под конец
Убьешь. О Время, ты грехом чревата,
Так будь в моей кончине виновато!

"Как мог нарушить Случай, твой клевет,
Часы покоя моего, разбить
И жизнь и счастье, помрачить мой свет
И душу вечной скорбью отягчить?
Долг Времени – вражду в сердцах гасить,
Уничтожать народов заблужденья,
А не творить супругам оскорбленья.

"Пристало Времени мирить царей,
Ложь обличать, являя правду нам,
Скреплять печатью славу прежних дней,
День пробуждать, дарить покой ночам,
Злодея тяжким обрекать скорбям,
Ведя к раскаянью; крушить твердыни
И повергать во прах дворцы гордыни;

"На пир червям величье предавать,
На снесь забвенью тлен и пыль веков,
Старинных книг значение изменять,
Ощипывать стареющих орлов,
Крушить стволы столетние дубов
И бережно лелеять отпрыск юный,
Грызть медь и колесо вращать фортуны;

"дать бабушке внучат, детей в мужчин
Преображать, а стариков – в детей;
Сразить убийцу-тигра в тьме лощин;
Свирепых, диких приручать зверей;
Поймать плута в петлю его сетей;
Слать селянину урожай отрадней
И каплями долбить утес громадный.

"Зачем ты в вечном странствии своем
лишь зло творишь? О, сделай шаг назад,
Вернись на миг, свой вред смени добром –
И тысячи тебя благословят;
Твоим советам всякий будет рад.
Ночь ужаса! Когда б ты запоздала
На час, – позора б я не увидала!

"О, вечности приспешник роковой!
Тарквинию вреди на всех путях,
Гоненьями преследуй и враждой;
Пусть ночь проклятую клянет в слезах;
Виденья пусть его вгоняют в страх;
Пусть превращает думою тревожной
Он в демонов кустарник придорожный.

"Пусть не дает ему отрады сон;
На ложе стопами его терзай;
Пусть будет он скорбями удручен,
Но жалости к нему не возбуждай:
Сердцами каменными окружай
Злодея. Сердце жен да не смягчится;
Пусть будут с ним свирепей, чем тигрицы.

"Пусть кудри рвет он скорбною рукой;
Пусть он свое деяние клянет;
Пусть он не зрит отрады в тьме слепой;
Пусть он, как низкий раб, весь век живет;
Пусть он подачки самой жалкой ждет,
И пусть он к нищему мольбы возносит,
А тот ему презренных крох не бросит.

"Пусть он врагов узрит в друзьях былых,
Страница 254

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org

И пусть над ним глумится каждый шут;
Пусть он познает средь мучений злых,
Как медленно часы в тоске бредут,
И вспомнит, как они средь игр бегут;
И пусть его всегда казнит сознание,
Что не исправить страшное деяние.

"О Время, ты наставник всех людей,
Учи меня злодея проклинать;
Пускай страшится тени он своей
И сам, сам алчет жизнь свою прервать;
Рукам порочным должно проливать
Кровь гнусную. Найдется ль раб, готовый
Казнить злодея мерзкого такого?

"Он царский сын – и тем презренней он:
Себя навек злодейством осквернит;
Чем муж знатней, тем чаще обречен
Он славу принимать иль черный стыд;
Высоких саном срам больней разит;
Коль скроется луна, все видят сразу;
Исчезновенье ж звезд не зримо глазу.

"Коль ворон грязью вымажет крыло,
До этого и дела людям нет;
Но если б лебедю на ум пришло
Испачкаться, на белых перьях след
Всем виден. Слуги – тьма, монархи – свет;
Никто не видит стаи комариной,
Но всякий зрит державный лет орлиный.

"Прочь, прочь, слова! Вы лишь глупцам нужны!
Пустые звуки! Вы мне бранный прах!
Педантам в спорах вы служить должны;
Властительно гремите на судах,
Клиентов повергая в бледный страх;
Но речью и былинки я не трону,
Коль не помочь в моей беде закону.

"Напрасно Случай, Время я клянусь,
Тарквиния и горестную Ночь;
Напрасно бьюсь у бедствия в плену;
Напрасно свой позор гоню я прочь;
Словами – жалким дымом – не помочь.
Спаси себя в глазах людей могу я,
Лишь кровь пролив, бесславию больную.

"Зачем дрожишь, рука, от речи той?
Гордись, что ты меня спасешь от зла;
Коль я умру, – честь не умрет со мной;
Коль буду жить, – навек со мной хула.
Раз отстоять меня ты не смогла,
Ногтями не царапала злодея, –
Скорей погибни с госпожой твоею!"

С постели встав, она идет, дрожа,
Орудья смертоносного искать;
Но дом не бойня: не найдет ножа,
Чтоб жизнь свою постылую прервать,
Дыханию исход свободный дать;
Как Этны пар, что рвется в свод лазурный,
Как пушек дым, оно стремилось бурно.

"Напрасно я живу, напрасно я
Ищу кончины, – говорит она. –
Меч негодяя испугал меня;
Теперь убить себя обречена.
Когда пугалась я, была честна
Перед супругом. Но честна и ныне...
Нет, чести навсегда лишил Тарквиний!"

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoffo.org

"О, то, чем я жила, истреблено,
И смерть меня уж боле не страшит.
Коль смою гибелью своей пятно,
Одежду срама скроет славы щит;
Моя рука бесчестье умертвит,
Тоскуя о жемчужине пропавшей,
Сожгу ли я ларец, ее вмещавший?"

"Нет, нет, мой Коллатин, не потерплю,
Чтоб ты бесславья кубок осушил;
Твоей любви святой не оскорблю;
Тебя обманывать не станет сил;
Не допущу, чтоб гнусный отпрыск жил;
Не станет хвастаться мой осквернитель,
Что ты его отродья охранитель."

"Не поглумится над тобою он
Наедине или среди друзей.
Добра ты не изменой был лишен,
Нет, вор сломал засов твоих дверей.
Владычица я над судьбой своей:
Себе я не прощаю осквернения –
И смертью искуплю свое паденье."

"Не уязвит злоречие тебя.
Не обелю свой грех перед тобой,
Не позлащу жестокой правды я,
Обиды, нанесенной ночью злой;
Язык мой все поведает с тоской.
Как в дол бежит поток с вершины горной,
Прольются слезы, срам смывая черный".

Тем временем в поголубевшей мгле
Плач Филомелы [32 – Филомела была обесчещена мужем своей
сестры Тереем, после чего она была превращена богами в соловья. Имя ее
стало нарицательным в значении "соловей".] сладкий отзвучал.

Ночь, медленно ступая по земле,
Спустилась в ад. Восток, рассветно-ал,
Всем взорам щедро пламень разливал.
Но скорбная Лукреция стыдится
Себя узреть; ей легче в ночь укрыться.

День-обличитель в скважины глядит,
И словно кажут на нее лучи.
Она ему, рыдая, говорит:
"Ты, око всех очей, не обличи
Моих скорбей; на спящих взор мечи.
Не жги чело губительным сияньем;
День счета не ведет ночным деяньям".

Так пробуждает гнев в ней все кругом;
Кручина – как дитя, что, зарыдав,
Не ищет утешения ни в чем.
У горя старого смиренней нрав:
Оно слабеет, власть времен познав;
А молодое – как пловец, что смело
Нырять вглубь и тонет, неумелый.

Так, в океан тоски погружена,
Со всякой вещью спор она ведет;
Глазами горя видит все она.
Страданью силу новую дает
Все, что пред влажным взором промелькнет.
Порой ее печаль нема, сурова;
Порой в речах излить себя готова.

ликует беззаботных пташек хор,
Ей раня сердце радостью своей.
Проникнет вглубь тоски счастливый взор,
Но средь веселья боль еще острее.
Привольней скорби в обществе скорбей;

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Душе отраднo, если с ней другая
Печалится, ее беде внимая.

Двойная смерть – тонуть у берегов;
Свирепей боль, когда лекарство зрим;
Растет в душе печаль от нежных слов;
Сильней голодный голодом томим
При виде яств. Течением своим
Реке подобна скорбь: поставь преграды –
И все кругом затопит без пощады.

"Насмешливые птицы, – молит их, –
В груди пуховой скройте звон рулад.
Хочу я, чтобы хор ваш ныне стих;
Душе смятенной в песнях нет отрад;
Хозяйку в горе гости тяготят.
Тем пойте вы, кто сердцем чужд печали;
Скорбям напевы слезные пристали.

"Ты о насилии, грустя, поешь,
О Филомела! Средь моих кудрей
Приют, как в темной роще, ты найдешь;
Как влажная земля во тьме ночей,
Я стану вторить горести твоей.
В припеве скорбном помяну злодея,
Как ты в напеве сладостном – Терея.

"Меж тем как давнюю свою печаль
Ты бредишь, предав шипам себя,
Приставлю я губительную сталь
К своей груди, позора не стерпя,
И мертвая паду на землю я.
Как две струны на арфе сладкозвучной,

С тобою мы в отчаянье созвучны.
"Ты не поешь, бедняжка-птица, днем:
Тебя смущает всякий взор людской.
Вдвоем мы край пустынный изберем,
Где царствуют безлюдие, покой
И вечная весна: там мы с тобой
Затянем песнь тоски; раз люди стали
Зверями, призовем зверей к печали".

Как лань стоит, в испуге трепеща,
Не ведая, куда бежать средь гор;
Как странник, в лабиринте путь ища,
Напрасно бродит, в тьму вперяя взор;
Так и в душе Лукреции раздор.
Не знает, к жизни, к смерти ль обратиться;
Постыдна жизнь, смерть, как судья, грозитя.

"Убить себя? – стонет. – Но к чему?
И дух мой будет этим осквернен.
Кто пол-именя потерял, тому
Отраднa мысль, что не всего лишен.
Когда ребенок смертью унесен,
Какая мать решит убить другого,
Истерзанному сердцу дорогого?

"До осквернения что всего милей
Мне было – дух иль плоть? – твердит она. –
Что я любила глубже, горячей,
Когда супругу я была верна?
Коль обнажится от коры сосна,
Иссякнут соки и увянет крона;
Так будет и с душой, коры лишенной.

"Разграблен дом ее, покой сражен,
Усадьба вся разрушена врагом,
Священный храм поруган, осквернен,
Бесславием пронизан и стыдом.

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Так будет ли нечестьем и грехом,
Коль брешь пробыю в ославленной твердыне,
Чтоб дух смятенный плоть покинул ныне?

"Но не умру, покуда Коллатин
Всей правды не узнает про меня,
Чтоб отомстил мой славный господин
Тому, из-за кого погибну я;
Попомнится злодею кровь моя:
Ее он осквернил, и, умирая,
По праву кровь ему я завещаю.

"честь завещаю острому ножу,
Что опозоренную плоть пронзит.
Постыдной жизнью я не дорожу;
Честь оживет, когда умрет мой стыд;
Так пепел срама славу возродит.
Убив себя, я умерщвлю презренье,
А честь познает новое рожденье.

"что завещать тебе, мой дорогой,
Похищенного клада верный страж?
Моя любовь и честь – всегда с тобой.
Тарквинию достойно ты воздашь;
Как гибну я, так сгинет недруг наш.
Твой друг, себя я поражу, – так надо! –
Как недруга; и ты не знай пощады.

"Вот объявляю волю я свою:
Дух к небу, тело к праху отойдет;
Тебе, супруг, решимость отдаю,
А честь – ножу, что рану нанесет;
Позор на осквернителя падет;
А слава добрая тому дается,
Кто от меня душой не отвернется.

"ты волю совершишь мою, супруг,
Узрев, что совершил мне лютый враг.
Омою кровью тяжкий свой недуг,
Сотру прекрасной смертью гнусный знак.
Встань, сердце, изреки: "да будет так!"
Руке предайся, будь в союзе с нею;
Победу смерть вам даст и стыд – злодею".

Смертельный приговор произнесен!
Она роняет горький перл из глаз,
Зовет служанку, подавляя стон, –
И та спешит на зов ее тотчас
(Сознание долга окрыляет нас).
На лик матроны девушка взирает;
Он – словно снег, что на припеке тает.

С почтительным приветствием она
Склонилась пред хозяйкою своей;
Она была весьма огорчена,
Увидев лик ее в плаще скорбей;
Не смеет, робкая, спросить у ней,
Что помрачило солнца-взора пламя,
Что увлажнило лик ее слезами.

Когда заходит солнце, мир грустит,
И слезы выступают на цветах;
Так и служанка скорбь хозяйки зрит
И сетует о солнечных глазах,
Что погреблись в соленых, злых волнах.
Объята жалостью она, и очи
Увлажнены, подобно росной ночи.

Созданья нежные стоят без слов,
Как у фонтана статуи наяд;
Матроны лик и скорбен и суров,

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Сочувствием горит служанки взгляд.
Легко печали женщину мрачат:
увидит скорбь – и слезы взор туманят;
чужие горести ей сердце ранят.

Как мрамор, у мужчин сердца; у жен –
Как воск, и мрамор след врезает в них.
Слабейший пол всемерно угнетен,
Влиянье терпит хитрых, умных, злых;
Невинны жены в бедствиях своих.
Кто обвиняет воск, когда покорно
Он принимает беса образ черный?

Подобны откровенностью они
Равнине, где заметен червячок.
В душе мужчины, как в лесной тени,
Таятся грех и мерзостный порок;
Но сквозь хрусталь [33 – Хрусталь женских глаз.] заметен

волосок.

Муж преступленье скроет в мрачном взоре;
Взор женщин – книга, где читают горе.

Никто цветок измятый не бранит,
Но все винят его сгубивший град.
Не жертву, а насильника сразит
Хула. Пусть жен несчастных не винят:
В проступках их мужчина виноват;
Владыка гордый, он своею властью
Влечет жену к позору и несчастью.

Лукреция примером сложит нам;
В ночи подверглась нападенью зла.
Ее страшили смерть и горький срам,
Что смертью на супруга б навлекла;
Противиться напасти не смогла;
Смертельный страх сковал матроны тело:
Над мертвецом злодей глумится смело.

Вооружась терпением, она
Подруге скорбный задает вопрос:
"Дитя, скажи, чем ты огорчена?
Иль жалость породила ливень слез?
Но знай: твои плач мне пользы не принес.
Когда б давали слезы облегченье,
Хватило и моих бы вне сомненья.

"Скажи, дитя, давно ли... – тут, дрожа,
Пресекся голос, – гость уехал мой?"
Служанка отвечает: "Госпожа,
Не ведаю: спала я той порой.
Конечно, лень моя всему виной.
В одном лишь оправданье мне: я встала
Перед зарей; но гостя не застала.

"Но если смеет девушка спросить
Причину грусти госпожи своей..." –
"Молчи! – матрона молвит. – Не убить
Тоски, не ослабеет от речей.
Всех выражений скорбь моя сильней.
Мне адское терзает душу пламя, –
Нет силы передать его словами.

"Перо, чернил, бумагу мне подай..
Но здесь они. Не трать напрасно сил.
Что мне еще сказать? Приказ отдай,
Чтоб кто-нибудь из мужних слуг спешил
К супругу, что любезен мне и мил.
Скажи, чтоб собирался в путь далекий;
Вручу письмо ему. Не терпят сроки".

Ушла служанка. Тут она берет
Страница 259

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Перо, но медлит под налетом дум.
В ней разум с горестью борьбу ведет;
Стремленья воли убивают ум;
Колелется матрона. Взор угрюм.
Как шумный люд, стремящийся в ворота,
Теснятся в голове ее заботы.

Так начала: "Достойный властелин
Супруги недостойной! Будь всегда
Здоров. Коль хочешь видеть, Коллатин,
Лукрецию, скорей прибуди сюда.
Не медли, милый. Горькая беда
Стряслась со мной под мирным нашим кровом.
Не передать глубокой скорби словом".

Причину горести своей таит
Она в словах неясных от него.
Посланье Коллатина известит
О горе, но не сообщит всего.
Она страшится мужа своего
И правду не дерзнет поведать прямо,
Пока не смоет кровью пятна срама.

Всю горечь, все терзания свои
Решила при свидании излить;
В слезах, стенаньях, вздохах о любви
И о прощенье пламенно молить;
Утраченную честь восстановить.
Не хочет осквернять она посланье
Словами, прежде чем свершит деянье.

Скорбь зримая сильнее волнует нас,
Чем может повесть горя взволновать.
Тупому уху поясняет глаз;
Всем чувствам вкупе легче грусть понять;
Слух только часть способен воспринять.
Порой потока рокот – громче моря;
Под ветром слов отхлынут волны горя.

Печать приложена к письму; на нем:
"В Ардею, мужу, с крайней быстротой".
Посланец ждет с нахмуренным челом;
Она велит ему лететь стрелой,
Быстрее птиц, застигнутых грозой.
Но скорость мысли ей покоем мнится:
Дух, впавший в крайность, к крайности стремится.

Простак-слуга склоняется пред ней;
Краснея густо, на нее глядит;
Взял свиток он у госпожи своей
И, не сказав ни слова, прочь спешит.
Виновный в каждом взоре зрит свой стыд;
Так и матрона думает, страдая:
"Он покраснел, мое паденье зная".

Свидетель бог, слуга был сердцем чист,
И лишь от робости он покраснел;
Смиренен, безыскусен, неречист,
Служил он верно; а другой хоть смел
В речах – на деле вял и неумел.
Как верный раб старинного закала,
Работал честно, говорил он мало.

В ней подозренье пыл его зажег;
Зарделись оба, мнилось ей: узнал
Он про позор, что на нее налег, –
И взгляд ее глаза его пытал.
Под взором пристальным он весь пылал.
Чем жарче было щек его горенье,
Тем глубже вкоренялось подозренье.

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Ей кажется – слуга давно в пути,
Хоть он едва порог переступил.
Как вялый ход часов перенести?
Вздыхать, стенать и плакать нет уж сил:
Устало горе, вопль себя убил.
Она на время прерывает пени,
Чтобы излить иным путем томленье.

И вспоминается картина ей,
Изобразившая Приамов град,
А перед ним – рать греческих царей,
Что за Прекрасною Елену мстят,
Разрушить стены гордые грозят.
Казалось, небо, преклонясь влюбленно,
дарит лобзаньем башни Илиона. [34 – Илион – одно из
наименований Трои.]

Искусство чудодейственной рукой
На зло природе жизнь дало вещам.
Сверкали слезы жгучею тоской
В глазах у жен, рыдавших по мужьям.
Дымилась кровь, стекая по камням,
И умирающих мерцали очи,
Как гаснущие угли в мраке ночи.

Сапер копал глубокий ход в земле,
В пыли, в поту, усердьем обуян;
А с башен сквозь бойницы, в дымной мгле,
Смотрели пристально глаза троян
На неприятельский суровый стан.
Так изощрился мастер гениальный,
Что в тех глазах был виден блеск печальный.

Черты вождей величия полны
И милости; у юношей в глазах
Отвага и дерзание видны,
А у других во взоре – смертный страх.
Чуть держатся на трепетных ногах;
Бледны, объята ледяною дрожью
И на крестьян испуганных похожи.

Как мастерски Аякс изображен
И Одиссей! Их видим, как живых,
Дух каждого в лице отображен;
Легко узнать царей по лицам их.
В глазах Аякса пыл страстей слепых;
Но кроток взор Улисса: то мыслитель
И милосердный, опытный правитель.

Там древний Нестор речь к бойцам держал,
Напутствуя в сражение войска;
Жест плавный покорял и чаровал;
Серебряная борода, легка,
Качалась вверх и вниз у старика.
Чуть видное дыхание курилось
Из уст его и к небесам стремилось.

Толпою тесной старца окружив,
Ему внимали Греции сыны;
Стояли все, дыханье затаив,
Как пением сирен покорены.
Одни из них отчетливо видны,
Другие, полускрытые толпою,
К оратору тянулись головою.

Тот на соседа оперся рукой;
В тени щека, лоб ярко освещен;
Другой, багровый, сдавленный толпой,
Чуть жив; бранится третий, разъярен.
На лицах гнев такой запечатлен,
Что, если б Нестор не пленял речами,

Они б давно померялись мечами.
Столь дивно, столь отменно мастерство
Художника, столь кисть его властна,
Что не Ахилла стан, а лишь его
Держащая копье рука дана, –
Но вся фигура явственна видна
Очам души. Виднелись руки, груди,
Мечи, – по ним воображались люди.

А на стенах отвесных городских,
Меж тем как славный Гектор в бой спешил,
Стояли матери; на лицах их
Сиял восторг при виде полных сил
Воителей; но взор их тень таил:
Как пепел, что темнеет, пламя кроя,
Во взглядах страх проглядывал порою.

От взморья до Скамандра берегов,
Где бой кипел, рекою кровь лилась;
Стремилась волны, как ряды бойцов,
На брег крутой бросались, разъярясь,
И отступали, в брызги раздробясь;
Потом сливались с новыми валами
И вскидывали пену над камнями.

Лукреция к картине подошла,
Ища лицо, что скорби все хранит.
Она печальных много лиц нашла,
Но ни одно всех мук не совместит.
Вот, наконец, она Гекубу зрит,
Скорбящую над мужем, распростертым
Пред Пирром торжествующим и гордым.

В ней передал художник гнет годин,
Тлен красоты и злую власть скорбей.
Избороздила щеки сеть морщин;
Нет прелести давно прошедших дней.
Кровь словно выжжена годами в ней;
Иссох ручей, что пробегал по жилам,
И не заметно жизни в теле хилом.

В нее Лукреция вперила взгляд;
К скорбям царицы стала примерять
Свои. С увядших губ вот-вот слетят
Рыданья, станет Пирра проклинать.
Но голоса не смог художник дать, –
Не бог он. Упрекнуть его готова
Матрона, что лишил страданье слова.

"Немая лютня, жалко мне тебя! –
Промолвила. – Тебе я голос дам,
И прокляну убийцу Пирра я,
И на Приама изолью бальзам,
И прикажу залить пожар слезам,
И проколю бестрепетной рукою
Глаза врагам, испепелившим Трою.

"Мне укажи блудницу, зол исток:
Сгублю ее красу, коварный дар.
Парис, ты похотью своей навлек
На Троию сокрушительный удар,
Твой взор зажег пылающий пожар;
И погибают, грех твой искупая,
Отец, и сын, и мать, и дочь младая.

"Зачем же наслажденье одного
Для многих душ становится бичом?
Пусть гнев падет на голову того,
Кто осквернился тягостным грехом.
Пусть пощадит невинных божий гром.

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Зачем за грех постыдного разврата
Всем соплеменникам нести расплату?

"Вот гибнет царь Приам; вот слезы льет
Гекуба; слабнут Гектор и Троил;
Вот у друзей из груди кровь течет;
Вот друга друг неволью умертвил.
Один развратом весь народ сгубил.
Когда б отец пресек Париса пламя,
Пылала б Троя славой, не огнями".

Рыдает над картиною она.
Подобна колоколу скорбь людей:
Когда в движение приведена,
Все вызывает звон унылый в ней.
Так и Лукреция в тоске своей
Давала речь скорбям изображенным
И вторила немим страдальцев стонам.

Водя глазами по рядам фигур,
Оплакивает гибнущих бойцов;
Вот видит пленника: печален, хмур,
Он смотрит на фригийских пастухов;
Но взор зажечься радостью готов.
Среди крестьян он к городу послушно
Идет, к своим несчастьям равнодушный.

Искусно мастер передал, как он
Под маской кротости сокрыл обман;
Бредет смиренно, с виду удручен,
Но радостной надеждой обуян.
Ни бледен он, ни чересчур румян,
Дабы не возникало подозренье,
Что стыд иль страх родило преступленье.

Но словно бес, закоренелый в зле,
Он сохранял обличье доброты;
Никто б во взоре скорбном, на челе
Не разглядел предательства черты,
Змеиной хитрости и клеветы.
Кто чает встретить в ясном небе тучу,
В невинном лике грех узреть ползучий?

Так мастера искусною рукой
Изображен предатель был Синон;
Его поверив сказке, пал седой
Приам; его речами был зажжен,
Как факелом, преславный Илион.
Печалась об утраченном зеркале, [35 - Илион так блестящ,
что в нем отражаются звезды.]
Тогда светила из орбит упали.

Лукреция, картину рассмотрев,
Искусство ставит мастеру в упрек;
Синона облик в ней рождает гнев:
Зачем прекрасной формой он облек
Презренный дух, вмещающий порок?
В него вгляделась: кроток лик беззлобный;
Ей мнилось: лжет художник бесподобный.

"Не может статья, - молвит, - чтобы зло
вмещал..." чуть не сказала: "дивный лик".
Лицо Тарквиния на ум пришло,
Но этих слов не вымолвил язык.
Вот что она сказала через миг:
"Я понимаю, сколь обманна лица:
В чертах прекрасных низкий дух таится.

"Как здесь изображен на полотне
Предатель - грустен, бледен, кроток, тих
И утомлен, - так подошел ко мне

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Тарквиний; сладостью речей своих
Сокрыл пороки он от глаз моих.
Как некогда Приам, я всей душою
Доверилась, – и пала я, как Троя.

"Смотри, как, плачем лживым[36 – Синон, изобретатель
деревянного коня, погубившего Троя, притворно плача, уверил троянцев, что
греки уплыли, оставив его на берегу одного.] потрясен,
Взор увлажнил доверчивый Приам.
Приам, годами ты не умудрен!
В глазах Синона – смерть твоим сынам;
Они подобны яростным огням;
Те перлы, что рождают состраданье,
Падут на град, как молнии пыланье.

"Контрасты бесам доставляет ад.
Синон, пылая, как в мороз дрожит;
И холодом огонь его богат.
Противоречья слив, хитрец внушит
Глупцам доверье, смелость в них вселит.
Так вызвал враг доверие в Приаме
И Троя сжег не пламенем, слезами".

Тут, яростью безумной пронзена,
Терпенье потеряв, что было сил
Синона начала терзать она,
В нем гостя зря, что честь ее убил,
К себе самой презрение внушил.
Но вот очнулась; молвит, улыбаясь:
"Безумная! С бесчувственным сражаюсь!"

Так время утомил поток скорбей
Приливами, отливами валов.
То жаждет ночи, то ей день милей;
Дух подгонять события готов.
Страданья замедляют ход часов;
Не знает сна несущий муки бремя;
В бессоннице всегда влачится время.

Но незаметно время протекло
За созерцанием картины той.
Лукрецию от горя отвлекло
Ее сочувствие беде чужой;
Притих порыв души ее больной:
Порою облегчает нас сознание,
Что и других людей томят страданья.

Но вот, посланьем призван, прискакал
С друзьями Коллатин. В покой жены
Войдя, ее он в трауре застал.
Кругами синими обведены
Глаза, как радугою лик луны;
Та синева – наследье ливней слезных
И предвещанье бурь грядущих грозных.

На скорбь супруги Коллатин смотрел,
До глубины сердечной потрясен:
Глаза красны, а лик прозрачно-бел;
Сил не имел спросить матрону он,
Чем ей недуг душевный причинен.
Стоял безмолвно муж перед супругой:
Так на чужбине сходятся два друга.

Но вот он руку бледную берет
И говорит ей: "Что стряслось с тобой?
Ты вся дрожишь? Что сердце так гнетет?
О, что похитило румянец твой?
Зачем душа омрачена тоской?
Открой, любимая, свои томленья,
Чтоб оказать могли мы облегченье".

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Вздохнула трижды бедная жена,
Пред тем как слово вымолвить одно.
Готова, наконец, сказать она
Про бедствие, что ей учинено:
Как честь погибла, счастье сметено.
А Коллатин, друзьями окруженный,
Ждал слов своей супруги удрученной.

Тут песнь предсмертную в гнезде своем
Тоскующая лебедь начала:
"Речей не хватит передать о том,
Как учинилось мне деянье зла.
Во мне печаль слова превозмогла.
Своей тоски и бесконечных жалоб
И в целый год тебе не рассказала б.

"Но вот что я скажу, властитель мой,
Чтоб ты простить мое паденье мог:
В наш дом явился человек чужой;
Он дерзко на постель твою возлег
И несказанный срам на нас навлек.
Он ложа нашего поправил святыню:
Твоя супруга не чиста отныне.

"В слепую полночь, в мертвой тишине,
Прокрался гад поганый в мой покой,
С мечом и с факелом, и молвил мне:
"Проснись, матрона, раздели со мной
Восторг любви, иль поражу бедой
Я весь твой род; расправлюсь беспощадно,
Когда не утолишь мой пламень жадный.

"Коль не исполнишь волю ты мою, –
Грязнейшего из слуг, – он продолжал, –
Я умерщвлю, потом тебя убью
И поклянусь пред всеми, что застал
На ложе вас и смерти злой предал
Прелюбодеев. Так мой меч кровавый
Тебя – стыдом, меня ж покроет славой".

"Тут стала я стенать, рыдать, скорбеть,
Но он к моей груди приставил меч,
Велел мне все покорно претерпеть,
Иначе поклялся мне жизнь пресечь
И несмываемый позор навлечь;
Сказал, что не забудет Рим державный
Жены-распутницы конец бесславный.

"Был мощен враг мой и бессильна я,
А страх меня лишил последних сил;
Язык сковал мне бешеный судья:
О справедливости он позабыл.
Стал, как свидетель, клясться рдяный пыл,
Что соблазнен был мною. Беспощаден
Судья к ворами, коль сам он обокраден.

"О муж мой, оправданьям научи;
Скажи, как мне свой облегчить удел!
Хоть плоть моя осквернена в ночи,
Мой дух, как прежде, непорочно-бел:
Он поругания не претерпел,
Не покорился злу; незагрязненный,
Он пребывает в келье оскверненной".

Супруг, что честь и радость потерял,
Стоит безгласен, бледностью покрыт,
Скрестивши руки; взор печальный вял;
С губ восковых ни звука не слетит,
Хотя в груди отчаянье кипит.
Злосчастный, он достоин сожаленья,
В словах не обретая облегченья.

как бурно мчащийся под мост поток
Скрывается от глаз в его пролет,
О камни бьется, грозен и жесток,
И вспять бежит и бешено ревет
(В теснинах ярость пенная растет), –
Так бурно рвутся вздохи Коллатина,
И вновь уходит в глубину кручина.

Немая боль супруга новый пыл
Страданьям придала. "О дорогой,
Своею скорбью пуще разбудил
Ты скорбь мою. Растет поток седой
От бурных ливней. Взор печальный твой
И вздохи сердце мне глубоко ранят;
Залить страданья – слез моих достанет.

"Во имя той, что сердцу твоему
Мила, Лукреции твоей, отмсти,
Молю тебя, преступнику тому.
Представь, что зло грозит, и защити.
Хотя меня ничем уж не спасти,
Пусть он умрет, и буду я отмщенной:
Щадя злодеев, оскорбим законы.

"Но прежде чем я назову его, –
Соратникам супруга говорит, –
Прошу вас, други мужа моего,
Клянитесь мне, что будет он убит.
Прекрасное деянье совершит
Разящий кривду. Похвалы достоин
За оскорбленье женщин мстящий воин".

Друзья в ответ на трепетный призыв
Охотно обещают помощь ей:
В них пробудился рыцарский порыв.
Узнать, кто враг, хотят они скорей.
Тяжелая задача перед ней.
"О, расскажите, – молит их уныло, –
Как смыть пятно, что я не заслужила?

"Мне растолкуйте, в чем вина моя:
Ведь только ужас мог меня склонить.
Душою чистая, смогу ли я
Смыть горький срам и честь восстановить?
Как мне себя пред вами обелить?
Очистится ручей от яда скоро;
Но как мне смыть с себя клеймо позора?"

Тут все твердят наперерыв, что грех,
Коснувшись тела, в душу не проник.
Но с грустною улыбкою от всех
Она бескровный отвращает лик,
Где скорбь видна, как на страницах книг.
"Нет, – молвит, – нет! Я падшему созданныю
Не дам пример, достойный оправданья!"

Со вздохом горестным тут назвала
Тарквиниево имя. "Он... он... он..."
Сказать ни слова больше не могла;
Язык ей не покорен, дух смятен;
За вздохом вздох, за стоном рвется стон.
Но вот сказала: "Через него, злодея,
Вонзаю в грудь я нож рукой своею".

Тут, как в ножны, себе вложила в грудь
Жестокий нож и духу своему
Крылатому открыла вольный путь,
Чтоб он покинул смрадную тюрьму,
Отчизной стали б небеса ему.
И жизнь бессмертная вмиг излетела,

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Без сожаленья оставляя тело.

Безмолвен, потрясен, окаменев,
Среди друзей ее супруг стоял.
Старик отец, смерть дочери узрев,
На труп самоубийцы, плача, пал;
А Брут из раны вытащил кинжал,
И хлынула потоком кровь густая,
Себе исход внезапно обретая.

На два ручья горячих разделясь,
Струилась кровь неспешною волной,
Вкруг тела обтекая и виясь;
Лежал, как остров, труп жены молодой,
Безжизненный, холодный и немой.
Один ручей был рдян, другой же черен,
Как будто он насильем опозорен.

Вкруг черного, застывшего пятна
Образовался светлый ободок;
Казалось, кровь сама потрясена,
И слезы источил ее поток,
Лукреции оплакивая рок.
В другом ручье кровь оставалась алой:
Насилие, краснея, вспоминала.

"О дочь, о дочь моя! – рыдал старик. –
Тобой разрушенная жизнь была
Моей. Коль в детях жив отцовский лик,
Как буду жить, когда ты умерла?
За тем ли ты дар жизни приняла?
Коль раньше старых гибнут молодые,
Наследниками станем мы, седые.

"О зеркало разбитое, где я
Свой юный облик созерцал не раз!
Но вот оно померкло, и себя
Скелетом в нем увидел я сейчас.
Мой юношеский образ в нем погас.
О, красоту с собою унесла ты,
И не увижу, чем я был когда-то!

"О время, сгинь, останови свой ход,
Коль гибель шлешь до срока дорогим!
Иль смерть гнилая сильного пожрет
И жизнь оставит дряхлым и больным?
Со смертью старых к пчелам молодым
Отходит улей. Так живи, родная,
Чтоб умер я, тебя благословляя!"

Тут Коллатин очнулся; просит он,
Чтобы ему Лукреций место дал.
На хладный труп, что кровью обагрен,
Он пал, лицо к ее груди прижал;
Как мертвый, недвижимо он лежал.
Но стыд ему дыханье возвращает;
Он жизнь свою отмщенью посвящает.

Глубокие терзания души
Ему мешали долго говорить:
Томится скорбь в безмолвии, в тиши.
Стремясь себя словами облегчить,
Заговорил. Однако смысла нить
Запутана, слова звучат превратно,
И речь его темна и непонятна.

"Тарквиний!" – он твердил по временам,
Как бы стараясь имя растерзать.
Крепчает ветер, сопутствуя дождям,
И гонит он поток бурливый вспять.
Но ветер стих, и полил дождь. Так зять

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
И тесть стремятся превзойти друг друга,
Скорбя над дочерью и над супругой.

Тот и другой своей ее зовут,
Хотя навек она сокрылась в тьму.
"Она моя!" – твердит отец. Но тут
Муж возражает: "Нет, моя! К чему
Меня лишаешь прав? Я никому
Не дам рыдать над раннею кончиной:
Пристала скорбь по ней лишь Коллатину".

Отец рыдал: "Я жизнь доверил ей,
Она ж ее столь рано прервала!" –
"О горе! – коллатин рыдал. – Моей
женой была и ныне отняла
жизнь у меня!" Их пеням нет числа,
"Супруга!", "дочь!" над мертвою звучало.
И эхо: "дочь!.. Супруга!" повторяло.

Брут, что из раны острый нож извлек,
Когда борьбу их скорби увидал,
Себя величьем, гордостью облек:
Безумия личину потерял
В ее крови. [37 – юний Брут, стремившийся низвергнуть
царский род Тарквиниев, для безопасности прикидывался слабоумным.] Он
римлян забавлял;

Как жалкий шут юлит перед владыкой,
Сограждан тешил речью вздорной, дикой.

В том поведенье тонкий был расчет.
Но тут отбросил он обычай свой
И разума принес нежданный плод.
Жалея Коллатина всей душой,
Он молвит: "Встань, скорбящий над женой!
Я, титулом безумца награжденный,
Даю совет, из опыта рожденный.

"О Коллатин, возможно ль облегчить
Раненье – раной, стоном – горький стон?
Зачем себе удары наносить,
Когда позор жены не отомщен?
Не будь же малодушьем покорен!
Твоя жена ошиблась, для отмщенья
Себя, а не врага избрав мишенью.

"Отважный римлянин, в своей груди
Слезам гневный пламень не залей!
Но, преклонив колени, пробуди
Богов мольбой горячею своею,
Да разрешат всю мерзость наших дней
Нам вымести из гордых улиц Рима
И град спасти, насилием сквернимый.

"Клянусь я Капитолием святым
И кровью, здесь безвинно пролитой,
Законами, что ограждают Рим,
И солнцем, что румянит плод земной,
Лукреции невинною душой,
Ножом кровавым, скорбью непомерной, –
Мы отомстим за смерть супруги верной!"

Себя ударив в грудь, облобызал
Нож роковой, скрепляя свой обет;
Других последовать себе призвал.
Дивясь, клянутся все ему вослед;
Колени склонены, а взор воздет.
Вот повторяет клятву Брут, и снова
Они клянутся, отомстить готовы.

Произнесен суровый приговор,
И показать народу решено

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Труп той, что не смогла терпеть позор
И смысла кровью гнусное пятно.
Без промедленья это свершено.
И Рим обрек за гнусное деянье
Тарквиния на вечное изгнание.

Примечания

Поэма эта была в первый раз издана в 1594 г. После этого до 1624 г. она выдержала еще пять изданий. По всему своему характеру она очень близка к первой поэме Шекспира, однако стиль "Обесчещенной Лукреции" обнаруживает черты большей художественной зрелости: мы находим в ней гораздо меньше гипербол и других риторических прикрас, чем в "Венере и Адонисе". Тем не менее, судя по количеству изданий и упоминаний у современников,

"Обесчещенная Лукреция" пользовалась несколько меньшим успехом, чем первая поэма Шекспира.

По всей вероятности, "Обесчещенная Лукреция" была написана в том же 1594 г., когда была напечатана.

Для сюжета этой поэмы Шекспир использовал два источника, свободно комбинируя их между собой: Тита Ливия (кн. I, гл. 58) и Овидия ("Фасты", кн. 1). Обе книги были очень распространены в Англии, и Шекспир мог с ними познакомиться еще на школьной скамье. Вообще же трагическая история Лукреции была необыкновенно популярна, и Шекспир много раз упоминает о ней в своих пьесах.

ПРИМЕЧАНИЯ К ТЕКСТУ ПОЭМЫ

679. Пока в руне своем не задохнется. Руном здесь названа шерстяная белая ночная одежда Лукреции.

Жалоба влюбленной

ЖАЛОБА ВЛЮБЛЕННОЙ

Перевод Т. Л. Щепкиной-Куперник (1949) [38 - Уильям Шекспир. Полное собрание сочинений. В восьми томах. Т. VII, М., Гослитиздат, 1949] OCR Бычков М.Н.]

С высот холма смотрел я в мирный дол,
Откуда эхо с чьей-то скорбью дальной
В одно сливалось. Я на стон пошел
И вот – увидел девы лик печальный:
Она ломала перстень обручальный,
Рвала письмо на части за письмом
И бурей слез смущала всё крутом.

Простой убор, сплетенный из соломы,
От солнца защищал ее черты;
В них сквозь туман печали и истомы
Виднелся отблеск прежней красоты.
Недавних дней увядшие цветы
Еще не скрыло злого горя бремя;
Работы юности не стерло время.

К глазам своим порою подносила
Она расшитый буквами платок,
И заставляла течь страданья сила
На шелк узорный горьких слез поток.
Читала вновь узоры лживых строк
И изливала горечь чувств мятежных
То в тяжких столах, то во вздохах нежных.

Порой, как будто небу угрожая,

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Ее глаза темнели, как гроза;
Порою, ничего не выражая,
Глядели в землю бедные глаза;
И вдруг опять сверкала в них слеза,
Иль взор они рассеянно кидали –
То здесь, то там раздумчиво блуждали.

Убранство кос, невольный беспорядок –
К себе небрежность выдавали в ней;
Вдоль бледных щек вились одни из прядок;
Другие, сеткой схвачены плотней,
Не вырывались из тюрьмы своей,
Хотя тяжелый узел их небрежно
Едва завязан был рукою нежной.

Она кидала прочь в речные недра
Безделок тьму, янтарь, жемчуг, хрусталь,
И влагу слез примешивала щедро
Ко влаге струй безмерная печаль.
Порой монарху так щедрот не жаль
Для роскоши, что всё иметь желает,
И жаль для нищеты, что умоляет.

Она, вздохнув, кидала вглубь течения,
Перечитав, записок нежный пыл;
Ломала дорогие украшения
И их, как в гроб, бросала в вязкий ил.
И письма те, чью тайну воск хранил,
Она достала, писанные кровью,
Обернутые в мягкий шелк с любовью.

Целуя их, в слезах она твердила:
"Кровь нежных клятв! О, ты здесь лжешь сама!
да; не были б и мрачные чернила
Черней, чем лжи твоей преступной тьма!"
Тут, вне себя, порвав листки письма, –
Их содержанье превратила дева
В ничто своей несдержанностью гнева.

Почтенный человек, что знал когда-то
Иную жизнь, здесь пас свои стада.
В придворной суете он жил богато,
Но кинул свет и проводил года,
Следя, как дней сплывает череда.
Он, к бедной деве полон состраданья,
Хотел узнать, о чем ее рыданья.

Он взял свой посох, сел невдалеке
И стал просить бедняжку – без смущенья,
Коль в силах он помочь ее тоске,
Открыть ему причину огорченья.
Он рад ей дать, чем может, облегченье;
Заране для нее отказа нет:
Ведь доброта – преклонных свойство лет.

Она в ответ: "Отец почтенный мой,
Вы видите несчастное созданье.
Но не от лет я сделалась такой:
Увы, меня состарили страданья!
Могла б я быть цветком очарованья,
Когда б души не отдала, любя
Другого много больше, чем себя!

"Но горе мне! Вняла я лести сладкой,
Красавца соблазнительным речам.
Как был хорош он! Все глаза украдкой
Приковывал восторг к его чертам.
Когда любовь утратила свой храм,
Он, верно, избран был служить ей кровом,
Подняв ее обожествленьем новым.

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org

"О темный шелк кудрей! О красота!
Ласкало их зефира дуновенье,
Когда ж они свевались на уста,
То лаской было их прикосновенье.
Его увидеть было – упоенье,
И на земле здесь воплощалось в нем,
Что может рай в сиянье дать своим.

"лица едва коснулась возмужалость,
И пробивался феникса [39 – феникс здесь – метафорически, в
значении: дивное, несравненное существо.] пушок,
Чуть оттеняя бархатную алость
Из-под него сквозивших нежных щек.
Но лик его сильнее этим влек;
Вставал вопрос: что больше сердцу мило –
Так, как теперь, иль как недавно было?

"Он был учтив, как и хорош собою;
Но хоть на вид и мягок и стыдлив,
Немедленно сумел бы стать грозою,
Задень его мужчина, оскорбив, –
Грозой, чей в мае так хорош порыв!
И юность в нем уменье быть суровым
Таила под пленительным покровом.

"Как ездил он! Казалось, гордый конь
Ему повиновался с наслажденьем.
"Вот ход! Вот лёт! Вот сила! Вот огонь!
Преграды все берет без затрудненья!" –
Тут многие пускались в рассужденья:
От ездока ль заимствовал он пыл,
Иль от коня наездник лучше был?

"Но вскорости сходились все решенья:
Не конь – ему, а он, наоборот,
Нисколько не нуждаясь в украшеньях,
Всему, к чему коснется, придает
Невольный блеск особенных красот;
Он украшенья затмевал красою,
А недостатки – скрашивал собою.

"Владел он красноречьем вдохновенно:
Заговорит – уж ждет его успех.
Он знал слова, чтоб превратить мгновенно
Улыбку в слезы, слезы в звонкий смех;
Смутить ли, убедить – умел он всех.
В ловушку воли – думы, чувства, страсти
Поймав, умел в своей держать он власти.

"Кумир равно и молодым и старым,
Царил в сердцах у женщин, у мужчин;
Все рабски покорялись дивным чарам.
Он над сердцами властвовал один;
Для всех он был мечтаний властелин:
Ловили мысль, угадывали взгляды,
Его желаньем подчиняться рады.

"Иные думали прогнать тоску,
Портрет его храня в восторге жарком;
Так иногда скитальцу-бедняку
Фантазия роскошным даст подарком
Им виденный богатый замок с парком:
И счастлив им безумец тот полней,
Чем сам богач с подагрою своей.

"Так, не коснувшись до его руки,
Таили многие свои мечтанья,
Считая, что душе его близки..
Меня ж, тогда, свободное созданье, –
Пленило свойств различных сочетанье:
Я цвет души дала ему, сгубя,

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Оставив жалкий стебель для себя.

"Но не брала примера с дев несчастных:
О нежности не умолял мой взгляд;
Спасая честь, бежала чар опасных:
Я понимала их волшебный яд,
Я видела сердец пронзенных ряд,
Служивших лишь минутною забавой,
Фальшивой драгоценности оправой!

"Увы, кому к назначенной печали
Чужой пример препятствовал идти?
Где счастья ждешь, кого бы испугали
Опасности, что встретишь на пути?
Где воли крик, совету не спасти;
Где страсть парит, совет нередко боле
лишь заостряет устремление воли.

"Но будет неминуемо плохим
Для нашей страсти удовлетвореньем,
Коль нашу кровь насильно укротим,
Склонившись пред разумным убежденьем:
Боясь вреда – расстаться с наслажденьем.
Запретный плод всегда милей для нас,
Хоть разум плачет: "Твой последний час!"

"Я знала о бесчисленных обманах,
О том, что ложь в себе он воплотил,
О нанесенных ложной клятвой ранах,
О том, что ложь он лаской золотил,
Свои цветы в чужих садах растил;
Что в письмах и словах таил соблазны,
Что сердца помыслы в нем были грязны.

"Я знала всё – и защищалась я,
Пока иной он не повел осады:
"Не бойся же, любимая моя, –
Он говорил: – Здесь я молю пощады...
Я сам доселе не просил отрады,
Хоть часто был на пир любви я зван:
Одной тебе – любовь, а не обман.

"Что знаешь ты, всё – бред пустой игры:
Тут не любовь, а жажда наслажденья,
Где оба не верны и не добры,
Где не души, а крови заблужденье.
Нашел позор, кто сам искал паденья:
Чем их упреки, чем их стыд сильней,
Тем меньше в этом всем вины моей.

"Никто, как ты, мне сердца не зажег,
Хоть видел красоту я – лгать не смею;
Итак никто пленить меня не мог:
Я скорбь дарил, но сам не знался с нею.
Я все сердца рядил в свою ливрею,
Но, гордою душой свободен сам,
Повелевал им только, как рабам!

"Вот перлов белизна, рубинов кровь.
Взгляни: их женщины несли мне данью,
Они мечтали мне внушить любовь
И подсказать ответ их ожиданью,
Чтоб, вторя их стыду или страданью,
Мне бледность перлов, алый цвет камней
Открыли тайну сердца их полней.

"Вот локоны: их в талисман сплетая,
В слезах меня принять просили их.
В их шелке нить мерцает золотая
В сопровожденье камней дорогих;
И каждому служа оправой, стих

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Повествовал в изысканном сонете
Каким владеют свойством камни эти.

"Вот, видишь ты, колец бесценных звенья:
Вот символ гордой твердости – алмаз;
Вот изумруд, несущий исцеленье
В луче зеленом для померкших глаз;
Сапфир синей небес; опал; топаз;
И каждого таинственно значенье:
В нем острый смысл – улыбка, огорченье.

"Трофеи эти мне даны судьбою
От страстных душ, от пламенных сердец,
Чтоб я их отдал все, с самим собою,
Тебе – мое начало и конец,
А не берег ревниво, как скупец!
Я – их алтарь: тебе, моей богине,
Все эти жертвы приношу я ныне.

"дай руку несравненную твою,
чья белизна превыше восхваленья!
Сокровища – тебе передаю:
Их освятили вздохи и моления.
Возьми же и меня, без разделенья.
Прими дары; внемли моей мольбе:
Хочу, как жрец, служить одной тебе!

"Смотри: вот дар монахини прекрасной.
Цветы затмила красотой она.
Придворных цвет о ней, в надежде страстной,
Мечтал; но, равнодушия полна,
Она к мольбам осталась холодна
И в монастырь ушла, чтоб в келье тесной
Служить иной любви, любви небесной.

"Но доблестно ль покинуть без труда
Немилое? Отдать без сожаленья
То, чем мы не владели никогда,
Бороться там, где нет сопротивления?
Но, позабыв, что хитрость отступленья,
А не борьба спасла ее в бою,
Бедняжка восхваляла честь свою.

"Мы встретились. Она мне покорилась
В единый миг (прости мне похвальбу),
Религия немедленно смирилась:
С любовью не могла вступить в борьбу.
Она хотела победить судьбу,
Хотела изменить свою природу –
И что ж? Рвалась из кельи на свободу!

"Разбитые сердца в мой водоем
Вливали страсть; а я, поток мятежный,
Весь растворюсь в величии твоём,
Вольюсь струей в твой океан безбрежный.
Пусть холод твой заменит страстью нежной
Их пылких чувств бушующий прибой.

их победитель – побежден тобой!
"Как ни молилась, умерщвляя плоть,
Святая, я смутил ей жизнь, к несчастью.
Узнав меня, не в силах побороть
Себя самой, склонилась перед страстью.
Амур-владыка! Пред твоею властью
честь, долг, обеты – всё падет в борьбе:
ты – всё; и всё принадлежит тебе.

"что значит перед натиском твоим
Примеров полинявших обветшалость?
Перед тобой растает всё, как дым:
Родство, богатство, честь, – какая малость!

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Девиз твой: прочь рассудок, страх и жалость!
Зато награду ты в себе несешь
За горечь слез, за скорбь, за труд, за ложь.

"Все те сердца, что сила роковая
Мне отдала, клянут мою судьбу.
За скорбь мою тоскою изнывая,
Со мной тебе шлют вздохи и мольбу.
Имей же жалость к своему рабу,
Склонись ко мне, внемли души страданью
И клятвы все прими ты вечной данью!"

"Сказавши так, он опустил глаза
(До той поры в меня вперял он взгляды;
Не мог сдержаться: за слезой слеза
Вдоль щек струились, как с горы – каскады.
И так, как сквозь стеклянную преграду
Алеет в окнах пламя алых роз,
Румянец щек пылал сквозь влагу слез.

"О, целый ад каких-то чар опасных,
Отец, в одной слезе его был скрыт;
Перед потоком слез из глаз прекрасных, –
Хоть камнем будь, – как сердце устоит?
Какой же лед не будет им разбит?
Двойная власть: и холод и волненье,
Огонь страстей – и тут же охлажденье.

"В своих волнах мой разум утопила
Страсть лживая, склонив меня во прах.
Тут я покров свой белый уронила,
Прогнав рассудок, позабывши страх,
Как он, и я вся изошла в слезах;
Но разница была в слезах смятенья:
В его – мне яд, в моих – ему спасенье!

"С притворством необычного искусства
Уловки хитрости сплетались в нем:
Он то как будто бы лишался чувства,
То весь бледнел, то вспыхивал огнем;
И быстро так менял свой вид при том,
Что верилось невольно тем страданьям,
Румянцу, вздохам, бледности, рыданьям!

"О, сердца нет, что б в гибельную сеть
Он не завлек путем очарованья:
Губил он тех, кем он хотел владеть,
Под маскою любви и состраданья.
Пылая грешной жаждой обладанья,
Пел чистоту, стремился к небесам,
То осуждал, чего желал он сам!

"Но сатану сиянием своим
Скрывал небесный блеск его покрова.
Злой дух прекрасен был, как херувим!
Могла ль невинность ожидать иного?
И вот сдалась я... Но, увы, готова
Я и теперь вопрос себе задать:
Что если б это пережить опять?

"О, влажный блеск предательских очей,
Жар томных щек, и вздох, и лепет каждый!
Вдруг вновь он в жизни явится моей –
Обман, что утолял всю муку жажды?
Вновь вкрадется к обманутой однажды?
Увы! Боюсь, что я не устою
И снова жизнь отдам ему свою!"

Эта небольшая поэма, датировка которой очень неясна, была в первый раз напечатана в качестве приложения к первому изданию сонетов 1609 г. Хотя многие критики сомневаются в принадлежности ее Шекспиру, вполне возможно, что это – раннее его произведение, опубликование которого по неизвестным нам причинам задержалось. Метрически "Жалоба влюбленной" чрезвычайно близка к "Обесчещенной Лукреции".

1609

ЖАЛОБЫ ВЛЮБЛЕННОЙ

Перевод П. А. Каншина (1893) [40 – ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В. ШЕКСПИРА ВЪ ПРОЗѢ И СТИХАХЪ ПЕРЕВЕЛЪ П. А. КАНШИНЪ. ТОМЪ ДЕВЯТЫЙ. 1) Коріоланъ. 2) Юлій Цезарь 3) Антоній и Клеопатра. 4) Жалобы влюбленной. 5) Фениксъ и голубка. БЕЗПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ЖУРНАЛУ "ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ" за 1893 ГОДЪ. С. – ПЕТЕРБУРГЪ. ИЗДАНИЕ С. ДОБРОДѢВА. 1893. ОСР Бычков М.Н.]

I.

Я лежалъ на вершинѣ холма, въ глубокомъ ущельи; котораго эхомъ повторялись жалобные звуки, несшіеся изъ сосѣдней долины, и слѣдилъ за этимъ дуэтомъ съ напряженнымъ вниманіемъ; слушая этотъ грустный напѣвъ, я вдругъ увидѣлъ стройную дѣвушку; она была совершенно блѣдная, рвала какія-то бумаги, ломала драгоцѣнности; все ея существо было охвачено цѣлой бурей отчаянія.

II.

На головѣ у нея было нечто, что въ родѣ улья изъ плетеной соломы, который защищалъ ея лицо отъ солнца. Взглянувъ на нее, можно было представить себѣ, что видишь скелетъ растраченной и исчезнувшей красоты. Но время уничтожило въ ней не всю молодость, и юность еще не совсѣмъ покинула ее, напротивъ того, несмотря на ужасную ярость неба, извѣстная доля красоты осталась въ ней и пробивалась черезъ тѣ преждевременныхъ морщинъ.

III.

Часто подносила она къ своимъ глазамъ платокъ, на которомъ были напечатаны фантастическіе рисунки, и мочила эти шелковыя изображенія въ горькой водѣ, которую ея вырывающаяся наружу скорбь превратила въ слезы; часто она принималась читать надписи, находившіяся на этомъ платьѣ, и также часто она давала волю своему невыразимому горю безсвязными криками, то пронзительными, то глухими.

IV.

Иногда она поднимала свои полные огня глаза къ небу, какъ-бы желая поразить его молніей; иногда-же она обращала снова на землю пламя своихъ блѣдныхъ глазъ; она устремляла свой взглядъ прямо передъ собой, потомъ обращала свои взоры повсюду сразу, не останавливая ихъ нигдѣ; смѣшивая въ своемъ горѣ фантазію съ действительностью.

V.

Ея волосы, которые не были ни распущены, ни заплетены въ правильныя косы, свѣдѣли о присутствіи кокетства. Въ самомъ дѣлѣ; нѣсколько прядей спускалось изъ-подъ ея соломенной шляпы, вдоль ея блѣдныхъ и увядшихъ щекъ: остальные волосы держались еще въ своей нитяной тѣлѣ; и не вырывались изъ нея, повинувшись своимъ узамъ, хотя и были лишь небрежно заплетены жной и

VI.

Она вынула из корзины тысячу бездлушекъ, янтарныхъ, хрустальныхъ, украшенныхъ стеклярусомъ, которая она одну за одной побросала въ рѣку изъ слезъ, на берегу которой она сидѣла, она щедро примѣшивала свои слезы къ слезамъ рѣки, какъ монархъ, который щедро раздаетъ своей рукой милости, но не бѣдности, которая проситъ для себя немногаго, а роскоши, которая какъ нищій проситъ себя; всего.

VII.

Она взяла нѣсколько сложенныхъ записочекъ, прочла ихъ и, вздохнувъ, разорвала и бросила въ воду; она переломала множество золотыхъ и костяныхъ драгоцѣнностей, а мѣстомъ ихъ погребенія сидѣла иль; она вынула еще другія записки, которыя были печально написаны кровью; онѣ были бережно завернуты шнуркомъ изъ сырого шелка и завязаны замчателнымъ потайнымъ узломъ.

VIII.

Она много разъ омочила ихъ въ слезахъ, покрывала поцелуями и, готовясь разорвать ихъ, воскликнула:— кровь обманщица! Тобою запечатлѣнъ списокъ обмановъ: сколько лживыхъ клятвъ написала ты! Чернила были-бы здѣсь болѣе у мѣста! Ихъ цвѣтъ чернѣе и мрачнѣе! — сказавъ это, въ пылу гнѣва, она разорвала всѣ эти письма, содержаніе которыхъ такимъ образомъ она уничтожила во взрывѣ своего неудовольствія.

IX.

Недалеко отъ нея пасъ свои стада одинъ достойный уваженія человекъ. Онъ когда-то весело проводилъ свою жизнь, былъ хорошо знакомъ со всѣми распрями двора и города, онъ пережилъ самыя легкіе и быстрые часы и замѣтилъ, какъ скоро они пролетаютъ. Онъ быстро приблизился къ дѣвушкѣ; столь странно удрученной, и, пользуясь правомъ старшаго, попросилъ рассказать ему хотя-бы кратко источникъ и причины ея горя.

X.

Онъ опускается, опираясь на свою сучковатую палку и сѣвъ на приличномъ разстояніи отъ нея, проситъ вторично откровеннымъ разговоромъ дать ему возможность принять участіе въ ея горѣ. Если только существуетъ какая-нибудь вещь которую она можетъ потребовать отъ него для своего успокоенія, то онъ, по милосердію, свойственному его годамъ, заранѣе обѣщаетъ исполнить ее

XI.

Отецъ мой, говоритъ она, хотя вы и видите во мнѣ жалкое созданіе, увядшее какъ будто отъ времени, не думайте, что я стара. Меня удручаютъ не годы, но горе. Еще и въ настоящее время я цвѣла-бы, какъ только-что распутившійся цвѣтокъ, если-бы я посвятила свою любовь себѣ; самой, а не другому.

XII.

Но, горе мнѣ! Я слишкомъ скоро согласилась на сладкія предложенія одного молодого человека, который хотѣлъ завладѣть моею любовью. Природа одарила его столькими внѣшними прелестями, что глаза молодыхъ дѣвушекъ такъ и приковывались ко всей его особѣ. Нуждаясь въ прислужницѣ, любовь выбрала себѣ; его для

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
убѣжища. Съ тѣхъ-же поръ, какъ она поселилась въ такомъ
прекрасномъ мѣстѣ, она находилась какъ-бы въ новомъ
храмѣ, и снова ей поклонялись какъ божеству.

XIII.

Его темные волосы висѣли завитыми кудрями, и самое легкое дуновение
вѣтра бросало ему на уста шелковистыя пряди ихъ. Какъ сладко
сдѣлать себя такимъ пріятнымъ для всѣхъ! При каждомъ брошенномъ
на него взглядѣ душа восхищалась, такъ какъ въ его чертахъ былъ
намѣчень весь тотъ блескъ, который фантазія приписываетъ раю.

XIV.

Возмужалость только начинала пробиваться на его подбородкѣ; пушокъ
феникса, похожій на нестриженный бархатъ, только началъ появляться на его
несравненной кожѣ, нагота которой выходила изъ-подъ этого
зарождающагося покрывала и этой новой своей жертвой какъ-бы
пріобрѣтала новое значеніе. И самыя боязливыя его поклонницы
колебались, не зная, выигрываетъ-ли, или проигрываетъ отъ этого его
красота.

XV.

Его внутреннія качества были также рѣдкостны, какъ его красота,
голосъ его былъ нѣженъ, какъ голосъ молодой дѣвушки, и онъ
часто пользовался этимъ свойствомъ его, но, какъ скоро его задѣвали
мужчины, то въ его голосѣ слышна была цѣлая буря, буря, какія
бываютъ въ апрѣлѣ и маѣ; хотя вѣтры въ это время и
кажутся озлобленными, но дуновение ихъ на самомъ дѣлѣ мягко.
Нѣжность, которую можно было предположить въ немъ по его юному
возрасту, скрывала, слѣдовательно, подъ своимъ лживымъ одѣяломъ
рѣшимость и откровенность.

XVI.

Какъ хорошо сидѣлъ онъ на конѣ! Часто говорили, что конь его
занялъ свой пылъ у всадника. Конь какъ бы гордился служить ему, какъ бы
чувствовалъ себя облагороженнымъ тѣмъ, что имъ владѣеть такой
человѣкъ, и какъ онъ умѣлъ поворачиваться, скакать, мчаться въ
галопъ! Можно было поспорить о томъ, конь-ли получилъ свое благородство отъ
кавалера, ила кавалеръ обязанъ своею ловкостью воспріимчивости скакуна.

XVII.

Но рѣшеніе быстро склонялось въ сторону хозяина. Его собственныя
манеры давали жизнь и ловкость всему, что приближалось къ нему и украшало
все это. Его особенность и прелесть были въ немъ, но не въ его роскоши.
Всѣ украшенія были прикрашены самимъ мѣстомъ, которое они
занимали; они были только аксессуарами, которые, при всемъ своемъ
умѣломъ расположеніи, ничего не прибавляли къ его красотѣ, но,
наоборотъ, получали отъ него всю свою прелесть.

XVIII.

Точно также на концѣ его властныхъ губъ покоились всевозможныя
доказательства, глубокомысленные вопросы, быстрые отвѣты и сильныя
разсужденія, и всѣ они безпрестанно пробуждались къ его услугамъ. Въ
его распоряженіи были всевозможныя слова и краснорѣчіе, чтобы
заставить смѣяться плачущаго и плакать смѣющагося. Онъ
схватывалъ всѣ страсти въ ловушку своего каприза.

XIX.

Такимъ образомъ онъ владѣлъ сердцемъ всѣхъ, юныхъ и старыхъ; всѣхъ; мужчины и женщины, въ восхищеніи жили съ нимъ мыслью или же образовывали его почтительную свиту всюду, гдѣ бы онъ ни появлялся. Согласіе какъ по волшебству предупреждало его желанія. Всѣхъ; спрашивая у себя, чего онъ желаетъ, обращались къ своей волѣ; и подчиняли ее его волѣ;.

XX.

Многіе достали себѣ; его портретъ, чтобы напоминать себѣ; его внѣ;шность и останавливать на немъ свою мысль, дѣ;йствуя какъ тѣ; сумасшедшіе, которые сохраняють въ своемъ воображеніи великолѣ;пные виды тѣ;хъ парковъ и замковъ, которые встрѣ;тили они по дорогѣ;. Мысленно присваивая ихъ себѣ;, они находятъ въ своей фантазіи болѣ;е удовольствія, чѣ;мъ тотъ подагрикъ-баринъ, который владѣ;етъ ими въ дѣ;йствительности.

XXI.

Точно также многія женщины, которыя даже ни разу не касались его руки, любили воображать себя любовницами его сердца. Я сама, увы, жившая на свободѣ; и всецѣ;ло принадлежавшая себѣ; самой, была введена въ соблазнъ такимъ соединеніемъ искусства и юности; я посвятила всѣ; мои привязанности его соблазнительной мощи и отдала ему весь цвѣ;тъ моей юности, оставивъ себѣ; одинъ стебель этого цвѣ;тка.

XXII.

Между тѣ;мъ я все-таки не хотѣ;ла, какъ нѣ;которыя мнѣ; подобныя, ни требовать чего либо отъ него, ни дѣ;лать какихъ либо уступокъ его желаніямъ: повинуюсь предписаніямъ чести, я держалась отъ него на спасительномъ разстояніи. Опытъ охранялъ меня, давая возможность видѣ;ть сердца, которыя истекали кровью, находясь въ оправдѣ; этого фальшиваго брилліанта и составляя его любовные трофеи.

XXIII.

Но увы! Кому изъ насъ наши предшественники помогли избѣ;жать предстоящаго горя, если кому нибудь суждено испытать его лично. Кого изъ насъ примѣ;ръ пережитыхъ страданій заставилъ положить эти опасности преградю на пути своихъ желаній? Совѣ;ты, наоборотъ, могутъ подавить на минуту самую сильную склонность, потому что часто когда страсть находится въ полномъ разгарѣ;, данный совѣ;тъ ослабляетъ ее и пріостраетъ наши прочія умственные способности.

XXIV.

Но наши чувства не удовлетворяются, если они такъ подавлены опытомъ другихъ и изъ страха передъ несчастіями лишены радостей, которыя кажутся такими сладкими; а между тѣ;мъ эти-то несчастія и могутъ указывать намъ на спасеніе. О желаніе! какъ далеко ты отъ мудрости! Ты не въ состояніи запретить себѣ; отвѣ;дать того, чего ты не хочешь, хотя разумъ плачетъ и кричитъ тебѣ;: все потеряно!

XXV.

Въ самомъ дѣ;лѣ; съ самаго начала я могла сказать себѣ;: этотъ человѣ;къ обманщикъ, и я знаю примѣ;ры его чернаго предательства; я узнала, въ сколькихъ садахъ онъ пустил свои корни; я видѣ;ла, что его улыбкой позолочень обманъ; я знала, что клятвы для него были только путемъ къ разврату; я говорила себѣ;, что его письма и искусныя рѣ;чи были только чернымъ отродьемъ его развратнаго сердца.

XXVI.

При такихъ условіяхъ я долго охраняла свою крѣпость, когда, наконецъ, онъ началъ осаждать меня такъ. Прелестная дѣвица, найдите въ своемъ сердцѣ; какое нибудь чувство снисхожденія къ моей страждущей юности и перестаньте не довѣрять моимъ священнымъ клятвамъ; до сихъ поръ еще никому я не отдавалъ своей привязанности, которую теперь и предлагаю вамъ; правда, я бывалъ увлеченъ на торжества любви, но вы первая, которую я самъ туда приглашаю и которой предлагаю свои клятвы.

XXVII.

Все ошибки, которыя, какъ вы видите, дѣлалъ я въ свѣтъ; только заблужденія чувствъ, но не сердца. Ихъ причина не любовь; онѣ могутъ быть только тамъ, гдѣ съ обѣихъ сторонъ нѣтъ ни искренности, ни чуждости. Если нѣкоторые изъ женщинъ эти отношенія привели къ позору, то вѣдь онѣ сами искали его, и я тѣмъ менѣе раскаяваюсь, что онѣ болѣе виноваты въ моей ошибкѣ;.

XXVIII.

Среди всѣхъ женщинъ, видѣнныхъ мною, нѣтъ ни одной, которая бы настолько воспламенила мое сердце, какъ вы; нѣтъ ни одной, которая внесла бы хотя малѣйшее смущеніе въ мое настроеніе духа; ни одна изъ нихъ не наполняла свою прелестью моего свободнаго времени. Я наносилъ имъ вредъ, но онѣ никогда не могли сдѣлать этого мнѣ. Я предоставилъ ихъ сердцамъ свою вѣнчую оболочку, но мое сердце было всегда свободно и всегда оставалось полновластнымъ господиномъ своихъ владѣній.

XXIX.

Взгляните на эти блѣдные жемчуга, на эти рубины, красные какъ кровь; это дань, которую прислали мнѣ ихъ оскорбленныя причуды. Въ этомъ символѣ волненій, причиняемыхъ имъ мною иногда, ихъ боязливость изображалась этой синеватой блѣзной, а ихъ смущеніе этими малиновыми переливами цвѣтовъ, – таковъ былъ результатъ страха и чуждой стыдливости, которыя, находясь въ ихъ сердцѣ, боролись на ихъ лицѣ;.

XXX.

Постойте, взгляните на эти драгоценности, гдѣ пряди волосъ любовно переплетены золотою нитью; я ихъ получилъ отъ нѣсколькихъ красавицъ, которыя со слезами умоляли меня удостоить принять ихъ, – все онѣ украшены камнями, рѣдкость которыхъ, цѣнность и достоинства были изложены въ глубокомысленныхъ сонетахъ.

XXXI.

Въ нихъ расхваливалась красота и твердость алмаза и дѣйствіе его невидимыхъ качествъ; расхваливался темно-зеленый изумрудъ, свѣжесть цвѣта котораго помогаетъ ослабѣвшему зрѣнію глазъ; небесно-голубой сафиръ и опаль, съ его тысячью смѣшанныхъ оттѣнковъ; словомъ въ остроумномъ объясненіи эмблемъ каждый камень превращался въ улыбку или въ слезу.

XXXII.

И что-же! Сама природа не хочетъ, чтобы я продалъ ихъ, эти трофеи горячихъ привязанностей, – знаки столькихъ задумчивыхъ и умоляющихъ желаній; она хочетъ, чтобы я сложилъ ихъ тамъ, гдѣ долженъ самъ преклониться передъ вами, исходною и конечною точкою моихъ странствованій. Я приношу ихъ вамъ, какъ должныя вамъ жертвы; они даны въ мой храмъ, а вы мой повелитель.

XXXIII.

О! дайте вашу руку, эту руку неописанной красоты, брызгу которой нельзя оцнить и свесить даже на воздушных саях хвалы. Возьмите, чтобы распорядиться ими по своему желанію, эти символическія подношенія, которыя дали мнѣ столько вздыхающихъ сердцецъ; все, что зависитъ отъ меня, вашего слуги, повинуется и подчиняется вамъ; и всѣ эти отдаленныя привязанности соединяются въ васъ.

XXXIV.

Постойте! этотъ символическій подарокъ былъ присланъ мнѣ монахиней, святой сестрой самой безупречной репутаціи, которая удалилась отъ благородныхъ любезностей двора; но несравненная прелести которой сводили съума цвѣтущую молодость. Ея милости добивались лица самаго высшаго происхожденія, но она держала ихъ на холодномъ разстояніи отъ себя и ушла изъ міра, чтобы провести жизнь въ чистой любви.

XXXV.

Но, моя возлюбленная, что за заслуга въ томъ, если ты откажешься отъ того, чего не можешь, и управляешь тѣмъ, что не сопротивляется? Что за толкъ замуровать сердце, не получившее никакихъ впечатленій, и съ веселымъ терпѣніемъ переносить узы, которыя не стесняютъ? Та, которой подобнымъ образомъ удастся сохранить свою честь, избглагоуствомъ шрамовъ сраженія и побѣждаетъ оттого, что отсутствуетъ, а не оттого, что дѣйствительно сильна.

XXXVI.

О, простите меня, но я говорю только правду, не выдумывая ничего изъ хвастовства: случай, который привелъ меня къ ней, тотчасъ же истощилъ ея силы, и тогда она захотѣла улетѣть изъ монастырской клѣтки: прежде любовь къ Богу закрыла глаза совѣсти; она хотѣла запереться, чтобы не соблазняться, а теперь она захотѣла испытать все, она желала свободы.

XXXVII.

Что за сила заключена въ васъ! о, позвольте мнѣ сказать это вамъ! Разбитыя сердца, принадлежавшія мнѣ, опорожняли свои фонтаны въ мой источникъ, а я ихъ сливаю въ вашъ океанъ. Такъ какъ я властвую съ вами, а вы владеете мною, то я долженъ для вашего торжества густить слезы; эти слезы въ одинъ любовный напитокъ, который излечилъ бы васъ отъ вашей холодности.

XXXVIII.

Мои достоинства сумели плыть святую монахиню. Она была воспитана и выращена въ полномъ благочестіи и все таки позволила побѣдить себя одними глазами, едва они начали осуждать ее. Прощайте тогда всѣ клятвы и обещанія! всесильная любовь! для тебя не существуетъ ни клятвы, ни мѣста, ни пространства, ни затрудненія, ни границы; ты все, даже то, что не принадлежитъ тебѣ; — твоя собственность.

XXXIX.

Когда ты насъ преследуешь, что значать тогда уроки вѣковой опытности? Когда ты насъ воспламеняешь, какъ холодно и вяло сопротивляются тогда затрудненія въ видѣ богатства, сыновняго уваженія, закона, семейства, общественнаго мнѣнія! Любовь съ полнымъ спокойствіемъ возстаетъ противъ правилъ, разума, чести, и не смотря на страхи, причиняемые ею, услаждаетъ горестъ всѣхъ насилій, всѣхъ ударовъ

XL.

И вотъ всѣ сердца, которыя зависятъ отъ моего сердца, чувствуя, что оно готово разбиться, истекають отъ боли кровью и заклинаять васъ, умоляя тяжелыми вздохами, убраться ту батарею, которую вы направили противъ меня, благосклонно обратитъ свое ухо къ моимъ нѣжнымъ предложеніямъ и съ довѣріемъ принять ненарушимыя клятвы, которыя предлагаетъ и готова дать вамъ моя честь.

XLI.

Сказавъ это, онъ опустилъ свои влажные глаза, которые были до того времени прикованы къ моему лицу. цѣлая рѣка слезъ, вытекающая изъ нихъ какъ изъ источника, быстро лилась горькими каплями до его щекамъ. О! сколько прелести получилъ ручей отъ этого своего ложа, которое въ свою очередь получило какъ-бы новый блескъ подъ жидкимъ кристаломъ, который покрывалъ его!

XLII.

О мой отецъ, сколько адскаго колдовства въ узкомъ пространствѣ одной единственной слезы! Когда глаза полны слезъ, чье каменное сердце останется сухимъ? Чья грудь настолько холодна, что не разогрѣется? И какихъ взаимно противорѣчущихъ результатовъ достигаютъ слезы! Плающая страсть и холодная невинность теряють въ нихъ, одна свой пылъ, другая свой холодъ.

XLIII.

И въ самомъ дѣлѣ! его волненіе, которое было только ремесленною хитростью, тотчасъ-же заставило мой разумъ расплыться въ слезахъ. И тогда я скинула съ себя бѣдую ризу невинности, я бросила всякую цѣломудренную осторожность и придирчивое приличіе и показала ему себя такъ-же, какъ онъ показалъ мнѣ себя; я растаяла въ свою очередь; но между нами была та разница, что онъ влилъ въ меня ядъ, я-же влила въ его сердце елей.

XLIV.

Онъ прибѣгаль для своихъ продѣлокъ ко множеству уловокъ, которыми онъ придавалъ самыя странныя формы: плающая красота лица, потоки слезъ, блѣдность умирающаго – вотъ нѣкоторыя изъ нихъ. Онъ могъ принимать и перемѣнять всевозможныя выраженія лица и былъ въ состояніи, по желанію, краснѣть отъ обидныхъ предложеній, плакать отъ горя или блѣдность и падать въ обморокъ съ трагическимъ выраженіемъ лица.

XLV.

Ни одно сердце изъ всѣхъ, которыя только были доступны ему, не могло избѣжать града его тягостныхъ взглядовъ, такъ искусно онъ давалъ своей красотѣ тихій и безобидный видъ. Подъ этимъ покровомъ онъ соблазнялъ тѣхъ, кого хотѣлъ поразить, но въ-то же время былъ всегда готовъ первымъ ратовать противъ той вещи, которую искалъ. Горя самой пламенной страстью, онъ проповѣдовалъ чистую дѣвственность и хвалилъ холодную невинность.

XLVI.

Итакъ, подъ однимъ единственнымъ покровомъ красоты онъ скрывалъ наготу демона, спрятанную въ немъ. Онъ дѣлалъ это такъ хорошо, что неопытные люди допускали до себя соблазнителья, который бродилъ надъ ними съ видомъ

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
херувима. Какая наивная молодая дѣвица не позволила-бы себя ввести въ заблужденіе такимъ образомъ? Увы! Я пала, но и теперь, все-таки, я спрашиваю себя, не поступила-ли бы я еще разъ такъ же при подобныхъ обстоятельствахъ.

XLVII.

О! какъ горько слышать, что эти отравленные слезы, это обманчивое пламя, игравшее такъ на его щекахъ, эти дѣланные вздохи, раздававшіеся въ его сердце, это смертельное дыханіе, выходившее изъ его груди, все это заемное волненіе, бывшее только обманомъ, могутъ соблазнить еще разъ несчастную, которая была уже разъ соблазнена, и снова развратить раскаявшуюся было дѣвушку!

1609

ЖАЛОБЫ ВЛЮБЛЕННОЙ

Перевод В. Левика

Я, размышляя, на холме лежал
И вдруг услышал горьких жалоб звуки.
Покатый склон, удвоив, отражал
В лазурный купол этот голос муки.
То бурно плача, то ломая руки,
Шла девушка по берегу реки
И все рвала какие-то листки.

Соломенная шляпка затеняла
Ее лицо. Хранили все черты
Печать уже разрушенной немало,
Но все еще приметной красоты.
Был облик полон юной чистоты,
Но юность от безвременной кручины
Уже оделась в частые морщины.

Она пыталась, комкая платок,
Замысловатым вышитый узором,
Соленой влаги осушить поток,
Из глаз гонимый болью и позором,
На вышивку глядела влажным взором,
И горький стон или надрывный крик
Долину оглашал в подобный миг.

То взор ее, горящий исступленно,
Казалось, небо вызывал на бой,
То в землю устремлялся с небосклона,
То в горизонт вперялся голубой,
То вновь блуждал по сторонам с мольбой
И ни на чем не мог остановиться,
Готовый лишь безумью покориться.

Ее рука волос не убрала,
Забыв кокетства милые повадки.
От полурасплетенного узла
Вдоль бледных щек вились две тонких прядки.
Другие ниспадали в беспорядке,
Но меж собой еще хранили связь,
Кой-как под сеткой нитяной держась.

Она швыряла вглубь янтарь, кораллы,
Браслеты – все, что ей дарил он встарь,
И слезы в воду светлую роняла.
Так скарред грош кидает в полный ларь,
Так шлет подарки тароватый царь

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Не в то жилье, что скудно и убого,
Но в изобилье пышного чертога.

Брала из сумки новые листки –
Записки, письма нежные, – читала,
Задумывалась, полная тоски,
Читала вновь и, разорвав, кидала.
Из пачки, в шелк обернутой, достала
Другие – те, что для любимых глаз
Писались кровью в незабвенный час,

И, оросив слезами эти строки
Поблекшие, сама как смерть бледна,
Она вскричала: "Лицемер жестокий!
Так ложью кровь твоя заражена,
Что как чернила черной быть должна!"
И в гневе, разжигаемом любовью,
Она рвала написанное кровью.

Там стадо пас почтенный, человек.
Гуляка в прошлом, знал он двор блестящий
И шумный город, где провел свой век,
И знал, что боль пройдет, как час летящий.
Он слышал вопли девушки скорбящей,
Приблизился – и теплые слова
К ней обратил по праву старшинства.

На палку опираясь, он садится –
Не рядом, но как вежливость велит –
И молвит ей: "Откройся мне, девица,
О чем, скажи, душа твоя болит?
Зачем ты плачешь, от каких обид?
Поведай старцу!" – Добрый от природы,
Не стал он черствым, несмотря на годы.

Она в ответ: "Отец мой, если вы
По мне прочли, как жизнь играла мною,
Не думайте, что я стара, – увы!
Не бремя лет, лишь горе в том виною.
И я цвела б, как розмарин весною,
Поверьте мне, когда б одну себя
Могла любить, другого не любя.

Но слишком рано я вняла, к несчастью,
Мужской мольбе – недаром было в нем
Все то, что женщин зажигает страстью.
Любовь, ища себе надежный дом,
Отвергла все, что видела кругом,
И в нем нашла свой храм живой и зримый,
Чтобы навеки стать боготворимой.

Еще он бритвой не касался щек,
Едва пушком пробилась возмужалость,
И был нежнее кожи тот пушок.
Любовью подстрекаемая шалость
Решить неоднократно покушалась,
Как лучше он – с пушком иль без пушка;
Задача оказалась нелегка!

А волосы! Подкравшись от реки,
Любил зефир в тиши ночного сада
К его губам прижать их завитки.
Сердца спешат, когда их ждет отрада;
В него влюблялись с первого же взгляда,
И рая весь восторг и волшебство
Сулил плененным томный взор его.

Прекрасен был и дух его, как тело.
Девичья речь, но сколько силы в ней!
Мужчинам в спорах он перечил смело
И, ласковый, как ветер майских дней,

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Являлся вихря зимнего страшней.
Считали правом юности строптивость,
А лжи служила маскою правдивость.

Каким красавцем на коне он был!
Казалось, конь гордится господином
И от него заимствует свой пыл.
Они скакали существом единым,
Загадку задавая всем мужчинам:
Седок ли счастлив на коне таком,
Иль счастлив конь под этим седоком.

Но каждый спор кончался на решенье,
Что меркнет все пред красотой его;
Он украшал любое украшеньё
И сам был совершеннее всего.
Могло ль украсить что-нибудь его,
Когда сама прекраснее казалась
Та красота, что с ним соприкасалась!

Во всех вопросах рано искушен,
Владея даром слова превосходно,
Изведал все глубины знания он,
Мог убедить кого и в чем угодно,
Веселье в грусть преображал свободно,
А горе в смех и, сам еще дитя,
Всех силой слова подчинял шутя.

Так властелином стал он над сердцами,
Мужчин и женщин обольстив равно,
И все служить ему тянулись сами,
Во всем, везде с ним были заодно.
И не казалось стыдно иль смешно
Ловить, предупреждать его желанья,
Не дожидаясь просьб иль приказанья.

Все жаждали иметь его портрет
И каждый день и час им любоваться.
Так празднoлюбeц, видевший весь свет,
Запомнить хочет виллу, парк, палаццо,
Чтобы чужим богатством наслаждаться
Хоть мысленно, хотя б на миг забыв,
Что сам богач, подагрик старый, жив.

И слова с ним не молвила иная,
А думала, что он в нее влюблен.
Так я сама пошла в силки, не зная,
Как был искусен, хоть и молод он,
Какой волшебной силой наделен.
Отдав ему цветок, едва созревший,
Осталась я как стебель пожелтевший.

Но я не уподобилась другим,
Его не домогалась я нисколько.
Нет, защищая честь свою пред ним,
Я долго расстоянье соблюдала.
Твердил мне опыт: ты не раз видала,
Что у него для женщин два лица,
Что скуки ради губит он сердца.

Ах, но кого чужое учит горе,
Кому подскажет боль чужих обид,
Что сам он должен испытать их вскоре,
И кто грядущий день предотвратит?
Чью кровь совет хороший охладит?
Ему на миг желанье покорится,
Но тем сильнее снова разгорится.

Легко ли той, кто страстью сожжена,
Учиться в школе опыта чужого,
Любить не так, как хочет, – как должна.

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Пускай рассудка дружеское слово
На пропасть указывает ей сурово,
Пускай грозит бесчестьем горьким ей –
Что проку! Сердце разума сильней.

Я знала, что жесток он от природы,
Что слезы женщин радуют его,
Что любит он извилистые ходы,
Я видела довольный смех его,
Тщеславия мужского торжество,
И в письмах, в клятвах с самого начала
Я ложь и лицемерье различала.

И твердость я хранила много дней,
Но все молил он: "Сжался, дорогая!
Внемли страданьям юности моей
И не готовь мне гибель, отвергая.
Верь, клятв моих не слышала другая,
На пир любви я зван был не одной,
Но хоть одна приглашена ли мной?

Я изменял, но не суди меня.
Тому лишь плоть, но не душа виною.
Где нет в сердцах взаимного огня,
Там быть не может верности. Не скрою,
Иных вела к позору связь со мною,
Но только тех, которым льстил позор,
И не меня, пусть их язвит укор.

Я многих знал, но не обрел подруги,
Искал – и не нашел у них тепла,
Я отдал не одной свои досуги,
Но ни одна мне сердце не зажгла.
Оно отвергло всех – им нет числа,
И над собою, чуждо мукам страстным,
Осталось господином полновластным.

Взгляни сюда: вот огненный рубин,
Вот бледный перл, и оба – дар любовный.
В них сходства нет, но их язык один –
Отвергнутых причуд язык условный.
Цвет, полный крови, или цвет бескровный.
Они молчат, но как безмолвный взгляд
О всем, что скрыто в сердце, говорят.

Верь, все сердца, чей стон слился в моем,
Сочувствуя моей глубокой муке,
О дорогая, молят об одном:
Как друг, навстречу протяни мне руки
И без презренья, без холодной скуки
К мольбам и клятвам слух свой приклони:
Одну лишь правду говорят они".

Так он сказал, и взор его поник,
К моим глазам прикованный дотолле,
А по щекам катился слез родник,
Свидетельство терзавшей сердце боли,
И рдели розы щек в его рассоле,
И, как роса, слезы живой кристалл
Их преломленным пламенем блистал.

О мой отец! Какая сила скрыта
В прозрачной капле, льющейся из глаз!
Пред ней смягчится сердце из гранита
И лед в груди растает тот же час.
Она двоякий отклик будит в нас:
Палящий гнев остынет и утихнет,
А холод сердца жаркой страстью вспыхнет.

Он знал, когда моих коснуться рук:
От слез мое сознание помутилось,

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Упал покров невинности, и вдруг –
Стыд, робость, твердость – все куда-то скрылось.
Я вместе с ним слезами разразилась,
Но яд к своим он приметал слезам,
А сам в моих пил жизненный бальзам.

Да, он коварством отточил искусство,
Он мог в лице меняться как хотел,
Умел изображать любое чувство,
То вдруг краснел, то, побледнев как мел.
Молил и плакал и я слезах немел,
То дерзкий был, то робкий и покорный,
И даже падал в обморок притворный.

И сердца нет, которое могло бы
Сопротивляться красоте того,
Чья доброта была лишь маской злобы,
В чьих поражениях крылось торжество,
Кто первый отрекался от всего,
Что восхвалял, и, похотью пылая,
На вид безгрешен был, как житель рая.

Так дьявола одел он наготу
Покровом красоты необоримым.
Неопытность он вовлекал в беду,
Невинности являлся херувимом,
Чтоб назвала она его любимым.
Увы, я пала! Но свидетель бог:
Меня бы вновь он одурачить мог!

О лицемерных слез его потоки!
О лживых слов неотвратимый яд!
О сладострастье, красившее щеки!
О гибельный для простодушья взгляд!
О скрытый целомудрием разврат!
У вас ни честь, ни скромность не в почете,
Вы в грех само раскаянье влечете!"

А.Аникст. Примечание к тексту "Жалоб влюбленной"

Поэма впервые напечатана в конце издания "Сонетов" (1609). Э.-К.Чемберс считает авторство Шекспира сомнительным и допускает вероятность предположения Дж. Робертсона о принадлежности поэмы Дж. Чепмену.

Исследователь поэзии Шекспира Джордж Райлендс пишет: "Стиль этого мало оцененного елизаветинского шедевра "Жалобы влюбленной" свидетельствует о шаге вперед по сравнению с лирической "Венерой и Адонисом" и риторической "Лукрецией".

Страстный пилигрим

СТРАСТНЫЙ ПИЛИГРИМ

Перевод В. Левика

1

Когда клянешься мне, что вся ты сплошь
Служить достойна правды образцом,
Я верю, хоть и вижу, как ты лжешь,
Вообразив меня слепым юнцом.

Польщенный тем, что я еще могу
Казаться юным правде вопреки,
Я сам себе в своем тщеславье лгу,
И оба мы от правды далеки.

Не скажешь ты, что солгала мне вновь,
И мне признать свой возраст смысла нет.
Доверьем мнимым держится любовь,
А старость, полюбив, стыдится лет.

Маршака.]

Я лгу тебе, ты лжешь невольно мне,
И, кажется, довольны мы вполне! [41 – Сонет 138 – перевод С.

2

На радость и печаль, по воле рока,
Два друга, две любви владеют мной:
Мужчина светлокудрый, светлоокий
И женщина, в чьих взорах мрак ночной.

Чтобы меня низвергнуть в ад кромешный,
Стремится демон ангела прельстить,
Увлечь его своей красою грешной
И в дьявола соблазном превратить.

Не знаю я, следя за их борьбою,
Кто победит, но доброго не жду.
Мои друзья – друзья между собою,
И я боюсь, что ангел мой в аду.

С. Маршака.]

Но там ли он, – об этом знать я буду,
Когда извергнут будет он оттуда. [42 – Сонет 144 – перевод

3

Хоть ты смогла риторикой очей, –
Кто с ней, небесной, спорить в состоянье?
Меня от клятвы отвратить моей,
Я не страшусь за это наказанья.

Нет, не презрел я клятву. Ты – богиня,
А я от женщин отрекался лишь
И получу помилованье ныне,
Коль милостью меня ты подаришь.

Обет – дыханье, а дыханье – пар.
Впивай его, как солнце в вышине,
Не отвергая мой смиренный дар.

Хоть я виновен, нет вины на мне:
Какой глупец откажется от рая,
Земной обет нарушить не желая? [43 – Стихи Лонгвиля из
комедии "Бесплодные усилия любви" (IV, 3) – перевод Ю. Корнеева.]

4

Адониса киприда обольщала:
Тревожа мир невинной чистоты,
Глазами все блаженства обещала,
Доступные богине красоты.

Подсев к нему, то слуху нежно льстила,
То взор пыталась наготой привлечь,
То, зная, и чем прикосновенья сила,
Рукой касалась – и теряла речь.

Но для игры лукавой слишком молод,
Не понимал ни взглядов он, ни слов
И в сеть любви, храня сердечный холод,
Не дался желторотый птицелов.

Тут на спину упала Цитерея.
Глупец бежал, поднять глаза не смея.

5

Как клясться мне в любви? Я клятву преступил.
Ах, лишь одной красе мы верность соблюдаем.
Но, изменив себе, тебе я верен был.
Мой дух, сей дуб, тобой, как ветвь лозы, сгибаем.
В тебе наука вся. Твои глаза – родник,
Где можно почерпнуть все радости ученья.
Тот, кто познал тебя, познания достиг;
Тот мудр, чей ум сумел тебе воздать хваленья.
Лишь неуч не придет в восторг перед тобой.
Коль горд я смею быть, горжусь, что обожаю
И пламя глаз твоих, и голос гневный твой,
Который музыкой небесной почитаю.
О неземная, я простить меня молю
За то, что языком земным тебя хвалю. [44 – Песня Натаниэля
из комедии "Бесплодные усилия любви" (IV. 2) – перевод Ю. Корнеева.]

6

Как только влага высохла ночная,
И стало жечь, и в тень ушли стада,
Киприда, в жажде томной изнывая,
Пришла искать Адониса туда,

Где у ручья, под темными ветвями
Любил он охлаждать печаль свою.
Был жарок день, но жарче было пламя
Любви, что привела ее к ручью.

Вот он! Пришел, склонился над потоком
И, сбросив плащ, нагой шагнул вперед.
Глядит на землю солнце жгучим оком,
Но взор богини жарче солнца жжет.

Он вздрогнул... прыгнул в воду... "Ах, обида!
Зачем я не ручей!" – грустит Киприда.

7

Она хитрей змеи, хотя скромней голубки,
Чиста как херувим, как сатана лукава,
Податлива как воск, но как железо ржава,
Прозрачна как стекло, но чувства так же хрупки.
Бела как лилия, как лилия нежна,
Во всем пленительна и фальши вся полна.

Казалось, что в любви она была правдива:
За поцелуем вслед клялась до поцелуя
И вновь клялась, мой слух играю слов чаруя,
Но все же и любви боялась и разрыва.
Я клятвам и слезам так верил, видит бог,
Но злой насмешкой был и каждый взгляд и вздох.

Ее сжигала страсть, как жжет огонь солому,
И, как солому, страсть она в себе сжигала.
Дарила только миг, хоть вечность предлагала,
В любви сулила все – и все свела к пустому.
Она была со мной ни шлюха, ни святая,
Средь лучших – худшая, средь худших – никакая.

8

Коль музыка поэзии близка
И как с сестрою с ней соединима,
Любовь меж нами будет велика:
Одна тобой, другая мной любима.

Тебя пленяет Дауленд, чья струна
Чарует слух мелодиями рая,

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Мне Спенсер мил, чьей мысли глубина
Все превосходит, разум покоряя.

Ты любишь слушать, как звенит с высот
Кифара Феба, музыки царица,
А я люблю, когда он сам поет,
И голос Феба в сердце мне струится.

Двух муз он бог, любимы обе мной,
Обеих славлю, но в тебе одной.

9

От горя став бледней голубки белой,
В прекрасный день царица красоты
Надменного Адониса хотела
Остановить у гибельной черты.

Вот скачет он, разгорячен охотой,
Сдержал коня, молящий видя взор.
Она с великой нежностью, с заботой
Велит ему не углубляться в бор.

"Я здесь однажды юношу спасала,
В бедро был ранен лютым ведрем он,
Как раз сюда – смотри", – она сказала
И подняла над ляжками хитон.

Он, вместо ран узрев совсем иное,
Смутясь, бежал в безмолвие лесное.

10

О роза нежная, мой сладостный цветок,
Еще не распустилась, как рано ты увяла!
Жемчужина, какой не видел и Восток,
Твои пресекло дни холодной смерти жало.
Так дерево не в срок прощается с листвою,
Под ветром северным убор теряя свой.

Я плачу о тебе, я все тебе простил,
Хоть ты не вспомнила меня и пред могилой.
Но ты оставила мне больше, чем просил,
Затем что ничего я не просил у милой.
Увы, мой нежный друг, у гробовой черты
Одну лишь неприязнь мне подарила ты.

11

Адониса учила Цитерея:
Чтобы, как Марс, пленять он женщин мог,
Она с мальчишкой, страстью пламенея,
Все делала, что с ней проделал бог.

"Так – молвила – он влек меня в объятья" –
И привлекла Адониса на грудь.
"Так – молвила – он снял застежку с платья".
А тот не смел и руку протянуть.

"Так – молвила – он целовал мне губы" –
И в рот ему впилась губами вдруг.
Он вырвался, еще по-детски грубый,
Когда она переводила дух.

Целуй меня, ласкай, я все позволю!
Продли мой плен, пока не рвусь на волю!

12

Юноша и старец противоположны,
Старость – час печалей, юность – миг услад.

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Юноши отважны, старцы осторожны.
Юность – май цветущий, старость – листопад.
Юный полон сил, старый хмур и хил,
Юный черен, старый сед,
Юный бодр и волен, старый вял и болен,
Старость – мрак, а юность – свет.
Юность, ты мила мне, старость, ты страшна мне,
Юноша пленил мои мечты!
Старый, убирайся! Мой пастух, решайся,
Слишком долго медлишь ты.

13

Богатство ль красота? Богатство, но на миг.
Словили бабочку – и сразу меркнет чудо.
Дохнуло холодом – и розмарин поник.
Один толчок – и нет хрустального сосуда.
Богатство, бабочка, стекло ли, розмарин, –
Растратил, застудил, разбил – конец один.

Богатство потеряв, едва ль вернешь его.
Померкшей бабочке не возвратятся краски.
Морозом схвачено, растение мертво.
Хрусталь разбит – забудь, не подберешь замазки.
Так мертвой красоты вовеки не вернут
Ни грим обманчивый, ни золото, ни труд.

14

"Спокойной ночи, спи!" – шепнула мне она
И унесла покой, мне пожелав покоя.
Один в пустом доме я мучаюсь без сна,
В сомненьях тягостных лежу, догадки строя.
Сказала: "Будь здоров и завтра приходи!"
Но как здоровым быть с отчаяньем в груди?

Когда я уходил – кто женщину поймет? –
Она кивнула мне и улыбнулась мило.
Обрадовал ее печальный мой уход,
Иль то, что завтра я вернусь, ее сместило?
"Иди" – и я иду, иду, как в тяжком сне.
Но где ж конец пути, и где награда мне?

15

Мой жадный взор к Востоку устремлен!
Клянусь часы. Светает. Утро встало.
Все чувства темный стряхивают сон.
Глазам светлей, но сердцу света мало.
Волнуюсь, жду – и в пенье соловьев
Услышать силюсь жаворонка зов.

Ведь это он приветствует восход
И гонит мрак в его глухую нору.
Свиданье близко! Новый день идет
Утешить сердце, дать отраду взору.
Я радуюсь, но радость чуть грустна:
Вздыхнув, "до завтра!" вновь шепнет она.

Как с нею ночь была бы коротка,
Как без нее часы ползут уныло!
Да что часы – минуты как века!
Не светишь мне – цветам сияй, светило!
Пусть ночь уйдет, что нынче толку в ней,
Но завтра, день, дай ночи стать длинней!

Примечания к тексту "Страстного пилигрима"

Впервые напечатано в 1599 году издателем У. Джаггардом, который включил в сборник стихи разных авторов. Следуя авторитетным научным изданиям, мы

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
выделили из сборника особый цикл, печатаемый ниже как "Песни для музыки".

Что касается отдельных стихотворений этого сборника, то авторство их распределяется следующим образом:

1. Шекспир. Сонет 138.
2. Шекспир. Сонет 144.
3. Шекспир. Сонет Лонгвиля из "Бесплодных усилий любви" (IV, 3).
4. Автор не установлен.
5. Шекспир. Сонет Бирона Розалинде из "Бесплодных усилий любви" (IV, 2).
6. Автор не установлен.
7. Автор не установлен.
8. Ричард Барнфилд (1574–1627).
9. Автор не установлен.
10. Автор не установлен.
11. Бартоломью Гриффин, автор цикла сонетов "Фидесса" (1596). Данное стихотворение – третье в этом цикле.
12. По-видимому, принадлежит перу Томаса Делони (1540–1600?), автора романов о жизни ремесленников ("Томас из Ридинга", "Джек из Ньюбери", "Благородное ремесло") и книги стихов "Венок доброй воли", часть III. Но так как установлено, что в этой книге не все стихи принадлежат Делони, то нет уверенности в принадлежности ему и данных строк.
13. Автор не установлен.
14. Автор не установлен.

Адониса Киприда обольщала... – Киприда – одно из имен богини любви Афродиты, которая родилась близ Кипра, где вышла из пены морской. Вариант темы "Венеры и Адониса" Шекспира.

Дауленд Джон (1563–1626) – композитор и музыкант, славившийся игрой на лютне.

Спенсер Эдмунд (1552–1599) – английский поэт эпохи Возрождения, автор "Пастушеского календаря", "Королевы фей" и многих других поэм. Его произведения отличались глубокой морально-философской тематикой.

кифара – струнный щипковый музыкальный инструмент у древних греков.

СТРАСТНЫЙ ПИЛИГРИМ

Перевод В. А. Мазуркевича (1904)[45 – М., "Эксмо", 2007] OCR Бычков М.Н.
[mailto: bmn@lib.ru](mailto:bmn@lib.ru): <mailto:%20bmn@lib.ru>]

I

Пред красноречьем взора неземного
Земной обет бессилен, – и меня,
Из-за тебя нарушившего слово,
Нельзя судить, презрением казня.
Хотел бежать от женщин я, но ныне
Не им – тебе служу, богиня, вновь!
Земной обет я дал земной святыне,

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Тебе ж несу небесную любовь.
Обет мой – пар, а клятвы – дуновенье;
От солнца пар рассеется, как дым,
Но солнце – ты, и клятвопреступленье
Озарено сиянием твоим.
Кто ж был бы в силах, клятву соблюдая,
Лишить себя навек блаженства рая?

II

У ручейка сидела Цитерея
С Адонисом, красавцем молодым,
Влюбленным взором юношу лелея,
Богиня страсти млела перед ним,
Забавя слух чарующею сказкой,
Прельщая глаз чудесной наготой,
С его стыдом она боролась лаской,
То там, то здесь касаяся рукой.
Но, не испытан в чарах обольщенья,
Понять богиню юноша не мог,
И безучастный, чуждый искушенья,
Сидел в тени насмешливо-жесток.
Тогда упала навзничь Цитерея,
А он, глупец... он убежал, робея!

III

Пускай любовь внушает нам измену,
Но я клянусь, что верен буду я!
Моей любви обет имеет цену,
В том красота ручается твоя.
В твоих глазах – источник вдохновенья,
В твоих чертах науки смысл сокрыт,
И тот мудрец, кто, нем от восхищенья,
Твою красу душой боготворит.
Но жалок тот, кто пред твоей красою
Не склонится восторженно челом!
Ты все звучишь гармонией святою,
В очах – заря, в устах – Господний гром.
Прости ж меня за то, мой друг прелестный,
Что гимн земной пою красе небесной!

IV

Едва луч солнца высушил росу
И стадо в тень укрылось, отдыхая,
Как у ручья, под ивою, в лесу
Киприда ждет красавца, изнывая.
Сюда ходил нередко в сень ветвей
Адонис грустный утром на купанье...
Как жар силен!.. Но жарче и сильнее
Томит богиню встречи ожиданье.
Но, чу! Он здесь... он сбросил плащ... и вот
Стоит нагой, ветвями осененный!
Луч солнца жгуч!.. Но жарче солнца жжет
Богини взор, к красавцу обращенный.
И мальчик в воду кинулся скорей!
Богиня ж мнит: "Зачем я не ручей?"

V

Моя любовь капризна, хоть прекрасна,
Нежней голубки, но не так верна,
Ее душе довериться опасно,
Мягка, как воск, как сталь, тверда она.
Лилеи бледной чище и красивей...
Но кто же, кто изменчивей и лживей?!
Как много клятв звучало в тишине!
Боясь любви, но дорожа любовью,
Уста к устам – она шептала мне
Слова любви, приникнув к изголовью.

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Они казались правдою.. И что ж?
Все эти ласки, клятвы, слезы – ложь!
Ее любовь сжигала, пламенея,
Она ж с любовью вместе, не жалея,
Сожгла и храм, который создала,
И, говоря о верности, лгала!
Любви ль ждала иль жаждала разврата,
Бедна душой – ничтожностью богата?!

VI

Был чудный день, когда на холм крутой
Бледней голубки, нежной и смущенной,
Взошла богиня с тайною мечтой
Застать красавца в роще отдаленной.
Звучит рожок... Со сворю собак
Приходит он, разгорячен охотой,
И вот богиня с ласковой заботой
Твердит ему: "Когда-то точно так
Здесь юноша охотился прекрасный,
Случилась с ним смертельная беда:
Он кабаном был ранен, – вид ужасный! –
Сюда, в бедро, – вот посмотри... сюда!.."
И все красы богиня обнажает...
Но юноша стыдливо убегает!..

VII

Ты слишком рано, роза, отцвела,
Не расцветая весеннюю порою;
Жемчужина Востока, ты тускла;
Сразила смерть тебя своей косою.
Так часто вихрь срывает, налетев,
Незрелый плод с погнувшихся дерев.
И плачу я, хоть плакать нет причины:
Досталось мне наследство, – но его
Я не искал, и от твоей кончины
Не ожидал я ровно ничего.
Пошли же мне, любимый друг, прощенье:
Я унаследовал... твое презренье!

VIII

Адониса поближе усадив,
Речь повела влюбленная Венера
О том, как Марс, почтение забыв,
К ней бросился, и, видно, для примера
Сама к красавцу бросилась, шепча:
"Так Марс привлек меня в свои объятья,
(И юношу к себе прижала), – так с плеча
Сорвал завязки!.. Что могла сказать я?!
Так целовал, к устам моим припав..."
И обожгла Адониса лобзаньем.
Но он вскочил, стыдливо не поняв
Ее намеков, вызванных желаньем.
О, если б так ласкала ты меня,
Пока бы сам бежать не вздумал я!

IX

С юностью старость не может
Мирно ужиться вдвоем;
Юности грусть не тревожит,
Старость грустит о былом.
Юность – цветущее лето,
Дряхлая старость – зима.
Юность светла и согрета,
В старости – холод и тьма.
Юность полна увлечений,
Старость полна опасений.
Юность стремится вперед

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Броситься в битву отважно,
Старость медлительно-важно
Поступью тихой бредет.
Старость, тебя не терплю я!
Юность безумно люблю я!
Грезы ее хороши!..
Старость – тяжелое бремя..
Что же теряешь ты время,
Милый пастух мой, спеши!

X

Да, красота пустой, ничтожный дар!
Она цветок, который увядает,
Она стекло, которое удар
Дробит, и лак, который блеск теряет.
Глядишь – богатство, тешившее нас,
Уже мертво и не прельщает глаз.
Не вернуть того, что протекло:
Цветок увял, и нет ему спасенья,
Стекло разбито, чем склеить стекло?
Померкший лак не заблестит от тренья.
Так красоты исчезнувший обман
Не возродить усилием румян.

XI

"добрый ночи, спокойного сна!"
(Их, к несчастью, не знаю давно я)
Мне с улыбкой сказала она,
Кем лишен я и сна и покоя.
"Будь спокоен и вновь приходи!"
Быть спокойным? С тревогой в груди?!
Улыбнулась она на прощанье, –
И терзает вопрос роковой:
Это светлая ль радость свиданья,
Иль язвительный смех надо мной?
Так в любви я не знаю отрады
И за муки не вижу награды.

XII

Поэзии и музыки союз!
Для наших душ союз вдвойне священный;
Мне мил язык стихов и юных муз,
Тебе – язык созвучий вдохновенный.
В благоговеньи, с трепетной душой
Внимаешь ты аккордам арфы рая,
В них бытия восторги познавая,
Я упиваюсь песней неземной.
Касаясь струн, тебя игрой созвучий
Возносит феб к далеким небесам,
Мне – говорит напев его могучий
То, что не мог бы высказать я сам.
Один источник музыки и пенья;
Для нас они – связующие звенья.

XIII

Три дочери у лорда; прелестней всех – одна;
В учителя красотка всем сердцем влюблена,
Но рыцаря-красавца увидела она
И стала колебаться.
Она боролась долго... что делать? как ей быть?
Учителя ль покинуть, красавца ль позабыть,
Одно из двух, но что же? Легко ль вопрос решить
Неопытной девице!
А выбрать все же надо... Задача выше сил,
И вот она решилась, хоть каждый сердцу мил:
Красавец был отвергнут, учитель избран был.
Слезами не поможешь.

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Наука победила оружие в бою!
Завоевал учитель красавицу свою.
Вот сила дарованья!.. Бай-баюшки-баю!..
А тут конец всей песне.

XIV

Порой безоблачно-счастливой
(Любви знаком лишь месяц май),
Амур – ребенок шаловливый –
Цветок заметил невзначай.
Целуя, нежа и лаская,
Его баюкал ветерок,
Амур же бедный, изнывая,
Глядел с восторгом на цветок
И думал с завистью: "Мне больно,
Что не могу я быть тобой,
Мой ветерок, и своевольно
С цветами тешиться игрой!
Зачем же розе дал я слово,
Что не коснусь других цветов?!"
Того, кто юн, гнетет сурово
Такой обет сильней оков.
Шептал я розе уверенья
И клятвы в верности, любя!
Но нет большого преступления
Нарушить их из-за тебя.
Сам Зевс поклялся б, что Юнона
Арапа черного черней, –
Со ступеней сошел бы трона
И жил бы волею твоей".

XV

Приключилась беда,
Не тучнеют стада,
Все прошло без следа,
Стало жертвой немого забвенья,
Веры в счастье нет,
И любовный привет
Средь волнений и бед
Не приносит душе утешенья.
Песни счастья замолкли, навек отзвения,
Потому что она позабыла меня;
Там, где раньше встречал я на чувства ответ,
Прозвучало теперь беспощадное "нет".
О былом сожалея,
Шлю проклятья судьбе я..
Злобный рок! Ты виновен один!
Убедился теперь я
В том, что яд лицемерья –
В сердце женщин, – не в сердце мужчин.
Угнетает печаль;
Все умчалось вдаль,
Мне прошедшего жаль,
И отчаянье сердце тревожит.
Я забыт, одинок,
Непреклонно-жесток,
Тяготит меня рок.
Хуже быть, несомненно, не может.
Звук пастушьей свирели печален, как стон,
Бубенцы в погребальный сливаются звон.
Верный пес мой, сочувствуя, грустно притих
И уныло у ног растянулся моих.
Только жалобно воет,
Знать, его беспокоит
Мой убитый, расстроенный взгляд.
Из лесов, из долины,
С горных склонов, с вершины,
Точно раненых вопли летят.
Не лепечут ручьи,

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Не поют соловьи,
И головки свои
Клонят долу цветы, умирая.
Стадо, сбившись в кружок,
Тихо спит; пастушок
Горько плачет; в лесок
Робко скрылась дриада лесная.
Все, что раньше служило забавою нам, –
Песни, пляски, прогулки зарей по лесам, –
Все промчалось, чем жизнь нам казалась мила,
Потому что любовь умерла, умерла!..
Бог с тобой, дорогая,
Ты не знала, играя,
Ни участия, ни сожаленья!..
Коридон же едва ли,
Кроме слез и печали,
Может в жизни обрести утешенье.

XVI

Как жадно я взираю на восток!
Считаю сердцем каждый час; с зарею
Настанет утро; от ночных тревог
Воспряну я для отдыха душою.
Песнь филомелы издали слышна...
Ах, почему не жавронок она?!

Привет заре шлет жаворонка пенье
И гонит ночь... А ночь скучна... длинна...
Приносит день для взора – утешенье,
Для сердца – мир: опять придет она.
Недаром же вчера при расставанье
"До завтра!" я услышал на прощанье.

Будь здесь она!.. Прошла бы скоро ночь.
Теперь минуты кажутся часами...
Зажгися, день! Пусть мрак уходит прочь,
И солнца луч сверкает над цветами.
Гони же тьму! Продлись сегодня, день!
А завтра пусть царит ночная тень!

XVII

Если ты влюбленным взглядом
Деву выберешь порой,
Пусть рассудок трезвым складом
Направляет выбор твой.
Чаще пользуйся советом
Тех, кто смыслит в деле этом.

Брось искусственность; подчас
Ложь дела твои затянет;
Блеск красивых, громких фраз
Сердца женщин не обманет.
"Я люблю вас!" – без затей,
Откровенно молви ей.

Коль отвергнет предложенья
И в сердцах подымет крик,
То, без всякого сомненья,
Пожалеет через миг
И вернуть захочет разом,
Что потеряно отказом.

Если плачем и борьбой
Встретит пылкие стремленья, –
Отговоркою такой
Усыпит свои сомненья;
"Будь мужчиной я – исход
Несомненно б был не тот".

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Исполняй ее желанья,
Щедрым будь, – пускай молва
Хвалит ей твои деянья,
Все поступки и слова.
Метко пуля золотая
Бьет, все стены пробивая!

Будь доверчив! Не мешай
Прихоть выполнить любую;
А изменит, выбирай
Без стеснения другую.
Потерпи – и скоро вновь
Возвратишь ее любовь.

Под наружной, светской маской
Скрыта хитрость милых дам,
И поэтому с опаской
Относися к их словам.
Пусть мужчина взгляд усвоит:
Женщин "нет" не много стоит.

Их раскаянье в грехах
Лишь под старость угнетает,
Хоть твердят они, что страх
Согрешить любви мешает.
Девы, будь все это так,
Меж собой вступали б в брак.

Впрочем, что я! Слишком много
Рассказала песнь моя,
Упрекнуть за это строго
Может милая меня!
Все, что было женской тайной,
Здесь я выболтал случайно.

XVIII

Как-то в светлый майский день
Приютился я под сень
Стройных миртовых деревьев.
Птичек радостный напев,
Игры мирные зверьков,
Аромат лесных цветов
Гнали прочь куда-то вдаль.
Только песня соловья,
Скорбной жалобой звеня,
Раздавалась с тоской
В роще тихой и немой.
"Фью... фью... фью..." пел соловей;
"Тёрью... тёрью..." среди ветвей
Песнь свою он продолжал.
Этой песне я внимал
И не мог без грустных слез
Вспомнить все, что перенес.
"Тщетно, тщетно", – думал я,
Птичка бедная моя,
Хочешь ты забыть печаль!
Никому тебя не жаль.
У деревьев чувства нет;
Утешительный привет
Горькой жалобе своей
Ты найдешь ли у зверей?
Умер, умер, бедный Пан!
В плен друзей завлек обман;
Потешая праздный взгляд,
В клетках все они сидят,
А собратья по судьбе
Позабыли о тебе.
Птичка бедная моя,
Как похож я на тебя:
И меня уж много лет

XIX

В годы счастья к нам с тобой
Льнули ближние толпой,
А теперь, в годину бед,
Им до нас и дела нет.
Слово – ветер средь полей;
Нелегко найти друзей.
Если деньги есть в мошне,
Всякий будет другом мне,
Но иссякнет их запас –
Кто поможет в горький час?
Если ты соришь казной –
Опьяняют похвалой
И становишься ты вмиг
Благороден и велик.
Коль порочен – в краткий срок
Ты изведает порок.
Ласки женщин ждешь? – смелей!..
Будет каждая твоей.
Но нахмурится судьба –
И конец всему! гурьба
Прихлебателей уйдет!..
Нет, твой верный друг лишь тот,
Кто по мере сил везде
Поддержать готов в нужде;
Кто в бессонный час ночной,
Как и ты, грустит порой
И с тобою понесет
Бремя всех твоих забот,
Облегчая твой недуг, –
Тот не льстивый враг, а друг!

1599

СТРАСТНЫЙ ПИЛИГРИМ[46 – Уильям Шекспир. Полное собрание сочинений. В восьми томах. Т. VII, М., Гослитиздат, 1949ОСР Бычков М.Н.]

Перевод В. С. Давиденковой-Голубевой

1

Когда она клянется, что верна,
Я верю ей, хоть знаю – ложно это.
Пускай юнцом сочтет меня она,
Не выученным всем обманам света.

Мне льстит казаться юным перед ней,
Хоть знаю лет моих оскудеванье;
С улыбкой внемлю лжи ее речей,
Любви проступкам не даря вниманья.

Что я уж стар, могу ли ей сказать?
В своих годах любимой как сознаться?
Любви не нравится года считать,
И лестью ей отрадно украшаться.

Я лгу, неправду милая твердит, –
И так обман взаимный нами скрыт.

2

Есть две любви, два духа у меня –
Отчаянье мое и утешенье.

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Мой демон – это черная жена,
Мужчина белокурый – добрый гений.

Чтоб в ад меня увлечь скорей, дух черный
Склонил к разлуке светлого со мной
И, красотой своей маня упорно,
Старается, чтоб стал и он иной.

Быть может, он погиб уже; но я,
Подозревая лишь, не дам в том слова.
Друг с другом и со мной они друзья;
Но добрый дух, боюсь, в аду у злого.

Я лишь тогда уверен буду в том,
Когда злой доброго сожжет огнем.

3

Риторика ль, очей твоих небесных,
Что против доводов всегда сильна,
Внушила нарушение клятв известных?
Но казнь за это мне не суждена.

Обет касался женщин, ты ж – богиня,
И, значит, клятвы я не нарушал.
Обет мой был земным, а ты – святыня:
Твоею благостью мой грех пропал.

Обет – дыханье, а дыханье – пар.
Когда ты солнцем надо мною встала,
Впитала ты пары, как некий дар, –
Моя вина твоей виною стала.

Пускай моя! Глупец, кто, не желая
Обет забыть, откажется от рая.

4

Раз у ручья Венера, сидя рядом
С Адонисом, чья свежесть так нежна,
Его маня, бросала взгляд за взглядом, –
О, лишь богиня так глядеть властна!

И, слух его чаруя нежной сказкой
И прелестью смущая юный глаз,
Она его касалась легкой лаской,
Чтоб ласке той невинность поддалась.

Но был ли он незрел для искушенья,
Понять любви намека ль не желал, –
Он лишь шутил в ответ на обольщенья,
Поклевывал приманку, но не брал.

Тогда пред ним богиня навзничь пала,
Но он умчался прочь, упрямец шалый.

5

любви презрев обет, как клясться мне в любви?
Возможно верным быть, пленясь лишь красотой!
И, клятву преступив, я верным был, пойми.
Хоть стоек я, как дуб, склонюсь к тебе лозою.

Ученье власть твоим передает глазам,
Куда заключены все радости ученья.
Тот знает, кто узнал твои красоты сам,
Умеет – кто сумел воздать тебе хваленье.

Невежда – кто посмел взирать без обожанья.
Коль ценность есть во мне, так та, что я ценю
И взглядов молнии и голоса сверканье,

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Что мне звучит, как музыка в раю.

Прости, любовь моя, что райскому творенью
На языке земном слагаю прославление.

6

Лишь солнце выпило росу с полей
И лишь стада под свежей скрылись тенью,
Как Цитерея, в нежности своей
От долгого сгорая нетерпенья,

Ждет у ручья, под ивой, где порой
Прохладой вод Адонис наслаждался.
День знойным был, но стал сильнее зной
В ее груди, лишь шаг его раздался.

И он пришел, и плащ с себя он снял:
Нагим стоял на мураве зеленой.
Взгляд солнца землю светом обливал,
Но зорче был богини взгляд влюбленной.

Ее узрев, он сделал в глубь прыжок;
Она ж скорбит: "Зачем я не поток?"

7

Прекрасна, но изменчива она;
Кротка, как голубь, но с душой лукавой;
Светлей стекла, но так же непрочна;
Мягка, как воск, но жестче стали ржавой.

С оттенком нежным бледная лился,
Прекрасней всех, но также всех хитрее.

Как часто мне в любви она клялась
И поцелуи клятвой прерывала!
И, потерять любовь мою страхась,
Как часто сказкой слух мой услаждала!

О верности невинно мне твердила;
Но клятвы, слезы – все лишь шуткой было.

В огне любви соломинкой горя,
Она, как пук соломы, страсть спалила;
Губила страсть, сама ее творя;
Моля продлиться, прочь сама спешила.

Развратница ль? Любила ль неизменно?
Во всем скверна, ни в чем не совершенна.

8

О, если так же музыка близка
С поэзией, как нежный брат с сестрою,
То наша нежность будет велика:
Ведь ты дружна с одной, а я с другою.

Ты любишь Доуланда; [47 – придворный музыкант королевы
Елизаветы, славившийся своею игрой на лютне.] его игра
Небесная на лютне – всем блаженство.
Мне ж Спенсер [48 – Знаменитый английский поэт, старший
современник Шекспира (1553–1599).] мил; так мысль его остра,
Что без труда над всеми взял главенство.

Ты – любишь лире фебовой внимать,
Божественной гармонии царице,
А я – готов в блаженстве утопать,
Когда один поет он, без цевницы.

Одно у нас с тобою божество,
Страница 300

9

Прекрасным утром красоты царица
. [49 – В дошедшем до нас английском тексте недостает
строки.]

Бледней молочно-белой голубицы
От страсти к отроку, что горд и дик.

Едва она на холм крутой спустилась, –
Адонис перед ней, со стаей псов.
И вот к нему, любя, она взмолилась,
Чтоб не ходил он дальше, вглубь лесов.

"Однажды юношу я здесь видала:
В бедро он вепрем ранен был лесным;
Смотри, как раз сюда", – она сказала
И обнажила бедра перед ним.

Ран больше, чем одну, увидел он
И, покраснев, в лес убежал, смущен.

10

О розовый бутон, что раньше срока
Уж сорван и увял еще весной,
Померкшая жемчужина востока,
Ты рано смерти срезана косой.
Так слива, что дозреть еще должна,
Порывом ветра с ветки сорвана.

Я плачу о тебе, хоть в завещанье
Тобою упомянут я не был.
Но наделен я свыше ожиданья, –
Ведь ничего себе я не просил.
Друг милый, о пощаде я молю:
Ведь получил я – нелюбовь твою.

11

Венера, юной красотой пленясь,
В тени дерев Адониса прельщая,
О страсти Марса завела рассказ,
Его движеньям пылким подражая.

"Вот так, – сказала, – он обнял меня;
Вот так с меня совлек он одеянья", –
И обняла Адониса она,
Чтоб вызвать отрока на подражанье.

"Так воин-бог к устам моим приник", –
И рот ко рту Адониса прижала;
Но лишь перевела дыханье, вмиг
Отпрянул он, не соблазнен нимало.

О, если б ты могла меня ласкать,
Пока я сам не захочу бежать.

12

Старости не сжиться с юностью шальной:
Юность так беспечна, старость так грустна;
Юность – утро лета, старость – ночь зимою;
Юность – летний жар, а старость холодна.

Юность силой пышет, старость еле дышит;
Юный бодр, старик убог;
Юность смотрит смело, старость – охладела;
Юный резв, а старый строг.

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Старость, ты презренна; юность, ты блаженна;
Молоды любви черты.
Старость ненавижу. О, пастух, приди же!
О, как долго медлишь ты!

13

Что красота? Лишь суетность одна,
лишь внешний блеск, что быстро тусклым станет.
Стеклу подобна хрупкому она,
Бутоны, что, едва раскрывшись, вянет.
Как суетность, цветок иль блеск стекла,
лишь пробил час, – она уж отошла.
Не возвратишь потерянного ты;
Блеск не вернется, как ни три тряпицей;
Увянув, на земле лежат цветы;
Разбитое стекло уж не склеится.
Так красоту ничто уж не вернет –
ни снадобья, ни краски, ни уход.

14

"Спи мирно! Доброй ночи!" – так она
Сказала мне, лишив меня покоя
И в келью скорби заключив меня,
Чтоб счастье я оплакивал бывшее.
"Будь счастлив!" – но счастливым не был я,
И ужином была мне грусть моя.

Она мне улыбалась: не пойму –
Из дружбы или ненависть скрывая?
Была ль изгнанью рада моему?
Ждала ль, что я назад вернусь, блуждая?
Да, словно призрак должен я блуждать,
И счастья мне вовек не отыскать.

15

Как на восток гляжу я, боже мой!
Как сердцем я клянусь часы! Денница
Уже зовет нарушить чувств покой;
Но я, на взор не смея положиться,
Внимаю филомеле, истомясь.
Пусть жаворонка б песня так лилась!

Напевом он приход встречает дня,
Прочь прогоняя тьму и сновиденья.
А ночь уйдет – спешу к любимой я,
И сердцу – радость, взорам – наслажденье,
И грусть уходит; но придет опять,
А милая на завтра будет звать.

Будь вместе мы, о, слишком быстрой нам
Ночь мнилась бы; теперь же, мне в досаду,
Минуты тьмы подобны месяцам.
И солнце шлет не мне, цветам отраду.
Ночь стала днем. Собой сменяя тень,
Продлись до завтра, о любезный день!

16

Была у лорда дочка, всех краше дочерей,
В учителя влюбилась она душою всей;
Но, рыцаря увидев раз, что всех на вид милей,
Она пришла в смятенье.

И вот, любви с любовью в борьбу пришлось вступить:
Учителя ль обидеть, иль воина сразить?
Увы, друг с другом вместе их никак не совместить
девице бедной было!

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Прогнать кого-то надо: задача тем трудна,
Что двух девица сразу утешить не властна.
Отказом рыцаря тогда обидела она:
Увы, что было делать?

На этот раз ученый сильней, чем воин, был;
Познать давши девице, он душу ей пленил.
Спокойной ночи! Так школяр жену себе добыл.
И песенка допета.

17

Как-то раз, – увы, увы,
Для любви все дни равны! –
Чудный встретил я цветок;
С ним резвился ветерок,
В бархат нежный лепестков
Он проникнуть был готов.
А влюбленный, весь в огне,
Позавидовал игре.
"Ты касался, – молвит, – щек;
Если б я коснуться мог!
Но робка моя рука:
Клятвой связана она.
Юным клятва – тяжкий груз.
Розы рвать – у юных вкус,
И греха в том, право, нет,
Что нарушил я обет.
Встреть Юпитер – и жену
Счел цыганкой бы свою;
Сан верховный бы сложил
И любви земной служил".

18

Стада от печали
Совсем отощали,
Приплода не дали,
Все полно тоской.
Нежность сокрылась,
Верность разбилась,
Сердце стеснилось, –
Вот что виной.
Песни, пляски мною позабыты,
Видит бог, любовь моя разбита.
Там, где был любви мне дан обет,
Там теперь я слышу только: "нет".
Скорбь одна дала
Столько сердцу зла.
О фортуна, хитрая и злая!
Я в тоске своей
Вижу, что мужей
Вероломней женщина любая.

Я плачу, унылый,
И все мне постыло;
Любовь погубила
Меня, как раба.
Сердце томится
И кровью сочится,
И тяжело влачится
Моя судьба.
Бубенцы баранов от печали
Звоном похоронным зазвучали.
Резвый пес, притихнувши, лежит,
И волынка больше не звучит.
Мало мне вздыхать;
Должен я рыдать;
Грустный вопль летит в пустые дали;
Плач мой так силен,
Словно это стон

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Тысяч, что в бою кровавом пали.

Родник без движенья,
Птиц смолкнуло пенье,
Поблекнул растений
Зеленый наряд.
Овечки скучают,
Стада засыпают,
И нимфы взирают
В испуге назад.
Радость та, что знали мы, селяне,
Счастье встреч веселых на поляне,
Вечера забав и удалства –
Все погибло, раз любовь мертва.
Милая, прости;
Не хотела ты и
Мне свое отдать благоволенье, –
Значит, Коридон [50 – Пастушок Коридон – один из персонажей

эклог Вергилия.]

Бедный осужден
Жить один, не зная утешенья.

19

Глазами милую избрав,
Лань обрекая на закланье,
Покорствуй разуму: он прав
И в похвалах и в порицанье.
Внемли совету мудрена –
Не холостого, не юнца.

Пусть без прикрасы с уст твоих
Слова признания польются,
Чтоб не сквозила хитрость в них, –
Хромому ведь легко споткнуться.
Скажи, что любишь всей душой,
И честно свой товар открой.

Пусть хмурится она; потом, –
Знай, – взор сердитый просветлеет;
О лицемерии своем
Она до ночи пожалеет
И пожелает дважды в ночь
Того, что оттолкнула прочь.

Коль заупрямится в борьбе,
Знай, сколько б "нет" ни говорила,
Уступит наконец тебе
И скажет, сломленная силой:
"Когда бы женам – мощь мужей,
Клянусь, не стала б я твоей!"

Ее желаниям под стать,
Будь щедрым, трать неутомимо,
Чтоб похвалы себе снискать,
Отрадные ушам любимой.
Все замки, башни пробивая,
Всесильна пуля золотая.

Служи ей ревностно всегда,
Ухаживай правдиво, скромно
И отступайся лишь тогда,
Когда поймешь, что вероломна.
Хоть гонит прочь, – ты, не смутясь,
Держай, когда придет твой час.

Уловок, прихотей пустых,
Что кроет внешность показная,
Капризов женских, шуток их
Петух не знает, обладая.
Недаром все твердят зато,

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Что "нет" для женщины – ничто.

Они, святошества полны,
Боятся лишь, греша с женщиной,
Что будут рая лишены,
Когда промчатся их години.
Будь вся отрада – лишь лобзать,
Жена жену звала б в кровать.

Но тише, хватит! Иль меня
Услышит милая, и строго
Шепнет мне на ухо она,
Что я болтаю слишком много,
И покраснеет: стыдно, знать,
Своим секретам ей внимать.

20

О, будь возлюбленной моей!
Среди холмов, долин, полей,
В горах скалистых мы вдвоем
С тобою счастье найдем.
Увидим вместе мы тогда,
Как пастухи пасут стада,
Как над рекой, где водопад,
Птиц песни звонкие звучат.
Из тысяч роз я постелю
Постель душистую твою,
Одену в чепчик из цветов
И в плащ из миртовых листков.
Плюш поясом твоим бы стал,
На пряжке бы зардел коралл.
Пленясь утехами полей,
О, будь возлюбленной моей!

Ответ Возлюбленной

Когда б любовь была юна
И клятва пастушков верна,
Тогда среди холмов, полей
Я милой стала бы твоей.

21

Раз веселым майским днем
Ликовало все кругом:
В роще миртовой, густой,
Птицы пели надо мной;
Звери прыгали, резвясь;
Зелень пышная вилась.
Каждый скорбь забыл свою, –
Не забыть лишь соловью.
Он, как те, кто горе знал,
Грудь свою к шипу прижал,
И звенела песнь вокруг,
Наполняя скорбью слух.
"Фью-фью-фью", – так плакал он,
"Тери-тери", [51 – Пандион – афинский царь, отец Филомелы.]

– несся стон.

Внемля жалобным ладам,
Я едва не плакал сам;
Ибо, слыша соловья,
Скорбь свою припомнил я
И твердил: "К чему печаль?
Никому тебя не жаль;
У деревьев нет ушей,
Состраданья – у зверей.
Мертв отец твой, Пандион; [52 – Возглас этот –
звукоподражательный и вместо с тем смысловой.]
Всякий друг твой схоронен;
Льются песни птиц родных,

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org

Но ненужен ты для них.
Птичка бедная моя,
Так же тщетно плачу я;
И смеется рок лихой,
Обманувший нас с тобой.
Льстец, когда придет беда,
Не поможет никогда.
Словно ветер, звук речей;
Нелегко найти друзей.
Всяк тебе быть другом рад,
Если только ты богат,
А когда казна худа,
Помощи не жди тогда.
Если кто кутила, мот, –
Щедрым льстец того зовет,
И твердит льстеца язык:
"Вот кто царственно велик!"
Мил ли богачу разврат, –
Угодить ему спешат;
Если любит женщин, – вмиг
Для него отыщут их.
Но едва грозней судьба,
Как смолкает похвальба,
И забыть его готов
Прежний круг его льстецов.
Только верный друг тебе
Рад помочь в плохой судьбе.
Грустен ты – и он скорбит;
Ты без сна – и он не спит;
Долю всех твоих забот
В сердце он своем несет.
Узнается, знай, лишь так
Верный друг и льстивый враг.

ПРИМЕЧАНИЯ

В 1599 г. издатель Джаггард выпустил в свет сборник стихотворений под заглавием: "Страстный пилигрим. Сочинение В. Шекспира". Это не что иное, как грубая спекуляция именем Шекспира, которое к этому времени сделалось уже чрезвычайно популярным. На самом деле лишь около половины составляющих сборник стихотворений принадлежит Шекспиру, причем многие из них были напечатаны раньше или ходили по рукам и были беззастенчиво использованы издателями; остальные же написаны другими лицами. В своем обмане Джаггард косвенно признался сам. В 1612 г. он повторил это издание (верный себе, он пометил его как 3-е, тогда как на деле оно было только 2-м), присоединив еще несколько стихотворений, и в том числе стихи, принадлежавшие современнику Шекспира, драматургу и поэту Томасу Хейвуду. Когда Хейвуд заявил в резкой форме свой протест, Джаггард ограничился тем, что заменил титульный лист другим, на котором имя Шекспира уже не значилось.

Новейшая критика высказывается по вопросу о принадлежности отдельных стихотворений сборника следующим образом:

Э 1. Вариант шекспировского сонета 138.

Э 2. Вариант шекспировского сонета 144.

Э 3. Сонет Донгвиля к Марии в "Бесплодных усилиях любви" (IV, 3, 56–69). [53 – {Этот сонет, так же как 5 и 17, мы воспроизводим в переводе М. А. Кузмина.}]

Э 4. Возможно, что это один из набросков Шекспира к "Венере и Адонису".

Э 5. Сонет, который читает Нафанаил в Бесплодных усилиях любви (IV, 100–113).

Э 6. Также, быть может, набросок к "Венере и Адонису".

Э 7. Возможно, что принадлежит Шекспиру.

Э 8. Вероятно, принадлежит Ричарду Барнфильду, так как было напечатано под его именем в 1598 г.

Э 9. Быть может, набросок к "Венере и Адонису".

Э 10. Едва ли принадлежит Шекспиру.

Э 11. Вероятно, принадлежит Бартоломею Гриффину, так как было напечатано под его именем в 1596 г.

Э 12. Вероятно, не принадлежит Шекспиру.

Э 13. Едва ли принадлежит Шекспиру. По стилю это стихотворение очень близко к Э 10.

Э 14. Вероятно, не принадлежит Шекспиру.

Э 15. Тоже.

Э 16. Безусловно не принадлежит Шекспиру.

Э 17. Стихи дюмона к Катерине в "Бесплодных усилиях любви" (IV, 3, 97-116).

Э 18. Вопрос об авторстве неясен. Было напечатано в "Мадригалах" Уикса, 1597; затем снова в альманахе "Английский Геликон", 1600, под заглавием: "Жалоба неизвестного пастуха", с подписью: Ignoto (Неведомый).

Э 19. Принадлежность Шекспиру сомнительна.

Э 20. Принадлежит Марло. Ответ возлюбленной, как думают, присочинен Уолтером Рели.

Э 21. Вероятно, принадлежит Ричарду Барнфильду, так как было напечатано под его именем в 1598 г. Также переиздано в "Английском Геликоне", с подписью: Ignoto.

Ввиду неясности вопроса об авторстве многих стихотворений, мы, следуя традиции прежних изданий сочинений Шекспира, печатаем сборник полностью.

Феникс и голубка

ФЕНИКС И ГОЛУБЬ

(Пер. Д.Щедровицкого)[55 - Уильям Шекспир. Библиографический указатель русских переводов и критической литературы на русском языке 1976-1987М, ВГИБЛ, 1989ОСР Бычков М.Н. [mailto: bmn@lib.ru](mailto:bmn@lib.ru)]

Птица-вестник, громче пой,
Пой на пальме восседая:
Затруби – и птичьи стаи
Пусть летят на голос твой!

Ну, а ты, вещатель фальши,
Сатанинский балагур,
Смерти огненной авгур,
От собранья будь подальше.

Знайτε: путь сюда закрыт
И злодею, и тирану.
Воздадим лишь честь Орлану –
Королю пернатых свит.

Есть у нас и пастор дивный –
В белой ризе лебедь сам
Реквием исполнит нам
В виде песни лебединой.

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Облаченный в траур Вран,
Ты потомство начинаешь
Тем что грустно воздымаешь, –
Так явись в наш скорбный стан.

Ах, любовь и верность сами
Уж мертвы, – так мы поем, –
Голубь с Фениксом вдвоем
В небеса ушли сквозь пламя.

В жизнь одну, в единый дух
Эти птицы были слиты:
Страстью – двойственность убита,
И в одном – не сыщешь двух.

Так сердца сумели слиться,
Что простор их не делил:
Это чудо нам явил
Голубь со своей царицей.

И любовь свой свет лия
В фениксовых глаз глубины
Отражала голубиный
лик – его второе "я".

Так вот каждый оставался
Не собой и не иным,
Словно именем двойным
Некто в мире назывался.

Ум, смущен и с толку сбит,
Созерцал различья – в цельном:
Каждый, все же, был отдельным,
Воедино с другом слит.

Ум твердил: "Уж если двое,
Как одно, предстали мне,
Значит, сущность – не в уме,
А в любви, коль есть такое!.."

И вернейших двух друзей –
Две звезды, любви вершины –
Хор отпел печально, чинно
Погребальной песнью сей:

ПЛАЧ

Верность, честь и красота,
Чувств сердечных простота –
Днесь могилою взята.

Птица-Феникс умерла –
Вслед за голубем ушла:
В вечности гнездо свила.

Без потомства отошли:
Хоть иметь детей могли,
Но невинность сберегли.

Верности уж в мире нет,
Красоты пропал и след:
В гроб сошли во цвете лет.

Кто красив иль верен, – тот
Пусть к сей урне подойдет
И над прахом птиц вздохнет!..

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
(Перевод В.С.Давиденковой-Голубевой) [56 - Уильям Шекспир. Полное собрание сочинений. В восьми томах. Т. VII, М., Гослитиздат, 1949OCR Бычков М.Н.]

Громкогласный наш глашатай,
С дальних пальмовых ветвей
Протруби нам весть скорбей.
Созывай народ пернатый.

Ты ж, крикливый вестник горя,
Темный демона гонец,
Предвещающий конец,
Ты чужой на нашем сборе.

И не смейте приближаться,
Птицы хищного крыла
(Кроме короля орла):
Время мессы начинаться.

Белой ризой облаченный,
Лебедь, чей печальный глас
Раздается в смертный час,
Начинай обряд законный.

Ворон трижды долгой жизни,
Ты, который гроб творишь
Тем, кому ты жизнь даришь, [57 - Намек на поверье, согласно
которому ворон будто бы убивает своих собственных птенцов.] –
Плакальщиком будь на тризне.

Начинаем плач наш гимном:
Верность и краса мертвы.
Феникс с горлинкой, увы,
Сожжены огнем взаимным.

Двое любящих их было,
Но была в них жизнь одна –
В двух, но не разделена:
Так любовь число убила.

Сердца два слились так тесно,
Что просвет неуловим
Между ней и между ним
В их гармонии чудесной.

Так голубка воспылала,
Что могла по праву сметь
Вместе с фениксом сгореть.
"Я" и "ты" для них совпало.

И смешался ум в понятиях:
Как же два с лицом одним –
"Я", но с именем двойным?
Что ж, одним, двумя ли звать их?

Разум полон стал смущеньем:
Разное слилось в одно,
"Это" с "тем" совмещено
Чудодейственным смещеньем.

Можно просто подивиться,
Что слились так мирно два;
И не ум, любовь права,
Если два могли так слиться.

И любовь над их гробницей,
Над свершеньем роковым,
Скорбный плач сложила им –
Фениксу и голубице.

Надгробный плач

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Красота – чиста, скромна,
С верностью сопряжена –
В урне здесь схоронена.

Смерть – гнездо, где Феникс дремлет,
Где голубку мир объемлет.
Вечность души их приемлет.

Их союз бесплодным был –
Не затем, что мало сил,
А невинность он хранил.

Верность прочих – напускная,
Красота их – показная,
Истинные ж – персть земная.

Кто красив, в ком верность – суть,
К этой урне лег ваш путь,
Птиц усопших помянуть.

Примечания

Стихотворение это было в первый раз напечатано под именем Шекспира в сборнике Роберта Честера "Мученица любви, или жалоба Розалины" (1601).

Никакими данными для более точной датировки стихотворения мы не располагаем.

Хотя стихотворение "Феникс и голубка" по стилю мало похоже на другие произведения Шекспира, новейшие критики допускают, что оно принадлежит ему. Весьма вероятно, что изображение похорон Феникса и голубки содержит аллегорию или какой-то намек на определенное событие, расшифровать который пока не удалось.

ПРИМЕЧАНИЯ К ТЕКСТУ СТИХОТВОРЕНИЯ

51. В подлиннике здесь и ниже, в заголовке, стоит ученое слово "тренос" (threnos, threne) – название жанра народной древнегреческой лирики – "плач", "заплачка".

ФЕНИКСЪ И ГОЛУБКА

Перевод П. А. Каншина (1893) [58 – ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В. ШЕКСПИРА ВЪ ПРОЗѢ И СТИХАХЪ ПЕРЕВЕЛЪ П. А. КАНШИНЪ. ТОМЪ ДЕВЯТЫЙ. 1) Коріоланъ. 2) Юлій Цезарь 3) Антоній и Клеопатра. 4) Жалобы влюбленной. 5) Фениксъ и голубка. БЕЗПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ЖУРНАЛУ "ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ" за 1893 ГОДЪ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ. ИЗДАНИЕ С. ДОБРОДѢЕВА. 1893.]

Пусть величественно поющая птица, которая живетъ на одномъ единственномъ деревѣ; Аравіи, будетъ громкимъ и важнымъ глашатаемъ, котораго повиновались бы все; ц; ломудренныя крылья пернатыхъ.

Но ты, хриплый посланецъ, мрачный предтеча демона, предвозвѣстникъ лихорадочной агоніи, не вмишуйся въ этотъ рой.

Пусть будутъ исключены изъ этого торжественнаго обряда все; птицы съ смертоноснымъ крыломъ, кроме; орла, царя воздуха: таково постановленіе относительно этого погребенія.

Священникомъ въ; ломъ стихарь; , призваннымъ; ть погребальную музыку, пусть будетъ лебедь, предчувствующій кончину, и пусть онъ торжественно исполнитъ реквиемъ.

И ты, трижды стол; тній воронъ, своимъ дыханіемъ придающій выводку своему черную окраску, ты-то и пойдешь во глав; траурнаго шествія.

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Здѣсь начинается антигонизм: любовь и постоянство умерли; фениксъ и горлица улетѣли, охваченные взаимнымъ пламенемъ.

Они любили другъ друга до такой степени, что ихъ взаимная любовь сливала ихъ во едино. Между двумя совершенно отдѣльными существами не было ни малѣйшаго раздвоенія. Ихъ взаимная любовь поглотила самое понятіе о счетѣ.

Сердца ихъ были врознь и въ то же время вмѣстѣ! Между фениксомъ и его царицей было замѣтно разстояніе, но не пространство. Но въ нихъ это казалось чудомъ.

Любовь блистала между ними такъ, что горлица видѣла свое существо пламенемъ; ющимъ во взглядѣ феникса. Каждый для другаго былъ такимъ-же другимъ "я".

Но находилось въ такомъ положеніи, что тождество не было между ними равенствомъ. Своей натурой, одной подъ двойнымъ именемъ, они не представляли изъ себя ни одного, ни двухъ.

Разумъ, сбитый съ толку самимъ собою, видѣлъ соединеніе въ ихъ разъединеніи. Два этихъ существа, поглощенные другъ въ друга, до того полно слились воедино, что они въ недбумности спрашивали себя, какъ ихъ чудный дуэтъ превратился въ гармоническое соло. У любви нѣтъ иного разума, да нѣтъ его, кромѣ того, что совершенно раздѣльное можетъ до такой степени слиться въ единое целое.

Исполняя роль хора на трагической сценѣ, дружба сложила погребальную пѣснь въ честь феникса и горлицы, этихъ двухъ лучезарныхъ звѣздъ въ небѣ; любви.

Погребальная пѣснь.

Красота, вѣрность, совершенство, прелесть во всей ея простотѣ; почіуть здѣсь, превращенныя въ пепель.

Смерть стала гонимомъ феникса, а вѣрное сердце горлицы вкушаетъ вѣчный покой.

Не оставить по себѣ; потомства это не было съ ихъ стороны безсиліемъ, но только бракъ ихъ остался цѣломудренъ.

Отнынѣ; можетъ казаться, что вѣрность еще существуетъ, на самомъ дѣлѣ; ея не стало. Красота можетъ хвалиться, что она еще существуетъ, но ея на самомъ дѣлѣ; болѣе нѣтъ, потому что вѣрность и красота обѣ; погребены здѣсь.

О вы, кто вѣрны и добры, преклонитесь передъ этой урной, вздохните и помолитесь за бѣдныхъ двухъ умершихъ птицъ!

1601

ФЕНИКС И ГОЛУБКА

Перевод А. М. Федорова (1904) [59 - М., "Эксмо", 2007] OCR Бычков М.Н. <mailto:bmn@lib.ru>; <mailto:%20bmn@lib.ru>

Пусть будетъ царственный глашатай
Та птица, что живетъ одна
Родной Аравии верна;
Чью песню чтитъ весь родъ пернатый!

Но ты, посланникъ хриплый, бледный,
Предтеча демона и зла
И агонии вождь победный,
В ихъ рой не вмешивай крыла.

И птицы хищные не смеют
Примкнуть к обряду. Лишь орлы,
Цари воздушной светлой мглы,
Пускай при погребеньи реют.

Священник в белом стихаре
Пусть лебедь будет; он, незлобный,
Кончину чует. На заре
Споет он реквием надгробный.

Ты, черный ворон трехвековой,
Один дыханием несешь
Питомцу траур свой суровый.
Ты первый в шествии пойдешь.

Начало антифона свято:
Любовь и верность стали сном.
Голубка с фениксом вдвоем
В огне исчезли без возврата.

Они любили. Их слила
Любовь живая воедино.
Одна лишь жизнь чиста, невинна
У двух любовников была.

Два разных сердца отделяло
Лишь расстояние, но не даль.
Голубку с фениксом едва ль
Не чудо светлое сливало.

Их свет любовный озарял.
Во взгляде феникса встречала
Она свой лик и повторяла
Того, кто перед ней сиял.

Подобны, но не однородны;
В два имя то заключено,
Что нераздельно и свободно,
Не два, но также не одно.

И сам собою с толку сбитый,
Вдвойне рассудок видел свет:
Единство в двойственности слитой
И в solo пламенный дуэт.

Нет у любви ума, помимо
Того, что может вместе слить,
То, что раздельно и делимо, –
И нет, да и не может быть.

И двум звездам любви могучей:
Голубке, фениксу, скорбя,
Сложила дружба гимн певучий,
Роль хора взявши на себя.

Надгробный гимн

Здесь, возвышенно чиста,
Опочила красота,
Пеплом верность стала.
Смерть – для феникса приют;
И Голубки сердце тут
Вечный сон прияло.
Их детей не видел свет.
То не знак бессилья, нет!
Оба чисты были.
Верность есть, – она не та,
Умерла и красота –
Здесь они почили.
Все, кто сердцем добр и тих,
Страница 312

1601

ФЕНИКС И ГОЛУБКА

Перевод В.Левика

Птица с голосом как гром,
Житель важный палм пустынных,
Сбор труби для птиц невинных,
Чистых сердцем и крылом!

Ты же, хриплый нелюдим,
Злобных демонов наместник,
Смерти сумрачный предвестник,
Прочь! не приближайся к ним!

Кровопийца нам не брат,
Хищных птиц сюда не нужно,
Лишь орла мы просим дружны
На торжественный обряд.

Тот, кто знает свой черед,
Час кончины неизбежной, –
Дьякон в ризе белоснежной,
Лебедь песню нам поет.

Ты, чей трижды длинен путь,
Чье дыханье – смерть надежде,
Борон в траурной одежде,
Плачь и плакальщиком будь.

Возглашаем антифон:
Все – и страсть и верность – хрупко!
Где ты, феникс, где голубка?
Их огонь огнем спален.

Таи слились одна с другим,
Душу так душа любила,
Что любовь число убила –
Двое сделались одним.

Всюду врозь, но вместе всюду,
Меж двоих исчез просвет.
Не срослись, но щели нет, –
Все дивились им, как чуду.

Так сроднились их черты,
Что себе себя же вскоре
Он открыл в любимом взоре, –
"Ты" – как "я", и "я" – как "ты".

И смешались их права:
Стало тождеством различье,
Тот же лик в двойном обличье,
Не один, а все ж не два!

Ум с ума сходил на том,
Что "не то" на деле – "то же",
Сходно все и все несхоже,
Сложность явлена в простом.

Стало ясно: если два
В единицу превратилось,

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Если разность совместилась,
Ум неправ, любовь права.

Славь же, смертный, и зови
Две звезды с небес любви,
Скорбно плача у гробницы
Феникса и голубицы.

ПЛАЧ

Юность, верность, красота,
Прелесть сердца, чистота
Здесь лежат, сомкнув уста.

Феникс умер, и она
Отошла, ему верна,
В царство вечности и сна.

Не бесплоден был, о нет,
Брак, бездетный столько лет, –
То невинности обет.

Если верность иль – увы! –
Красоту найдете вы –
То обман, они мертвы.

Ты, кто верен и любим,
Помолись на благо им
Перед камнем гробовым.

ПРИМЕЧАНИЯ К ТЕКСТУ "ФЕНИКСА И ГОЛУБКИ"

Поэма напечатана впервые в сборнике "Жертва любви, или Жалоба

Розалинды" (1601) Роберта Честера. За поэмой Честера в книге следовали 14 стихотворений других поэтов: Вена Джонсона, Марстона, Чепмена. Шекспира и несколько анонимных произведений. Поэма Шекспира напечатана без названия, но на титульном листе книги говорится, что ее тема – "аллегорическое изображение подлинной любви, иллюстрируемое судьбой Феникса и Голубки", а разделу, где была напечатана поэма Шекспира, предшествовал шмуцтитул: "Далее следуют разные поэтические опыты на обозначенную ранее тему, то есть Феникс и Голубка..." Поэма Шекспира напечатана пятой среди стихотворений цикла.

Мнения об авторстве и достоинствах поэмы расходятся. В пользу авторства Шекспира говорит то, что книга печаталась в типографии его земляка Р. Филда, который издал также две большие поэмы Шекспира. С другой стороны, форма поэмы не похожа на другие его произведения в поэтическом роде, но в языке находят много общего с обычной поэтической фразеологией Шекспира. Сближает эту поэму с другими также единство платонического взгляда на любовь.

Возглашаем антифон. – Антифон (греч.) – церковное пение, когда хор разбивается на два попеременно поющих полухория.

Разные стихотворения в переводе С.Я.Маршака [60 – Собрание сочинений в восьми томах. Т. 3.М., "Художественная литература", 1969.OCR Бычков М.Н.]

КОНЬ

Из поэмы "Венера и Адонис"

Прислушайся, – из ближнего леса
Испанская кобыла молодая,
Страница 314

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Почуяв жеребца издалека,
Его зовет, тревожно ожидая.
И, с привязи сорвавшись, наконец,
К ней скачет, шею выгнув, жеребец.

Он величаво мчится, он летит,
Как в приступе безудержного гнева,
И гулко под ударами копыт
Гудит земли разбуженное чрево.
Грызет железо он своих удил,
Тем овладев, чему подвластен был.

Он поднял уши. Нисходя к хребту,
Вздымается дорожка гривы черной,
Ноздрями воздух пьет он на лету.
Пар из ноздрей выходит, как из горна.
Недаром око темное коня
Сверкает ярким отблеском огня.

То рысью он идет, шаги считая,
Спокойно горд и скромно величав,
То скоком скачет, над землей взлетая,
Плывет, по ветру тело распластав,
Чтоб гневной красотой своей и силой
Похвастаться перед подругой милой.

Ему и дела нет до ездока,
Кричащего вослед: "Постой! куда ты?"
Забыл он шпоры, жгущие бока,
Забыл о сбруе, яркой и богатой,
Он слышит только собственную кровь,
Он видит пред собой свою любовь.

Как если бы, искусству дав свободу,
Писал коня художник на холсте,
Стремясь живую превзойти природу
И в живости самой, и в красоте, –
Так этот конь превосходил любого
Осанкой, статью, красотой суровой.

Крутая холка, ясный, полный глаз,
Сухие ноги, круглые копыта,
Густые щетки, кожа, как атлас,
А ноздри ветру широко открыты.
Грудь широка, а голова мала, –
Таким его природа создала.

Ничто косого не избегнет взора,
Касанье перышка его вспугнет.
Приказывая ветру быть опорой,
Пускается он в бег или в полет.
Сквозь волосы хвоста его и гривы
Поет и свищет ветер шаловливый.

Он выражает радость в звонком ржанье,
Отзывный голос подает она.
Но – женщина – в ответ на обожанье
Она лукавит, гордости полна,
И отвечает страсти, столь открытой,
Упрямыми ударами копыта.

Он роет землю в гневе, ловит ртом
Слепней несчастных. Весь покрыт он мылом.
И бедра охлаждает он хвостом,
Разгоряченные любовным пылом.
Но вот горячка, друга пожалев,
Его безмерный умеряет гнев.

А тут хозяин, подоспев, стремится
Взять под уздцы горячего коня.
В испуге к лесу скачет кобылица,

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
За нею – конь, уздечкою звеня.
И оба обгоняют по дороге
Ворон, летящих тучею в тревоге...

ПЕСНЯ О РОГАХ

Из комедии "Как вам это понравится"

Есть у охотников обычай –
Рога и шкуру, как добычу,
Нести домой.

Хоть дорога оленья кожа,
Рога оленьи нам дороже:
Так не стыдись носить рога.
Нам эта память дорога!

Крутого рога острый серп –
Твоей семьи старинный герб.
От поколенья поколенья
Рога наследует оленьи.

Так не стыдись носить рога –
Нам эта память дорога!

ВЕСЕННЯЯ ПЕСНЯ

Из комедии "Как вам это понравится"

Счастливая чета влюбленных –
Гей-го! Гей-нонино! –
Гуляла среди полей зеленых
Порою весенней, порой обручений,
В те дни, когда птицы звенят в вышине.
Влюбленные рады весне.

Во ржи они оба легли отдохнуть –
Гей-го! Гей-нонино! –
И голову он положил ей на грудь
Порою весенней, порой обручений,
В те дни, когда птицы звенят в вышине.
Влюбленные рады весне.

Они и придумали этот куплет –
Гей-го! Гей-нонино! –
Что вся наша жизнь – кратковременный цвет
Порою весенней, порой обручений,
В те дни, когда птицы звенят в вышине.
Влюбленные рады весне.

И ты это славное время лови –
Гей-го! Гей-нонино! –
И настезь открой свое сердце любви
Порою весенней, порой обручений,
В те дни, когда птицы звенят в вышине.
Влюбленные рады весне!

ПЕСНЯ БАЛТАЗАРА

Из комедии "Много шума из ничего"

Что толку, леди, в жалобе?

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Мужчины – шалопаи.
Одна нога на палубе,
На берегу другая.

Что с них возьмешь?
Слова их – ложь.
Но в грусти толку мало.
Весь мир хорош, когда поешь:
Тарара-лала-лала!

Зачем вам плакать? Лучше петь.
Весной грустить не велено.
Мужчины женщин ловят в сеть
С тех пор, как весны зелены.

Что с них возьмешь?
Слова – их ложь.
Но в грусти толку мало.
Весь мир хорош, когда поешь:
Тарара-лала-лала!

ПЕСЕНКА ИЗ "ЗИМНЕЙ СКАЗКИ"

Веди нас, дорожка, вперед и вперед,
Начала тебе и конца нет.
Веселое сердце идет и поет,
Печальное – скоро устанет.

ПЕСЕНКИ БРОДЯЧЕГО ТОРГОВЦА ИЗ "ЗИМНЕЙ СКАЗКИ"

1

Вот кружева, ленты.
А вот позументы,
Берите, хватайте, красавицы.
Вот кольца и бусы
На разные вкусы.
Шелка мои пестрые славятся.
Считайте-ка денежки,
Несите офенюшке,
Берите, что только понравится!

2

Вот шелк белей, чем пух лебяжий.
Вот креп чернее черной сажи.
Перчатки тоньше роз дамасских,
Духи и бархатные маски.
Купить чепец вам, сударь, надо,
Подруга ваша будет рада.
А вот две дюжины застежек
От подбородочка до ножек.
Купите серьги, ожерелья,
Доставьте барышням веселье,
Чтобы в ушах сережки звякали,
Чтоб очи черные не плакали!

ПЕСНИ ОФЕЛИИ

Из трагедии "Гамлет"

1

Как в толпе его найдем –
Страница 317

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Твоего дружка?
Шляпа странника на нем,
А в руках клюка.

Он угас и умер, леди,
Он могилой взят.
В головах – бугор зеленый,
Камень – возле пят.

Бел твой саван, друг мой милый.
Сколько белых роз
В эту раннюю могилу
Ливень слез унес.

2

В день святого Валентина,
В первом свете дня
Ты своею Валентиной
Назови меня.

Тихо ввел он на рассвете
Девушку в свой дом –
Ту, что девушкой вовеки
Не была потом.

3

Позор и грех! У них у всех
Нет ни на грош стыда:
Свое возьмут, потом уйдут,
А девушкам беда.

– Ты мне жениться обещал,
Меня лишая чести.
– Клянусь, я слово бы сдержал,
да мы уж спали вместе!

ПЕСНИ ШУТА

из трагедии "Король Лир"

1

Показывай
Меньше того, что имеешь.
Рассказывай
Меньше, чем сам разумеешь.

Где можно проехать,
Не странствуй пешком.
Чем деньги одалживать,
Будь должником.

Играй, но только помни меру,
Учись, а не бери на веру.

Забудь и кружку, и подружку,
Храни под спудом каждый грош.
Тогда полушку на полушку,
А на сто – сотню наживешь!

2

Тот, кто решился по кускам
Страну свою раздать,
Пусть приобщится к дуракам –
Он будет мне под стать,

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Мы станем с ним, рука к руке,
Два круглых дурака:
Один – в дурацком колпаке,
Другой – без колпака!

3

Для дураков – печальный день:
Все умники страны
Мозги надели набекрень
И стали им равны!

4

Они заплакали от счастья,
А я запел с тоски,
Узнав, что мой король без власти
Играет в дураки!

5

Тот, кто крошек не сберег,
Черствой коркой пренебрег,
Будет каяться, когда
Постучится в дверь нужда.

6

Вскормил кукушку воробей
Бездомного птенца,
А тот возьми да и убей
Приемного отца!

7

Лиса-плутовка
И дочка короля –
Одна бы вам веревка,
Одна бы вам петля!

Продам колпак,
Куплю
Петлю,
Дурак –
Товарищ королю!

8

Отцов сановных и богатых
Ласкают дочки и зятя.
А у кого штаны в заплатках, –
Того не жалует семья!

Фортуна – жалкая блудница:
Она с голодным не ложится.

9

Кто служит только для того,
Чтоб извлекать доходы,
Тебя оставит одного
Во время непогоды.

Но шут с тобой – твой верный шут!
Служил он не для денег.
Он жалкий шут, но он не плут,
Дурак, а не мошенник!

10

Штаны нужны, – даю вам слово,
Страница 319

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Но приюти башку сперва.
Иль обовшивеет без крова
Твоя седая голова.

В ком сердце жесткое, как пятка,
Тех не смутит чужая боль.
Но спать они не будут сладко,
Когда натрут себе мозоль!

11

Тот, кто в несчастье владеет собой, –
Молния, гром и град, –
В бурю и в шквал не дрожит пред судьбой,
Будь они сутки подряд!

12

Когда откажется священник
Кривить душою из-за денег

И перестанет пивовар
Водю разбавлять товар,

Когда наскучит кавалерам
Учиться у портных манерам,

Когда еретиков монах
Сжигать не станет на кострах,

Когда судья грешить не будет
И без причины не осудит,

Когда умолкнет клевета,
Замок повесив на уста,

Когда блудница храм построит,
А ростовщик сундук откроет, –

Тогда-то будет Альбион
До основанья потрясен,

Тогда ходить мы будем с вами
Вверх головами, вниз ногами!

ПЕСНИ ШУТА

Из комедии "Двенадцатая ночь"

1

Поспеш, смерть, поспеш.
Я устал от любовных обид.
Не дыши, моя грудь, не дыши.
Я жестокой подругой убит.

Пусть в последний приют мой земной
Ветви тиса положат.
Разделить мою участь со мной
Самый преданный друг не может.

Пусть ни белых лилий, ни роз
Не оставят друзья на погосте.
Пусть никто не роняет слез
На мои неподвижные кости.

Пусть могилу трава-лебеда
От прохожего спрячет...
И любовник весной никогда

2

Когда еще был я зелен и мал, –
Лей, ливень, всю ночь напролет! –
Любую проделку я шуткой считал,
А дождь себе льет да льет.

Я вырос, ничуть не набравшись ума, –
Лей, ливень, всю ночь напролет! –
На ключ от бродяг запирают дома,
А дождь себе льет да льет.

Потом я, как все, обзавелся женой, –
Лей, ливень, всю ночь напролет! –
Ей не было сытно и сухо со мной,
А дождь себе льет да льет.

Хоть годы меня уложили в постель, –
Лей, ливень, всю ночь напролет! –
Из старого дурня не выбьете хмель,
А дождик все льет да льет.

Пусть мир существует бог весть как давно,
Чтоб дождь его мог поливать, –
Не все ли равно? Представленья дано,
А завтра начнется опять!

3

Где ты прячешь взор свой милый?
То с надеждой, то уныло
О тебе поет твой друг.
Не уйдешь ты легкой ланью.
Все пути ведут к свиданью.
Это знают все вокруг.

В чем любовь? В одной надежде?
Или в том, что было прежде?
Нет, целуй меня сейчас.
Жизнь и смерть не в нашей власти.
Наша юность, наше счастье
Быстро скроются от нас!

ПЕСЕНКА ИЗ "АНТОНИЯ И КЛЕОПАТРЫ"

Бог и царь беседы мирной,
Краснощекий Бахус жирный,
Мы к тебе пришли на пир.
Нашу грусть топи в похмелье,
Пусть в сердцах кипит веселье,
Чтобы пестрой каруселью
Завертелся этот мир,
Завертелся этот мир.

НАДГРОБНЫЙ ПЛАЧ

Правда с юной красотой,
С прелестью, такой простой,
Спят во прахе под плитой.

Вечного покоя дом
Стал для голубя гнездом.
Спит с подругой он вдвоем.

Легок был земной им груз.

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
Нет плодов их брачных уз.
Девственным был их союз.

Будет правда, да не та,
И не та уж красота.
На любовь легла плита.

Тот, в ком дух высокий жив,
Кто красив и кто правдив,
Плачь, колена преклонив.

Помолись, склонившись ниц
Пред чистойшей из гробниц,
Пред гнездом умолкших птиц.

ПРИМЕЧАНИЯ

Разные стихотворения. Помимо лирического цикла сонетов перу Шекспира принадлежат две поэмы "Венера и Адонис" (1592) и "Лукреция" (1593). Кроме того, в ткань пьес, трагедий и комедий им вводились песни – своего рода лирический комментарий к тому, что происходит на сцене или за сценой. Песни эти, веселые и грустные, насмешливые или нарочито-нелепые, как бы откликаются на все события, действия, определяют настроения и оценивают обстановку. Особенно в этом смысле интересны песенки шутов. Как писал Маршак в статье "Шут короля Лира" (1940), "по существу... самый взрослый персонаж в трагедии – именно шут, видящий подоплеку всех отношений и трезво их оценивающий".

Эти лирические отступления, веселые прибаутки, в которые облачается жизненная мудрость, и привлекли Маршака, так же как блистательный по выразительности и богатству красок переведенный им отрывок из поэмы "Венера и Адонис".

Конь. Из поэмы "Венера и Адонис". – Впервые в журнале "Знамя", 1947, кн. 1.

Маршак перевел фрагмент из поэмы "Венера и Адонис", написанной на модный в то время античный сюжет. Шекспир использовал миф о безнадежной страсти богини Венеры к прекрасному Адонису, известный поэту в переложении римского писателя Овидия. Но, в отличие от многих сочинений своих современников, Шекспир не ограничился благозвучием стиха, хитросплетением красивых образов, навеянных классическими образцами. Его описания природы, людей, животных, предметов сочны, полнокровны, полны жизни и движения. Одним из самых знаменитых по яркости и динамичности и является описание коня, привлекшее Маршака.

Печатается по Сочинениям, т. 3.

Песня о рогах. Из комедии "Как вам это понравится". – Впервые в "Избранных переводах", 1946–1947.

Печатается по Сочинениям, т. 3.

Весенняя песня. Из комедии "Как вам это понравится". – При жизни Маршака не печаталась.

Печатается по автографу.

Песня Балтазара. Из комедии "Много шума из ничего". – Впервые в "Избранных переводах", 1946–1947.

Печатается по Сочинениям, т. 3.

Песенка из "Зимней сказки". – Впервые в "Избранных переводах, 1946–1947.

Печатается по сб. "Сатирические стихи".

Песенки бродячего торговца из "Зимней сказки". – При жизни Маршака не печатались.

Печатаются по автографу.

Песни Офелии. Из трагедии "Гамлет". – Впервые в "Избранных переводах", 1946–1947.

Печатаются по Сочинениям, т. 3.

Песни шута. Из трагедии "король Лир" – цикл из 12 песенок. Впервые в "Балладах и песнях английского народа", Детгиз, М. 1942. Иные случаи оговариваются особо.

По словам Маршака, работа над переводом песенок шута из трагедии "Лир", "сделанная по предложению Малого театра в Москве и Большого драматического в Ленинграде, доставила немало забот, но и немало радости".

О том, чем интересны и почему трудны для перевода эти песенки, Маршак написал в небольшой статье 1940 года под названием "Шут короля Лира":

"Переводить эти песенки нелегко. Меткость и ясность суждений, продиктованных народным здравым смыслом, сочетается в них с причудливой нарочито-дурашливой формой. Философское, этическое и даже политическое содержание песенок шута почти всегда замаскировано, упрятано в загадку, в пословицу, в шутку, как будто бы простодушную и ребячливую... Для того, чтобы перевести его стихотворные реплики, нужно сначала раскрыть, расшифровать подчас загадочный смысл подлинника, а потом вновь замаскировать его, облечь в уклончивую, игривую форму прибаутки.

Пословица, поговорка трудно поддается переводу. Они своеобразны и сопротивляются пересадке на чужую почву. Буквальный перевод – слово за слово – может их убить.

Для каждой шутки, для каждой пословицы, для каждой присказки нужно найти в своем языке равноценную шутку, пословицу, присказку. Только тогда перевод будет точен не в школьном, а в поэтическом смысле этого слова.

Только тогда в нем можно будет узнать подлинник.

В этом-то и заключается сложность перевода песенок шута.

Мне хотелось сохранить в переводе и предельную лаконичность подлинника, и его свободную непринужденность, которая заставляет верить в то, что каждая реплика шута рождается тут же на сцене, как острое словцо, сказанное вовремя и к месту, как счастливая импровизация...

Живую и разнообразную импровизацию, врывающуюся в текст трагедии Шекспира, мне хотелось донести до советского зрителя, не утратив ее непосредственности и остроты.

В поисках того варианта, который был бы наиболее выразителен и более всего соответствовал бы требованиям театра, я переводил каждую из песенок шута по три, по четыре раза".

"Показывай меньше того, что имеешь". – Впервые с первой строкой "Звени поменьше кошельком" в "Балладах и песнях английского народа", 1942.

Второй вариант, ставший каноническим, впервые опубликован в Сочинениях, т. 3.

Печатается по этому изданию.

"Тот, кто решился по кускам..."

Печатается по "Избранным переводам", 1959.

"Для дураков печальный день..."

Печатается по "Английским балладам и песням", 1944.

"Они заплакали от счастья..." – Публикуется впервые.

Печатается по автографу.

"Тот, кто крошек не сберег..."

Печатается по "Английским балладам и песням", 1944.

"Вскормил кукушку воробей..."

По поводу этой песенки Маршак пишет в статье "Шут короля Лира" (1940):

"Шут не лезет за словом в карман. Не задумываясь, он бросает как будто бы первые, пришедшие ему на язык слова, но эти слова бьют метко, клеймят беспощадно. В его песенках редко можно найти прямое обращение к тому или иному герою трагедии, но и сценическим персонажам, и зрителям совершенно ясно, кого имеет в виду шут, когда в присутствии неблагодарной королевской дочки он произносит насмешливые стихи:

Вскормил кукушку воробей –

и т. д."

Печатается по "Сатирическим стихам". "Лиса-плутовка и дочка короля..."

Печатается по тексту первой публикации. "Отцов сановных и богатых..."

Печатается по Сочинениям, т. 3.

"кто служит только для того..."

Печатается по "Избранным переводам", 1959.

"Штаны нужны, – даю вам слово..." – Публикуется впервые.

Печатается по автографу.

"Тот, кто в несчастье владеет собой..."

Печатается по "Английским балладам и песням", 1944.

"Когда откажется священник..."

По поводу этого стихотворения Маршак пишет в статье "Шут короля Лира" (1940): "А иной раз реплики шута направлены не против персонажей трагедии, находящихся тут же на сцене или за кулисами, а метят дальше и шире. Голос шута становится громким и патетичным.

Тогда-то будет Альбион
До основанья потрясен..."

В архиве имеется второй вариант перевода:

Когда попы не станут лгать, а будут жить правдиво,
А пивовар не станет лить воды в бочонок пива,

Когда не будет важный лорд учиться у портного,
А постарается найти учителя иного,

Когда укажет ростовщик, куда он прячет клад,
И будут рыцарей штаны без дырок и заплат,

Когда не будет клевета гулять по белу свету,
Когда закон клеветника потребует к ответу,

И жарить будет на кострах священный наш синклит
Не вольнодумцев, а повес, кутил и волокит,

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosofff.org

Когда щадить не станет суд преступников сановных,
Не станет правых осуждать, оправдывать виновных,

Тогда-то будет Альбион
До основанья потрясен.

Тогда ходить мы будем с вами
Вверх головами, вниз ногами!

Печатается по "Английским балладам и песням", 1944. Песни шута. Из комедии "Двенадцатая ночь". Две из них "Поспеши, смерть, поспеши..." и "Когда я был зелен и мал..." – впервые в "Избранных переводах", 1946–1947.

Печатаются по "Избранным переводам", 1959.

Третья песня "Где ты прячешь взор свой милый..." при жизни Маршака не публиковалась.

Печатается по автографу.

Песенка из "Антония и Клеопатры". – Публикуется впервые.

Печатается по автографу.

Надгробный плач. – Впервые в "Избранных переводах", 1946–1947. Отрывок из поэмы "Феникс и голубка".

Печатается по Сочинениям, т. 3.

Реквием

(Пер. В.Якушкиной) [61 – Вера Якушкина. Мои экзерсисы. Лирика XVI–XX веков. Вольные переводы с французского, немецкого и английского языков. М., "Московский Парнас", 2005 OCR Бычков М.Н.]

РЕКВИЕМ

Здесь Истина, Краса и Утонченность,
И Скромности святая отреченность,
Сокрыта в прахе тайны обреченность.

И феникса гнездо теперь порожне,
Забылся Голубь вечным сном тревожно,
Любимым в вечности вдвоем остаться должно.

Потомков не оставили они,
И это не от немощи любви, –
Но целомудрие священное двоих.

Есть верность, но ее не может быть,
Красой хвалиться, – ей ли вечной слыть,
И Верность, и Краса, – так мало могут жить.

У этой урны реквием споем
О чести, верности невиданной вздохнем,
О Птицах, возлежащих здесь вдвоем.

THRENOS

Beaute, Truth and Raritie,
Grace in all Simplicitie,
Here enclosde, in cinders lie.

Death is now the Phoenix nest,
Страница 325

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosofff.org
And the Turtles loyall brest,
To eternitie doth rest.

Leauing no postentie,
Twas not their infirmitie,
It was married Chastitie.

Truth may feeme, but can not bee.
Beautie bragge, but is not fhe,
Truth and Beautie buried be.

To this urne let thofe repair,
That are either true or faire,
For thefe dead Birds, figh a prayer.

Песни для музыки

Перевод В.Левика

1

Три дочери у лорда были, всех девушек милей,
И был любим учитель старый одной из дочерей,
Пока красавец англичанин не повстречался ей
И не смутил ей душу.

любовь с любовью в спор жестокий вступила тот же час;
Учитель строгий или рыцарь с горячим блеском глаз?
Обоих оттолкнуть сурово, двоим послать отказ
Ей, глупой, не хотелось.

Но что ни говори, а лишним тут был один из них,
Нельзя в мужа одновременно заполучить двоих,
И оскорблен ее отказом был молодой жених.
А чем ему pomoжешь!

Искусство нанесло оружию неслыханный удар:
Учитель всю свою науку принес ей в брачный дар
И взял – бай, бай! – красотку в жены, хоть был,
признаться, стар.
На том я кончил песню.

2

Раз весной – увы, весь год
Для любви весна цветет –
Розу я увидел вдруг.
Ветер тихо дул на луг
И резвясь, лобзал слегка
Венчик бархатный цветка.
Я, ревнуя к ветерку
И томясь, сказал цветку:
– Если б этих нежных щеп
Я, как он, коснуться мог!
Но тебя мне рвать не след:
Руки мне связал обет.
Ах, он тяжек молодым:
Розы рвать в охоту им.
Не сочти за грех, молю,
что его я преступлю.
Если б зевс тебя нашел,
Он жену б арапкой счел,
О бессмертье позабыл

И тебя одну любил! [62 – <Песня Дюпена из комедии
"Бесплодные усилия любви" (IV, 3) – перевод Ю. Корнеева.>]

3

Пропал мой хлеб, мой труд,
Страница 326

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org

Бараны, овцы мрут,
Приплода не дают
И не тучнеют летом,
И, сердцу нет тепла,
И жизнь мне не мила,
Моя любовь ушла,
И горе только в этом.
Мне скучно петь, плясать еще скучней,
Ты видишь, боже, я не нужен ей
Конец ее любви и завереньям,
Она встречает пастуха презреньем.
Отвергла напрямик,
Судьбу сломала вмиг, –
Куда мне деться от лихой кручины!
Я стал умней:
Я верил ей,
Но женщина изменчивей мужчины.

Печален, нелюдим,
Живу, дышу одним.
Я больше не любим,
Но разлюбить – нет силы.
Надел я черный цвет,
В душе надежды нет,
Постыл мне белый свет,
И жду могилы.
Молчит моя свирель. Печально, сердцу в лад,
На овцах колокольчики звенят,
Мой пес не носится, не лаает, как когда-то,
Но хвост поджал и смотрит виновато,
Лишь визгнет раз, другой,
Когда мой вздох глухой
Из сердца рвется, полон тяжелой боли,
И, отдаваясь от земли,
Теряется вдали,
Как стоны павших на кровавом поле.

Деревья не цветут
И тени не дают,
И птицы не поют,
И вянут всходы.
Ягнят веселых нет,
А нимф пропал и след,
И лес полураздет,
И стынут воды.
Все, что послал творец в утеху пастухам:
Вечерних игр веселый шум и гам,
Борьба, разгорячающая кровь, –
Все так мертво, когда мертва Любовь!
Прости ж, голубка, навсегда!
Верь, вся моя беда
В том, что на чувство нет в твоей груди ответа,
И бедный Коридон
Навеки обречен
Жить в одиночестве, без ласки, без привета.

4

Когда красотку выбрал ты
И овладеть задумал ею,
Рассудку дай взнуздать мечты
И вверь ему свою затею.
Откройся другу, если он
Не юн, не холост и умен.

Что хочешь, ей ты можешь петь,
Но избегай цветистой речи,
Не то она почует сеть –
Волк видит волка издалече.
Скажи впрямую, что, любя,
Готов отдать всего себя.

Пусть разозлится – не беда!
Мирись до ночи с миной строгой:
Она раскается тогда,
Что притворялась недотрогой,
И дважды сдастся, и к утру
Попросит повторить игру.

Пусть в ней бушует лютей гнев,
Пусть оскорбились разум, чувства,
Бедняжка молвит, ослабев
Пред силой твоего искусства:
"Будь женщина, как вы, сильна,
Вовек бы не сдалась она".

Не бойся и кривых путей,
Будь щедр, особенно сначала,
Чтобы о щедрости твоей
Молва ей уши прожужжала.
Любую башню, крепость, вал
Дождь золотых кружочков брал.

Чтоб одолеть наверняка,
Служи, как рыцарь без упрека.
Не уходи к другой, пока
Не отыскал в своей порока,
И в подходящий миг на риск
Иди, какой бы ни был визг.

А.Аникст. Примечания к тексту "Песен для музыки"

Этот раздел обязан своим появлением тому, что, печатая "Страстного пилигрима", Джаггард перед этой группой стихотворений поместил титульный лист с заглавием "Песни для музыки", что мы и воспроизводим, как это принято в современных научных изданиях. Об авторстве стихотворений цикла данные таковы:

1. Автор не установлен. Может быть, Роберт Грип (1560?–1592).
2. Шекспир. Песня Дюмена из "Бесплодных усилий любви" (IV, 3).
3. Автор неизвестен. До появления в данном сборнике стихотворение было напечатано в собрании "мадригалов" Томаса Уилкса (1597), однако Уилкс был не поэтом, а композитором, имя же поэта в том издании не было названо.
4. Автор не установлен.
5. Кристофер Марло (1564–1593), поэт, драматург, автор трагедии "Тамерлан", "Трагическая история доктора Фауста", "Мальтийский еврей", "Эдуард II". "Ответ", заключающий стихотворение, написан другим автором, вероятно Уолтером Рэли (1552?–1618), государственным деятелем, полководцем, мореплавателем, историком и поэтом. "Ответ" существует в более полных вариантах.
6. Ричард Барифилд. Это стихотворение напечатано в его книге "Стихотворения в разных настроениях" (1598).

песни из пьес [63 – перевод Григория Кружкова]

ПЕСЕНКА ШУТА

из «Двенадцатой ночи»

Когда я был совсем еще мал,
Дуй, ветер, дождь, поливай! –
Я много дров уже наломал,

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
И где уж грешному в рай!

Когда я взрослых годов достиг,
Дуй, ветер, дождь, поливай! –
Я другом стал воров и плутыг,
И где уж грешному в рай!

Когда жениться я пожелал,
Дуй, ветер, дождь, поливай! –
Сказали мне: убирайся, нахал,
И где уж грешному в рай!

Когда я вновь завалился спать,
Дуй, ветер, дождь, поливай! –
Башкою спьяну сломал я кровать,
И где уж грешному в рай!

Актеры устали, кончать пора,
Дуй, ветер, дождь, поливай! –
А завтра будет другая игра,
И где уж грешному в рай!
Песня коробейника
из «Зимней сказки»

Когда нарциссов первых стрелки
Выглядывают из-за пня,
И – тира-лира – свиристелки
Трезвонят с каждого плетня,

И – тира-лира – перерыва
Не знает певчая душа,
И воздух слаще кружки пива,
Хотя и кружка хороша,

И слышен в небе шум весенний –
Тилира-лира – день-деньской,
Приятно повалиться в сене
Тогда с девчонкой хуторской!

ПОГРЕБАЛЬНАЯ ПЕСНЯ

из «Цимбелина»

I

Ни хлад зимы, ни лета зной
Тебе отныне не страшны:
Ты расточил свой дар земной
На все четыре стороны.
Прощайся с солнышком и слазь,
Как трубочист, во тьму и грязь.

II

Ни гнев царя, ни ложь раба
Не властны над душой твоей.
Ждет та же смертная судьба
Царей, псарей и лекарей.
Прекрасных юношей и дев
Зовет земли насытый зев.

III

Ни молнии ужасный вспых,
Ни грома страшного раскат,
Ни жуткий вой зверей лесных
Тебе отныне не грозят.
Все, чем ты жил в любви, в мечтах,
Все это обратится в прах.

Хор:

Колдун тебя не сглазит,
И бес не напроказит,
И дух ночной не тронет,
И леший не застонет.
Покойся безопасно:
Зло над тобой не властно.

Стихотворения

Н. П. Огарев

Из Уильяма Шекспира [54 - Уильям Шекспир. Библиографический указатель русских переводов и критической литературы на русском языке 1976-1987 м, ВГИБЛ, 1989 ОСР Бычков М.Н. [mailto: bmh@lib.ru](mailto:bmh@lib.ru)]

ПЕСНЬ ОФЕЛИИ

I

Средь толпы – кем я любима,
Как узнать бы мне того?
По одежде ль пилигрима,
По сандалиям его?

Ведь он умер – вы не знали?
Ведь ушел, ведь умер он.
В головах все дерн настлали,
В ноги камень положен.

Саван бел, как снег нагорный,
Сам он убран весь в цветах;
Так он лег в могиле черной,
А любовь по нем в слезах.

II

День святого Валентина?
С раннею зарей
Этот день пришла девица
Праздновать с тобой.

Он проснулся и оделся,
Дверь ей отворил,
От себя ж ее девицей
Он не отпустил.

Ах, святая Катерина!
Дурно ведь оно.
Вот мужчины! все такие, –
Право, им грешно.

"Ты меня ведь обещался
Взять себе женой?"
Он отвечает:
"Я и взял бы, да напрасно
Ты спала со мной".

III

В гробу его открыто проносили,
Гей но нонни! нонни, гей нонни!

Шекспир У. Поэмы и стихотворения filosoff.org
И много слез в могилу уронили.

IV

Ужель он не вернется?
Ужель он не вернется?
Нет! уж умер он,
Лег на долгий сон,
Он больше не вернется!

Был он с белой бородой,
Мягко локон завитой:
Он ушел в свой темный дом.
Что ж и плакать нам по нем?
Боже, душу упокой!

Песня могильщика

Я смолоду любил, любил,
Мне сладко было это,
Я чудно время проводил:
Да тут и дива нету.

А старость и пришла тайком,
Да в когти и забрала,
Да в даль и увезла потом –
Меня как не бывало.

Лопату взяли б, заступ, лом,
Да крышкой бы накрыли,
Да яму вырыли б потом,
Вот гостя б угостили.

ПЕСНИ ДЕЗДЕМОНЫ

I

В тени сикимора бедняжка сидела, вздыхала,
Пойте про иву зеленую!
Рука на груди, голова на коленях лежала,
Пойте про иву, про иву, про иву!
Струи свежих вод перед ней ее пени роптали,
Пойте про иву, про иву, про иву!
Горючие капали слезы и камни смягчали,
Пойте про иву, про иву, про иву!
Пойте: должна быть венком мне зеленая ива!

II

Его не браните, презренье его справедливо, –
Любовь мою как-то притворной любовью звала я, –
И что ж он сказал мне?
Пойте про иву, про иву, про иву...
чем больше он женщин возьмет, тем с мужчинами больше б

спала я.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,
недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!